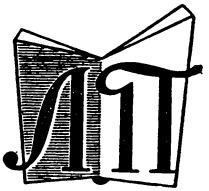
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Литературные Памятники



شاہنامۂ اردو

ФИРДОУСИ

ШАХНАМЕ

ТОМ ТРЕТИЙ

ОТ СКАЗАНИЯ О БИТВЕ РОСТЕМА С ХАКАНОМ ЧИНА ДО ЦАРСТВОВАНИЯ ЛОХРАСПА

ПЕРЕВОД Ц.Б. БАНУ-ЛАХУТИ
КОММЕНТАРИИ А.АЗЕРА
и Ц.Б. БАНУ-ЛАХУТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1965

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Академики: *В. П. Волгин*, *Н. И. Конрад* (председатель), *М. П. Алексеев*, *В. В. Виноградов*, *С. Д. Сказкин*, *М. Н. Тихомиров*;
члены-корреспонденты АН СССР: *И. И. Анисимов*, *Д. Д. Благой*, *В. М. Жирмунский*, *Д. С. Лихачев*, *А. М. Самсонов*;
член-корреспондент АН Таджикской ССР *И. С. Брагинский*;
доктора филологических наук: *А. А. Елистратова*, *Ю. Г. Оксман*;
доктор исторических наук: *С. Д. Утченко*;
кандидат филологических наук: *Н. И. Балашов*;
кандидат исторических наук *Д. В. Озноби шин* (ученый секретарь).

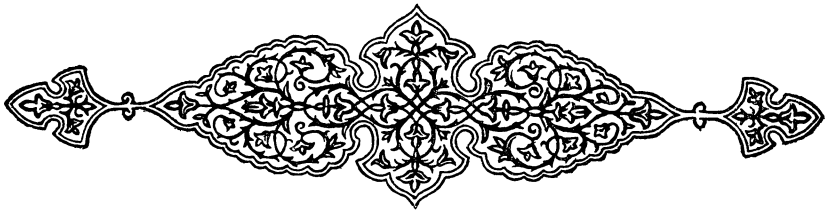
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Н. БОЛДЫРЕВ

От редакции

Предшествующий том полного перевода «Шахнаме» вышел в 1960 г. За истекшее время понесена тяжелая утрата: скончался комментатор перевода и ответственный редактор второго тома А. А. Стариков. Работу над третьим томом коллектив осуществил при участии ответственного редактора профессора А. Н. Болдырева.

Предлагаемый третий том содержит: стихотворный перевод «Шахнаме» от сказания о битве Ростема с хаканом Чина до царствования Лохраспа, выполненный Ц. Б. Бану-Лахути под редакцией А. Азера;
комментарии А. Азера и Ц. Б. Бану-Лахути;
аннотированный географический, именной и предметный указатели.

Принципы работы над предшествующими томами в основном сохранены и в настоящем издании.



КЕЙ-ХОСРОВ

(*Продолжение*)

[СКАЗ О БИТВЕ РОСТЕМА С ХАКАНОМ ЧИНА]

[*Хакан узнает о гибели Камуса*]

[32473] О мудрый, избравший дорогу добра! *
Йезданово имя восславить пора *.
Он души людей к совершенству зовет,
Он создал небесный вертящийся свод.
Промчится твой век, и не в здешней, земной —
Покоя дождешься ты в жизни иной.
Прислушайся к слову дехкана теперь *
И сердцем старинному сказу поверь...
Дошло до царя, в чьем владении Чин,
[10] Что пал в поединке Камус-исполин *.
Кушана и Шугна, и Балха войска
В смятенье. Мужей охватила тоска,
Они вопрошают друг друга: «Да кто ж *
Тот витязь, бойцов повергающий в дрожь?
Как звать непоборного мужа того,
С ним в битве кому суждено торжество?»
Пиран-предводитель Хуману твердит *:
«Сегодня сраженьем по горло я сыт.

Как ринуться нашим воителям в бой,
Коль пал в поединке великий герой,
Который еще не бывал побежден,
Которому равный на свет не рожден!
Когда на Камуса набросить аркан
Решился неведомый тот великан,
Он мог бы в бою, жаждой мести палим,
Слона опрокинуть ударом одним!»
Воители Чина, к хакану придя,
Оплакали горько Камуса-вождя.
В печали Пиран речь такую ведет:
«Затмивший величьем лазоревый свод!
Сам был ты на поле сраженья того,
С начала и до завершенья его.
Подумай теперь о спасенье дружин,
Но скрой свои замыслы, действуй один.
В стан вражий лазутчиков ловких пошли,
Им витязя имя узнать повели.
Увидим, кому среди нас по плечу
Ответить на вызов тому силачу,
Тогда, не щадя своих жизней, опять
В бою попытаемся с ним совладать».
Речь выслушав, так отвечает хакан:
«Тревогой безмерной и я обуян.
Кто витязь тот мощный, героев глава,
Что петлей в борьбе настигает и льва?
Увы, пред лицом равнодушной судьбы
Бессмысленны жалобы, тщетны мольбы.
Для смерти рождаемся все мы на свет,
Не спросят: желанна она или нет.
Слонов повергающий в битве — и тот
От круговращенья судеб не уйдет.
Но полно скорбеть о воителе том,
Что пал заарканенный лютым врагом!

Я также арканом настигнуть клянусь
Того, кем сражен именитый Камус.
Кровавой рекою затопим Иран,
Чтоб радостью был Афрасьяб осиян!» *
Храбрейших избрав из своих удальцов,
В разведке искусных и стойких бойцов,
Велит: «О невиданном этом стрелке,
Грозящем погибелью нам смельчаке
Все вызнайте: имя и край, и родство,
И справа ли, слева ли место его
Средь вражеской рати. Нагрянем тогда,
И недруга злая постигнет беда».

[*Битва Ченгеша с Ростемом*]

Тут вызвался подвиг отмщенья свершить,
Готовый хакану усердно служить,
Ченгеш-честолюбец, бесстрашный герой,
Не ведавший устали бранной порой.
Сказал он царю: «Предводитель мужей!
Мир щедростью ты покоряешь своей.
Вернусь, торжествуя, врага одолев,
Хотя бы он был кровожадней, чем лев,
Оружие с ним в поединке скрещу
И славу Ирана в позор обращу.
Сперва за Камуса отмщу я мечом,
А недруга имя узнаем потом».
Ченгеша хвалою почтил властелин,
И, низко склонясь, услыхал исполин:
«Когда совершится жестокая месть,
Тебе окажу я высокую честь
И щедро притом награжу, чтобы впредь
Лишений вовеки тебе не терпеть».
И тотчас, хлестнув боевого коня,

Понесся Ченгеш, словно демон огня.
Приблизясь к иранскому войску, ездок
Стрелу из колчана мгновенно извлек
И крикнул: «Сразиться пришел мой черед.
Погибнет, кто биться со мною дерзнет!
Камуса сразивший в бою великан,
Чьей длани послушны стрела и аркан,
Пусть выйдет на битву со мной! Без труда
Я с войском его разлучу навсегда» *.
Вдоль строя он скачет и громко зовет:
«Да где ж незнакомец воинственный тот?»
И вот уж на Рехше Ростем с булавой *,
И грянул Могучего клич боевой:
«Вот я, ниспровергший свирепого льва!
Со мною аркан мой, булат, булава.
Я прахом глаза и тебе, удальцу,
Засыплю, как прежде Камусу-бойцу!»
И слышит: «Скажи, ты из рода чьего?
На нас ополчился во имя чего?
Узнать бы, кто рухнет, поверженный мной,
Когда в поединке пыль встанет стеной».
«Злосчастный! — Ченгешу ответил Ростем,—
Могу ль не смеяться над деревом тем,
Которое цветом столь жалким цвело
И плод столь убогий, как ты, принесло.
Что имя! Зови своей смертью меня.
Твоя тебе саваном станет броня».
Ченгеш, оснастив богатырский свой лук,
На витязя яростно ринулся вдруг,
И ливнем обрушились стрелы; но где ж
Им сладить с броней исполина! Ченгеш
Кричит: «Погоди, не спеши, удалец!
Пресытишься битвой, твой близок конец».
Ростем, опасаясь, что будет пробит

Стрелой его панцирь, вздымает свой щит.
Смутился Ченгеш: перед ним великан,
Могучий и статный, что в роще платан.
Под стать и скакун, на котором герой
Сражается; скажешь, гора под горой.
«Не лучше ль,— подумал Ченгеш,— отступить,
Чем в битве неравной себя погубить?»
Коня повернул он и вихря быстрей
Назад устремился к дружине своей.
И яростной жаждою мщенья зажжен,
Могучий несется Ченгешу вдогон.
Поднялся на поле неистовый крик,
Когда беглеца именитый настиг.
На полном скаку, стан могучий склоня,
За хвост он Ченгешева дернул коня
Двум ратям на диво. Беглец изнемог,
Беспомощно рухнул с седла на песок.
Упал с головы побежденного шлем;
Напрасно пощады он просит. Ростем
Напал на него и мечом поразил,
И рухнул туранец, и дух испустил.
Иранцы хвалу воздают силачу:
Любая победа ему по плечу!
И по полю витязь победно летит,
И дротик в руке богатырской блестит.

[*Хакан посылает Хумана к Ростему*]

Коварство судьбы проклинает хакан;
И слышит воитель туранский Хуман
Слова его, полные смертной тоски:
«Мы роком безжалостным взяты в тиски.
О муж проницательный, войска оплот!
Дознайся, кто витязь таинственный тот».

Ответ был: «Попробую, хоть устрашен —
Ведь я не стальной, не сильнее, чем слон *.
Не знали мы равных Камусу мужей,
Подобных ему храбрецов, силачей,
И все же тот витязь Камуса поверг —
Какой бы с ним рядом герой не померк?
Увидим, решенье судьбы каково,
На поле кому суждено торжество».
К шатру своему устремившись затем,
Сменить поспешил он сверкающий шлем,
Стяг выбрал другой и другого коня,
И щит уж не тот, и другая броня.
Лик пряча, к Ростему несется Хуман *;
Его богатырские плечи и стан
Увидя, воскликнул: «О грозный боец,
Рождался ли равный тебе удалец?
Не ведать мне благоволенья царя,
Коль знал я подобного богатыря!
Не вижу я здесь, в этой рати большой,
Второго, с такою отважной душой,
Кто был бы так сильно к сраженьям влеком,
Кто мог бы отвагой поспорить со львом.
Любуюсь тобою, воинственный муж *,
Владеющий силою тигра к тому ж!
Коль имя и племя свое назовешь,
И родичей славных, и край, где живешь,—
Покой обретет мой встревоженный ум,
Избавишь меня от сомнений и дум».
Но тут богатырь вопрошает: «А ты,
Представший в обличье самой доброты *,
Ты сам, отвечай, не назвал отчего
Ни рода, ни племени мне своего?
Беседы со мной добиваться к чему,
В медовых речах разливаться к чему?

Коль ищете мира для этой страны,
Стремитесь избавить ее от войны —
Немедля нам выдайте витязей тех *,
Кто на душу взял столь чудовищный грех,
Столь жгучею болью сердца нам пронзил,
Царя Сиавуша злодейски сразил *.
Напомню бесчестных убийц имена *:
Да сгинут, да будет их доля черна!
Мужей назову, что от Тура ведут *
Свой род, поджигателей распрей и смут.
Вождя Герсивеза — того, кто вражду *
Посеял и вверг нашу землю в беду;
Горуя, которому правда чужда,—
Да будет забыт его род навсегда!
Раздорам врата растворили они,
Царя Сиавуша сгубили они,
Коварным наветом его очернив,
В груди Афрасьябовой гнев распалив.
О тех, кто сражался, враждой обуян,
Хоть зла не чинил им вовеки Иран,
Напомню — о витязях рода Висе *,
Они двоедушны, неправедны все:
Лехxак, Фершидверд, Нестихен-великан,
И ярый Гольбад, и свирепый Хуман.
Плененных бойцов и коней дорогих,
И злато, и груды сокровищ других,
В Иране захваченных, нам отошли —
Тогда воевать против вашей земли
Не стану, вам в дружбе святой поклянусь,
Навеки и мир заключим и союз;
Оставлю в покое туранскую рать,
Не стану воителей кровь проливать,
В столицу известье о мире пошлю
И в сердце властителя гнев утолю;

Пред ним лиходеи предстанут, и он,
Быть может, простит их, душою смягчен.
Исполните все, что сказал я, тогда
Погаснет навеки былая вражда.
Дорогу в Туран загражу я войне,
Не будете больше нуждаться в броне.
Но если вы станете спорить со мной,
Я снова на край ваш нагряну войной,
Его сокрушу, обреку на разгром!
Клянусь Кей-Хосровом, великим царем *,
Погибнут и грозный Шенголь, и хакан *,
И все, чьей отвагой прославлен Туран!
Ты видел, как в битве крушу я врагов,—
Таков мой закон, и обычай таков.
Я витязь иранский, разящий мечом,
Мне лютого тигра сразить нипочем!
Сильнейших мужей повергал я в боях,
И черным окутал их саваном прах.
Не вел я доныне подобных речей,
Лишь брани искал да бряцанья мечей.
Ты в памяти эти слова удержи
И в стане туранском о них расскажи».
Внимает Хуман, опечален, убит,
В испуге, что ивовый лист, он дрожит.
Постигнув из слов исполина вину
Сородичей — тех, кто затеял войну,—
В ответ восклицает: «Опора мужей!
На поле сраженья ты тигра страшней.
С такою осанкой и силой под стать
Тебе на иранском престоле блистать.
Ты, верно, великий боец-исполин
Иль вождь именитый иранских дружин.
Об имени ты вопрошаешь моем;
Не знаю, меня заподозрил ты в чем.

Кухкашем зовусь я, о славный боец *,
Отважный воитель Буспас — мой отец.
К туранцам я прибыл из дальней страны,
Как воин примчался на поле войны.
Тебе я открыл свое имя и род,
Назваться теперь наступил твой черед.
Кто ты, я желаю узнать потому,
Что внять я призыву хочу твоему.
Лишь имя узнаю — с тобой распрощусь
И радостно в ратный свой стан возвращусь.
Все то, что из уст я услышал твоих,
Скажу пред собраньем мужей боевых.
Наказ твой узнают Меншур и хакан *,
И все меченосцы, кем славен Туран».
«Не спрашивай имени,— молвит Ростем,—
С наказом отправься к воителям тем.
Грущу о Пиране, скажу лишь одно —
К почтенному жалостью сердце полно.
Достойнейший витязь туранских дружин,
Он смерть Сиавуша оплакал один.
Навстречу мне пусть богатырь поспешит,
Увидим, что рок всемогущий решит».
«О доблестный муж,— вопрошает Хуман,—
Зачем тебе надобен славный Пиран?
Как ведомы стали тебе, расскажи,
Горуй и Гольбад, и другие мужи?»
Ответ был: «Что длить бесполезную речь!
Ведь реку ты вспять не заставишь потечь.
Ты видишь, дано тебе ныне решить —
Быть ныне сражению или не быть».

[*Пиран совещается с Хуманом и хаканом*]

Хуман, побледнев, беспокойством объят,
Коня повернул и понесся назад.
К Пирану воззвал он: «О славный, беда,
Твоя не померкла бы ныне звезда!
Нас ждет поражение, гибель нас ждет:
Ростем — вот кто витязь воинственный тот!
Речь слушал мою, говорил он со мной;
Из прошлых обид не забыл ни одной.
Вначале, о брат мой, назвал он меня,
В беде, Сиавуша постигшей, виня.
О брани, о днях разрушений и зол,
О грозном возмездии речи он вел,
О славном Бехраме и многих сынах *
Гудерза, поверженных нами во прах.
И только тебя, именитый, жалел,
Назвав твое имя, лицом просветлел.
Из нашей дружины тебя одного
Зовет он, не ведаю я для чего.
Тебе, на коне исполинском своем,
С тяжелою палицей, с длинным копьем
Предстанет он в тигровой шкуре, в броне * —
Утес на утесе, иль слон на слоне!
Тебе не солгу я: героя клинок
С губительным пламенем спорить бы мог.
Прикован он к месту досель своему,
Ты видишь, он ждет, поспеши же к нему,
Но будь поучтивее — вот мой совет,
Меч в ножнах держи, горячиться не след».
«О славный,— Пиран отвечает,— истек,
Как видно, мне роком отпущенный срок.
Коль этот разящий мечом исполин —
Ростем, не спасется из нас ни один.

Застонет наш край, сокрушенный бедой.
Мы, верно, покинуты светлой звездой».
К хакану Пиран устремился в слезах,
В израненном сердце тревога и страх.
«О царь,— восклицает он,— в битву не рвись!
Иные теперь времена начались.
Недаром Камуса постигла беда,
Мне в грудь подозренье закралось тогда,
Что воин с арканом губительным тем,
Столь схожий с железною башней,— Ростем.
И див изнемог бы от хватки его! *
Он войско сметет, как бойца одного.
В сравненье с Могучим ничтожен и слаб *,
Стрелу его видит и в снах Афрасьяб.
Забулом владел тот прославленный муж *,
Был с детства питомцем его Сиавуш
В сражениях, гневом отцовским объят,
Он страшен, пред ним исполины дрожат *
Знай, встретиться вздумалось нынче ему
Со мною одним — для чего, не пойму.
Разгадку узнаю при встрече. Пойду,
Хоть сердцем встревоженным чую беду».
Пирану хакан отвечает: «Иди
И речь дружелюбную с ним поведи.
Коль мир и добыча желанны ему —
Дружине томиться на поле к чему?
Сули победителю щедрую дань,
Не время нам думать про мщенье и брань.
А если не сбросит он панциря с плеч
И в ножны не вложит свой мстительный меч,—
Исполнясь отвагою, схватимся с ним;
Он ужас изведает, нами тесним.
Мы силой, дарованной правым творцом,
Ростема повергнем, на смерть обречем.

Ведь он не железный, не каменный он *,
Из плоти и крови, как все, сотворен,
Не с неба он в битве заносит копье;
К чему же терзаешь ты сердце свое?
В сраженьи, поверь, и Ростем уязвим,
Страшны ему меч и праща, как другим.
Нас много, по триста на недруга — что ж
Страшиться? Напрасно себя не тревожь!
Забулец, хоть сила его и славна,
В сражении все ж не осилит слона.
Коль двину слонов устрашающих в бой *—
Ему уж не биться со мной и с тобой!»
«Тебя, властелин,— отвечает Пиран *,—
Народы почтут, возвеличит Йездан».

[*Встреча Пирана с Ростемом*]

Но встреча грядущая все же страшит
Пирана; в раздумье на зов он спешит.
Приблизился к стану иранских дружин
И кличет: «Эй, жаждущий битв исполин!
Я слышал, меня из туранских мужей
Избрал ты для встречи. По воле твоей
Сюда я летел, загоняя коня.
Скажи, для чего призывал ты меня?»
Услышав героя туранского зов,
Навстречу ему из иранских рядов
Несется, надвинув сверкающий шлем,
Прославленный доблестью витязь Ростем.
«Туранец,— Ростем вопрошает,— ты кто?
Ответствуй, сюда привело тебя что?»
В ответ он услышал такие слова:
«Пиран я, туранского войска глава.
Хуман, сын Висе, говорил мне о том,

Что звал ты меня, поминая добром;
И сердце горит нетерпеньем: скажи,
Как в мире тебя величают мужи?»
«Ростемом зовусь я, — ответил герой, —
Броня и булат неразлучны со мной».
Туранец при имени богатыря
Склонился пред ним, славословье творя.
Речь начал Могучий: «Тебе мой привет!
Ты мог бы, о славный, быть солнцем воспет.
Приветствует ныне тебя Кей-Хосров,
Оплот и надежда иранских бойцов,
И царская мать, Афрасьябова дочь *,
Которой ты грезишься каждую ночь».
«О витязь могучий,— ответил Пиран,—
Да благословят тебя мир и Йездан!
Да будешь подателем благ вознесен!
Твой перстень да правит теченьем времен!
С тобой повидаться судьба привела.
Йездану — щиту и опоре — хвала!
По-прежнему в добром ли здравье, скажи,
Стяжавшие добрую славу мужи:
Дестан, Ферамарз молодой, Зеваре * —
О каждом поведай мне богатыре.
Как низший, пеняющий высшему, все ж
Скажу, коли дерзостью ты не сочтешь:
Я древо взрастил — в нем не благо, а зло,
Оно мне отравленный плод принесло;
Лелеял, слезами его поливал,
Богатство и душу ему отдавал,
А ныне сбираю губительный яд,
Страданья жестокие сердце когтят.
Во мне Сиавуш не отца ли нашел:
Его ограждал я от бедствий и зол,
Владенья и дочь ему отдал, придать *

Надеясь величие роду. Где зять?
Где дочь? Пали жертвой и та, и другой.
Ужели достоин я доли такой!
И гнев Афрасьяба снести мне пришлось,
Немало я пролил сжигающих слез.
В свидетели звать нам Йездана не след,
И все же свидетель мне правый Изед:
Хоть долгое время с тех пор протекло
И время с судьбой примириться пришло,
А все еще полнится плачем мой дом,
И скорбь неизбывная в сердце моем.
Кровавые слезы я лью из очей,
Спасенья искать принужден у врачей.
Содеяв добро, стал я жертвой невзгод,
Жестоко меня покарал небосвод.
Узнав о конце Сиавуша, от дел
Державных ушел я. Сколь тяжкий удел
Меж двух властелинов, затеявших спор,
Метаться, изведать печаль и позор!
От смерти я спас Ференгис — ведь отец
Ей в злобе готовил кровавый конец.
Страдалицу в доме своем я укрыл,
Ее неизменным защитником был.
А ныне погибель сулите вы мне,
Виновников выдать велите вы мне.
Тесним я, о славный, с обеих сторон,
Угрозой двойною покоя лишен.
Могу ль от царя Афрасьяба уйти?
Найду ль на чужбине к спасенью пути?
Я связан, заботой душа смущена;
Ведь здесь мои земли, стада и казна.
Немало и жен у меня, и сынов;
За них я в ответе — мой жребий суров.
Когда воевать повелит Афрасьяб —

Забуду о сне, верноподданный раб,
Вновь знамя войны пред бойцами взметну,
Веленье царя преступить не дерзну.
Но впору, поверь, обо мне пожалеть,
Не мщения жаждать и гневом гореть.
Повержен мой брат, незабвенный Пильсом*,
О юноше плачу я ночью и днем.
О многих утраченных слезы я лью,
Могучих, не ведавших страха в бою.
Твердить о богатствах, о близких к чему —
Погибель теперь мне грозит самому!
Тебя заклинаю великим творцом:
Со мной не враждуй! Не повинных ни в чем
Моих не преследуй родных, сипехбед *,
Побойся дарителя благ и побед!
Душой Сиавуша клянусь, для меня
Смерть ныне желанней, чем меч и броня.
Коль двинем в сражение наших бойцов —
Знай, вырастет в поле гора мертвецов.
Все земли до Синда-реки — Хиндустан,
Саклаб отдаленный, и Шугн, и Кушан —
Войска отрядили на поле войны,
Но пред Сиавушем они не грешны.
Не должно упорствовать дольше; по мне,
Нам мир предпочесть подобает войне.
Как судишь об этом? Твой разум ясней,
Ты мужеством, опытом ратным сильней».
Окончил и ждет, что теперь сипехбед
Ответит. Но был нежеланным ответ,
Гласил он: «С тех пор, как грохочут бои,
Как царь мне доверил дружины свои,
Я видел: один меж туранских бойцов *
Ты, мудрый, внять голосу чести готов.
Поймет даже барс, житель диких высот,

Что схватка страданья и беды несет.
Но если ведет нас священная месть,
Не мир, а войну мы должны предпочесть.
Коль хочешь от брани избавить свой край,
Ты два обещания твердых мне дай.
Одно — что безжалостных цареубийц,
Разжегших меж нами вражду кровопийц,
Ты выдашь Хосрову; душою велик,
Быть может, простит их владыка владык.
Не место им ныне на поле войны,
Убившим благого царя без вины!
Второе — что вместе со мною потом
Предстанешь ты перед Хосровом-царем.
Верь, все что оставишь, все, чем ты богат,
Хосрову служа, приумножишь стократ.
Решись, богатырь: новый выбери путь,
Туранскую землю и войско забудь!»
«Не так это просто,— подумал Пиран,—
Уйти к Кей-Хосрову, покинуть Туран.
К тому же убийц молодого царя
Он требует, жаждою мести горя.
Они же знатны, Афрасьябу близки,
Богаты, владения их велики.
Как столь безрассудную речь я начну?
О том и обмолвиться я не дерзну.
Повергшие столько Гудерзовых чад
Мужи — Фершидверд, и Хуман, и Гольбад.
Владыке Ирана кто б выдать их мог!
Нет русла, что приняло б этот поток *.
Мне следует ныне о благе своем
Подумать, своим устремиться путем!»
«О витязь,— Ростему Пиран говорит,—
Души твоей светоч пусть вечно горит!
Сначала про все я мужам доложу,

Меншуру, Шенголю, хакану скажу.
Помчится гонец к Афрасьябу, и тот,
Быть может, очнется и правду поймет».

[*Туранцы держат военный совет*]

Примчался стремительней вихря в свой стан
И родичей всех созывает Пиран,
Чтоб тайну открыть им; он так говорит:
«Нам после величья паденье грозит.
Узнайте, тот воин свирепый — Ростем,
Он здесь на погибель, на горе нам всем.
С Ростемом герои забульской земли,
Мужи-исполины кабульской земли;
И Гив, и Гудерз, сын Гошвада, и Тус... *
Страшусь пораженья, позора страшусь!
Ведь если Ростемом возглавлена рать,
Сильнейшим воителям не устоять.
Одних лишь виновных он выдать велит,
Безвинным туранцам пощаду сулит.
Но кто здесь безвинен, скажите; Хосров
Кем в сердце не ранен из наших бойцов?
Страшусь я, что будет Туран разорен,
Иранцам в добычу достанется он.
И старых, и юных — всех скосит война,
Все сгинет — и рать, и престол, и казна...
Твердил я злодею, в чьей власти наш край:
„Себе на погибель с огнем не играй!
Ты в черных своих подозреньях неправ“.
Но словно внезапно в безумие впав,
Мои увещанья, призывы мужей
Отверг он, покорен злой воле своей.
Не внял наставленьям мудрейших и век
Владыки благого жестоко пресек.

Уж здесь не увидите впредь ни дворца,
Ни трона, ни ратных слонов, ни венца.
От счастья венчанный Хосров расцветет,
А нас только гибель бесславная ждет.
Из витязей доблестных нашей страны,
Которые знатны, богаты, сильны,
С победой никто не вернется в свой дом,
Туранскую землю постигнет разгром.
Нас кони чужие растопчут тогда,
Померкнет счастливая наша звезда.
Тоскую, душа за Хумана болит
И страх за Руина мне сердце палит *.
Их вспомнив, Могучий темнеет лицом,
Свирепою жаждою мщенья влеком.
Прощайте, к хакану теперь я пойду,
Скажу про великую нашу беду».
И тяжко вздыхая, в печаль погружен,
К властителю Чина направился он.
Сошлись у того, о возмездье твердя *,
Кушанцы из рода Камуса-вождя.
Их желтые лица увидел Пиран
В кровавых слезах — словно мак и шафран.
Сказали они: «Афрасьябу теперь
Величья и в снах не увидеть, поверь!
Построив колонны кушанских дружин,
Мы в горе и гневе воротимся в Чин.
Из Чина, затем из Берберии рать
Мы двинем — за гибель Камуса воздать.
Пришлют удальцов с булавами к тому ж
И Мазендеран, и Сегсар, и Бозгуш.
С душою Ростем разлучится тогда,
Никто и не вспомнит о нем никогда.
Пускай Афрасьяб о покое и сне
Забудет, коль ищет победы в войне».

Пришли и родные Ашкбуса, и рос *
Над шумным их сборищем ропот угроз;
Сказал бы ты, грозно к отмщенью призвал
Грохочущий в пору сраженья кимвал —
Столь горестно все возопили они;
Слезами в тоске исходили они,
И каждый взывал, жаждой мщенья томим:
«Нет, мы ни покоя, ни сна не хотим,
Пока мы Систана до тла не сожжем.
Пусть недруги плачут и ночью, и днем!
Расправимся с их ненавистным главой
Ростемом, его разлучим с головой;
Ее на копье насадив, вознесем *,
А тела сожженного пепел потом
По ветру развеем у двери его,
Нам гибель его принесет торжество».
Тем кликам в печали внимает Пиран,
Он мыслит, предчувствием злым обуян:
«Бедняги, несчастные жертвы, увы!
Томимые гневом и горестью, вы
Не знаете, что уготовил нам рок.
Для всех наступает погибели срок!»
Хакану сказал: «Затянулась война,
А мнилось, что краткою будет она.
С тем, шкурою тигра одетым вождем
Сражаться труднее, чем спорить с огнем.
Ростем против нас ополчил удальцов,
Из разных земель именитых бойцов.
Усилия наши он в прах разметет.
Увы, злодеянья губителен плод!
На горе нам всем повелитель страны
Царя Сиавуша убил без вины,
Словам Герсивеза бесчестного внял,
Грех тяжкий в неистовстве на душу взял.

Питомцем Ростема был царь Сиавуш.
Могучий, исполненный доблести муж
В отмщение за Сиавушеву смерть
На землю обрушит небесную твердь!
Ни барсова хватка, ни хобот слона,
Ни горы, ни бурного Нила волна
Могучего не опрокинут в бою,
Когда поведет он дружину свою.
Чубарый его, нагоняющий страх,
Несется, что судно в кровавых волнах.
С Ростемом возможно ль соперничать? Он
Уже причинил нам немалый урон.
С небес будто пламя низринулось вдруг,
Чтоб наши сердца задымились от мук.
Теперь на совет созови поскорей
Мобедов, испытанных богатырей *;
Другой пусть отыщут к спасению путь!
Кто в силах на мужа того посягнуть?
Не время вести о победах нам речь,
Помыслим о том, как бы жизнь уберечь.
Мы мира должны добиваться теперь,
Нам в битву не следует рваться теперь».
Речами Пирана хакан удручен;
Творца помянув, призадумался он
И молвил: «Нагрянула грозная рать,
Что делать нам, гибели как избежать?»
Царь Хинда Шенголь отвечает ему:
«Что долго раздумывать, медлить к чему?
Водою и сушей, в поту и пыли
На помощь царю Афрасьябу мы шли.
Стремительно наша победная длань
Края покоряла, сбирая с них дань.
Неслись мы, подобно воинственным львам,
И ночью, и днем не до сна было нам.

Но если вперед, словно львы, мы неслись,
Ужели сегодня, трусливее лис,
Пред дерзким сегзийцем одним трепеща *,
Отступим, сражения с ним не ища!
Так долго о силе его толковать
Позорно, к иному ты должен призвать!
Пускай нападает свирепей слона,
Пусть львов сокрушать ему сила дана,
Пусть отнял героя Камуса у нас,—
Ужели мы дрогнем, врага устрашась!
Пирана, который во мраке ночей,
Ростема страшась, не смыкает очей,
Кто доблестным мужем, скажи, назовет?
Пошлет одоление нам небосвод!
Не слон тот забулец и льву не чета,
Не так он могуч, как Пирана уста
Его описали. Сердца укрепим,
На поле бестрепетно встретимся с ним!
Лишь утро над этой равниной блеснет,
Грозя булавами, помчимся вперед.
Из луков тугих, как из тучи весной,
Пусть хлынет губительный дождь проливной
И пусть ослеплен, оглушен будет мир *
Клубящейся пылью и громом секир!
Как только я брошу воинственный зов,
Врезайтесь в ряды ненавистных врагов!
Вас больше ста тысяч мужей боевых,
Бесстрашных, лихих удальцов верховых.
Один против вас меченосец, а вы,
Не пав от меча, уж от страха мертвы!
Сегзийца на битву я вызову сам,
В бой риньтесь и вы, вздыбив пыль к небесам,
Не дайте спастись из врагов никому.
Кто дрогнет — позор и презренье тому!»

С отрадой Шенголю внимает Пиран,
Лик старческий юностью вновь осиян.
«Будь радостен вечно! — Пиран говорит,—
Не ведай на свете ни бед, ни обид!»
Хвалу властелину индийской земли
Хакан и другие вожди вознесли.
Пиран воротился к шатру своему.
Навстречу тотчас поспешили к нему
Хуман и Барман с Нестихеном; в сердцах * —
То проблеск надежды, то горе и страх.
Торопит Пирана Хуман: «Расскажи,
На чем порешили совета мужи.
Хотят ли искать к примирению путь
Иль в битве решили две рати столкнуть?»
О речи Шенголя поведал Пиран,
О том, что готовится воинский стан
К сраженью. Тревогу Хуман ощутил,
Шенголя затею в душе осудил,
Пирану ж ответил: «Увидим, что ждет
Туранцев. От рока никто не уйдет».
К Гольбаду в шатер направляется он,
Ему говорит: «Знать, рассудка лишен
Шенголь! Если виденный мною герой —
Ростем, победитель, воспетый молвой,—
Знай, в битве падут и Шенголь-великан,
И гордый Меншур, и венчанный хакан.
Нам следует с поля сраженья уйти,
Вняв разуму, рать отступленьем спасти,
Иначе для множества богатырей,
Владеющих палицей храбрых мужей
Навеки померкнет сияние дня,
И станет им саваном смертным броня».
«Разящий мечом! — отвечает Гольбад,—
Я мрачным твоим предсказаньям не рад.

Не зря ль тебе сердце тревога палит?
Быть может, иное нам жребий сулит.
Заранее нам омрачаться не след
Виденьем еще не нагрянувших бед».

[*Ростем говорит со своим войском*]

Меж тем созывает иранскую рать
Ростем, чтобы речь перед нею держать.
Внимают великого мужа словам
Тус, Гив и Гудерз, Фериборз и Роххам *,
Хоррад, Гостехем именитый, Горгин
И юный Бижен, Гива доблестный сын.
«Бойцы-исполины,— Ростем возгласил,—
Отважные, мудрые, полные сил!
Коль царь озарен благодатью творца,
Достоин престола, достоин венца,—
В бою победит он, ему не страшны
Ни тигры, ни чудища вод, ни слоны.
Что мы без Йездана? В безрадостной мгле
Блуждали бы, сирые, здесь, на земле.
Нам праведной шествовать должно стезей,
Прочь гнать от себя каждый умысел злой.
Не вечно на свете живет человек,
К чему за тщетою гоняться весь век?
Велик милосердья и правды завет,
А кривда и злоба — источники бед...
На зов мой явиться Пиран поспешил
И горечь обид предо мною излил.
Сказал, что лишь горести шлет ему рок,
Поведал мне, как Сиавушу помог,
Как после, увидя в беде Ференгис,
Помог ей из пасти дракона спастись.
Заранее, знайте, я в том убежден,

Что будет в сраженье Пиран побежден;
С ним вместе и сын, и воинственный брат,
Родные, которыми столь он богат;
А также падет Афрасьяб от руки
Царя Кей-Хосрова; Турана полки
Все, верьте, повержены будут во прах —
Мне это явилось в пророческих снах.
И все ж не хочу, чтоб рукою моей
Погублен был тот предводитель мужей,
Которому правда одна лишь мила,
В чьих помыслах нет ни коварства, ни зла.
Коль сдержит обет — подобает простить
Грех прошлый и больше Турану не мстить.
Пусть выдаст виновных, добычу сполна
Вернет, и тогда прекратится война.
Забуду о мщении после того —
Ведь мне справедливость милее всего.
Коль эти вожди на слонах боевых
И Нилу подобные полчища их
Венцы и престолы решатся отдать,
К ним больше вражды я не стану питать.
Пусть платят Ирану обильную дань,
Пускай прекратят непосильную брань!
Мы крови не жаждем. Создатель светил
И честью, и разумом нас наделил.
Сокровища мира — кто счесть бы их мог!
Но лишь справедливым пойдут они впрок».
Речь выслушав эту, поднялся Гудерз,
Сначала уста для хваленья отверз
И после сказал: «Несравненный боец!
Гордятся тобою престол и венец.
Чтим свято мы разум твой светлый, большой,
Ко благу стремишься ты чистой душой.
Нам ведомо: бранная чаша горька,

Мир сладок. Но так же, как туша быка *
Сокрыта до времени в шкуре его,
Намеренья скрыты врага твоего.
Напомню тебе изреченье одно,
С древнейших времен сохранилось оно:
Как тягостный груз ненавистен плечам,
Так правды завет ненавистен лжецам.
А если дать клятву хитрец принужден —
Нарушит ее, не задумавшись, он.
В доверии сразу лжецу откажи —
Тогда не окажешься жертвою лжи.
Припомни: однажды, в начале войны *,
Нам мирные были обеты даны.
Я сам от Пиранова слышал гонца:
Мол, ждет не дождется он битвам конца,
И дел и речей Афрасьяба стыдясь *,
Горючие слезы он льет что ни час.
Отныне Хосрову готов он служить,
Стан ратный и землю свою позабыть.
Мы свиделись тут же, и вот что Пиран
Тогда обещал: „Воротившись в мой стан,
Сородичей я созову, оглашу
Наш сговор с тобой, их согласья спрошу.
К тому ж позаботиться надобно мне
О землях своих, о стадах и казне".
„В Иране найдешь ты,— сказал я тогда,—
И княжий удел, и казну, и стада,
Коль впредь мы тебя не увидим в бою *
И царь в невиновность поверит твою.
Отбрось колебанья, сомненья отринь,
Неправедный стан поскорее покинь!"
На том порешив, разлучились мы с ним,
А в темной ночи, под наитием злым,
Пиран к Афрасьябу послал ездока:

Ира̀нцы пришли, снаряжай, мол, войска!
Слов прежних его будто стерся и след,
Он тут же нарушил свой мирный обет.
Десятое утро настало — глядим,
Он степь наводнил грозным войском своим.
Теперь и тебя, именитый герой,
Он мыслит запутать подобной игрой.
Его устрашил ты — не диво! В бою
Он видел аркан, видел силу твою.
Был первой опорой туранцев Камус,
Вождь, равный таким, как Меншур и Фертус *.
Но в битве с тобою нашел свой конец,
Настигнутый петлей, кушанский боец.
Боязнью сражений теперь обуян,
В дверь мира смиренно стучится Пиран;
Страшась, что постигнет туранцев беда,
К уловкам коварным прибег без стыда;
Тебе обещает виновных прислать,
Виновным в придачу — богатую кладь.
Увидишь: лишь грянут литавры с зарей,
И Тус с Фериборзом рать выведут в бой,
Навстречу Пиран во главе удальцов
Примчится, к сражениям новым готов.
Посулы его — вероломный обман,
Советчик один у него — Ахриман *.
Коль верить не хочешь ты этим словам,
Припомни сраженье, где пал мой Бехрам.
Уловкой своей нас Пиран удержал
На месте, а сам из засады напал.
И целое кладбище сгубленных чад
Раскинул тогда предо мной супостат.
С тех пор не смолкает мой горестный плач.
Отмщу я, клинок — мой единственный врач!»
Гудерзу Могучий промолвил в ответ:

«Ты прав, благородный, сомненья в том нет.
Туранец — Пиран, и не тайна, что он
Нам верным союзником быть не рожден.
Но с ним я сразиться не рвусь оттого,
Что помню благие деянья его.
Ему Сиавуш был признателен встарь,
Его почитает и нынешний царь.
А если он клятву нарушит свою,
Задумает встретиться с нами в бою —
Что ж, петля моя наготове, она
Настигнет, повергнет в бою и слона!
Путь мирный сперва испытать мы должны,
Быть может, удастся избегнуть войны,
А если обманет Пиран — не уйдет
От кары; беда вероломного ждет».
Хвалу от Гудерза и Туса герой
Услышал: «Не сладит и солнце с тобой!
Напрасно плетет свои козни Пиран,
Пред мыслью твоею бессилен обман.
Пусть вечно сияет Хосрова венец,
Хранимый тобою, о славный боец!»
Промолвил Ростем: «Мир под пологом тьмы.
От долгой беседы затмились умы.
Часть ночи мы будем вино распивать,
Часть ночи — готовить к сражению рать.
Что мглою сокрыто, какой нам творцом
Удел уготован — узнаем потом».
Иранцам Ростем на пиру говорит:
«Предчувствие сердцу удачу сулит.
Наутро я палицу Сама, что в бой *
Брал некогда в Мазендеране с собой,
Опять занесу, вихрем ринусь вперед,
Мой натиск не сдержат и чудища вод!
Немало престолов, венцов вырезных,

Слонов, и булав, и шатров расписных
На поле войны у врага захвачу
И рати иранской победно вручу».
Раздался приветственный клич удальцов,
Владыке приверженных славных бойцов.
На отдых направился каждый, к шатру,
Чтоб недругов грозно разить поутру.

[*Иранцы и туранцы строят свои войска*]

Венец золотой на востоке возник,
Луны затмевая бледнеющий лик.
И вот уж от взоров укрылась луна,
Как будто злоречья страшилась она.
Пред ставкою Туса грохочет кимвал,
От пыли мир словно эбеновым стал*,
Земля — что индиго, и выси темны.
Ростем облачился в доспехи войны.
Построились цепи иранских дружин,
В бой рвется отец, жаждет мщения сын.
Направо — Гудерз, искушенный в войне,
С булатною палицей, в крепкой броне.
Налево, исполнены ярой вражды,
Бойцы Фериборза сомкнули ряды.
Тус гордый ведет впереди удальцов,
Не видно земли за рядами бойцов.
Явился, возглавил воинственный строй
Оплот меченосцев, могучий герой.
А в войске другом середину хакан
Возглавил. Пыль вздыбил слонов караван.
Направо — Кондор многодоблестный; страх *
Тому исполину неведом в боях.
Кехар закаленный — на левом крыле *,
От конского топота тяжко земле.

Объехав туранское войско, спешит
К Шенголю Пиран и ему говорит:
«Тебе от Ширвана до Синда края
Подвластны, держава обширна твоя.
Ты дал обещанье: мол, двину с зарей
Свою удалую дружину на бой
И в единоборстве свирепом затем
Мной будет сражен ненавистный Ростем».
Ответил Шенголь: «Я от сказанных слов
Отречься не мыслю, сразиться готов.
С губителем витязей встречусь в бою,
Стрелой богатырские плечи прошью.
Ростему отмщу за Камуса в борьбе,
Врагов обреку злополучной судьбе!»
Забили в кимвалы, пыль встала стеной,
Разбит на три части воинственный строй;
Одна растянулась на версты; она *
Слонами могучими подкреплена.
Из чистого золота троны на них,
Из ткани китайской попоны на них.
Разубраны пышно слонов вожаки,
У всех ожерелья, венцы, кушаки
И серьги, сияньем слепящие взор,—
Из чистого золота каждый убор.
Взревела труба, запрокинута ввысь,
И с места слоны боевые снялись.
На правом крыле — тридцать тысяч бойцов,
Вздымающих копья мужей-удальцов.
На левом крыле — тридцать тысяч других,
Щиты и колчаны, и луки у них.
А главную рать со слонами ведет
Хакан; словно буря, несутся вперед.

[*Ростем укоряет Пирана*]

На поле войны выезжает верхом
Шенголь-предводитель с индийским клинком,
Денбера и Мая, и Мерга дружин
Глава; над его головой балдахин;
Направо ль, налево ль поскачет — за ним
Наездники с тем балдахином цветным.
При виде Шенголя Пиран ободрен,
Уже не трепещет пред недругом он
И молвит Хуману: «Теперь небосвод
Нам, верно, удачу в бою ниспошлет.
У нас ведь несметная, грозная рать,
Отважные витязи, тиграм под стать.
Сегодня, о доблестный, лучше тебе
Не мчаться пред войском, не рваться к борьбе.
С дружиной хакановой встань позади,
Навстречу противнику не выходи.
Коль черный твой стяг, объезжая ряды,
Увидит Ростем — не избегнешь беды.
Кто ведает, доля какая нас ждет,
Рок с нами какую игру заведет».
Хумана в тревоге покинул Пиран,
К Ростему в иранский направился стан,
С ним встретясь, воскликнул: «О доблестный вождь!
Поспорить с небесной могла б твоя мощь.
Не зная невзгод, благоденствуй всегда,
Предела твои да не знают года!
Властителю в сердце отраду вселив *,
Да будешь и впредь прозорлив, справедлив!
Я после беседы с тобою тотчас
Туранским бойцам передал твой наказ.
Поведал о подвигах дивных твоих —
Кто мог бы воспеть по достоинству их!

Я брань порицал и о мире твердил,
И доводы веские им приводил.
Но мне отвечали: „Не видим пути,
Что к миру с Ростемом бы мог привести.
Готовы мы выкуп богатый собрать,
Готовы сокровища, злато отдать,
Но выдать виновных не можем. К словам
Прислушайся нашим, подумай и сам.
Ты их подтвердишь, справедливость храня:
Виновные все — Афрасьяба родня.
Кого называл ты — все родом знатны,
И княжества им во владенье даны.
Послать их на гибель кто мог бы посметь!
При мысли такой впору вдруг поседеть.
К тому ж подкрепленье прислал нам Туран,
А также и Чин, и Саклаб, и Хетлан.
Водою и сушей несметная рать
Стеклась: Афрасьябу ли мира желать?“
Услышав укором дышавшую речь,
Сюда поспешил я — тебя остеречь.
Как бурное море волнуясь, полки
В бой рвутся — уже наготове клинки.
Царь Индии жаждет сразиться с тобой *
Индийским булатом, стальной булавой.
Но знаю: рыдать проигравших войну
Заставишь ты, силою равный слону».
Речь выслушав, гневом Ростем запылал.
«Злосчастный! — Пирану в ответ он сказал.—
К чему измышляешь уловки и ложь?
Ты ими себя от беды не спасешь.
Я слышал о низком обмане твоем:
Владыка Хосров мне поведал о том,
Как слово нарушил, как предал ты нас *;
О том же Гудерза я слышал рассказ.

Сам вижу теперь: ты умом небогат,
Ты лжи воплощенье с макушки до пят.
Падешь ты, в крови захлебнешься своей!
Зол ныне твой жребий и будет все злей!
Я думал, сыскав благодатный приют*,
Владенья царя, что коварен и лют,
Покинешь, найдешь утешенье в другом —
С пленительным обликом, светлым умом*.
Тебе, как отцу, он воздал бы почет,
Вознес бы тебя до небесных высот,
Ты вдумайся: жизни какая цена,
Коль в гибельной пасти дракона она?
Но вижу, с благой ты дороги сошел,
Шлем с барсовой шкурой парче предпочел.
С тобой препираться не стану я, знай,
Что сам ты посеял, теперь пожинай!»
«О доблестный,— слышен Пирана ответ,—
Ты — древо, чей плод благодатен и цвет.
Ты первый меж славных героев земли,
Чьи речи с твоими сравниться б могли!
Над сердцем я власть признаю лишь твою,
И душу тебе я в залог отдаю.
Еще в эту ночь поразмыслю, а там
Пойду на совет к именитым бойцам».
Умолкнув, Ростема покинул Пиран,
Но в мыслях таил он коварный обман.

[*Начало сражения*]

Пиран-предводитель вернулся к себе.
Две рати готовиться стали к борьбе.
Представ пред рядами иранских бойцов,
Могучий воскликнул: «Я к бою готов.
С грозою во взорах неситесь вперед,

Пусть ненависть каждому сердце зажжет!
Сраженье жестокое нам суждено,
Кто волки, кто овцы — покажет оно.
Недаром предсказывал мне звездочет:
В межгорье нас битва великая ждет.
Две грозных громады столкнутся, весь мир
Омоется кровью при звоне секир.
Сталь воском покажется, станет земля *
Безлюдной, о войнах забудут поля —
Так много падет в этой сече бойцов,
Борьбой закаленных мужей-удальцов.
Кто б, дерзкий, на битву ни вызвал меня,
Пребудьте в покое, заботу гоня!
По милости неба, мне брань по плечу,
Я недругу руки арканом скручу.
И вы не страшитесь туранских дружин,
Все разом ударьте по ним, как один!
Не встретить мне смертный мой час на пиру,
Коль жребий судил, что в сраженье умру.
Твердят мудрецы: в беге суетных дней
Заботься о славе лишь доброй своей.
Непрочному миру земному не верь,
Ведь это обитель кручин и потерь.
Равно, коли с разумом дух твой в ладу,
Приемли и радость, и злую беду.
Владея казною, с венцом на челе,
Ты все ж не приковывай сердца к земле!»
Бойцы, ободрясь, отвечают: «Для нас
Превыше веленья небес твой приказ.
Бесстрашно сразимся, мечами звеня,
Греметь нашей славе до судного дня!»
И вот уж вплотную две рати сошлись,
Как будто бы тучи, грозя, собрались,
И мир уподобился морю смолы.

Мечи и секиры мерцают из мглы.
Рои оперенных губительных стрел
Несутся — лик солнца от них почернел.
Во тьме наконечники копий горят,
Сказал бы, то звезд пламенеющих ряд.
С туч камни ль посыпались, загрохотав,
Иль слышится стук бычьеглавых булав *.
С алмазно-сверкающих острых мечей
Кровь каплет, сливаясь в широкий ручей.
Не счесть обезглавленных в сече бойцов,
Земля утопает в крови храбрецов.
Гудерз, поседевший в сраженьях, сказал:
«С тех пор, как я мужем и воином стал,
Не видел воочию битвы страшней,
Не слышал о сечах таких от мужей *».

[*Битва Шенголя с Ростемом*]

Шенголь возгласил перед строем бойцов:
«Готов я сражаться, губить удальцов.
Где этот сегзиец? Искусство свое
Пусть явит, копьем отражая копье*!»
Услышал Могучий Шенголя слова,
На недруга издали глянул сперва
И молвил затем: «Я иду, трепещи *!
Защиты, смотри, у бойцов не ищи!
Ведь я только схватки такой и желал,
Давно всеблагого творца умолял,
Чтоб вышел из вражьих рядов исполин
Со мною сразиться один на один.
Саклабским не сладить со мной силачам *,
Ни стали китайской, ни хиндским мечам.
Все скошены будут: Шенголь и хакан,
И те, чьей отвагой прославлен Туран!»

Приблизившись, гневно вскричал исполин:
«Презренного рода ничтожнейший сын!
Ростемом нарек меня Заль, отчего ж,
Бесчестный, меня ты сегзийцем зовешь?
Падешь пред сегзийцем, недвижен и нем,
И саваном станут твой панцирь и шлем!»
Вот пику стальную Могучий берет,
Коня погоняя, несется вперед,
Как вихрь, налетев на врага, развернув
Широкие плечи и пикой взмахнув,
Разит. Зашатался воитель в седле
И, рухнув, простерся на пыльной земле,
Но панцирь от раны его уберег.
Едва ухватился Ростем за клинок,
Как сам очутился меж вражьих мечей.
Быстрей урагана, огня горячей
Примчались, теснят его, злобой полны,
Саклаба, Турана и Хинда сыны.
Из рук его вырван, как серна у льва *,
Шенголь, меченосцев индийских глава,
Поднялся, шатаясь, и кинулся вспять,
И, страхом объятая, дрогнула рать.
Бежали туранцы, оставшись без сил *,
Немало их меч исполина скосил.
Предстал пред владевшим державою Чин
Шенголь — все лицо его в сети морщин.
«Нет, это,— он вымолвил,— не человек!
Такому под стать не найдется вовек
Героя: то слон на утесе верхом.
Всем войском нагрянем — спасенье лишь в том.
Ведь с ним состязаться невмочь одному,
Не сладить с драконом таким никому».
«Но вспомни,— ответствовал Чина глава,—
Пред боем я слышал иные слова!»

Сказал и дружину он двинул стеной,
Велит ей сплотиться громадой сплошной
Вкруг недруга, разом в тиски его взять —
Тогда, мол, заклятому не сдобровать.
Меч поднял Могучий, нахмурив чело,
И в левое вражье вклинился крыло.
Лишь только свой острый заносит булат —
Дружину сметает, всех косит подряд.
Его и слону не под силу подмять,
Пред ним и гора обратилась бы вспять.
Уж солнце померкло для витязя — он
Так тесно рядами врагов окружен.
Направлено в грудь победителя львов
Несметное множество стрел и клинков —
Казалось, стоит он среди тростника;
Кровавая хлынула в поле река.
Сто пик разрубает он взмахом меча,
Что лев на охоте, свирепо рыча.
А следом, грозя и разя, храбрецы
Несутся — иранской дружины бойцы.
Секиры и палицы гулко стучат —
Сказал бы, из тучи посыпался град.
Завалено поле телами бойцов,
Здесь руки и ноги, там груды голов.
Струями повсюду кровь алая бьет,
Пыль встала и слился с землей небосвод.
Шугнийских, индийских и чинских стрелков *,
Саклаба, Герата лихих ездоков,
Несчетных, как будто песок под горой *,
Всех в битве один опрокинул герой.
Гольбаду промолвил Пиран, омрачась:
«Недобрый на нас надвигается час!
Подобных Ростему не видывал свет,
С таким исполином тягаться не след,

Деянья его непостижны уму.
Как мог бы разумный поверить тому,
Что грозное войско в сто тысяч числом
С одним совладать не сумело бойцом?
И так уж Ростем Афрасьяба страшит,
Царь полон тревоги, не ест и не спит,
А если узнает о наших боях —
Нас ярой хулою осыплет в сердцах.
Страшусь прогневить властелина — беда,
Беда неминучая ждет нас тогда!»

[*Битва Ростема с Саве*]

Иранцам Ростем говорит: «Мы судьбой
Хранимы, удачей окончился бой.
И в нынешней битве пусть будут слоны,
Престолы, венцы и богатства казны
Добычею вашей — довольно с меня *
Подмоги Йездана да Рехша-огня!
Шугнана, Саклаба и Чина бойцам
Отныне ступить по земле я не дам.
Высокое небо врагам на беду
Для нас зажигает победы звезду.
Венчанный злодей не избегнет беды,
Пожнет он своих злодеяний плоды!
Коль силу пошлет мне творец и в бою
Рехш огненный явит отвагу свою —
Степь кладбищем сделаю я, богатырь,
Сады обращу в безотрадный пустырь.
Пусть к нашей дружине один из мужей
Помчится, летучего вихря быстрей.
Лишь с места я двинусь — таков мой наказ —
В литавры и гонги ударьте тотчас.
При громе кимвала пусть пыль от копыт
И землю и воздух в эбен превратит.

Пусть палицей тяжкой разит удалец,
Как молотом бьет по железу кузнец.
Не ведайте страха, хоть недруг могуч.
Пусть вздыбится степь, словно море. До туч
Прах черный взметните, и духом тверды,
Прорвите саклабцев и чинцев ряды!
Все следуйте взором за мною, мой зов,
Услышав, громите, крушите врагов!»
Сказал и помчался, как яростный слон,
Тяжелою палицей вооружен.
Направился к правому краю сперва,
Туда, где Кондор был дружины глава.
Напав, белый свет для врагов омрачил,
Немало с телами голов разлучил.
Примчался Камусова рода боец,
Везде побеждавший Саве-удалец *.
Он меч обнажает индийский, стальной,
Верхом разъезжает по шири степной,
Могучему вызов бросает, коня
То вправо, то влево, как ветер, гоня;
«Эй, бешеный слон! — возглашает, ярясь,—
Ты с нильской волною сразишься сейчас.
За гибель Камуса отмщу я, и впредь
Уж поля сражений тебе не узреть!»
Ростем как услышал бахвальство Саве,
Могучую длань протянул к булаве,
Сплеча размахнулся, и враг сокрушен,
Как будто безглавым на свет был рожден.
Растоптанный Рехшем, Саве навсегда
Из мира ушел, не оставив следа.
И дрогнул кушанских воителей строй —
Их знамя поверг именитый герой.
В сражении с ним не избегнуть беды,
Где Рехш пронесется, редеют ряды.

[*Ростем повергает Кехара геханского*]

На левом крыле стал Ростем нападать,
И дрогнула в страхе враждебная рать.
Кехар, предводитель геханских дружин,
Под знаменем черным; герой-исполин,
Ростема шелом вдалеке разглядев,
Охваченный гневом, взревел, словно лев.
«Сегодня,— кричит он, от ярости пьян,—
Сегзийцу отмщу я за Чин и Туран!
Я славы его не страшусь боевой,
Умею и сам я разить булавой!»
Кехар скакуна своего горячит,
Ростему навстречу скакун его мчит.
Но встретившись с непобедимым бойцом,
Он стал шенбелида желтее лицом *.
«С чудовищем этим,— Кехар рассудил,—
В бой ринуться — то же, что кинуться в Нил.
Скорее погибну, осилю навряд.
Два голоса разных во мне говорят.
Нет, вовремя вырваться, жизнь уберечь
Разумней, чем в землю прославленным лечь».
От смерти спасаясь, он кинулся вспять,
И бегство Кехара увидела рать.
В смятенье смертельном уносится враг,
Ростемов, как тополь, возносится стяг.
И вихрем Могучий несется вдогон,
Высь тьмою окутана, прах обагрен;
Нагнал и с размаху копьем поразил,
Грудь, в панцирь одетую, сталью пронзил.
И вот уже наземь повержен ездок,
Как бурею сорванный с ветки листок,
И черного стяга над ним уже нет.
Ты скажешь, Кехар не рождался на свет!

Лишь подвиг Ростема увидела рать,
Сражения пыль заклубилась опять.
Державное знамя несут и кимвал,
С Гудерзом воинственным Тус поскакал.
Во славу героя разнесся кругом
Труб медных и гонгов ликующий гром.
Ростем повелел: «Из иранских бойцов
Вы сотню пришлите ко мне удальцов,
Слонов боевых и сверкающий трон,
И жемчуг, и золото княжьих корон
Отняв у воителей Чина, отдам
Царю-победителю, нашим бойцам!»
Вот тысяча воинов мчатся. Любой —
В броне, с бычьеглавой большой булавой.
Ростем их ведет и на битву зовет:
«На недруга дружно ударьте, вперед!
Клянусь я владыкою, солнцем, луной,
Клянусь Сиавушем, землею родной —
Когда от царя, в чьем владении Чин,
Из наших бойцов побежит хоть один —
Презренного ждет лишь узилища мрак,
Железные цепи, бумажный колпак!» *
И видят бойцы: вождь их тигра лютей,
Не вырваться жертве из этих когтей!
В бой ринулись, смертью хакану грозят,
Тяжелыми копьями мощно разят.
Ростем перед войском, врагам на беду,
Доверился Рехшу, ослабив узду,
И крови потоки взметнул до луны;
Светила дивятся ему с вышины.
Над полем сражения пыль поднялась
Такая, что небо укрылось от глаз,
И тучею ветер несет ее вдаль *.
Бряцанием землю наполнила сталь,

И клики не молкнут, и копья стучат.
Бойцы, оглушенные, не отличат
Стремян от поводьев; лик солнца во мгле,
От конского топота тяжко земле,
И воздух, как негра чело, почернел.
Уж негде ступить средь безжизненных тел
И с ними навек разлученных голов.
Степь словно в броне — столько пало бойцов.
Без счета герои, в крови и пыли,
В погоне за славой костьми полегли.
Ростема призыв, заглушающий бой,
Раздался; казалось, грохочет прибой.
Кричал он туранцам: «Отнимет Хосров
Все ваши алмазы, престолы, слонов!
Ему, молодому владыке, должны
Достаться сокровища вашей казны:
Ведь равный Хосрову ни ныне, ни встарь
Еще не рождался под звездами царь.
Не та у вас сила, отвага — не та,
Не вам подобает венцов красота.
Вы будете все — и Меншур, и хакан *—
Отправлены мной к повелителю стран.
Довольно с вас жизни, дарованной мной!
Короны и перстни присвоит иной.
Оковы для рук и арканы для шей
Готовы; сдавайтесь в полон поскорей!
Иначе копытами пыль до луны
На поле сраженья взметнут скакуны».

[*Гибель хакана*].

Ростему хакан отвечает хулой:
«Умолкни, соперник надменный и злой!
Я, Чина глава, для того ли рожден,

Чтоб сдаться владыке Ирана в полон!
Сегзийский стрелок, чья презренна судьба,
Тебе ль обратить властелина в раба!»
И стрел раздается пронзительный свист;
Летят, словно осенью с дерева лист.
И стало от перьев орлиных темно —
Такое увидеть и в снах не дано.
Ростему грозящий губительный дождь
Увидел Гудерз, многоопытный вождь.
Зовет он Роххама: «О славный герой!
Ты лучников лучших две сотни построй,
С чачийскими луками в бой поведи *,
К Ростему-вождю на подмогу иди».
И Гива торопит он: «Выведи рать!
Врагу превосходства нельзя уступать.
Пора начинать наступленье. Поверь,
Раздумывать, медлить не время теперь.
На правое вражье крыло устремись,
С Пираном прославленным смело сразись.
Сказал бы, сражаются небо с землей —
Так бьется с хаканом Ростем удалой.
Вовеки добра да не будет тому,
Кто зла в день сраженья желает ему!»
Стремительней тигра Роххам между тем
Примчался туда, где сражался Ростем.
Сказал именитый Роххаму-бойцу:
«Уж силы у Рехша подходят к концу.
Коль вовсе скакун ослабеет — беда,
Я потом кровавым покроюсь тогда.
Не полчища это, а тьма саранчи!
И все ж нападай, за добычей скачи!
Слонов, слоноводов Хосрову пошлем,
От Чина и Шугна дар новый пошлем».
И грозно вскричал он: «Эй, Чин и Туран!

Воистину с вами в родстве Ахриман.
Мне вас, горемычных, обиженных, жаль,
Злосчастных, дрожащих, униженных жаль.
Иль разум у вас помутился совсем,
Иль был вам доселе неведом Ростем?
Мне, знайте, драконова пасть не страшна,
Я в смертном бою сокрушу и слона.
Еще не устали от битвы со мной?
Полечь от меча — нет вам доли иной!»
Схватив сыромятный аркан свой, Ростем
Его на луку намотал и затем
Погнал скакуна; даже лютый дракон
И тот был бы окриком тем устрашен.
Изрезав чело бороздами морщин *,
Он рвется предать посрамлению Чин.
Куда свой аркан ни закинет — тотчас
Враг валится наземь, с душой разлучась.
Лишь петля в полон супостата брала
И тот низвергался на землю с седла —
Тус, вождь победителей, знак подавал,
И гром издавали труба и кимвал.
Иранцы плененному руки потом
Вязали и в горы влекли с торжеством.
Не поле сраженья, а Нила волна!
Царь Чина в тревоге глядит со слона:
Смерть сеет вокруг львиной кожи аркан;
Что слон на горе — на коне великан.
Орла бы настиг он над горной грядой.
Дивятся герою луна со звездой.
Царь Чина посланца сыскать повелел,
Который бы речью иранцев владел.
Сказал он: «К тому исполину лети
С наказом: свирепый свой гнев укроти!
Ни Вехр, ни Чаган отдаленный, ни Чин

Для брани с тобой не имеют причин.
Свои у нас земли — и Шугн, и Хетлан.
Чужие мы, но не враги, великан!
То царь Афрасьяб, лютой злобой палим,
Не видит, огонь ли, вода ль перед ним.
Он полчища скликнул со света всего,
Но, кроме беды, не пожнет ничего.
Добыча и слава кому не нужны?
И все же, о витязь, мир лучше войны!»
Примчался к Ростему посол; на устах —
Речь сладкая, в сердце же — горечь и страх.
Сказал он: «О славный, великий боец,
Войне положить не пора ли конец?
В прошедшем хакан ведь не делал вам зла,
Которым вражда бы питаться могла.
Он мир предлагает, на мир согласись,
С кровавою распрей покончить решись.
С тех пор, как поверженКамус был тобой,
Не рвутся уж наши воители в бой».
Был краток Ростема ответ и суров:
«Отдайте престолы, отдайте слонов!
Ведь вы замышляли Иран разорить,
К чему же слова расточать и хитрить?
Знать, понял хакан, что всегда на войне
Победа и слава сопутствуют мне.
Дарю ему жизнь, а короны — мои,
Слоны, самоцветы и троны — мои».
Ответ был: «Сидящий на Рехше, смотри:
В степи еще лань не поймав, не дари! *
Хакану немалая сила дана —
Войсками, слонами равнина полна.
Кто ведает, ныне судьба для кого
Готовит в кровавом бою торжество!»
Воскликнул воинственный, Рехша погнав:

«Я — львов победитель, даритель держав!
Я грозен и рьян, мой не дремлет аркан.
Слова бесполезны, напрасен обман.
Узнает воителей чинских глава,
Могучая хватка моя какова!
Его смертоносною петлей в бою
Настигну, и жизнь проклянет он свою».
Метнул сыромятный аркан, и опять
Наездников стал он с коней совлекать.
Вот к белому мчится слону исполин,—
И смерть увидал пред собой властелин,
На нем восседавший. Железным крюком
Погнал он слона, грянул клич, словно гром,
И дротиком острым владыка взмахнул,
Прицелясь, его в исполина метнул:
Надеялся богатыря одолеть,
Бесценной его головой завладеть.
Но тщетны усилья, Ростем невредим;
Взмахнул он летучим арканом своим,
Из рук его петля скользнула едва —
И царская в петле уже голова!
Мгновенно поверг его наземь Ростем.
Злосчастному руки связали затем
И пешим погнали до Шехда-реки;
Где слон и престол, где венец и полки!
Он стражам недремлющим Туса вручен,
И грохот кимвала летит в небосклон.
Все зыбко и призрачно в мире земном,
Минутное благо сменяется злом.
Вчера вознесенный до самых небес,
Сегодня, низринутый, в бездне исчез.
То схватка, то мир, то отрава, то мед —
Таков уж от века вертящийся свод;
Иному дарует почет и казну,

Другого с небес увлекает ко дну,
Несет одному и державу и власть,
Другого бросает чудовищу в пасть.
Не друг никому и не враг никому,
Творец, он подвластен тебе одному.
Ты — бездна, ты — крайний предел высоты.
Не ведаю, кто ты, но ты — это ты.

[*Поражение туранского войска*]

Могучий тяжелой взмахнул булавой:
Ни витязь, ни воин в страде боевой
Ему не преграда. На поле меж тел
Пробраться бы даже комар не сумел.
Кровь льется рекою. Тот стонет, мечась,
А этот лежит, с головой разлучась.
Туранцев покинуло счастье, и день
Вдруг ночью сменился. Угрюмая тень
Простерлась над полем. Взревел ураган,
Светила застлал непроглядный туман.
От ужаса света не взвидевший враг
Готов устремиться в пустыню сквозь мрак.
На поле Пиран, удрученный, глядит:
Пред ним поражения горестный вид.
Мужей именитых туранской земли —
Меншура, Фертуса, хакана в пыли
Валяются стяги; дружины в беде;
Погибших и раненых груды везде.
И слышат Гольбад, Нестихен-удалец:
«Мечи опустите, сраженью конец!»
И черное знамя поникло, и рать
Глухим бездорожьем пустилась скакать.
Гив справа прорвал отступающих цепь;
Фазанью перу уподобилась степь
От пролитой крови. И вот уж во мгле

Он ищет Пирана на левом крыле.
Его не сыскал, и с дружиной своей
Вернулся к Ростему, оплоту мужей.
И дол мертвецами завален, и склон *,
И каждый воитель вконец утомлен,
Под каждым, слабея, шатается конь,
Бег долгий измучил и тяжкая бронь.
И все ж, победив, ощущают покой
И радость — ведь это в природе людской.
Вот в горный свой стан устремились бойцы,
Пред войском Ростем и его храбрецы;
Изрублены в битве щитки на конях,
Пыль с кровью на лицах, шеломах, бронях.
Пока не омылась в источнике рать,
Друг друга мужи не могли распознать.
Омылись и смыли тревогу с сердец:
Сломили, разбили врага, наконец!

[*Ростем делит добычу*]

Ростем возгласил: «Удалые стрелки!
Пора отдохнуть, развязав кушаки.
Пред ликом дарителя благ и побед
Нужды в облачении воинском нет.
Ликуя, венцами украсьте себя!
О войско мое, ни о чем не скорбя,
Создателя ревностно благодари —
Ведь живы иранские богатыри!
Лишь весть принесли властелину царей,
И мне поспешил он поведать о ней —
Мол, Туса разбили, в горах его стан,
Теснят полководца Пиран и Хуман.
От горести сердце упало во мне,
От гнева душа запылала в огне.

Узнав, что погибли Бехрам и Ривниз *,
Лицом почернел я, как дерево шиз *.
Покинул Иран и пустился я в путь,
Себе и бойцам не давал отдохнуть.
Властителя Чина узрев пред собой,
Прославленных витязей, рвущихся в бой,
А также Камуса, чья сила и стать,
И палица созданы, чтоб устрашать,
Подумал я: видно, конец мой настал.
С тех пор как я мужем и воином стал,
Не видел ни разу — поклясться готов —
Ни столько доспехов, ни столько бойцов.
Чудовища Мазендерана в ночи,
И тяжкие палицы их, и мечи
Меня не страшили, а тут, признаюсь,
Уж думал, что с милой душой расстаюсь.
Внезапно померк белый свет предо мной,
И в сердце сменилось сияние тьмой.
Творца восхваляя, повергнемся ниц,
Прольем благодарные слезы с ресниц.
То он, вседержитель, нам путь осветил
Удачею — даром небесных светил.
Молитесь ему. Да хранит нас и впредь,
Не даст пораженье в войне потерпеть!
Немедля с известием должно в Иран
Отправить гонца к повелителю стран.
Ликуя, наденет он царский венец,
И светом венца озарится дворец.
По-царски Хосров бедняков одарит,
И каждый властителя благословит.
Расстанемся ныне с оружьем своим,
Покою и пиршествам дань отдадим.
Что радость и горе! Минуют они.
Ведь наши судьбою сосчитаны дни.

Так станем отсчитывать чаши с вином,
Безжалостным жребием пренебрежем!
До полночи кубкам заздравным звенеть,
До полночи витязям славным пьянеть!
Зиждителю мира хвала! От него
И слава, и мощь, и в бою торжество.
В сей жизни мгновенной, в непрочном дому,
Тоской и тревогой терзаться к чему?»
Мужи, окружая Ростема толпой,
Твердят: «Да пребудет удача с тобой!
Страну, подарившую миру тебя,
И род твой великий мы славим, любя.
Главой до небес вознесен властелин,
Которому служит такой исполин *.
Да благословит тебя небо! Ты нас
В бою отстоял, от погибели спас.
Конец нас бесславный и горестный ждал,
Но жизнь и победу ты нам даровал».
Могучий слонов повелел привести,
Трон кости слоновой, венец принести.
Огромной трубы оглушительный гром
Разнесся на многие версты кругом.
Из кубков кеянских испили вина *,
И здравица шаху провозглашена.
Веселью Ростем и бойцы предались,
Потом, ликованья полны, разошлись.
Вот месяц, прорвав темной ночи фату,
Престол свой победно вознес в высоту.
Обходят дозорные степь и холмы.
Когда же, очищен от ржавчины-тьмы,
Рассвета клинок в небесах засиял
И встала заря, пламенея, как лал *,—
Призывы кимвала вокруг разнеслись,
Пред ставкой верховной вожди собрались.

И слово такое сказал им Ростем:
«Пирана не видно, не слышно совсем.
Пошлите воителей с разных сторон,
Пусть будет весь вражеский стан окружен».
Прославленный витязь иранской страны
Бижен устремился на поле войны,
А поле богатой добычи полно,
В безмолвие мертвое погружено.
Куда ни взгляни, громоздятся тела,
В крови утопающим, нет им числа.
Одни мертвецы, не увидишь живых
Среди опустевших шатров боевых.
С известьем вернулись к Ростему затем:
Бежали, мол, ночью туранцы. Ростем,
Разгневанный, льва разъяренного элей,
Хулой осыпает иранских вождей:
«Проступка такого простить не могу!
Знать, ум и не гащивал в вашем мозгу.
Был недруг зажат между склонами гор,
Вы ж дали прорваться ему на простор.
Не вам ли твердил я: расставьте посты
На каждой тропе, у любой высоты!
Вы сну предавались, вкушали покой,
А враг не бездействовал тою порой.
Кто праздности предан — заботы пожнет,
Кто трудится — счастья щедроты пожнет.
До сна ль предводителю рати, когда
Ирану грозит роковая беда!»
Во гневе он Туса поносит: «Скажи,
Здесь ложе иль поле, где бьются мужи?
Пускай нападают Хуман и Гольбад,
Пиран-предводитель, Руин и Пулад *,
Несметную рать за собою ведя.
Нет дела Ростему до Туса-вождя!

Сражайтесь, коль силы достанет на то!
Меня не заманит сражаться никто.
На поле сраженья врага я разбил,
А ты, нерадивый, победу сгубил.
Какая дружина, узнаем сперва,
Посты выставляла и кто ей глава?
Виновника бей по рукам, по ногам,
Нещадно карай, волю дав батогам!
Отняв у него достоянье сполна,
Покрепче связав, посадив на слона,
В столицу пошли! Уповаю, что он
По воле властителя будет казнен.
Узнай, кто хранит из иранских мужей
Добычу, и всю собери поскорей —
Будь это алмазы, слепящие взор,
Венец, иль престол, или царский убор.
Повергнуто было немало царей,
Немало прославленных богатырей,
Богатых казной покорителей стран:
Царь Хинда, царь Вехра и Чина хакан....
Для шаха должны мы дары отобрать,
А там и себя не забудем, и рать».
И вот уже созваны Тусом бойцы,
И к ратному полю спешат удальцы.
Из тронов блестящих, алмазных венцов,
Румийской парчи, золотых поясов,
Из тяжких булав, из индийских мечей,
Из луков и стрел, и брони для коней
В межгорье большая гора вознеслась.
Любуясь, дружина вокруг собралась.
Когда бы, свой лук оснастив тетивой,
Направил стрелу великан верховой —
Вершины горы не достигла б стрела,
Будь даже на ней оперенье орла.

Могучий на гору добычи глядит,
Дивится, Йезданово имя твердит
И так восклицает: «Изменчив сей мир!
За битвой кровавою следует пир.
Богатства по свету кочуют всегда,
То счастье в них скрыто, то злая беда.
Один собирал их усердной рукой —
Глядишь, услаждается ими другой.
Камус-богатырь и надменный хакан
Затеяли сжечь и разрушить Иран.
Слонами, чей тяжек воинственный шаг,
Войсками несметными, множеством благ
И мощью своей возгордясь, и числом,
Забыли они о Йездане благом,
Забыли подателя счастья и сил,
Создателя времени, места, светил.
У них было вдоволь дружин и казны,
Но жаждали большего, злобой полны.
Теперь ниспровергнутых этих вождей,
Из каждой страны именитых мужей,
К владыке отправить в оковах велю.
На спинах верблюжьих Хосрову пошлю
Венцы и престолы, и прочую кладь —
Все то, что царю подобает послать.
А войско на Канг поведу: не к лицу
В погоне за недругом мешкать бойцу.
Убийце, преступнику дать ускользнуть —
Ведь это к стыду, к поражению путь.
Нет, руки мы в черную кровь окунем,
Не править злодею в уделе своем!
Кумиропоклонника ввергну в беду,
Йездана стезею людей поведу».
Гудерз откликается: «Правда твоя.
О мудрый, живи до конца бытия!»

Ростему бойца предстояло найти,
Достойного с шахом беседу вести.
Могучий послом Фериборза избрал,
Ведь сан столь почетный тому подобал.
Сказал он послу: «Предводитель дружин!
Сын царского рода и сам властелин,
Прославленный разумом светлым своим,
Ты счастлив и счастье даруешь другим.
Посланье мое потрудись отвезти
Царю молодому; готовься к пути.
Доставь ему пленников, доблестный муж,
Богатую кладь на верблюдах к тому ж —
Короны, уборы; слонов боевых
И троны из кости слоновой на них».
Царевич Ростему ответствовал так:
«О лев, затянул я походный кушак».

[*Послание Ростема Кей-Хосрову*]

Писца искушенного кликнул Ростем,
Открыл свои думы ему и затем
Посланье, какое владыкам под стать,
Он амброй на шелке велел начертать.
В послании сказаны были сперва
Во славу творца всеблагого слова —
Создателя Солнца, Кейвана, Луны *,
Кем власть и величье владыкам даны:
«Мир, время и сферы подвластны ему,
Он путь указует душе и уму.
Хранимый его благодатью, свой край
Немеркнущей славой всегда озаряй!
Примчавшись в межгорье по воле твоей,
Застал я дружины могучих царей.
Не меньше ста тысяч разящих мечом

Бойцов насчитал бы ты на поле том:
Кушана и Шугна, и Хинда войска,
Всех стран — от Китая до Синда — войска.
От склонов Кашмира до Шехда-горы
Слоны боевые, престолы, шатры.
Но я перед силою грозною той
Не дрогнул, хранимый твоею звездой.
Дней сорок мы бились. Сказал бы ты, свет
Стал недругам тесен и выхода нет.
А каждый ведь правил обширной страной,
Престолом владел и венцом, и казной.
Фарсангов на сорок межгорья предел *
Завален кровавыми грудами тел.
Все залито кровью — холмы и поля *;
Уж негде ступить, стала топью земля.
Когда б захотел обо всем рассказать —
Посланья бы этого не дописать.
Я пленников тех, что арканом во прах
Низверг со слонов, посылаю в цепях
И с ними немало венцов и камней —
Даров, подобающих славе твоей.
А сам устремлюсь я навстречу врагам *:
За смерть Сиавуша убийцам воздам.
Горуя мечом беспощадным сражу,
Главу палача на копье насажу.
Пускай покорится тебе каждый край,
И небо, как землю, стопой попирай!»
Посланье печатью своею скрепил,
Его Фериборзу везти поручил.
Вот слон за слоном, за верблюдом верблюд
Шагают, три тысячи вьюков везут.
И рад Фериборз, сын Кавуса-царя *,
Помчаться с известьем от богатыря.
Воители славных иранских дружин

Посла провожают; Ростем-исполин
Его заключает в объятья, и князь
Льет слезы, разлукой с вождем омрачась.
Лишь черные кудри рассыпала ночь,
В свой стан возвратились, скача во всю мочь.
Вот пенятся чаши, запела струна *,
Кто пьян от напева, а кто от вина.
Хмельные, потом по шатрам разошлись,
Желания каждого щедро сбылись.
Лишь солнце, желтее динара, взошло *
И темно-лазурный покров прорвало,
Движенье пред ставкой вождя началось
И пение меди окрест разнеслось.
Собрали немало припасов, кормов,
И снова Могучий к походу готов;
В доспехи свои облачился герой,
На Рехша, что грозной казался горой,
Вскочил и дружину призвал он за ним,
Таясь, поскакать бездорожьем глухим.
Так молвит он Гиву и Тусу: «Друзья,
Отважные витязи! Знайте, что я
С противником яро схвачусь, на сей раз
Уже не уйдет ненавистный от нас.
Кто ведал, что синдский колдун соберет *
Столь грозное войско и двинет вперед
Из Чина, Саклаба и Хинда мужей!
И все ж не избегнет он мести моей.
Китай и Шугнан, Хиндустан и Саклаб
Забудут, что ими владел Афрасьяб!»
Рать мчится под грохот кимвалов; в пыли
Уж неба не видно, не видно земли.
Гремит и возносится до облаков
Неистовый клич удалых ездоков,
И два перехода уже свершены.

Когда отдалились от поля войны,
Что было завалено грудами тел,
Вождь рати устроить привал повелел.
Близ рощи раскинули стан смельчаки,
И степь наводнили и берег реки.
Один веселится, упившись вином,
Другой растянулся, окованный сном...
Посланцев к ним земли окрестные шлют,
Посланцы Ростему хвалу воздают.
И много богатых даров принесли
Вождю-исполину от каждой земли.

[*Ответное послание*
Кей-Хосрова Ростему]

Так несколько дней протекло. Небосвод
Свой бег продолжал неустанный. И вот
Кей слышит известье: сюда, мол, стрелой
Сын царский летит, Фериборз удалой.
Владыка и витязи стройную рать
С литаврами вывели князя встречать.
К царю Кей-Хосрову приблизился князь;
До самой земли пред великим склонясь,
Воскликнул, ему воздавая хвалу:
«О доблестный, чуждый неправде и злу!
Мир правдой дано осчастливить тебе,
Да будешь угоден всевластной судьбе!»
Письмо предводителя богатырей
Вручил Кей-Хосрову. Властитель царей,
Читая, немало дивился всему,
О чем победитель поведал ему.
Взирает на пленников царь Кей-Хосров,
На вьючных верблюдов, на мощных слонов;
От всех удалясь, покидает седло,

Корону слагает — на сердце светло.
Взывает, во прах пред Йезданом упав:
«Ты видишь, творец, кто виновен, кто прав!
Меня душегуб, беспощадно жесток,
С отцом разлучил, горьким бедам обрек.
Но ты положил испытаньям конец,
Вручил мне державу и древний венец.
Отныне племен и времен я кумир *,
Моими богатствами полнится мир.
Не войско, лишь ты мне опора: меня
И впредь ограждай, жизнь Ростема храня!»
Вернулся владыка к дружине своей,
Взглянул на израненных пленных царей,
В темницу их бросить затем повелел—
Бесславный и горестный ждал их удел.
Но путы хакановы шах развязал *,
Чертоги ему отвести приказал.
Потом казначею вручил Кей-Хосров
Тюки привезенных богатых даров.
Посланью ответному день посвятил,—
Величия новое древо взрастил.
Вначале создателя славил, того,
Кто в битве ему даровал торжество;
Им каждая в небе звезда зажжена,
Им, праведным, созданы мир и война.
Им держится небо, он мир наш земной
Одел красотою дневной и ночной.
Он шлет одному сотни бедствий и зол,
Другого возводит на царский престол.
И благо, и зло посылает Йездан,
И страх, и отвагу вселяет Йездан.
И дальше Ростему писал Кей-Хосров:
«Да здравствуешь вечно, краса храбрецов!
Сполна привезли нам добычу твою:

И пленных, и все, что стяжал ты в бою.
Доставлены троны, короны, слоны,
Верблюды, отборных кровей скакуны;
Немало парчи, одеяний, ковров,
Курений — всего, что для пышных пиров
Пригодно... Отныне, о славный, с тобой
Кто в мире вступить бы отважился в бой!
А если вступил бы — до срока б истек
Ему провиденьем отмеренный срок.
Я слышал о подвиге ратном твоем,
О том, как сражался ты ночью и днем,
Но втайне от всех я доселе хранил
Известия те — страх мне сердце томил.
Творцу о тебе я и днем и в ночи
Молился, и были мольбы горячи.
Вовек государь не состарится тот,
Которому ты — неизменный оплот.
Слуг равных тебе небосвод не имел.
Живи, побеждая, твой славен удел!»
Окончил писец, отзвучала хвала,
Владыки печать на посланье легла.
Дары отобрал для Ростема Хосров:
Немало сверкающих сбруй, поясов,
Рабынь, чьи уборы из ярких камней,
В богатых попонах ретивых коней,
Верблюдов с тюками шелков дорогих,
С коврами, с парчою — верблюдов других,
Рубиновый перстень, горящий как жар,
Корону жемчужную — царственный дар,
Владык одеянье, слепящее взор,
Подвески и цепь — весь кеянский убор.
Им не был забыт ни один исполин —
Великую щедрость явил властелин.
Вождю Фериборзу вручил под конец

Клинок, булаву, драгоценный венец,
Вручил сапоги золотые и в стан
Велел воротиться, покинув Иран,
С таким для Ростема наказом: «Забудь
О сне и покое, вновь трогайся в путь!
Быть может, закинув летучий аркан,
Настигнешь того, кем возглавлен Туран».
И в путь Фериборз устремился тотчас,
Хосрова-царя выполняя приказ.

[*Афрасиаб узнает*
о поражении своих войск]

Узнал Афрасьяб о несчастье своем;
Что мнилось водой, обернулось огнем.
Он слышит: «Камус и Меншур, и хакан
Разбиты; понес пораженье Туран.
Нагрянул Ростем, с ним отважная рать *,—
Он в силах и бег небосвода сдержать.
В кровавых боях протекло сорок дней,
День каждый был ночи глубокой темней.
Пыль ратная солнце окутала мглой
Такою же черной, как жребий наш злой.
Средь многоплеменного войска сего
Нет более витязя ни одного.
Оковы надели на гордых царей,
На славных, воинственных богатырей.
Хакана и тысячи витязей с ним
Позору предав, одного за другим
Под стражей, на спинах слонов увезли,
Плененных, в пределы иранской земли.
Живым не пробраться среди мертвецов—
Так много в сраженье погибло бойцов.
Ждем в страхе вестей о Пиране-вожде,

В Хотен поскакавшем навстречу беде.
На версты затоплены кровью поля,
Ни войск, ни слонов — опустела земля.
Меч острый Ростема кому не грозил!
Рать Хинда, Кушана и Чина сразил,
И ныне, отмщения жаждой гоним,
К Турану подходит он с войском своим.
Коль вторгнется в край именитый герой —
Гора станет степью, степь встанет горой».
Властитель известием этим сражен;
Терзаемый тяжкой тревогою, он
Бойцов и советников кличет к себе,
Спешит им поведать о горькой судьбе:
«О славные, мчится иранская рать,
Пылая решимостью мстить и карать.
Уж ею разбито в кровавых боях
Огромное войско, вселявшее страх:
Две трети, утратив свободу и честь,
Попали в полон, и погибших не счесть.
Плененьем хакана, Камуса концом
Убит я — считайте живым мертвецом.
Что делать? О жизни и смерти тут речь.
Опасностью грозной нельзя пренебречь.
Коль это Ростем к нам нагрянул войной,
Он здесь не оставит былинки одной.
В те дни, как с дружиной напал я на Рей,
Он, схожий с тростинкой — дитя средь мужей,—
Меня одолев, над седлом приподнял,
Да так, что воителей страх обуял.
Кольчугу и пояс порвал и меня
Рукой богатырской низринул с коня.
Так силу его мне изведать пришлось;
И слышать от многих к тому ж довелось,
Как некогда в Мазендеране, один,

Владык булавой сокрушал исполин.
Всем памятно также, какой был урон
Туранскому воинству им нанесен».
Встают предводители, воинства цвет,
И так говорят Афрасьябу в ответ:
«Пусть бились Саклаба и Чина войска
С Ираном и доля их ныне горька,
Но наши пока невредимы мужи,
И кровью наш край не затоплен. Скажи,
К чему возвеличивать недруга? Чем
Тебя устрашает забулец Ростем?
Всё носим, не сбросим доспехи войны!
Ведь смертными все мы на свет рождены.
Расплата жестокая недруга ждет,
Коль в наши владенья вступить он дерзнет.
Сразимся с иранцами все как один,
Следа не оставим от вражьих дружин!»
Избрал тут владыка среди удальцов
Владеющих пламенной речью бойцов;
Разнесся их клич, побуждая к войне,
Владыка забыл о покое и сне;
Он жаждою мщения дух закалил,
Динарами щедро бойцов оделил.
Несметная рать наводнила страну.
Сказал бы ты, небо вступает в войну!

[*Битва Ростема с людоедом Кафуром*]

К походу готовы туранцы. Меж тем *
Опять Фериборза увидел Ростем.
Тот прибыл, сияя; по воле царя
Дарами порадовал богатыря,
И очи Ростема весельем зажглись.

Вожди боевые вокруг собрались;
Могучему каждый хвалу воздает:
«Тобою хранимый, пусть край наш цветет!
В Иране счастливом, могуч и велик,
Век здравствуй на радость владыке владык!»
Он в Согд устремился с дружиной своей
И там оставался четырнадцать дней.
Пиры да охота... Но вот уж истек
Утехам веселым назначенный срок.
В путь двинулись. После стоянки одной
Предстал их очам обнесенный стеной,
Цветущий и благоустроенный град;
Носил он недаром названье Бидад *:
Ведь им людоеды владели в те дни,
Прекрасных, невинных губили они.
Там издавна царствовал лютый злодей
Кафур, без стыда пожиравший детей *
И дев, чьей красе был неведом изъян,
В ком все чаровало — и облик, и стан.
Владыке тому — воплощению зла —
Такая лишь пища в усладу была.
Три тысячи выбрал Ростем удальцов,
В железо закованных конных бойцов,
И те в наступленье пошли, а главой
Им был Гостехем, грозный вождь боевой.
С ним два исполина — Бижен и Хеджир *,
Чьей воинской славою полнился мир.
Узнав о приходе иранцев, о том *,
Что строй их вождем знаменитым ведом,
В кольчуге помчался Кафур-людоед,
И ринулись лютыми тиграми вслед
Арканометатели — грозная рать,
Что стойкостью камню и стали под стать.
Схватился Кафур с Гостехемом-вождем,

Смешались два войска в пылу боевом.
Напали нечистые, рассвирепев,—
Так яро на серну кидается лев.
Немало иранских мужей полегло,
И войско невольно в смятенье пришло.
Вождь видит: погибель у дива в тисках
Иранцам грозит; пересилить свой страх
И в недругов целиться он повелел,
Осыпать их ливнем губительных стрел.
А вражий главарь, див надменный и злой,
Кричит: «Не пробить наковальни стрелой!
Мечом, булавой повергайте врагов,
И петлей тугой настигайте врагов!»
Все яростней сеча. Сказал бы, встает
Огонь из пучины бушующих вод.
Слабеет, редеет дружина; навлек
Беду на иранцев безжалостный рок.
Бижену сказал возглавляющий рать:
«Готовься работу поводьям задать,
Ростема зови на подмогу. С собой
Взяв двести забульцев, пусть ринется в бой!»
Понесся Бижен и едва увидал
Ростема, наказ от вождя передал.
И вот с удальцами, верхом исполин
Летит по холмам, по простору долин.
Примчались на поле: безудержен, скор,
Так бурный поток низвергается с гор!
«Презренный! — кричит исполин на скаку,—
Тебя на бесславную смерть обреку».
Как мощный платан, пред Кафуром предстал;
Кафур нападать на Могучего стал,
Булат, как стрелу, поспешил запустить,
Губителя тигров надеясь убить.
Но славный герой заслониться успел

Щитом, недоступным для лезвий и стрел.
Кафур размахнулся и петлю метнул;
Пригнувшись, Ростем от нее ускользнул,
И сам на противника ринулся он.
Враг замер, как будто к земле пригвожден.
Сын Заля врага булавой поразил
И голову разом ему размозжил.
Сраженный ударом могучим таким,
Кафур кровожадный лежит недвижим.
Тут стали и знатных бойцов, и простых
Иранцы косить. Уж ворот крепостных
Достигли, но крепок железный засов
И стрелы со стен осыпают бойцов.
Услышал Могучий: «Эй, чудо-храбрец,
Слон в тигровой шкуре! Скажи, твой отец
Каким тебя именем славным нарек?
Ты воин с арканом иль мстительный рок?
И все ж не осилишь ты града сего,
Ведь родиной брани прозвали его.
Собрал здесь умелых строителей встарь
Тур, сын Феридуна, прославленный царь *.
Из бревен, камней, кирпича, камыша
Твердыню воздвигли они, не спеша.
Немало ушло и трудов, и казны,
Крепки эти стены и башни грозны.
Герои не раз приходили сюда,
Осады упорные длились года,
Но крепость не смог одолеть ни один.
Усилия тщетны твои, исполин!
Оружья и пищи немало у нас,
Есть ход под землей — не иссякнет запас.
Пускай хоть столетие здесь проведешь,
Ты только напрасно себя изведешь.
Бессилен пред этой твердыней таран —

Ведь был колдуном основавший Туран».
И речью той сердце вождя смущено;
Сказал бы ты, в чаще дремучей оно.
Сраженье предвидит нелегкое он.
Вот замок, по воле его, окружен:
Дружина Гудерза с одной стороны,
Строй Туса — с другой, с ним литавры, слоны,
А с третьей — отряды забульских мужей
Блистают клинками кабульских мечей.
Лук поднял Ростем, закаленный в боях,—
Защитники крепости ввергнуты в страх.
Мелькнув над зубчатой стеною едва,
Уж падает наземь бойца голова.
Так вражьих немало голов раздробил,
Немало той нечисти злой истребил
И сбросил со стен именитый Ростем.
Рыть землю под крепостью стали затем;
И до половины подкоп доведя,
Ирана бойцы по веленью вождя
Под стены твердыни столбы подвели,
Их, черною нефтью облив, подожгли,
И рухнул воздвигнутый Туром оплот.
Пыль вздыбив, дружина рванулась вперед.
«За луки беритесь! — Ростем повелел.—
Смелей! Не жалейте отточенных стрел».
Мечом защищали родимый свой кров *,
Свое достояние, жен и сынов
Туранцы, без устали бились они.
Но лучше б на свет не родились они!
Иранские лучники, спрыгнув с коней,
Напали, разят с каждым мигом сильней.
За ними — ряды копьеносцев. Вожди —
Бижен с Гостехемом — летят впереди.
Дыханье огня, ливень гибельных стрел.

Кто б выход найти, кроме бегства, сумел?
Разбитое войско из крепости прочь,
В просторы степные бежит во всю мочь.
Ворота замкнулись, и вот уж громят
Бойцы завоеванный вражеский град.
Твердыни защитники полонены,
И старцы, и юноши уведены.
Богатой добычей обоз нагружен:
Досталось иранцам немало корон,
Немало рабов и рабынь, и коней,
Монет золотых и бесценных камней.
Ростем, для молитвы омывшись сперва,
К бойцам обращает такие слова:
«Ирана герои, владыке миров
Откроем сердца! За обилье даров,
За то, что ниспослано нам торжество,
Возблагодарим и восславим его».
И воины храбрые пали во прах
Пред тем, кто извечно царит в небесах.
Восславив Йездана, иранская рать
Ростема затем принялась величать:
«Тот лучше б о славе забыл боевой,
Кто в битве не в силах равняться с тобой!
Слон — мощью, губительной хваткою — лев,
Не знаешь ты устали, рассвирепев».
Ответил Ростем: «Грозной силой такой
Меня наделил вседержитель благой.
Достался сей дар богоданный и вам,
Не должно пенять на Йездана и вам».
Затем повелел он, чтоб Гив на коне
С бойцами отборными, в крепкой броне
В Хотен устремился — врагу помешать
Войска для сраженья с Ираном собрать.
Ночь темных кудрей разметала агат,

И сгорбился месяц, тоскою объят.
Гив скачет; коней что есть мочи гоня,
С ним ратники скачут три ночи, три дня.
Вот солнце в венце на престол поднялось,
Сиянье лучей над землей разлилось.
В свой стан возвращается доблестный Гив,
Мужей полоненных с собой захватив
И дев, что кумиров Тераза стройней,
И много доспехов, и добрых коней.
Дань первую шаху отправил Ростем,
Бойцам остальное он роздал затем.
Поднялся за мужем воинственный муж:
Гудерз и Роххам, Гостехем и Шейдуш *,
Тус, Гив и Бижен — цвет иранских дружин.
И слышит Гудерза слова исполин.
Воскликнул Гудерз: «Украшенье мужей!
Всем сердцем ты предан отчизне своей.
Должны мы, о мужестве помня твоем,
Тебя славословить и ночью, и днем.
Пусть вечно не гаснет души твоей жар,
Будь молод душою и разумом стар!
Тебя осенил благодатью Изед,
И мужа достойней не видывал свет.
Да здравствует, да не иссякнет твой род,
Пусть век твоя слава в потомках живет!
Главенствуй над знатными, горестей чужд,
Не зная страданий и тягостных нужд,
От них милосердным творцом огражден.
Да будешь любимцем племен и времен!
Из тех, кто прошел за страною страну,
Кто видел на свете и мир, и войну,
Не помнит никто грозных полчищ таких,
Никто и от старцев не слышал о них.
Так много скопилось бойцов и слонов,

Сокровищ, престолов, венцов, скакунов,
Что, с неба взирая, дивилась звезда.
Великая нам угрожала беда,
Не чаяли мы избавленье найти,
Напрасно искали к спасенью пути,
Стенали, драконовой пасти страшась,
Но ты обреченных от гибели спас.
Ты — гордость Ирана, опора в борьбе,
Служить неустанно клянемся тебе.
Тебе да воздаст по заслугам Йездан!
И счастьем да будет твой век осиян!
Не можем достойно тебя одарить,
Нам только дано славословья творить».
Могучий хвалой отвечает мужам:
«Пусть время дарует лишь радости вам!
Я вашею славой дышу и живу,
В свидетели сердце свое призову».
«Мы здесь, — продолжал он,— пробудем три дня *,
Предавшись веселью, заботы гоня,
А там с Афрасьябом бороться начнем.
Вода для него обернется огнем!»
На том порешили и встали; и тут
Вино подоспело и песня, и руд *.

[*Афрасиаб узнает о приближении Ростема*]

Известье пришло к Афрасьябу меж тем,
Что войско ведет на туранцев Ростем.
И сердце владыки стеснила тоска,
Злей терниев тело язвили шелка.
Спросил он: «Кто ж выйдет с Ростемом на бой?
Воителей много, но где же герой?
Кто, дерзкий, на мужа того нападет,
От молний булата его не падет?»

На то отвечает властителю рать:
«Тебе ли от битвы с Ростемом бежать!
Не ты ли, бывало, на поле войны
Кровавые волны вздымал до луны?
Богатого доблестью, войском, казной,
Тебя ль устрашит неприятель войной?
Для конных сражений Туран сыновей
Достойных имеет. Сомненья развей!
Пусть грозен и неуязвим исполин,
Такой среди недругов он лишь один.
Война б не продлилась, когда б не Ростем.
Покончим с опасным противником тем!
Коль нами он будет повергнут во прах,
Ни витязи нас не осилят, ни шах.
Погибнет Хосров, и престол, и войска,
На ветках дерев не оставим листка.
Взгляни на бестрепетных этих бойцов,
На мстителей грозных — своих удальцов!
Все встанем в защиту отчизны своей
И крова родного, и жен, и детей.
Не лучше ль на поле сражения пасть,
Чем край свой отдать супостату во власть!»
Царь, выслушав речи бойцов удалых,
Всю горечь забыл поражений былых.
Решимостью твердой он полон опять
Край отчий, столицу свою отстоять.
Сказал: «Коли дело до схватки дойдет,
Я двину ряды боевые вперед.
Недолго Хосрову на троне сидеть,
Недолго венцом миродержца владеть.
И рухнет, объятый смертельной тоской,
Забулец, сраженный моею рукой.
Погибнуть и шаху, и богатырю.
Кровавую смуту мечом усмирю!»

Царю повинуясь, построили рать *,
Готовятся в новый поход выступать.
Бойцы величают владыку страны,
Торопят начало великой войны.
Был витязем храбрым Фергар-великан,
Ему не преграда — враждебный капкан.
Видал его царь среди боя не раз
И славил отвагу героя не раз.
С Фергаром оставшись один на один,
Сказал ему царь: «Молодой исполин!
В стан вражий отправься, не медли нигде,
И все разузнай о Ростеме-вожде.
Он много ль ведет искушенных стрелков?
Надежных имеет ли проводников?
Разведай, противники вправду ль сильны
И есть ли у них боевые слоны?»
Фергар повеленье исполнил тотчас,
Лазутчиком к вражьему стану помчась.
Меж тем Афрасьяба тревога томит,
Чужим к повелителю доступ закрыт.
Зовет он Шиде, о грядущей войне *
С ним долго беседует наедине.
«Ты — вождь умудренный,— сказал он, — и все ж
Защиту у войска едва ли найдешь.
Знай, тот многочисленный воинский строй,
Что к нам приближается этой порой,
Возглавлен Ростемом, забульским вождем.
Кто может тягаться с таким силачом!
Могучий Камус и Меншур, и хакан,
Кехар благородный, Керкуй-великан *,
Кондор и Шенголь, что собрали полки
От града Кашмира до Синда-реки,
Ростемом, губителем львов, сметены;
Повержены эти, а те — пленены.

Подряд сорок дней нападали они,
День бились, а день выжидали они —
И все ж не спаслись, не ушел и хакан *
От плена, схватил его меткий аркан.
Немало Ростем полонил удальцов,
Из разных земель именитых бойцов.
Доспехи, коней, трон слоновой кости,
Венцы — все в Иран повелел отвезти.
А ныне он выступил в новый поход,
Воителей неустрашимых ведет.
Удач не сулит нам теченье войны.
Я здесь не оставлю престола, казны;
Щиты, ожерелья, венцы, кушаки
Собрав, к побережью Алмаса-реки
Пошлю на верблюдах. Час этот суров,
Не время для песен и шумных пиров.
Кто в пасти дракона обрел бы покой?
Страшусь я Ростема. Сказал бы, судьбой
Ему не людское дано естество.
Удары и раны — ничто для него,
Ни стрел не страшится, ни острых мечей,
Хоть небо дождем их на землю пролей.
Он будто из бронзы литой сотворен,
На свет не от мужа, от дива рожден.
Что грозная туча, он сердце страшит.
Шелом и кольчугу, и панцирь, и щит,
В которых Могучий выходит на бой.
Нести и земле не под силу самой,
Их нильскому судну и то не свезти.
Ростем и слона сокрушит на пути!
Не знающий устали, как небосвод,
Громадный скакун исполина несет.
Лев так ли ужасен, лань так ли быстра?
Коню не страшны ни река, ни гора,

Вперед он стремится без удержу: челн
Так мчится по лону бушующих волн.
Не раз я сражался с его седоком,
Мне панцирь из тигровой шкуры знаком;
Его, как ни силился, в сече былой
Не смог я пробить ни копьем, ни стрелой.
И все ж устремимся навстречу врагам,
Увидим, что роком начертано нам.
Когда благосклонность мне явит Йездан
И будет удачей мой путь осиян —
Победою эту войну завершу,
Иран и владыку его сокрушу.
А если Ростем пересилит меня —
Мне здесь оставаться не должно ни дня.
Я вверюсь Чин-моря бурливым волнам,
Туранскую землю Ростему отдам».
«Пока существуют престол и венец,
Живи, торжествуя, владыка-мудрец! —
Ответил Шиде,— родовит и велик,
Ты мужеством славен средь гордых владык.
Ничьи поученья тебе не нужны,
Но вспомни теченье недавней войны.
Такие бойцы, как могучий Хуман,
Гольбад, Фершидверд, Нестихен и Пиран,
Едва рокового избегли конца;
Пробиты доспехи, разбиты сердца!
Превратному ветру челна не вверяй,
Помедли: в великой опасности край!
Ты все испытал, ты в боях закален,
Отвагой и светлым умом наделен.
Я солнцем, луною, престолом, мечом,
Тобою, туранского войска вождем
Клянусь, не забыты хакан и Камус!
К отмщению грозному сердцем я рвусь.

Но в битву не следует ныне идти,
Нам войско разумнее в Канг отвести,
Бойцов из Мачина и Чина собрать,
Тогда и напасть на враждебную рать».
Расстались, ко сну отошел властелин,
Сжигаемый злобой, во власти кручин.
Средь ночи в тоске просыпается он,
А месяц, чуть видный, от горя согбен,
Мир черен, как мускус. Во мраке, один
Из стана иранцев Фергар-исполин
Вернулся в ночи, к Афрасьябу вошел,
О виденном речь он такую повел:
«Я вихрем отсюда в соседний предел
К Ростему, губителю дивов, летел.
Примчавшись, зеленый шатер увидал,
В нем грозный, воинственный муж восседал.
Над знаменем витязя — медный дракон;
Сказал бы, мгновенье — и ринется он.
Воителю этому сила слона
И тигра свирепая хватка дана*.
С ним рядом чубарый скакун огневой
Грызет удила; так и просится в бой!
Свисают поводья с седельной луки,
Несчетны тугого аркана витки.
С Ростемом Гив доблестный, Тус и Горгин,
Гудерз, Фериборз и Шейдуш-исполин.
Дозорные — непревзойденный никем
Сын Гива Бижен, Горазе, Гостехем» *.
Окончил лазутчик, и горько царю.
Послал он к великому богатырю
С наказом гонца, и явился Пиран,
С ним витязи все, возглавлявшие стан.
Тревожную весть огласив, Афрасьяб
Воскликнул: «Чья сила с ним сладить смогла б!»

Пиран отвечает: «Чтоб славу спасти,
Сразимся — иного не вижу пути.
Во имя спасенья родных очагов
Поднимемся все на заклятых врагов».
Услышав ответ предводителя, рать
Тотчас повелел Афрасьяб собирать.
Пираном возглавлена, вихрем она
На битву с Ростемом помчаться должна.
И вот уж, покинув владыку страны,
Несутся воители к полю войны.
Пыль землю в эбен обратила, кимвал
Неистовым грохотом к сече призвал.
Сказал бы, весь мир пеленою укрыт —
То прах заклубился от конских копыт.
Крик ярый, литавр оглушительный гуд,
Слоны непрерывною цепью идут.

[*Послание Афрасиаба Пуладвенду*]

На ратное поле, покинув дворец,
Явился и сам властелин под конец.
Пирану велит он готовиться в бой,
Сам в пышный шатер удаляется свой
И там, в обступившей его тишине,
С дебиром испытанным наедине *,
Такую к нему обращает он речь:
«Послания тайну ты должен сберечь.
Письмо Пуладвенду искусно построй *,
Венчанному замыслы наши открой.
Поведай, как много принес нам кручин *
Воинственный, грозный Ростем-исполин.
Еще перечисли иранских вождей —
Гудерза и Туса, и прочих мужей.
Поведай о злобном обидчике том —

О шахе Ирана, о внуке моем,
Которого пестовал я и берег —
Не дул на него и шальной ветерок.
Когда благосклонен ко мне небосвод,
Пускай Пуладвенд на подмогу придет!
Немало повержено здесь удальцов,
Саклаба и Чина отважных бойцов.
Рать вражья с несущейся схожа горой *,
Вождь рати — Ростем, закаленный герой,
С ним витязи — каждый и храбр, и могуч;
Вздымается гром их кимвалов до туч.
Скажи от меня Пуладвенду: О вождь!
Теперь на твою лишь надеюсь я мощь.
Коль ты сокрушишь предводителя — знай,
Не вторгнется враг в благодатный наш край.
Всех бедствий источник — Ростемова длань.
Ты нашей земли избавителем стань!
Когда сокрушишь исполина — весь свет
Склонится пред нами, сомненья в том нет.
Чтоб подвигу честь оказать твоему,
Я лишь половину владений возьму,
Другая — твоя; обещанью поверь.
Веди же на битву дружину теперь!»
Вот грамота перстнем царя скреплена.
Лишь встала в созвездии Рака луна,
Явился, готовый в дорогу, Шиде —
Отцовский посланец, опора в беде;
Страшась нападенья, летит, как огонь,
И вот к Пуладвенду примчал его конь.
Восславил царя и в придачу к письму,
Что знал о Ростеме, поведал ему.
Главой до небес Пуладвенд вознесен,
Величьем и силой прославился он.
Нагория Чина своими он звал

И равных себе в том краю не знавал.
Спешит во дворец за мобедом мобед,
Владыка с премудрыми держит совет,
Послания суть мудрецам изложив.
Воинственен, молод и славолюбив,
Решился он войско в поход повести,
На поле шатер и кимвал повезти.
Рать строит он, дивов подвластных зовет,
И ярые клики летят в небосвод.
Пред стягом владыка несется верхом
С арканом, колчаном и медным щитом.
Минуют потоки, холмы. Наконец,
Царя Афрасьяба пред ними дворец.
Гремит у дворцовых ворот барабан,
Встречает союзника воинский стан.
Приветствуя, обнял его властелин,
С ним речь о делах миновавших годин
Заводит: кто бедам Турана виной,
Где средство покончить с войной затяжной.
Направились оба к чертогу царя,
Воссели, о ратных делах говоря.
Твердит Афрасьяб: промедлением рать
Томить неразумно, пора наступать.
Припомнил он, как Сиавуш был убит,
Став первопричиною бед и обид.
Поведав о доле Ашкбуса, о том,
Что сталось с хаканом, с Камусом-бойцом,
Добавил: «Источник тревоги лишь он,
Воитель, что в панцирь из шкур облачен.
Мне щит его чинский и шлем не пробить
И тигровый панцирь ничем не пробить.
Путь долгий свершил ты, теперь напряги
Все силы, мне в грозной беде помоги».
Пулад, это слыша, сомненьем томим:

Как сладить ему с исполином таким?
Сказал он царю Афрасьябу в ответ:
«В сраженьях спешить, горячиться не след.
Ростема я знаю: сей муж-великан
Сломил своей палицей Мазендеран *,
Пулада и Бида на гибель обрек
И Белому Диву утробу рассек.
Нет, с силой его не сравню я свою
И с ним не осмелюсь тягаться в бою.
Пусть разум ведет тебя к светлой судьбе!
Я сердцем с тобою, привержен тебе.
Уловку найду, чтоб расправиться с ним:
К нему подкрадусь ярым тигром степным,
Ты ж двинешь воителей с разных сторон.
Внезапно стеною бойцов окружен,
Быть может, в тиски попадет исполин,
С таким не сразишься один на один!»
Доволен речами его Афрасьяб,
Потребовал чаши и ченг, и робаб *.
Пируя, Пулад охмелел от вина,
И вот похвальба исполина слышна:
«Джемшид, мол, Зохак, Феридун-государь *
Мной в трепет бывали повергнуты встарь.
Пред воинством несокрушимым моим
Был даже брахман смертным страхом томим *.
Мне этот забульский герой нипочем,
Его на куски разрублю я мечом!»

[*Битва Пуладвенда с Гивом и Тусом*]

Сверкающим стягом заря вознеслась,
И стал померанцевым синий атлас.
Взгремел барабан у дворцовых ворот,
И вот уж до неба клич бранный встает.

Летит впереди Пуладвенд-великан,
В руке у него богатырский аркан.
Столкнулись громады несчетных рядов,
Земля почернела, а воздух лилов.
Ростем на себя шкуру барса надел,
На слоноподобного Рехша воссел
И врезался в правое вражье крыло;
Немало воителей тут полегло.
Тогда Пуладвенд, урагана быстрей,
Аркан отстегнул от седельных ремней,
С летучею петлей, с большой булавой
На Туса напал; за кушак боевой
Хватает и наземь бросает с седла;
Он весь — воплощение гнева и зла.
Увидя, что Тус опрокинут врагом,
Гив издали, жаждою мести влеком,
Летит с булавой бычьеглавой, в броне,
На черном, как ночь, быстроногом коне,
Готов с Пуладвендом схватиться, как лев,
И сердце сжигает безудержный гнев.
Но тут размахнулся неистовый див,
И петлею пойман воинственный Гив.
Роххам и Бижен, среди поля скача,
Увидели друга в тисках силача
И мчатся вдвоем, чтобы дива схватить,
Могучие руки арканом скрутить.
Но двинул Пулад скакуна, разъярясь,
Воинственным кличем равнину потряс
И двух знаменитых отвагой бойцов,
Исполненных доблести двух удальцов,
Поверг под копыта коня своего;
Две рати взирают, дивясь, на него.
Мечом закаленным взмахнув, поперек
Он стяг кавеянский мгновенно рассек *.

Стон встал над иранской дружиной; она
Уж множества славных мужей лишена.
Гудерз, Фериборз и другие — без сил.
Увидев, что яростный див совершил,
Герою Забула они говорят:
«Воителей наших он косит подряд.
Искусного уж не увидишь стрелка,
В седле именитого нет седока, —
Всех палицей, петлей, арканом, стрелой
Настиг, уничтожил враг дерзостный, злой.
Стенанья и плач, и смятенье везде.
Нам ты лишь, Могучий, поможешь в беде!»
Тут на поле битвы поднявшийся крик,
Сердца раздирая, их слуха достиг.
Гудерз престарелый подумал тогда:
Роххама с Биженом постигла беда.
Утратил еще двух наследников он!
К Йездану взывает, душой удручен:
«О как был я счастлив в потомстве своем!
Казалось, мне рок одолеть нипочем.
Любимых сгубили, убили в бою,
Благую звезду омрачили мою!
Нет юных, я ж, дряхлый, живу до сих пор.
Шелом не пристал мне. Удел мой — позор!»
Сорвал он кушак, наземь кинул шелом,
Скорбя неутешно о счастье былом.

[*Битва Ростема с Пуладвендом*]

От горя и гнева Ростем задрожал,
Плач витязя сердце Ростемово сжал.
Помчался, в бой недруга кличет храбрец
И видит: утес перед ним, не боец.
Один четверых ввергнул витязей в страх,

Они — что онагры у тигра в тисках *;
И дрогнул иранских воителей строй,
И больше никто не выходит на бой.
Подумал Могучий: «День меркнет для нас,
Бойцы приуныли, врага устрашась.
Ужели я горькой судьбы не избег,
Ужель мое счастье уснуло навек?»
И буйному Рехшу он стиснул бока:
«Эй, див неподобный! — так издалека
Он недруга злого на битву зовет. —
Увидишь ты грозной судьбы поворот!»
И витязи слышат тот зов, и меж тем
Их, пеших, беспомощных, видит Ростем,
И скорбно взывает к создателю он:
«О ты, что над всем бытием вознесен!
Уж лучше бы очи застлала мне тень,
Чем в этот злосчастный и горестный день
Увидеть, как страхом охвачен наш стан,
Как с помощью дива Пиран и Хуман
Теснят нас, как в битве слабеют Роххам,
Тус, Гив и Бижен, угрожавшие львам,—
Злой див подстрелил их коней боевых
И яро теперь нападает на них».
Взмахнул он арканом своим, но Пулад
Пригнулся к луке, смертным страхом объят
И, петли избегнув, воскликнул: «Герой *,
Давно закаленный в страде боевой,
Ты, в бегство не раз обращавший слона,
Страшись, захлестнет тебя Нила волна!
Теперь мою хватку и грозную мощь,
И бранную доблесть узнаешь, о вождь!
С тобою не встретится больше Хосров,
Ты впредь не увидишь друзей-удальцов,
Лишь в снах побываешь в родимом краю,

Отдам Афрасьябу дружину твою!»
На то Пуладвенду ответил Ростем:
«Хитрить и бахвалиться силой зачем?
Речений пустых избегает боец —
Болтливого ждет незавидный конец.
Тебя, хоть силен ты, бесстрашен и лют,
Не Самом, не славным Гершаспом зовут *».
Лишь эти слова услыхал Пуладвенд,
Он вспомнил речения древних легенд:
Кто стал за неправое дело борцом —
Познает позор, пожелтеет лицом.
Добро или зло, друг иль враг на пути —
В делах и речах должно правду блюсти.
Ведь это—он мыслит—боец-великан,
Осиливший палицей Мазендеран.
«Эй, воин бывалый! — див кличет опять,—
Что медлишь? Довольно нам время терять».
Тут схватка двух ярых слонов началась,
И пыль над простором степным поднялась.
Коня Пуладвенд погоняет, но рок
С ним видно враждует, конец недалек.
Могучий его поразил булавой,
Да так, что услышал весь строй боевой,
И думал, что после удара того
Див рухнет, расколется череп его.
Качнулся Пулад, все померкло вокруг,
Поводья уже ускользают из рук,
Но все ж удержался в седле, и тогда
Ростем, чтоб его миновала беда,
Взмолился Йездану, кем мир сотворен:
«О правящий круговращеньем времен!
Молю, чтоб победу ты мне подарил *.
Туранский ли царь тяжкий грех сотворил,
Я ль грешен, и ты после судного дня

К небесным вратам не подпустишь меня,—
Не дай Пуладвенду меня победить,
Безвременно с телом мой дух разлучить.
Погибну — наступит врага торжество,
Из нас не оставит в живых никого;
Бойцов, землепашцев, людей ремесла —
Всех сгубит, Иран разорит он до тла».
«Эй, див! — восклицает Могучий. — Легко ль
Ты снес причиненную палицей боль?
Уж лучше бы, спешась, пощады просил!
Поводья держать не имеешь ты сил».
«Не радуйся! — слышен Пулада ответ,—
Твоей булавою едва я задет».
И заново, жаждою битвы горя,
Схватились два яростных богатыря.
Невмочь Пуладвенду. Спешит он извлечь,
Подобно алмазу, сверкающий меч,
Но сталь не осилила барсовых шкур.
Отчаялся див. Озадачен и хмур,
Той силою необоримой смущен *,
Уловку задумал и вымолвил он:
«С проклятою шкурой расстанься, Ростем!
Сбрось панцирь тяжелый и темный свой шлем,
Другую надень боевую броню,
И я в свой черед облаченье сменю».
«Нет,— молвил Могучий,— тому не бывать,
Скорее река повернула бы вспять *.
Доспехи менять я не стану в борьбе,
Ты также свои сохрани на себе».
И вновь с предводителем вражьих дружин
Сражается витязь один на один.
Тяжелая палица тщетно разит:
Ни панцирь из шкур, ни шелом не пробит
Пулад, обессиленный, вымолвил тут:

«В борьбе рукопашной мужей познают.
Так схватимся и богатырскую мощь
Свою испытаем, о доблестный вождь!»
Решились начать врукопашную бой *,
Святой договор заключив меж собой
О единоборстве: им рать ни одна
На помощь бойцов посылать не должна*.

[*Ростем борется с Пуладвендом*]

Меж войск — полфарсанга. Сошлись удальцы,
Отвагой известные в мире бойцы,
Готовые к бою. На них в этот час *
Бойцы и планеты взирали, дивясь.
Прославленный витязь и дивов глава
Схватились, как два разъярившихся льва,
И стиснули оба друг друга с боков,
Вцепившись в ремни боевых кушаков.
Сын царский Шиде на Ростема взглянул
И, страхом охваченный, тяжко вздохнул.
Сказал он отцу: «Этот славный герой,
Ростемом зовущийся, дивов грозой,
Сейчас Пуладвендову участь решит,
В бою рукопашном его сокрушит.
Знай, каждого нашего богатыря
Он сломит. Судьбе ты противишься зря».
На то Афрасьяб отвечает ему:
«Тревогу ты сердцу внушил моему.
О витязь, поближе к борцам подойди,
Теснит ли врага Пуладвенд, погляди.
Ему на туранском наречье совет *
Подай, и падет богатырь сипехбед.
Скажи: лишь очутится враг под тобой,
Мечом заверши затянувшийся бой!»

Шиде возразил: «Перед строем стрелков
С Ростемом ведь был уговор не таков.
Коль мы совершим вероломство сейчас,
Добром не окончится дело для нас.
Ты чистого не оскверняй родника,
Не то опозоришь себя на века».
В ответ поношенье услышал Шиде;
Царевича смелого в тайной вражде
Отец заподозрил, и в ярости он
Воскликнул: «Коль будет Пулад побежден,
Всех ждет нас погибель в грядущей войне.
Ты, вижу, искусен в одной болтовне!»
Коня повернул он и в бешенстве сам
К боровшимся ринулся богатырям.
Сказал Пуладвенду: «О доблестный лев! *
Как только повергнешь врага, одолев,
Мечом рассеки ты утробу его.
Решайся, коль хочешь стяжать торжество!»
Коварством царя возмутившись, тотчас *
Гив молвит Ростему: «Отдай лишь приказ —
Исполню. Владыка Турана каков!
Взгляни, вероломство свершить он готов:
Примчался, чтоб сердце Пуладу разжечь,
В борьбе его учит схватиться за меч».
Но слышит он: «Единоборствую я,
В стремленье к победе упорствую я.
Напрасно тревогою ты одержим,
Напрасно предчувствием черным томим.
Увидите, не сдобровать силачу:
Взметну его к небу и оземь хвачу!
В час битвы мне сердце смущать для чего?
Отвагу мою похищать для чего?
Коль этот неправедный, злой чародей
Отступит от клятвы священной своей,

Он смерть на себя навлечет и позор —
Ведь силу утратит тогда договор».
На недруга ринулся вновь великан,
Рванул его, как вырывают платан
Из почвы, и поднял, и оземь хватил,
И громко восславил дарителя сил.
Над ратью иранскою клики гремят,
Разнесся окрест барабанный раскат;
Труб медных звучание, грохот и гам,
Звон гонгов индийских летит к небесам.
Взглянул богатырь и врага не узнал.
«Как видно, удар мой его доконал,—
Он думает,— целых не сыщешь костей.
Злосчастный, лицом шенбелида желтей,
Простерт на земле, неподвижен и нем».
На Рехша вскочил и умчался Ростем,
И вот уж иранского строя достиг.
С земли Пуладвенд поднялся в тот же миг,
Стрелой к Афрасьябу понесся в слезах,
В израненном сердце и горечь, и страх.
Домчась, повалился в беспамятстве он
И замер, дыханья и силы лишен.
Ростем омрачился, увидя, что див,
Им наземь поверженный, все еще жив
И рать его все еще на поле. В бой
Повел богатырь свой воинственный строй.
Гударза Ростем подозвал, повелел
Осыпать врагов ливнем гибельных стрел.
Гив славный, Бижен, украшенье дружин,
Рохам закаленный, отважный Горгин
С мечами нагрянули с разных сторон.
Мир, скажешь ты, блеском их стали зажжен.
Пред войском в тоске Пуладвенд повторял:
«Я славу, богатство и трон потерял.

Ужели мне должно и душу отдать,
На гибель обречь беззащитную рать!»
От злобы и страха Пуладу невмочь,
И ратников с поля уводит он прочь.

[*Афрасиаб бежит от Ростема*]

Сказал Афрасьябу Пиран: «Словно челн,
Твой жребий во власти бушующих волн.
Доколе грозит нам Ростемова длань,
Погибель сулит нам кровавая брань.
Когда без вины Сиавуша сразил,
Ты словно стрелою нам сердце пронзил.
Что медлишь? Один ты остался. Ушел
Пулад, побежденный, и войско увел.
Иранцы стоят перед нами стеной,
Одеты их кони бронею стальной,
Ведет их Ростем, повергающий львов.
Мир темен от стрел, прах от крови багров.
Припомни, к тебе из-за гор и равнин
На зов поспешило немало дружин.
Когда же погибли они на беду,
На помощь призвали мы дивов орду
И все ж не сломили Ростема в борьбе.
Знай, бегство одно лишь осталось тебе.
Спеши, коль не поздно, приют обрести,
От грозной беды за Чин-море уйти;
Туда с приближенными путь свой направь,
А войско на поле сраженья оставь».
Поняв, что иного спасения нет,
Владыка исполнил Пирана совет:
Стяг бросил, а сам, торопясь ускользнуть,
К Мачину и Чину направил свой путь.
Меж тем продолжался губительный бой.

Ты поле бы с тучей сравнил грозовой.
Ростем окликает дружину свою:
«Теперь уж не стрелы нужны вам в бою.
Мечи, булавы заносить вам пора,
Великую доблесть явить вам пора!
Пусть каждый сражается, рассвирепев,
Как лань пред собою увидевший лев!»
Тут грозные клики бойцов раздались,
Их палицы до облаков вознеслись*,
И вот уже ратного поля предел
Завален кровавыми грудами тел.
Туранцы в беде: кто захвачен в полон,
А кто убегает, врагом устрашен;
Так стадо бежит, потеряв чабана.
Вся степь обезглавленных трупов полна.
«Меч в ножны! — Ростем повелел удальцам,—
Удача не вечно сопутствует нам.
Порою отраву подносит нам рок,
Порою — бальзама целебный глоток.
Снимите войны одеянья теперь,
Творите благие деянья теперь.
Все бренно, мгновенно в чертоге земном,
Страданье блаженством сменяется в нем;
То дьяволом злобным судьба нам грозит,
То примет невесты пленительный вид.
Отныне пускай не корят нас ни в чем!
Ужели проклятья хвале предпочтем?»
Мечи опустив, победившая рать
Спешит боевую добычу собрать*.
Оружие, шлемы, рабов и коней
Отправил Ростем властелину царей.
Душистую амбру, алмазный венец
Оставил себе именитый боец.
А всем остальным, что добыто в бою,

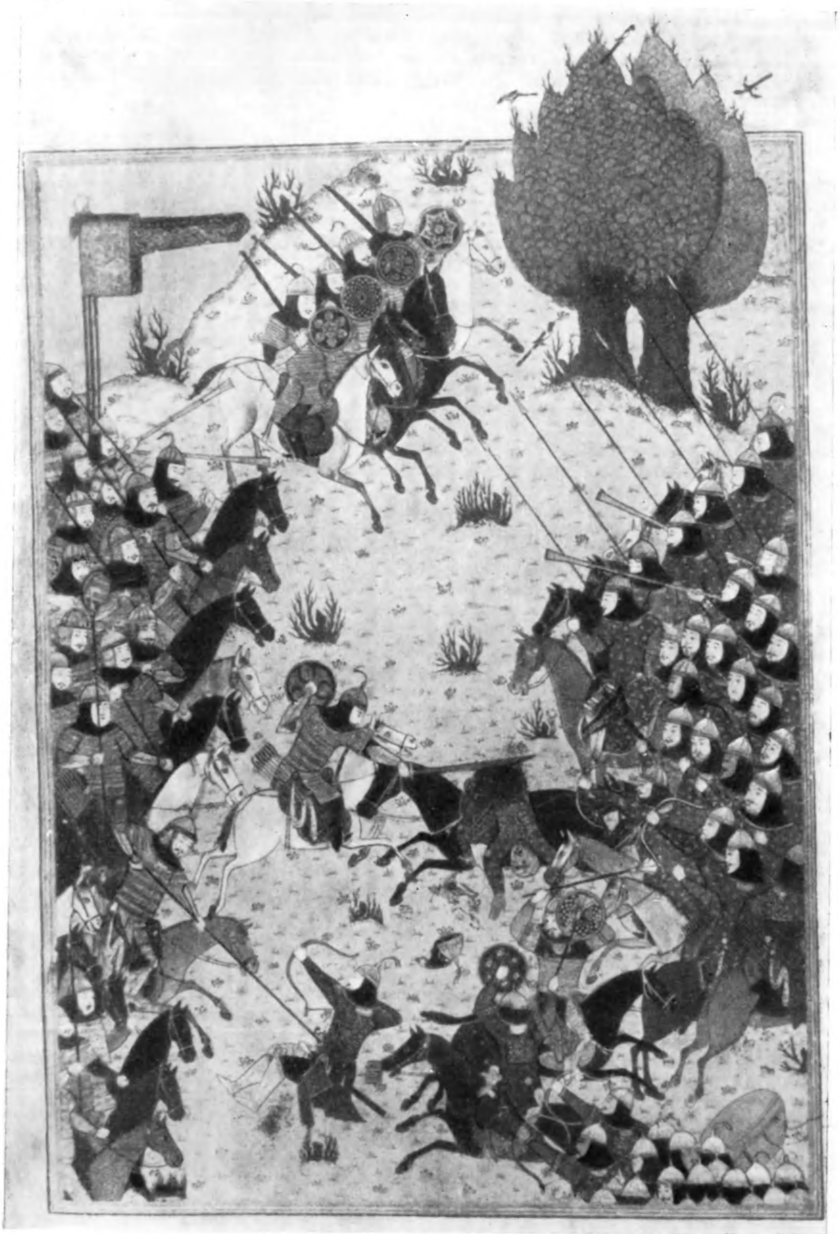
Порадовал славный дружину свою.
Владыку Турана искать принялись,
Дорогою и бездорожьем неслись.
Но Афрасиаба утерян и след,
Его ни на суше, ни на море нет *.

[*Возвращение Ростема к Кей-Хосрову*]

В путь вышли иранцы, за ними обоз
Добытые в битве богатства повез.
Доспехи, оружие, троны, венцы
С собой из Турана везут удальцы,
Верблюдов ведут и лихих скакунов —
В степях не осталось уже табунов.
Литавры гремят, слышен трубный раскат
И гонги индийские гулко гудят.
К родному Ирану, победой горды,
Несутся блистательной рати ряды.
Услышал о том Кей-Хосров, и тотчас
Отрадная весть по стране разнеслась:
Муж в тигровой шкуре пожаловал к нам!
И грохот кимвала летит к небесам.
Выходит народ исполина встречать,
Ликуют и люди простые, и знать.
Нет меры веселью и счастью царя;
Создателя пламенно благодаря,
Велит он слона своего подвести,
И вот повелитель с мужами в пути.
Украсился город, как заведено,
Готовы для пира и руд, и вино.
В роскошном убранстве властителя слон,
Шафраном и мускусом он умащен.
На диво богат слоновода убор,
На золоте — ярких каменьев узор.

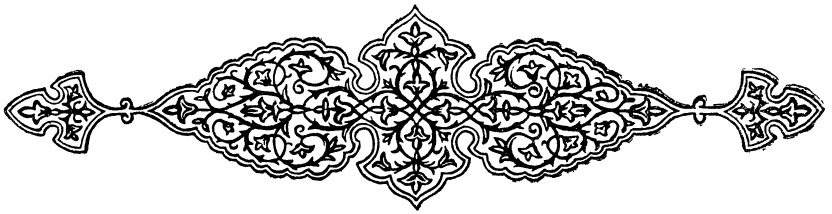
Путь, устланный золотом, так и горит,
А в воздухе амбры дыханье парит.
Услышал Ростем громогласный кимвал,
Хосрова сияющий лик увидал,
И, спешась, склонился глава удальцов.
Приветом встречает его Кей-Хосров;
С любовью воителя к сердцу прижал
И долго в объятиях крепких держал.
Звучат благодарные речи царя
Во славу великого богатыря.
И вот на конях уже тот и другой.
Царь руку Ростема сжимает рукой
И так восклицает: «Как долго ты был
В разлуке со мною! Я сердцем изныл».
«И я без тебя, — отвечает Ростем,—
Томился, не радуя душу ничем».
Несутся, и вот уже виден вдали
Дворец — украшенье иранской земли.
Вступили в чертог, на престол властелин
Садится, и рядом Ростем-исполин.
Гив славный, Роххам и Горгин, и Ферхад *,
И Тус, и Гудерз с Фериборзом сидят.
Героев расспрашивать стал Кей-Хосров
О ходе минувших кровавых боев.
«Владыка! — Гудерз отвечает ему,—
Рассказывать долго о том, потому
Нам надобны отдых и чаша сперва,—
А там зазвучат о сраженьях слова».
Владыка с улыбкой ответствует так:
«Я вижу, пустился ты в путь натощак!»
Тут яства подать повелел Кей-Хосров.
Воссели мужи вкруг накрытых столов,
И слушает повесть владыка страны
О том, как сражались бойцы и слоны

Ашкбуса, Камуса — кушанских вождей,
Хакана, правителя чинских мужей,
О схватке Ростема с Пуладом, о том,
Что сталось с туранским злосчастным царем.
«Владыка! — воскликнул Гудерз наконец,—
Не сыщется равный Ростему боец.
Ни хищник, ни див, ни чудовище вод
От яростной хватки его не уйдет.
Стократно сегодня восславим царя,
Восславим великого богатыря!»
Ликует владыка. От радости он,
Сказал бы, до неба главой вознесен.
Гудерзу-вождю говорит он в ответ:
«О витязь, в чьем сердце немеркнущий свет!
Муж славный, которого разум ведет,
Судьбою храним от кручин и невзгод.
Да будет от сглаза Ростем огражден,
По жизни пусть радостно шествует он!»
Проходит в веселье, в пирах день за днем,
Неделю сидят, упиваясь вином.
Певцы о Ростеме под лютню и руд
На лад пехлевийский дастаны поют...*
Так месяц провел у владыки царей
Ростем средь прославленных богатырей.
Затем услыхал от Могучего царь:
«О мудрый и доблестный мой государь!
Нет равных тебе добротой и умом,
Но я стосковался о Зале родном».
Тогда, не жалея богатых даров,
Сокровищниц двери открыл Кей-Хосров;
Немало одежд берберийской парчи,
Рубинов и яхонтов, льющих лучи,
Невольниц в коронах и ярких серьгах,
Верблюдов, коней в дорогих чепраках,



Битва между войсками Афрасиаба и Кей-Хосрова
Рукопись хранится в библиотеке дворца Гюлестан (Тегеран),

Две палицы, пару сапог золотых
И с амброю много сосудов литых
В алмазных узорах — немало всего,
Что было достойно героя того,
Ему за свершенные подвиги дал
И два перехода его провожал.
Когда же Хосров утомился в пути,
С коня богатырь не замедлил сойти,
С Хосровом простившись, покинул Иран,
Умчался на родину, в Забулистан.
Шли дни, умножалось царя торжество,
И все совершалось по воле его.
Был долог рассказ о хакане, зато *
Поведано все, не забыто ничто.
Когда бы хоть слово одно пропустил,
Того никогда бы себе не простил.
Сказанием о Пуладвенде дано *
Мне к песенной цепи прибавить звено.
А ныне о схватке с Акваном узнай,
Как див был сражен великаном, узнай.



[СКАЗ О БИТВЕ РОСТЕМА С АКВАН-ДИВОМ]

Создавшего душу и разум воспой
Словами, достойными цели такой.
Но может ли быть в полной мере творец
Тобою воспет? Поразмысли, мудрец.
Бессильны мы с нашей премудростью всей,
Поистине впору заплакать над ней.
Коль речь не о боге едином твоя — *
Напрасна она. Многих тайн бытия
Не знаем; скрывается многое в нем,
Чего мы своим не постигнем умом.
Могли бы мы долгие споры вести,
Но праведный к правде находит пути.
Слепую гордыню отбрось, человек,
Припомни: короткий сужден тебе век.
Окончится срок твоей жизни земной,
В обители ты водворишься иной.
Сомненьями ложными дух не томи,
К благому создателю мысль устреми:
Не им ли вертящийся держится свод?
Нас к правде и свету не он ли зовет?
Вглядись и увидишь: мир полон чудес,
Таинственных не приподнять нам завес.
Подумай хотя б о себе, не спеша:

И плоть твоя — чудо, и чудо — душа.
Свод неба припомни, дневной и ночной;
Тебя, что ни день, он дивит новизной.
Хоть истине чуждым покажется сказ,
Из глуби веков донесенный до нас,
Хоть знанье другой указует нам путь,—
Постигни речей затаенную суть
И правдой да будет твой дух осиян!..
Послушай, о чем повествует дехкан.

[*Хосров призывает Ростема сразиться с Акван-дивом*]

Так начал владеющий магией слов:
Однажды с утра венценосный Хосров,
Меж славных воителей, с чашей в руке,
Воссел в благовонном своем цветнике;
С ним славный Гудерз, именитый Ростем,
Борзин, сын Гершаспа, герой Гостехем*,
Гив доблестный, Тус и Роххам-исполин,
Хоррад, храбрый витязь, и гордый Горгин.
Запенились чаши во славу царей,
Послышались здравицы богатырей.
Пируют под руд, услаждающий слух,
Вдруг видят: табунщик бежит во весь дух.
Приблизившись, низкий отвесив поклон,
Сказал Кей-Хосрову венчанному он:
«В округе онагр объявился: драчлив,
Как будто сорвавшийся с привязи див,
Степного, голодного зверя грозней,
Он в клочья твоих раздирает коней.
Не ноги — четыре колонны. О нем
Сказал бы, что схож он с огромным конем
И весь будто золотом жидким омыт;
Атласная шкура, как солнце, горит;

Чернея, бежит вдоль спины полоса —
Таким сотворили его небеса!»
Царь думает: «То не онагрова стать,
Онагру коня не под силу задрать».
Сказал он Ростему: «И в этом бою *
Яви богатырскую силу свою!
Скачи, но умей осторожность блюсти:
Быть может, то сам Ахриман во плоти».
Ответ был: «Хранимый твоею звездой,
Слуга твой, не дрогнув, сразится с бедой.
Враг будет мечом моим острым пронзен,
Будь лев он иль див, или грозный дракон!»

[*Ростем преследует дива*]

С арканом, на Рехше своем огневом
На ловлю помчался он, схожий со львом.
В просторах степных, где с приходом весны
На воле царевы паслись табуны,
Охотясь, три дня непрестанно скакал,
Грозу табунов неустанно искал.
На утро четвертое видит он вдруг:
Как северный вихрь, напрямик через луг
Онагр, ослепляющий взоры, летит;
Как золото, шкура на солнце блестит.
Тут Рехша Могучий пускает вдогон,
Уже настигает, но думает он:
«Я в чудище это стрелять не хочу,
Уж лучше арканом летучим схвачу
И лезвием не обезглавлю его —
Живым властелину доставлю его».
Свой меткий аркан богатырь запустил,
И думает он, что онагра схватил.
Но зверь, лишь опасность учуял, тотчас
Пропал, как видение скрылся из глаз.

Подумал Ростем: «Не онагр это, нет!
Нужна тут не сила — рассудка совет.
Такого, лишь острым булатом пронзив,
Повергнуть возможно: то яростный див
Акван; здесь живет он, я слышал не раз,
Порою в онагровой шкуре таясь.
Вонзить бы в него закаленный мой меч,
Чтоб пурпурным струям по золоту течь!»
Онагр появился опять между тем.
Погнал быстроногого Рехша Ростем,
Мгновенно огромный свой лук натянул,
И вот уж стрелы наконечник сверкнул;
Но та не рассталась еще с тетивой,
Как снова умчался онагр огневой.
Вот день миновал, миновала и ночь,
По степи Могучий летит во всю мочь,
Не ест и не пьет, и не спит; на скаку
Уж клонится он головой на луку.
Вдруг видит источник с душистой водой;
Сок роз не сравнился бы с влагою той!
Он спешился, жадно к прозрачной волне
Прильнул и, напившись, подумал о сне.
Как только чубарого всласть напоил *,
На камне попону его расстелил *
И лег, и забылся целительным сном;
А Рехш стал пастись на просторе степном.

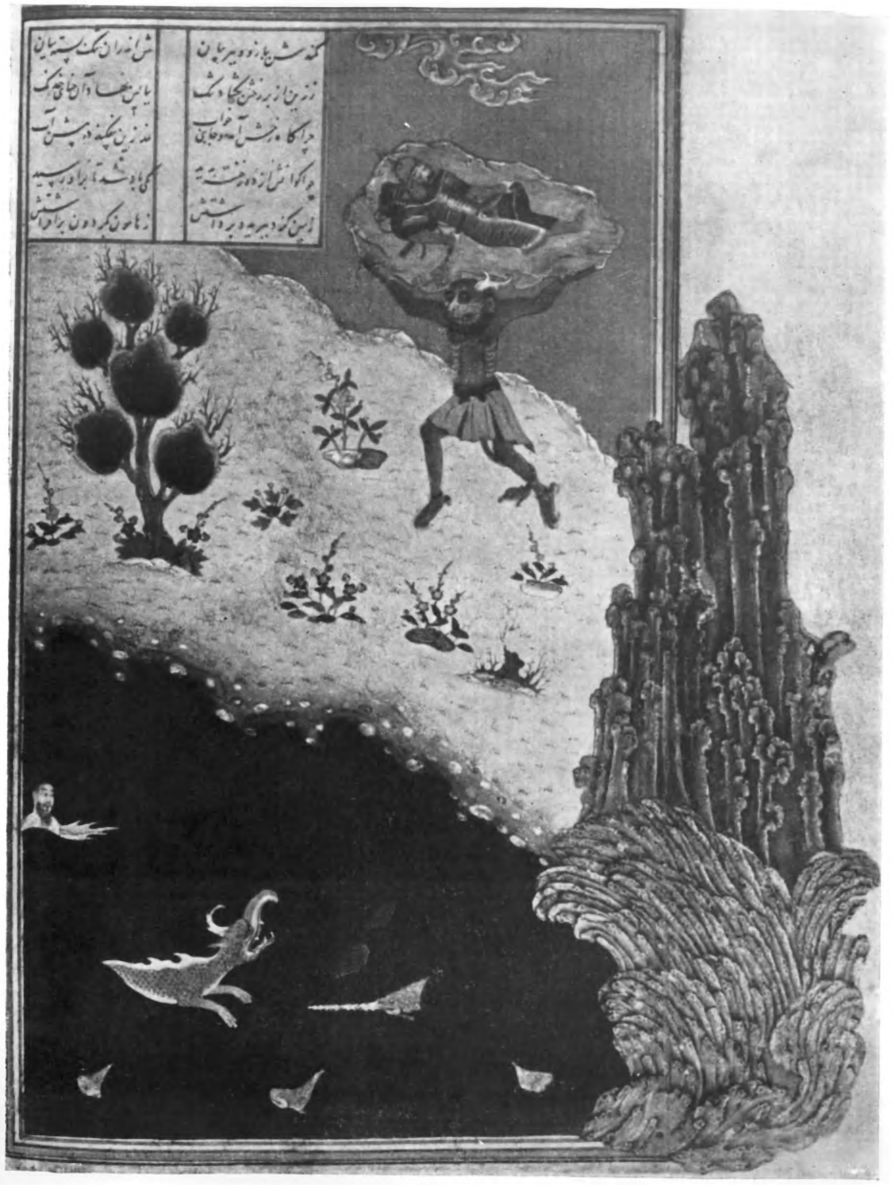
[*Акван-див бросает Ростема в реку*]

Лишь спящим увидел Ростема Акван —
Примчался и, словно степной ураган,
Взрыл землю вкруг камня, и богатыря *
Вознес и помчал, над землею паря.
Очнувшись, вокруг поднебесную ширь

Увидя, в отчаянье впал богатырь.
Сказал он себе: «Устрашающий див
Меня погубил, в западню залучив.
Прощай, моя палица, острый мой меч
И мощь богатырская дланей и плеч!
Теперь Афрасьяб одолеет в бою,
Предаст разоренью отчизну мою.
Погибнут и Тус, и Гудерз, и Хосров,
Не станет престола, литавр и слонов.
Меня пересилил нечистый: паду
И землю родимую ввергну в беду.
Мстить лютому диву отважится кто ж?
Ведь ровни ему на земле не найдешь».
Увидев, что пленник проснулся, Акван
Взревел: «Эй, подобный слону великан!
Свое мне желание можешь открыть:
Куда ты хотел бы низринутым быть —
В безбрежные ль воды, где плещется вал,
В глухие ль теснины меж каменных скал?»
Услышав свирепого дива слова,
Зажатый в тисках, исполинов глава
Подумал: «Костей не собрать мне, страшусь,
Коль пасть я на скалы нагие решусь.
Но что бы ему ни сказал — супротив *
Поступит обману приверженный див.
Услышав, что водный избрал я простор,
Меня он забросит на выступы гор,
Чтоб гибелью страшной меня погубить,
Безжалостно кости мои раздробить.
Уловку придумав, пущу ее в ход,
Чтоб сбросил меня над пучиною вод».
И вот что Аквану ответил храбрец:
«Сказал в поученье китайский мудрец:
Коль в бездне речной жизнь окончишь свою,

Душа не увидит Соруша в раю *,
Пребудет, скитаясь, в юдоли земной,
К обители не вознесется иной.
Ты водной пучине меня не вверяй,
Свирепым чудовищам в пасть не швыряй.
Низвергни средь гор: пусть в жестоком бою
Изведают тигры отвагу мою!»
Лишь речь исполина услышал Акван,
Взревел он, как в бурю ревет океан:
«Сыщу для души твоей верный приют,
Ее ни в одном из миров не найдут!»
И витязя, просьбе его вопреки *,
Он сбросил в глубокие воды реки.
И вот приняла исполина волна,
И, хищною стаей всплывая со дна,
Речные чудовища рвутся к нему,
Но мир перед ними поверг он во тьму
Мечом своим; левой гребет он рукой,
А чудищ безжалостно косит другой.
Без устали бьется могучий боец,—
Таков сотворенный для брани храбрец!
Кто стойкую доблесть являет в борьбе,
Того не сломить самовластной судьбе.
На берег выходит Ростем-исполин;
Увидя простор неоглядных равнин,
Возносит он благодаренье тому,
Чья милость послала спасенье ему.
Свой ратный кушак исполин расстегнул
И панцирь из тигровых шкур распахнул;
На солнце озябшее тело согрев,
Вновь рвется он в битву, как яростный лев.
Вернулся Ростем к родниковой волне,
Туда, где злым дивом был схвачен во сне.
Но резвого Рехша уж нет среди трав.

Воитель, свою незадачу прокляв,
С седлом и уздою, досадой объят,
Отправился Рехша искать наугад,
Охотясь в пути. Вот прозрачный ручей
Он видит; отрадная зелень ветвей
Тенистый шатер над водою сплела,
Порхают фазаны и перепела.
Там главный табунщик, стерегший в те дни
Коней Афрасьяба, спал мирно в тени.
Ростему послышался Рехша призыв:
Среди табунов он носился, как див.
И тут же, метнув богатырский аркан,
Поймал своего скакуна великан.
Йездану хвалу воздает и затем
Коня омывает, седлает Ростем.
И взнуздан ретивый, и вот уж верхом
Несется герой с обнаженным клинком;
Успел всех коней захватить и угнать—
Йезданова вновь помогла благодать.
От ржанья и топота тех скакунов
Проснулся встревоженный страж табунов.
Он тут же скликает бойцов верховых.
И мигом вскочив на коней огневых,
Арканы схватив, все несутся вперед;
Не могут понять, кто же дерзостный тот?
Кто вздумал ворваться в запретный предел,
С бойцами Турана тягаться посмел?
Несутся стремительно всадники вслед —
Догнать, растерзать бы любимца побед!
Воитель, почуяв врагов за спиной,
Занес, обернувшись, клинок свой стальной.
И слышится клич громовой удальца:
«Ростем я, сын Заля, внук Сама-бойца!»
Булатом он воинов косит подряд.



Акван-див бросает Ростема в реку

Рукопись хранится в библиотеке дворца Гюлестан (Тегеран)

И в страхе табунщик помчался назад.
Повесил свой лук на плечо, и стрелой
Несется вослед богатырь удалой.

[*Появление Афрасиаба и битва Ростема с Акван-дивом*]

А тут, как нарочно, смотреть табуны
Примчался владыка туранской страны
С дружиной, мечтая в тот миг об одном:
Заботы забыть за кипучим вином.
И вот он лугов заповедных достиг,
Тех самых, где чистый плескался родник.
Но сколько ни смотрит — не видит коней,
Не видит и стражи бесстрашной своей.
Тут ржанье к нему донеслось издали:
В просторе степном, исчезая в пыли,
Несется табун скакунов огневых,
И Рехш ослепительный мчится средь них.
Табунщик, к царю прибежав, второпях *
Поведал о виденных им чудесах:
Коней, мол, Ростем, без подмоги бойцов,
Угнал и немало убил удальцов.
Пылая досадой, туранцы кричат:
«Один в эти земли проник супостат!
Что мешкаем! Вооружаться пора!
Теперь не до шуток, сражаться пора!
Иль так мы бессильны и жалки сейчас,
Что можно напасть в одиночку на нас?
Ведь это бесчестье для нашей страны.
Немедля врагу отомстить мы должны!»
Повел Афрасьяб, жаждой мести зажжен,
Бойцов и слонов исполину вдогон.
Заслышав погоню, тот взялся за лук,

Навстречу наездникам ринулся вдруг,
Обрушил на них, словно гибельный град,
Свистящие стрелы, разящий булат.
Когда шестьдесят супостатов сразил,
Стал палицей биться, всем смертью грозил.
И сорок других сокрушил удальцов.
Тут кинулся вспять предводитель бойцов,
За ним и дружина, смятенья полна,
И брошены в поле четыре слона.
Преследует войско Ростем с булавой,
И снова, как будто порой грозовой,
Гул, грохот поднялся. По шлемам стуча,
Сражает он за силачом силача.
Отняв у врагов и коней, и обоз,
Немало добычи оттуда увез.
Затем к роднику воротился, и вновь
Вскипает от ярости витязя кровь:
Аквана увидел он снова. Кричит
Нечистый: «Поныне ты битвой не сыт!
Лишь спасся от лютых чудовищ речных,
В степь ринулся, ищешь ты схваток иных!»
При виде противника, рассвирепев,
Взревел богатырь, словно яростный лев,
Откинувшись, длинный аркан раскрутив,
Метнул — и настигнут неистовый див.
Тяжелую палицу мощный боец
Занес, как заносит свой молот кузнец.
Обрушил удар изо всех своих сил
И чудищу злому хребет раздробил.
Покинув седло, вынул острый свой меч —
Торопится голову диву отсечь.
И к небу несется Ростема хвала:
Победа ведь послана небом была.
Мудрец, если правду приемлет твой дух *,

Ты к притче моей не останешься глух.
Кто див? Человек недостойный, кем стыд
Отвергнут и божий закон позабыт.
Того, кем любви к человеку стезя
Забыта, считать человеком нельзя.
Ростемом сражен был воинственный вождь,
Чьи были безмерны свирепость и мощь.
Его ты по имени на пехлеви
Геваном, а не Акван-дивом зови.
Ты, многое видевший в мире земном,
Что скажешь о повествованье моем?
Кто ведает, сколько побед и обид
Времен нескончаемый бег нам сулит.
Он так продолжителен времени бег,
Что многие были забыл человек...

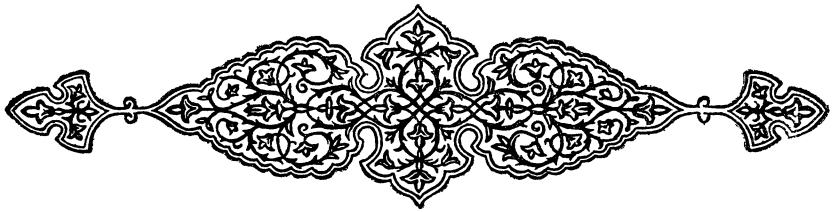
[*Возвращение Ростема в Иран*]

Свирепого дива с душой разлучив,
На Рехша, коня огневого, вскочив,
Помчался Ростем, уводя табуны,
Добычу везя из туранской страны.
Скакал со слонами, с несчетным добром.
Гордилось отечество богатырем.
Дошло до властителя тою порой,
Что едет с победою славный герой.
Царь мыслит: «Отныне беспечно могу
Онагров арканом ловить на бегу.
От рук исполина ни слон не уйдет,
Ни хищник степной, ни чудовище вод.
Узнают его закаленный булат
И дивы, и рвущийся в бой супостат!»
Готовится к встрече Ростема Хосров,
Сверкают венцы именитых бойцов.

Слонов повели и кимвал повезли,
И трубы, и стяг властелина земли.
Ликуя и славя победу царя,
Встречают воители богатыря.
Увидя, что к ним от дворцовых ворот
Хосров-миродержец навстречу идет,
Он спешился, пал пред великим царем;
Шум, клики, литавр оглушительный гром.
И витязи тут соскочили с коней.
Затем приказал повелитель царей,
Чтоб снова на Рехша воссел исполин,
Даритель венца, победитель дружин.
Все вихрем помчались и вскоре дворца
Достигли. Полны ликованья сердца.
Вождь роздал иранцам добытых в борьбе
Коней, только Рехша оставил себе.
А белых, отбитых в сраженье, слонов
Своими назвал венценосный Хосров.
Воссело собрание богатырей.
При говоре струн пировали семь дней.
За пенистой чашей владыке меж тем
Рассказывал так об Акване Ростем:
«Я краше онагра не видел вовек.
Все диво: и стать, и окраска, и бег.
Когда же рассек ему кожу клинок —
И друга разжалобить он бы не смог,
Не только что недруга: шея слона,
Клыкастая пасть, грива в космах, грязна.
Невольно отпрянешь назад, устрашась
Чернеющей пасти, белеющих глаз.
А ростом он, словно огромный верблюд.
Его я мечом обезглавил, и тут
Кровь хлынула, будто бы дождь проливной,
Как море, простор затопила степной».

Зажглось восхищенье у шаха в очах,
Возносит хваления жаркие шах
Йездану, которым Ростем сотворен.
Никто не припомнит с древнейших времен,
Чтоб щедро был так наделен красотой
И статью, и силою смертный простой *.
«Когда бы творец,— Кей-Хосров говорил,—
Меня добродетелью не одарил,
Мне витязь такой не служил бы, чья длань
Слонов и чудовищ приносит мне в дань».
Неделю еще услаждались затем
Вином и свирелью. На третью Ростем
Задумал вернуться в родные края.
Желанья того от царя не тая,
Поведал он: «Сердце уносится вдаль;
Сын Сама мне вспомнился — доблестный Заль.
С ним свижусь и снова к тебе ворочусь,
С бойцами туранскими снова схвачусь.
Еще не исполнилась грозная месть,
Отбитый табун местью можно ли счесть?»
Хранилища отпер владыка царей,
Извлек по приказу его казначей
Немало алмазов, струящих лучи,
Пять мантий из золототканной парчи,
Трон кости слоновой, короны, ковры,
Динары, шелка и другие дары.
В богатых уборах рабынь молодых,
Румийских рабов в кушаках золотых
Ростему пожаловал щедрый Хосров,
Промолвив: «Достоин ты лучших даров!
День должно со мною еще провести,
А там и готовиться можно к пути».
Пируя, сидели они до утра.
Но вот именитый поднялся: «Пора!».

Его два фарсанга Хосров провожал,
Прощаясь, в объятиях витязя сжал.
И вскоре исчез в отдаленье храбрец,
А царь воротился к себе во дворец.
Благого царя все росло торжество,
И все совершалось по воле его.
Путь рока — увы! — то прямой, то кривой:
То луком покажется он, то стрелой.
Сказ кончен о диве, что звался Акван,
С которым сражался Ростем-великан.
О битве Бижена сказанье начну,
Заплачешь, услышав про эту войну.



[СКАЗ О БИЖЕНЕ И МЕНИЖЕ]

Ночь словно омыта смолою густой *,
С агатом поспорит она чернотой.
От взоров и Тир, и Кейван, и Бехрам *
Укрыты, окутал их тьмы океан.
И странен взошедшего месяца лик:
Унылый и бледный он в небе возник;
Истаявший, словно томимый тоской
По своду, где царствует вечный покой,
Плывет он, на четверть лишь видный земле,
Ее уступая таинственной мгле.
Вершины и долы — все ночь облекла
Покровом, чернее воронья крыла.
Со сталью померкшею схож небосклон,
Нахлынувшим мраком и он покорен.
Весь мир словно взят Ахриманом во власть,
Раскрывшим змеиную черную пасть.
И мнится: лишь ветер повеет слегка —
Прах черный в тиши сеет негра рука.
Не сад, не ручей, не пестреющий луг —
Лишь темень угрюмую вижу вокруг.
И кажется, замер вертящийся свод
И солнце угасшее вновь не взойдет *.

Земля в облачении черном ночном
Покоится, крепким охвачена сном,
И страж заглушил колокольчика звон.
Сказал бы ты, мир сам собой устрашен.
Ни щебета птиц, ни рычанья зверей —
Молчанье царит над вселенною всей.
Вершины от пропасти не отличишь,
И душу томит бесконечная тишь.
Прогнать бы, рассеять нависшую тьму!
Жила у меня дорогая в дому;
Я кликнул ее, чтобы светоч внесла,—
И в сад красота дорогая вошла.
«Светильник зачем? — вопросила.— Иль жуть
Напала, мешая спокойно уснуть?»
«Любимая,— молвил я,— спать не хочу,
Внеси же подобную солнцу свечу.
С тобой попируем за чашей вина,
И пусть услаждает нас ченга струна».
Краса дорогая покинула сад,
Со светочем ярким вернулась назад.
И все уж для пиршества принесено —
Айва, померанцы, гранаты, вино.
То чашу, то ченг эти пальцы берут.
Сказал бы, любуясь: колдует Харут *.
И все воплотилось, о чем я мечтал:
Мрак ночи полуднем сияющим стал.
Воссели за чашами дружной четой,
И вот что затем я услышал от той,
Чья светлому солнцу подобна краса:
«От горя тебя да хранят небеса!
Старинную книгу я стану листать,
Сказанье о днях миновавших читать.
Пей, милый, и слушай медлительный сказ,
Причудам всевластного рока дивясь.

Ростем, Мениже и воины у колодца, где заключен Бижен
С рукописи библиотеки Института народов Азии **АН СССР** (Ленинград)

Все в сказе — сраженья, любовь, колдовство;
Отрадно разумному слушать его».
Сказал я: «Венчанный луной кипарис!
Молю я, за чтенье скорее примись».
Спросила: «Тот сказ пехлевийский потом
Своим перескажешь ли звучным стихом?»
На это ответил я милой: «Готов
Внимать я течению плавному слов.
Быть может, избавясь от тягостных дум,
Усну я, тревога покинет мой ум,
Вернутся ко мне вдохновенья часы,
О друг, образец непорочной красы!
О том, что из уст я услышу твоих,
Поведает людям правдивый мой стих,
И милость Йездана в награду пожну.
Благую судьба мне послала жену!»
Затем прочитала любимая мне
Пленительный сказ о седой старине.
Теперь на творение это взгляни,
Его по достоинству ты оцени.

[*Арманы прибегают к защите Кей-Хосрова*]

С войны возвратился с победой Хосров,
И край возрожденный стал светел и нов.
Возвысил свой трон, торжеством осиян,
Престола лишил побежденный Туран.
Осыпало небо обильем щедрот
Иранцев; за милостью милость им шлет.
Страна благоденствовать стала, как встарь,
Избранником неба стал доблестный царь.
Отмстив за царя Сиавуша в борьбе *,
Две трети земли подчинил он себе,
Но помнил, что русло, где прежде волна

Бурлила, не место для сладкого сна.
Однажды с дружиной Хосров пировал,
За здравье бойцов поднимая фиал.
Престол властелина украшен парчой,
Алмазами блещет венец золотой.
Он держит блестящую чашу с вином *
И ченгу внимает, забыв обо всем.
Пируют вожди знаменитых дружин:
Герой Гостехем, Фериборз — царский сын,
Гудерз — сын Гошвада, отважный Ферхад *,
Гив славный, Горгин, чей родитель Милад,
Тус, ордам несущий погибель и плен,
Хоррад и Шапур, и бесстрашный Бижен * —
Властителю преданных богатырей
Немало. Напиток, достойный царей,
В их чашах горит, как йеменский рубин,
Пред каждым пирующим розы, жасмин.
Плясуньи пред шахом склоняются ниц —
Их кудри льют мускус на лилии лиц.
Блистает невиданной роскошью пир,
Которым испытанный правит везир.
И вдруг из-за плотной завесы ковра
Страж бдительный входит. Везиру двора
Сказал он: «Арманы стоят у дверей,
Хотят повидать властелина царей.
С границы Турана — соседней земли
Они умолять о защите пришли».
Везир искушенный, услышав о том,
Тотчас доложил, преклонясь пред царем,
О слышанном. Дал дозволенье Хосров,
И вот, как положено, вводят послов.
Те, в горе великом, душою горя,
Рыдая, приблизились к трону царя.
Почтительно руки у них скрещены

И скорбные лица от праха черны.
Воззвали: «Владыка, любимец побед,
Весь век благоденствуй, не ведая бед!
Тебя, венценосный, на помощь зовем.
На стыке Ирана с Тураном живем;
Те земли — арманов исконный приют,
Арманы тебе челобитную шлют.
Да славишься вечно, владыка владык!
Преследуя зло, будешь мудр и велик!
Семь стран благосклонностью ты наградил *,
И каждую ты от невзгод оградил,
А мы, на границе туранской страны,
Невиданным бедствиям обречены.
Владели в Иране лесной полосой;
И, радуя взоры, там каждой весной
Деревья плодовые пышно цвели,
Там сеяли злаки, стада мы пасли.
С той щедрой землею мы тесно сжились;
О праведный царь, помоги, заступись!
Все отнято—пастбища, нивы, вода.
Нагрянуло множество вепрей туда,
С клыками слонов, каждый с гору на вид,
И люд обездоленный горем убит.
Наш лес благодатный корчуют они,
Деревья, растущие там искони,
Безжалостно губят, круша и грызя,
Нам голодом, гибелью верной грозя.
Гранит — не преграда для этих клыков.
Подумай, владыка, удел наш каков!»
Услышав усталых пришельцев слова,
Охвачен печалью державы глава.
В той горькой беде соболезнуя им,
Воззвал он к бойцам именитым своим:
«Эй, витязи славные, храбрая рать!

Героя, что, славу желая стяжать,
Решится на яростных вепрей напасть
И смело осилит лихую напасть,
Мечом обезглавит свирепых зверей,
Заране хочу одарить пощедрей».
Столы золотые хранитель казны
Доставил по воле владыки страны;
Немало принес и рассыпал на них
Сверкающих дивно камней дорогих.
Десяток коней златоуздых потом
Пригнали, клейменных Кавуса тавром,
В богатых попонах румийской парчи.
И тем, чьи прославились в мире мечи,
Владыка в наставшей сказал тишине:
«Ответствуйте, витязи храбрые, мне:
Кто подвиг во имя отрады моей
Свершит и добьется награды моей?»
Безмолвны вожди закаленных дружин,
И только Бижен, Гива доблестный сын,
Вперед из толпы именитых шагнув,
Воскликнул, Йездана пред тем помянув:
«Да будешь ты всеми народами чтим!
Престол да пребудет навеки твоим!
Рожден я тебе, о владыка, служить,
Сей подвиг готов для тебя совершить».
Речь сына услышал прославленный Гив
И дрогнул, тревогу в душе затаив.
Вначале Хосрова он стал восхвалять,
Затем молодого бойца наставлять.
Сказал: «Опрометчивость губит мужей.
Ты зря обольщаешься силой своей!
Пусть юноша храбр, одарен, родовит,—
Он опыта удалью не возместит.
Изведай сначала и радость, и боль,

Отведай и горечь, и сладость, и соль.
Смотри, пред владыкою не осрамись,
Тропою нехоженой вдаль не стремись!»
Воскликнул во гневе Бижен молодой,
Рожденный под светлой, благою звездой:
«Не думай, о мой именитый отец,
Что я неумелый и слабый боец!
Прости, что тебе возразить я посмел:
Пусть молод годами, рассудок мой зрел.
Зверей уничтожу, отважен и горд,
Бижен я, сын Гива, губителя орд!»
И слышит хвалу властелина герой,
Дозволено славному ринуться в бой.
«О доблестный витязь! — Хосров говорит,—
Ты в каждой беде мне — опора и щит.
Не станет разумный страшиться врага,
Когда у него столь отважный слуга».
Горгина затем властелин подозвал,
Сказал: «У арманов Бижен не бывал.
Ему вожаком и товарищем будь.
Коней быстроногих седлайте и в путь!»

[*Бижен отправляется биться с вепрями*]

И вот уж собрался в дорогу смельчак,
Надвинут шелом, крепко стянут кушак.
С ним спутник, опора в походе,— Горгин,
Героя Милада воинственный сын *.
В дорогу и соколов взяли, и псов *;
По воле Бижена, затеяли лов.
Как лев разъяренный, исполненный сил,
Онагров травил и косуль он косил.
Был меток Биженов аркан: Тахмурес *,
Злых дивов губитель, в нем будто воскрес.

В пути, что ни шаг, то пронзенная лань —
Свирепости гончих кровавая дань.
В когтях соколиных над ширью равнин —
Фазаны, и каплет их кровь на жасмин.
Так витязи мчались, не зная преград,
Им чудилось: то не дорога, а сад.
И вот уже видят бойцы пред собой
Ту чащу, куда их послали на бой;
Там рыскали вепри, не чуя того *,
Что гонит Бижен скакуна своего.
Домчавшись, в безудержном гневе своем *
Готовый к расправе с опасным зверьем,
Кричит он Горгину: «Пора нападать!
Коль хочешь — оставь меня стрелы метать,
А сам смертоносный клинок обнажи
И зорко у озера ты сторожи.
Лишь рев ты услышишь, бросающий в дрожь,
Не медли: отвагу, сноровку и мощь —
Все в дело пусти, нагони, перебей
Упущенных мною свирепых зверей!»
На это Бижену ответил Горгин:
«С тобой не о том говорил властелин.
Ведь хищников ты извести посулил,
Алмазы и жемчуг ведь ты получил,—
Так в битве участья не жди моего!
Я твой провожатый, не больше того».
Бижена подобный ответ поразил;
Он в гневе от спутника взор отвратил,
На лук тетиву торопливо надев,
Без страха рванулся вперед, словно лев.
Клич грянул, весеннего грома грозней,
Такой, что посыпались листья с ветвей.
Колчан свой наполненный опустошил
Бижен и блестящий булат обнажил.

Тут хищников стая вокруг собралась,
Прах роют клыками, хрипя и ярясь.
Вожак, разъяренный как дьявол, напал,
Кольчугу на витязе вмиг разодрал,
Потом он клыки отточил о самшит,
Как точат напильник стальной о гранит,
И снова схватился с бойцом молодым,
И пыль заклубилась над ними, как дым.
Занес богатырь свой булатный клинок,
Чудовище надвое разом рассек.
И прочие вепри, беспомощней лис,
В борьбе полегли, кровью все облились.
Поверженным головы рубит герой,
К седлу их торочит одну за другой,
Чтоб силу и доблесть иранцам явить,
Победой невиданной их удивить
И шаху кабаньи клыки поднести.
А туши оставить пришлось на пути:
Ведь были увесистей каменных глыб,
Их буйволы даже свезти не могли б.

[*Горгин искушает Бижена*]

Горгин, неразумный, злонравный боец *,
Биженовой битвы победный конец,
Вернувшись, увидел; темнеет в глазах,
Томит пред стыдом и бесчестием страх.
Устами герою воздал он хвалу,
Но в сердце дал место досаде и злу.
Рассудок ему помрачил Ахриман,
Решил он пуститься на черный обман.
Но цели достичь безрассудный не смог,
Решил по-иному недремлющий рок.
Ты, роющий яму другому, страшись!

Тебе самому от нее не спастись.
Корыстью и жаждою славы влеком,
Горгин западню перед тем смельчаком
Расставил. Сказал он: «О разума свет!
Тебе, победителю, равного нет.
Йезданом и счастьем высоким храним,
Прославишься подвигом ты не одним.
Но выслушай ныне правдивый рассказ:
Я в этих краях побывал уж не раз.
Здесь были со мною Ростем, Гостехем,
Был Тус — сын Новзера, был Гив, Гождехем *.
Мы бились на этих равнинах тогда
Отважно; с тех пор миновали года;
Те битвы прославили нас, вознесли
В глазах властелина иранской земли.
Проделав отсюда двухдневный лишь путь,
Мы сможем на праздник весенний взглянуть
В Туране. Цветами пестреющий луг
Чарует и радует сердце. Вокруг
Сады, родники под шатрами ветвей,
Там отдых желанный для богатырей.
Не воздух, а мускус, и каждый поток
Пьянит благовоньем, что розовый сок.
Куст гнется под ношей душистой своей,
Над розой-кумиром шаман-соловей,
Он трель рассыпает, взлетев на платан;
И плавно ступает по лугу фазан.
Узнай же, недолгое время пройдет,
Прибрежный тот луг, словно рай, расцветет;
Там станут звенеть от зари до зари
Веселые песни прекрасных пери *.
Блистая, как солнце, изгнавшее ночь,
Придет Мениже, Афрасьябова дочь,
Раскинет шатер на лугу под горой,

И с нею — прислужниц пленительный рой.
Туранские девы, как тополь, стройны,
Их кудри, что мускус, душисты, черны.
Их лиц под фатою нежна красота,
И розою алые пахнут уста.
К разубранным их присмотревшись шатрам,
Ты вспомнишь китайский сверкающий храм.
К Урочищу празднеств, о славный герой,
Мы за день домчимся, нагрянем грозой
И дев, сколько сможем, в полон уведем,
И будет набег наш одобрен царем».
Сумел раззадорить он, так говоря,
Бижена, отважного богатыря.
Был молод, взыграла в нем юная кровь,
Манит его слава, манит и любовь.

[*Бижен направляется к Мениже*]

Вот оба помчались далеким путем,
Желанием — этот, тот злобой ведом.
Меж рощ на поляне, лишь день миновал,
Прославленный витязь устроил привал.
Два дня на просторах Арманской земли,
Охотою тешась, мужи провели.
Проведал Горгин, что настала пора:
Царевна пирует под сенью шатра.
Спешит он Бижену поведать о том,
Твердит об Урочище ночью и днем.
Ответу Бижена внимает Горгин:
«Туда я отправлюсь сначала один,
На юных красавиц украдкой взгляну,
Увижу, как славят в Туране весну,
Но мешкать не стану, к тебе ворочусь,
Копьем вознесенным сверкая, примчусь.

И станет тогда нам задача ясней,
Как действовать надобно, будет видней».
Сказал казначею: «Корону отца *,
Что светом своим оживляет сердца,
Неси мне: украситься ею хочу,
Ведь нынче на празднество я поскачу».
И вот, осененный Хомая пером *,
Венец изумрудный сверкает на нем,
Блестит ожерелье, дар щедрый царя;
Подвески, достойные богатыря,
Румийская мантия, перстень, кушак
Надеты; несут вороному чепрак,
Седлают; воитель вскочил на него
И гонит; и вскоре до луга того
Домчался, царевну увидеть спеша *;
Мечтанием страстным объята душа.
Направясь к платану, под тенью ветвей
Укрылся от солнечных жгучих лучей
В уборе своем ослепительном князь *
И смотрит на нежных пери, притаясь.
Сказал бы ты, родина их Кандагар;
Воздушны, полны упоительных чар,
Порхают, кружатся и звонко поют,
И вторит их пению сладостный руд.
Завесу откинув, царевна-заря
Увидела юношу-богатыря.
Ночь—кудри его, лик — Йемена луна,
Лилейность фиалками оттенена.
На нем драгоценный румийский убор
И княжья корона, слепящая взор.
Стал витязь прекрасной затворнице мил,
В ней страстной любовью любовь пробудил.
Послала кормилицу, дав ей наказ:
«Спроси и ответ принеси мне тотчас:

Кто этот, звезду затмевающий муж?
Виденье ль, оживший ли царь Сиавуш?
Иль день воскресения мертвых настал*,
И в каждом любовный огонь запылал?
Спроси от меня: как сюда ты проник,
О доблестный витязь, кто твой проводник?
На этом цветущем лугу, что ни год *,
Встречает весну юный наш хоровод.
Не видела юношей здесь до сих пор,
Ты первый красой поражаешь мой взор.
Правдивым ответом порадуй мой слух:
Поведай мне, ты человек или дух?
Прекрасней тебя не рождались мужи.
Откуда ты, как твое имя, скажи?»
К Бижену поспешно раба подошла,
Ему поклонилась, хвалу воздала,
Своей госпожи повторила вопрос.
И счастье у юноши в сердце зажглось;
И он, чьей отвагою славился край,
Ответил: «О сладкоречивая, знай,
Не царь Сиавуш, не видение я,
Прекрасный Иран — вот отчизна моя.
Сын Гива Бижен, от просторов родных
Я мчался на ловлю чудовищ лесных;
Убитыми их побросал на пути,
А шаху клыки собирался везти.
Когда же о празднестве вашем узнал,
К отцу торопиться уже я не стал.
Я чаял, предстанет хотя бы во сне
Лик дочери Афрасиабовой мне.
И вот, словно Чина чарующий храм,
Ваш луг заповедный явился очам.
Меня осчастливив своей добротой,
Получишь венец и убор золотой.

Молю, укажи к ослепительной путь,
Ее благосклонность Бижену добудь!»
Вернулась служанка к своей госпоже,
И слышит желанную весть Мениже
О юноше милом: каков он лицом,
Осанкой, как создан великим творцо́м.
И тотчас ответ посылает краса:
«Желанное в дар тебе шлют небеса.
Я жду тебя, витязь, подобный пери,
Приди и весельем мой дух озари!
Увидя тебя, просветлеет мой взор,
В цветник обратятся и степь, и шатер».
Царевны ответ удальцу принесен,
И жадно внимает посланнице он.

[*Бижен в шатре у Мениже*]

Все выслушал князь восхищенный, и вот
Покинул он широколиственный свод
И к дочери Афрасиаба-царя
Стремительно шествует, страстью горя.
Вступает в шатер; словно стройный платан,
Его опоясанный золотом стан.
Приблизясь, царевна его обняла,
Сняла с него панцирь и речь завела,
Вопрос за вопросом ему задает:
«С кем, витязь, на вепрей свершил ты поход?
Тяжелые латы тебе не под стать,
Стан стройный такой не грешно ль отягчать?»
Вот розовой благоуханной водой
Омыты воителя ноги. Едой
Стол щедро уставить приказ отдала:
Нет счета напиткам, нет яствам числа.
Отосланы лишние. Чаши полны,

И слышится рокот певучей струны.
В руках у прелестных невольниц поют
И сладостный ченг, и чарующий руд.
Что барсова шкура — в динарах ковер,
Что перья павлина — на тканях узор.
Алмазов и лалов мерцают лучи,
Дыхание амбры, сверканье парчи.
Хрустальная чаша со старым вином
Сморила Бижена, и тщетно со сном
Он борется после трех дней, трех ночей,
Что в неге провел он с подругой своей.

[*Мениже велит перенести Бижена в свой покой*]

Покинуть пора ему царскую дочь,
Но ей разлучиться с Биженом невмочь.
Увидя, что друг захмелел от вина,
Прислужниц своих подзывает она,
Снотворного крепкого зелья достать
Велит и Бижену в вино подмешать.
Вот чашу Бижен осушил, вот уж он
Ресницы сомкнул, в крепкий сон погружен.
Готовят ковчег и пускаются в путь;
Ничто не мешает в пути отдохнуть.
Сиденье — ковчега одна сторона,
Другая — покойное ложе для сна,
И веет над спящим дыхание роз,
Пьянящее благоухание роз.
Под отчий вступает красавица кров.
Накинув на спящего темный покров,
Несут его молча, и вот, наконец,
В покоях царевны Бижен-удалец,
На ложе роскошном. От крепкого сна

Его пробужденье торопит она,
Дает благовоний бодрящих вдохнуть,
Чтоб мог он ресницы скорей разомкнуть.
Проснувшись, в объятьях своих исполин
Увидел царевну, чьи плечи — жасмин.
Он в замке царя Афрасьяба вдвоем
С красой луноликой на ложе одном.
Взывает он в страхе: «О правый Йездан!
Сетями опутал меня Ахриман.
Предчувствием тягостным дух мой томим,
Страшусь, не уйти мне отсюда живым.
Моленьям моим, всемогущий, внемли,
Отмщеньем Горгину мой гнев утоли.
Им, низким, расставлена мне западня,
Он сотней соблазнов опутал меня».
Сказала красавица: «Развеселись,
Заранее будущих бед не страшись!
Ты — муж: подобает изведать тебе
И счастье в любви, и опасность в борьбе».
И снова они принялись пировать:
Беда ли, победа ли ждет их, как знать! *
Призвали красавиц из разных шатров,
На каждой — китайского шелка покров,
У каждой в руках — упоительный руд,
Вновь дни в непрестанном веселье текут.
Недолго тонули в блаженстве таком,
Дошли до привратника слухи о том;
Предательский в дело вмешался язык,
Что беды злоречием сеять привык.
Подробно расследовав дело тогда ж,
Все вызнать сумел проницательный страж:
Кто спрятанный витязь, из рода чьего,
Откуда примчался в Туран, для чего...
И вот, Афрасьябова гнева страшась,

Себя уберечь от возмездья решась,
Привратник, не видя иного пути,
Надумал ему обо всем донести.
И слышит владыка: «Скажу, не тая,
Подругой иранца дочь стала твоя».
К творцу повелитель Турана воззвал,
Что ивовый лист на ветру, задрожал.
С ресниц он кровавые слезы отер,
Сказал, проклиная судьбы приговор:
«Злосчастен взрастивший не сына, а дочь;
Хоть царь он — удел его черен, как ночь».
Владыка разгневанный сына зовет,
И вот Карахан перед ним предстает.
Сказал Афрасьяб: «Посоветуй, как быть,
С преступною дочерью как поступить?»
И слышит в ответ Карахана слова:
«Внимательно дело расследуй сперва,
Коль истину слышал ты — действуй, но ведь
Услышать — не то, что воочью узреть».
Лишь это сказал предводитель дружин,
Решение принял тотчас властелин;
Призвав Герсивеза, от ярости пьян,
Вскричал: «Снова козни нам строит Иран!
За что я судьбою преследуем так!
Не только Иран, дочь родная мне — враг.
С бойцами к царевне в покои ворвись,
И двери, и кровли занять торопись.
Того, кто в покоях укрылся, схвати,
Связав, не замедли ко мне привести».

[*Герсивез приводит Бижена к Афрасиабу*]

Бойцы Герсивеза подкрались к дверям
И слышат: идет пирование там.

Звучат во дворце, что возвел Афрасьяб,
И ченг, и чарующий душу робаб.
Вот заняты каждая кровля и вход —
Теперь из чертога никто не уйдет.
Лишь двери закрытые вождь увидал,
Услышал — звучит, наполняясь, фиал,
Дверь вышиб он мощным своим кулаком,
Внутри очутился единым прыжком
И видит — в чертоге пришелец, чужой
Пирует вдвоем с Мениже молодой.
Невольницы пляшут для них и поют *,
Звенит сладкогласный чарующий руд,
И блещет меж дев удальца красота,
И в винных рубиновых каплях уста.
В туранце неистовый гнев закипел;
Едва разглядеть он Бижена успел,
Ему угрожающе крикнул: «Наглец!
Презренный, безвестного рода пришлец!
Ты в лапах у лютого льва, берегись,
От гибели верной тебе не спастись!»
Бижен содрогнулся, и думает он:
«Какой я боец, коль доспехов лишен!
Увы, далеко от меня мой гнедой,
Покинут я, видно, счастливой звездой.
Ужели, главу здесь напрасно сложив,
К тебе не вернусь, внук Гошвада, о Гив!
Никто в целом мире меня не спасет,
Лишь правый Изед мне — единый оплот».
Бижен осторожный всегда свой кинжал
Отточенный за голенищем держал.
Блеснул извлеченный из ножен клинок,
И с возгласом витязь ступил на порог:
«Бижен я, из рода Гошвада боец,
Меж войска иранского первый храбрец!

Схватиться со мной кто посмеет? Лишь тот,
Кто, жизнью пресытившись, гибель зовет.
И даже в день судный — в том клятву даю —
Мой враг не увидел бы спину мою».
И далее так Герсивезу сказал:
«Злой рок, потешаясь, мне руки связал.
Меня, именитого богатыря,
Узнал ты, и предков моих, и царя.
Когда воевать захотите со мной,
Лить кровь не устанет клинок мой стальной.
Я этим кинжалом, вселяющим страх,
Здесь витязей многих повергну во прах!
Но если к царю обещаешь отвесть —
Всю правду ему расскажу я, как есть.
Быть может, мне жизнь у царя своего
Испросишь, ко благу направишь его».
Вождь видит: Бижена губительна длань,
Он ринется неустрашимо на брань,
Разить беспощадно отважный готов,
Немало снесет он туранских голов.
И дружбу ему Герсивез обещал,
Его уговаривал, увещевал,
Речами умильными в сеть залучил,
Когда же кинжала коварно лишил,—
Героя, связав, как гепарда, повлек.
Что проку в отваге, коль злобствует рок!
Вот пленник предстал пред владыкой страны,
Слезами горючими очи полны;
В цепях, побледневший от мук и обид,
Боец с головой непокрытой стоит.
Сказал он, хвалу властелину воздав:
«Ты правду услышать желаешь — ты прав.
Сюда я попал не по воле своей,
И нет здесь вины, о владыка, ничьей.

Я в чаще арманской вел с вепрями бой,
Забросил в Туран меня случай слепой.
Отбился мой сокол, в погоне за ним
Расстался я с краем и родом своим.
Жгло солнце полдневное все горячей,
Уснул я, листвою укрыт от лучей.
Явилась пери, распростерла крыла,
В объятия спящим меня приняла,
С конем разлучила и, вихря быстрей,
Умчала навстречу дружине твоей,
Что стражем царевны была. Меж рядов
Плыла вереница походных шатров.
Бойцы верховые держали навес,
Богато украшенный,— чудо чудес;
Под ним, осененный тончайшей тафтой,
Сиял, колыхаясь, ковчег золотой;
В нем дева дремала — красы образец,
Блистал у ее изголовья венец.
Пери, Ахримана сперва помянув,
Как вихрь меж бойцов верховых промелькнув,
В ковчег золотой усадила меня
Близ девы. Не зная ни ночи, ни дня,
Все спал я — не мог побороть колдовство, —
Пока не достигли дворца твоего.
Поверь, неповинен в случившемся я,
Безгрешна и дочь молодая твоя.
Я черными чарами был побежден,
Нечистою силою схвачен в полон».
Владыка Бижену ответил на то:
«От кары тебя не избавит ничто.
Давно ль меж иранских мужей с булавой,
С арканом ты славы искал боевой?
А ныне в оковах, слабее жены,
Толкуешь ты про небылицы, про сны.

Измыслил ты хитросплетенную ложь,
Но тщетно,— живым от меня не уйдешь!»
Ответ был: «Державы туранской глава!
Послушай и вдумайся в эти слова.
Для битвы везде — будь то лес иль пески —
Льву надобны когти, а вепрю — клыки.
Напасть не под силу без острых когтей*
И тигру, хоть зверя не сыщешь лютей.
Когда же герою грозит супостат,
Лук нужен и стрелы, и добрый булат.
Нельзя, чтоб сражался в оковах, нагой
Один и в стальном снаряженье — другой.
Коль хочешь, владыка, в кровавом бою
Явлю я отвагу и силу свою,
Лишь палицу дать и коня прикажи.
Пусть сотня за сотней Турана мужи
Выходят на битву; из них коль один
Спасется — не витязь я, не исполин!»
Царь, выслушав смелую речь до конца,
Взор гневный метнул на того удальца:
Казалось, на клочья б его растерзал!
Затем, обратясь к Герсивезу, сказал:
«Ты видишь, сей пленник породы дурной
Затеял возвысить себя надо мной.
Ему не довольно свершенного зла,—
В бой рвется он, слава его привлекла!
Нет, дерзкого надо на площадь повлечь,
При всех поношенью и смерти обречь.
Повесить его прикажи палачу,
И слышать я больше о нем не хочу!
Пусть впредь не осмелится враг ни один
Ступить на просторы туранских равнин!»
И вот потащили несчастного прочь,
Сдержать ему горькие слезы невмочь.

Он думает: «Если всевластный творец
Такой мне назначил злосчастный конец —
Не дрогну, предсмертный неведом мне страх,
Жжет сердце лишь мысль об иранских мужах.
На казнь и позор палачами ведом,
Прославленных предков покрою стыдом,
Над телом недвижным моим супостат
Придет потешаться, весельем объят.
Не видеть мне больше бойцов и царя,
И Гива, родимого богатыря.
Ты, ветер, в Иран мой любимый лети,
Спеши повелителю весть отнести,
Шепни: распрощайся с Биженом, о шах,
Он бьется у лютого тигра в когтях.
Гудерзу поведай, опоре дружин:
Причина моих злоключений — Горгин.
Навлек на меня роковую беду
Он, злобный! Спасенья, увы, не найду.
Горгина спроси: мир покинув земной,
Как в очи мне взглянет он, встретясь со мной!»

[*Пиран просит Афрасиаба помиловать Бижена*]

Над юношей сжалился правый Йездан,
Распался замкнувшийся вражий капкан
Две грозные ямы копать уж пришли,—
По счастью Пиран показался вдали.
Подъехал и видит, тревогой объят:
Турана бойцы наготове стоят,
Два вкопаны в яму столба роковых,
И петля тугая повисла меж них.
Спросил: «Вы повесить хотите кого?
В ком недруга царь усмотрел своего?»
И слышит ответ Герсивеза Пиран:

«Враг царский — Бижен, чья отчизна — Иран».
К Бижену поспешно приблизился он
И видит, что тот удручен, изнурен,
Уста пересохли, и руки бойца
В оковах, и краска сбежала с лица.
«Зачем ты, безумец, примчался в Туран?
Ужель воевать?» — вопрошает Пиран.
Поведал истерзанный горем Бижен,
Как брошен был злобным соперником в плен.
И сжалился вождь над иранским бойцом,
И, слезы о нем проливая ручьем,
Велит палачам: «Не казните его,
От смерти пока сохраните его,
А я повидаю державы главу,
На путь милосердья его призову».
Пиран именитый ударил коня,
Пустился к царю, что есть мочи гоня;
Достигнув дворца, что возвел Афрасьяб,
Он спешился, руки скрестив, словно раб,
Поспешно к цареву престолу идет,
Властителю громко хвалу воздает
И после смолкает, у трона склонясь.
Царь понял: прославленный мудростью князь
Какое-то в сердце желанье таит,
Недаром у трона в молчанье стоит.
Сказал, улыбаясь: «Мне сердце открой.
Безмерно тебя почитаю, герой!
Казну или войско, иль княжий удел —
Проси, не колеблясь, чего б ни хотел.
Всем рад я с тобой поделиться, любя,
Сомненьем напрасно тревожишь себя».
Смиренно к ногам властелина упал
Вождь верный и после, поднявшись, сказал:
«Да будет навек тебе царство дано,

Другого царя да не знает оно!
Владыки всех стран восхваляют тебя,
И звезды небес прославляют тебя.
Довольно по милости щедрой твоей
Имею казны и бойцов, и коней.
В ряду со знатнейшими с давних времен*
Почетом я в царстве твоем окружен.
Просить не о благах пришел я сюда —
Ведь слугам твоим неизвестна нужда.
Но в сердце страшусь я, того не таю,
За добрую славу мою и твою.
Не я ли советы разумные встарь
Тебе многократно давал, государь?
Моим увещаньям ты внять не хотел,
И я потому устранился от дел.
Твердил я: Кавусова сына убьешь*,—
В Ростеме и Тусе врагов обретешь.
Не будет спасенья от гибели нам,
Все брошены под ноги будем слонам.
Кеянского рода владыка благой*,
Что преданным был тебе другом, слугой,
Мудрец Сиавуш был тобою казнен —
Мед мира отравой вражды замутнен.
Ты помнишь ли Гива, его булаву,
Ростема — могучих героев главу —
И бедствия те, что враги принесли,
Ворвавшись в пределы туранской земли?
Был край разорен, стала горькой тогда
В источнике нашего счастья вода.
Еще не заржавлен, годится для сеч
От Заля и Сама оставшийся меч,
Которым Ростем здесь дружину косил,
Кровь алой струей до небес возносил!
В дни мира к сраженьям ты рвешься, влеком

Войны ядовитым, зловонным цветком.
Коль жизни Бижена лишишь, на Туран
Ты гибельный вновь навлечешь ураган.
Ты — мудрый владыка, мы — слуги, не нам
Учить тебя, но поразмысли ты сам,
Припомни, какие пожал ты плоды,
Царевича сделав добычей беды.
Ужели не хочешь свой гнев укротить,
Вновь древо несчастья задумал растить?
Коль снова война разразится, как встарь,
Победы не жди, о владетельный царь!
Кому, венценосный, так знать, как тебе,
Длань Гива, отвагу Ростема в борьбе
И хватку стальную Гудерза-бойца,
Что мстить устремится за внука-юнца!»
Так влагой кропил он пылающий гнев.
Ответил владыка, лицом потемнев:
«Да знаешь ли ты, что Бижен сотворил?
Меня всенародно бесчестьем покрыл.
Удар нанесла недостойная дочь,
Его претерпеть мне, седому, невмочь!
Подняв на затворницу дерзостный взор,
Враг выставил имя мое на позор.
Посмешищем стану на веки веков
Для края родного, для наших полков.
Когда не падет оскорбитель мой злой,
Поруган я буду, осыпан хулой.
Придется, стыдясь, до скончания дней
Кровавые слезы струить из очей».
«О царь,— отвечает хвалою Пиран,—
Да будешь ты счастьем навек осиян!
Мудры твои речи, и прав ты во всем,
Заботясь об имени добром своем,
Но все же благому совету внемли

И разуму вникнуть в него повели:
Возложим на дерзкого бремя цепей,
Которые петли и плахи страшней.
Тем горе, кто в ямах твоих заточен!
Нигде никому не прочесть их имен.
Вот лучший урок для иранских мужей —
Впредь наших не переступать рубежей».
Царь, выслушав чистосердечную речь,
Тем мудрым советом не смог пренебречь.
Владыки удел на земле — торжество,
Коль мудрости полон советник его.

[*Афрасиаб заточает Бижена*]

Велит Герсивезу владыка затем:
«Глубокую яму, где вечная темь,
И цепи готовь для преступника ты —
Из тех, на каких повисают мосты;
Скрепив их надежно, с макушки до пят
Опутай врага — пусть немолчно гремят!
Ни света дневного в той яме сырой,
Ни звезд пусть не видит порою ночной!
Тот камень Аквана, который Йездан*
Из бездны исторг, возмутив океан,
И в чинскую чащу затем перенес—
Томиться Эрженгу под ним привелось!—
Оттуда доставь на могучих слонах,
Им яму закрой ты Бижену на страх.
Пусть в вечной ночи изнывает мой враг!
Пусть разум его погрузится во мрак!
Направься потом в сокровенный покой
К царевне, что род опозорила свой.
Туда с верховыми бойцами ворвись,
С венцом разлучи, восклицая: „Стыдись,

Носить недостойна ты царский венец,
Преступница, проклял тебя твой отец!
Его ты унизила, ввергла во прах,
Презренье к нему возбудила в сердцах!“
Ты к яме ее без фаты потащи,
„Здесь — крикни — для сердца отраду ищи!
В чертоге царей красовался герой,
Любуйся им ныне в темнице сырой!
Была для него ты как жизнь и весна,
В беде утешать его ныне должна!“»
Ушел Герсивез, жаждой мести горя.
Исполнили злобную волю царя.
Воителя, вынув из смертной петли,
К зияющей яме тотчас повлекли.
В румийские тяжкие цепи его
От шеи до ног заковали всего,
Железом, при помощи крепких тисков,
Скрепили звенящие звенья оков.
И в яму низвергнут боец молодой,
Завалена яма тяжелой плитой.
И вот с верховыми бойцами уже
Врывается лютый палач к Мениже;
Разграбил ее сокровенный чертог,
Корону и злато — все отнял, что мог.
С несчастной царевны срывают убор,
С челом непокрытым ведут на позор.
До ямы ее, по земле волоча,
Домчала и бросила рать палача.
Сказал Герсивез: «Полюбуйся своим
Приютом, весь век не расстанешься с ним!»
Покинул ее перед ямою той,
И горе отныне ей стало четой.
Рыдая, не зная, как горю помочь,
Бродила по степи весь день и всю ночь,

Но к яме закрытой вернувшись опять,
Сумела там щель для руки отыскать.
Вот солнце взошло над вершиною гор,
И ставшая нищей царевна с тех пор
Весь день собирала под окнами хлеб,
А к ночи спускала в глубокий тот склеп,
Спускала и плакала горько она.
Суровая жизнь ей была суждена!

[*Возвращение Горгина в Иран*]

Бижен не вернулся. В тревоге, один*
Его дожидается тщетно Горгин.
В своем вероломстве раскаявшись вдруг,
Ища, не найдется ль обманутый друг,
Он тщетно блуждает в дремучей глуши —
Не слышно и пения птицы в тиши.
В лесу и в прибрежном густом тростнике
Товарища кличет в тревоге, в тоске.
Вдруг видит: Бижена скакун боевой
Блуждает в высокой траве луговой,
Понурясь, как видно случилась беда,
Повисло седло, оборвалась узда.
И думает витязь, тоской обуян:
«О горе! Бижен не вернется в Иран.
Повешен иль брошен в подземную тьму —
Но зло причинили в Туране ему».
И в мыслях себя за коварство казня,
Арканом Биженова ловит коня,
К становищу после приводит его;
День выждав еще у шатра своего,
К Ирану в обратный пускается путь,
Ни дня не давая себе отдохнуть.
Дошло до Хосрова, что витязь Горгин

Домой не с Биженом вернулся — один.
Скрыл вести от Гива державы глава,
Хотел расспросить он Горгина сперва,
Но все же проведал Бижена отец
О том, что домой не вернулся боец.
И полон смятения, с домом своим
Гив тотчас расстался; тоскою томим,
Твердит он: «Бижен не вернулся домой,
В Армане остался сын доблестный мой!»
Выводят Гошвадова чудо-коня*,
Хранимого Гивом для черного дня,
Седлают седлом тополевым, и вот,
Подобный взъяренному чудищу вод,
Уж ногу он в стремя стремительно вдел,
Вскочив на гнедого, как вихрь полетел
Навстречу Горгину — спросить у него,
Что сталось, Бижена с ним нет отчего?
«Должно быть,— на ум исполину пришло,—
Горгин причинил ему тайное зло.
Коль истина это, клянусь я, тотчас
Погибнет Горгин, с головой разлучась!»
Вот издали Гива Горгин различил
И, спешась, навстречу ему поспешил.
Лицо исцарапав, стеная, земли
Коснулся челом, распростершись в пыли,
И, Гива восславив, сказал: «Исполин,
Опора и гордость иранских дружин!
Зачем ты сюда мне навстречу скакал,
Тревогой объят, издалече скакал?
Постыла мне жизнь и душа не нужна,
Уж лучше покинула б тело она!
Увидев тебя, устыдясь, из очей
Не слезы лью — крови горячий ручей.
Однако мужайся, тревогу забудь:

Он жив, укажу я к спасению путь».
И тут вороного Биженова Гив
Увидел; скакун изможден, еле жив.
К концу между тем речь Горгина пришла,
И замертво Гив повалился с седла.
Очнувшись, несчастный к Йездану воззвал,
Мечась, одеянья свои разорвал.
Седины он рвал в исступленье, в слезах
Метался и сыпал на голову прах,
Стеная: «Не ты ли, создатель светил,
Душою и сердцем меня наделил?
Коль милого сына ты взял моего,
Так душу теперь у меня самого
Возьми ты: о смерти скорейшей молю.
Тебе ли не ведать, как тяжко скорблю!
То был мой единственный сын дорогой —
И сын дорогой и советник благой.
Исчез он, похищенный жребием злым.
Я словно дыханьем дракона палим!»
И после он в горе великом своем
Горгина расспрашивать стал обо всем:
«Ответствуй, навеки он скошен судьбой
Иль скрылся, расставшись внезапно с тобой?
Что с ним приключилось? Безжалостный рок
Какому несчастью Бижена обрек?
Какой по дороге им встреченный див
Свершил злодеянье, юнца погубив?
С Биженом ты где разлучился в пути
И как привелось вороного найти?»
Ответ был: «Узнаешь ты все от меня,
К рассказу правдивому слух преклоня.
Как с вепрями в чаще борьба протекла,
Какие затем совершились дела —
Скажу, ничего я не скрою, внимай,

О витязь, которым гордится наш край!
С напавшими вепрями биться мы шли;
Примчась к рубежам разоренной земли,
Увидели глаже ладони предел:
Деревья повалены, луг опустел.
Свирепыми вепрями наводнена,
От алчности их изнывала страна.
Лишь чащи арманской успели достичь,
Мы, копья подняв, грозный бросили клич
И хищников лютых увидели там,
Внушающих ужас, подобных горам.
Мы бились, как тигры. Уж вечер настал,
А пыл наш воинственный не угасал.
Поверженных вепрей горой взгромоздив,
Клыки дорогие с собой захватив,
Помчались к пределам желанной страны;
Скакали, охотясь, веселья полны,
Вдруг видим онагра средь шири степной —
Таких лишь на росписи видел стенной.
По масти с чубарым Гудерзовым схож,
Что конь черногривый Бижена, хорош,
Как серый Ферхада, ушами прядет,
А бег его словно Симорга полет *.
Сказал бы, от Рехша рожден; голова
И шея — могучего гордого льва,
Копыта стальные, а ростом что слон.
И все ж заарканен Биженом был он.
Чуть шея онагра почуяла плен,
Понесся он вскачь, за онагром — Бижен.
От скачки онагра, от конских копыт
Мне чудилось, дым над равниной стоит
Иль залило море просторы земли.
Онагр и охотник исчезли в пыли.
Я вслед по горам и степям без дорог

Помчался, от бега мой конь изнемог.
Бойца не сыскал я, коня лишь нашел;
С повисшим седлом, изнуренный он брел.
С онагром свирепым как кончился бой?
Томимый ужасной загадкою той,
Я долго скитался в безмолвье степном,
Разыскивал друга, тоскуя о нем.
Вернулся, отчаяньем грудь истомив...
В онагровой шкуре, знать, Белый был див!»
Лишь выслушать это отцу привелось,
Подумал он: «С сыном несчастье стряслось!
Взглянув на Горгина, тотчас же поймешь:
Все речи его — недостойная ложь.
Он весь пожелтел, и мучительный страх
Гнетет лиходея — страшит его шах».
Уж внять Ахриману готовится Гив —
Жестоко за милого сына отмстив,
Вонзить в вероломное сердце кинжал,
Хоть тяжкий за это позор его ждал.
Но глубже над тем поразмысливши: «Нет,—
Решил он,— то дьявола злобный совет.
Не блага достигну убийством таким,
А лишь Ахримана порадую им.
Бижена мне этой ценой не спасти,
Иные к спасенью найдутся пути.
Отмстить ведь недолго злодею сему,
Ничто не преграда копью моему.
Помедлю, пусть раньше Горгина вина
Хосрову венчанному станет видна».
И грозно Горгину кричит он: «Злодей,
Бесчестный, злокозненный недруг людей!
Ты предал отраду, надежду мою,
Владыки и войска опору в бою.
Отныне на многие дни без дорог

Скитаться по свету меня ты обрек.
Ужель усыпить помышляешь меня,
В коварную сеть небылиц заманя?
Знай, землю тебе уж недолго топтать,
Дай только пред шахом с тобою предстать!
За светоч души, за Бижена потом
Тебе отомщу я булатным мечом».

[*Гив жалуется Кей-Хосрову на Горгина*]

Примчался, разгневан, в кровавых слезах,
К Хосрову, и слушает витязя шах:
«О царь, неизменно счастливым пребудь!
Да будет отраден и светел твой путь,
Да славится, да благоденствует край!
Каким я постигнут несчастьем, узнай.
Я черпал отраду лишь в сыне одном,
О милом печалился ночью и днем.
Боязнью разлуки вседневно томим,
Тревожась, тоскуя, рыдал я над ним.
И что же? Оставив Бижена, один
Вернулся преступный и лживый Горгин,
Вернулся с дурными вестями о нем,
О сыне, советнике, друге моем.
С повисшим седлом вороного привел,
Других он Бижена следов не нашел.
К тебе я с обидою горькой в груди
Взываю: по совести нас рассуди,
Виновника зла покарай, властелин!
Меня погубил, обездолил Горгин».
Кручиною Гива Хосров удручен,
Суд правый вершить приготовился он.
От горести царственный лик помертвел,

Владыку печалит Бижена удел.
Он Гива спросил: «Что поведал Горгин?
Где с ним разлучился твой доблестный сын?»
И Гив Кей-Хосрову тогда повторил
Все то, что Горгин о бойце говорил.
«Не плачь, не печалься,— сказал Кей-Хосров,—
Мне стало понятно из сказанных слов,
Что жив твой любимец; души не тревожь,
Надейся, пропавшего скоро найдешь.
Я нынче слыхал от священных жрецов,
Почтенных провидцев, благих мудрецов,
Что время мне снова иранскую рать
В поход на враждебный Туран собирать.
Убийцам за смерть Сиавуша воздам,
Владыку их под ноги брошу слонам.
В той битве кровавой Бижен-великан
Разить будет яро, как сам Ахриман.
Сбрось бремя заботы и горести груз!
За поиски юноши сам я берусь».
Гив шаха покинул, но все еще льет
Он слезы, и сердце тревога гнетет.
Горгин, во дворец властелина царей
Вступая, воинственных богатырей
Не видит: печалясь о доле юнца,
Все с Гивом покинули стены дворца.
Приблизился к царскому трону, и стыд
Невольный изменнику сердце когтит.
У трона слагает он вепрей клыки,
Алмазам подобные; полон тоски,
Пал ниц перед царским престолом, в слезах,
И внемлет его славословиям шах:
«О славный, всегда и везде торжествуй,
Весь век, словно в праздник Новруза, ликуй!*
Пусть в мире все недруги злые твои

Погибнут, как лютые вепри сии!»
Взглянув на клыки, повелитель спросил:
«Поведай мне, как ты поход совершил,
Как сын именитого Гива исчез
И что сотворил с ним злокозненный бес?»
Услышал Горгин властелина вопрос
И обмер — как будто бы к месту прирос.
Пред ликом царя обуял его страх,
И стынет готовая ложь на устах.
Наслышавшись темных, бессвязных речей
Про лес и онагра, владыка царей
Разгневался, низкий обман распознал,
Обманщика прочь от себя отогнал,
Осыпал его беспощадной хулой,
Воскликнув: «Глупец нечестивый и злой!
Речения вещие вспомни, они
Звучали еще в стародавние дни:
С Гудерзовым родом опасна война,
В ней гибель и ярому льву суждена.
Когда б не страшился я славы дурной
Иль кары, что грянет с небес надо мной,
Велел бы, чтоб шею тебе за обман
Свернул, словно птице, палач Ахриман!»
Затем кузнеца повелитель призвал,
Чтоб тяжкие цепи с замками сковал.
И лживый познал заточения дни —
Ведь злых образумят оковы одни!
И слышит слова повелителя Гив:
«Тут надобно действовать, ум изощрив.
Примчатся на зов верховые бойцы,
Их тотчас во все разошлю я концы.
Надеюсь, Бижена мы скоро найдем,
Усердно заботиться стану о том.
Но если не скоро дождемся вестей,

Ты все ж не кручинься, душой не слабей.
Дождись, благодатный придет Фервердин *;
Лишь солнце согреет просторы долин,
И розы распустятся, радуя сад,
И ветер вокруг разольет аромат,
И мир облачится в зеленый покров,
И луг запестреет под плач облаков,—
В Хормоз, Фервердина день первый, склонясь *,
Йездану, как он завещал, помолясь,
Святую его призову благодать,
И чашу затем повелю я подать *—
То зеркало мира, в котором видны
Просторы любой поднебесной страны.
Я царственным предкам, великим вождям,
От чистого сердца хваленья воздам
И после скажу, где Бижен дорогой;
Мне это откроется в чаше благой».
Речь царскую выслушав, Гив просиял,
Оплакивать юношу больше не стал.
Царя богатырь славословит, любя:
«Вселенная да не лишится тебя!
От глаза враждебного да сбережет
Державную силу твою небосвод!
Тобою украшены трон и венец,
Да благословит твою душу творец!»
И Гив удалился, а царь Кей-Хосров
По разным краям разослал удальцов.
Приказано им неустанно скакать,
В Иране, Туране Бижена искать.
Увы, понапрасну просторы земли
Бойцы бороздили — бойца не нашли.

[*Кей-Хосров видит Бижена*
в волшебной чаше]

Настал долгожданный Новруз, наконец,
И вспомнил о чаше печальный отец.
С надеждой предстал богатырь пред царем,
Моля и рыдая о сыне своем.
Царь, глядя на тот обескровленный лик,
Страданья отцовского сердца постиг.
Надеясь узнать долгожданную весть,
Велел чудотворную чашу принесть.
В одежды румийской парчи облачен,
В обитель молений направился он.
Создателю мира хвалу воздавал,
К пречистому с жаркой надеждой взывал,
Подмоги себе у Йездана просил,
Защиты от ков Ахримана просил.
К престолу царей воротился потом,
Воссел, осиянный кеянским венцом,
И в руки ту чашу заветную взяв,
Увидел все семь поднебесных держав *.
Чтоб вызнать, где, что совершится и как *,
Внимательно весь обозрел Зодиак —
Всего небосвода торжественный храм,
Увидел Хормоз и Нахид, и Бехрам*,
И Солнце, и Месяц, и Тир, и Кейван,
И страны земные, и весь океан —
Меж Рыбой и светлым созвездьем Овна *
Вселенная вся чародею видна.
И взор устремив к Кергесарской земле,
По воле творца различил он во мгле
В тяжелых оковах Бижена-бойца;
В отчаянье смертного ждет он конца.
Царевна прекрасная ночью и днем*,

Полна состраданья, печется о нем.
От радости тут Кей-Хосров просиял,
Смеясь, обернулся и Гиву сказал:
«Жив сын твой, о витязь, душою воспрянь,
Тревогою долее сердца не рань!
Смутит ли тебя слово горькое „плен“,
Коль ведомо стало, что жив твой Бижен?
В Туране твой сын, в подземелье глухом,
Царевна заботится нежно о нем.
Поистине муки безмерные он
В той тесной темнице терпеть осужден.
Так тяжек Бижена удел, что о нем
Льет слезы подруга и ночью и днем.
От близких и милых отторг его рок,
Трепещет душа, словно ивы листок;
Он в горести плачет, как тучка весной *,
И ждет избавленья от жизни земной.
На подвиг нелегкий отважится кто?
На труд и на бой опояшется кто?
Чья длань отведет роковую напасть?
Кто ринется смело в драконову пасть?
Никто, лишь Ростем быстрорукий один,
Он страшен и чудищам водных глубин.
Готовься и нынче в Нимруз поскачи,
Не ведай покоя ни днем, ни в ночи,
Доставь исполину послание. В путь!
Но тайну письма сохранить не забудь *».

[*Послание Кей-Хосрова Ростему*]

Царь кличет писца; все поведал ему,
И тот приступает немедля к письму;
Ростему он пишет, как должно царям
Писать своим доблестным верным друзьям:

«Потомок воинственных богатырей!
Ты всех исполинов на свете храбрей.
Ты — память о прадедах славных моих,
Разил ты без устали недругов их.
Тебя устрашится и чудище вод,
И львиную силу — твоя превзойдет.
Ты — Киев оплот, венценосцев душа !*
К попавшим в беду на подмогу спеша,
Ты мазендеранцев, бывало, губил,
Тех дивов нечистых немало убил.
Немало враждебных владык и вождей
В боях обезглавил ты сталью своей,
С венцами, с престолами их разлучив,
Владения их разгромив, сокрушив.
Тебя, исполинов иранских глава,
Властители чтут, прославляет молва.
На перстнях царей — твое имя; и слаб
Хакан, и ничто пред тобой Афрасьяб.
Никто не распутает узел, тобой
Завязанный, ты же разрубишь любой.
Сильнейший из сильных, опора мужей!
Тебе, предводителю славных вождей,
И грозная мощь боевого слона,
И львиная доблесть Изедом дана
Затем, чтоб к несчастным спешил ты на зов,
Плененных спасал от тяжелых оков.
Нуждаюсь я в помощи ныне твоей *
Для самых достойных, мне близких мужей.
Ты — витязь наш первый; от горя изныв,
Гудерз на тебя уповает и Гив.
Ты знаешь, как чту я их разума свет,
Их чистые души и добрый совет.
Сверши же — тебя призываю, скорбя,—
Сей подвиг великий, достойный тебя,

И тяжким его для себя не сочти.
Дам войско и все, что пригодно в пути.
Род славный Гудерза еще не бывал
В столь тяжкой беде. Мир бойцов не знавал
Подобных Бижену. Он Гива-бойца
Единственный сын, утешенье отца.
Исполненный доблести витязь благой,
И деду и мне был он верным слугой.
Лишь кликну — являлся мгновенно на зов,
На подвиг любой неизменно готов.
Надеюсь, как чтенье письма завершишь,
Не мешкая, с Гивом ко мне поспешишь,
И здесь твой поход мы обсудим вдвоем.
Нуждаюсь я в мудром совете твоем.
Тебя осеняет творца благодать *,
Тебе не впервые Туран побеждать.
Казну и оружье в избытке даю.
Ты, вождь умудренный, дружину свою
Всем нужным в походе обильно снабдишь
И бедного узника освободишь».

[*Гив доставляет*
послание Кей-Хосрова Ростему]

Посланье скрепила Хосрова печать,
И Гив, лишь окончил его величать,
Покинул дворец повелителя стран,
Чтоб тотчас направиться в дальний Систан.
Возглавив сородичей близких своих,
Гудерзова рода бойцов верховых,
Помчался вперед, словно быстрый олень,
Свершал переходы двухдневные в день.
С истерзанным сердцем, тревогой томясь,
К единственной цели упорно стремясь,

Горами и степью, как будто гонец,
К Хирменду спешил удрученный отец.
Вот с вышки забульской дозорный взглянул
И громко вскричал, извещая Забул:
«Под стягом сверкающим мчится ездок *,
В руке богатырской — кабульский клинок.
Не скачет — летит, словно вихрем гоним,
И несколько ратников следом за ним».
Лишь только сын Сама об этом узнал,
Он тотчас коня оседлать приказал,
Помчался, спеша перерезать им путь,
Не вражье ль нашествие это — взглянуть.
Увидев, что едет воинственный Гив,
Заль мыслит, навстречу к нему поспешив:
«Знать, новая шаха постигла беда,
Коль вестником Гива послал он сюда».
Приблизился к Гиву и обнял его,
И к замку с ним двинулся после того.
Расспрашивать стал исполина Дестан
Про шаха и шахскую рать, и Туран.
Дестана от имени славных вождей
И шаха, и всех именитых людей
Приветствует витязь; с почтенным вождем
Речь после повел он о сыне своем:
Мол, видишь смертельную бледность мою?
Без удержу слезы кровавые лью *.
Узнав о несчастье, Дестан потрясен *;
Охваченный скорбью, рыдает и он.
Спросил у него удрученный отец:
«Где ныне Ростем, благородный боец?»
И слышит: «На ловe, но близится срок
Прибытия, полдень уже недалек».
Гив молвит: «Навстречу помчусь, обниму,
Привез я посланье Хосрова к нему».

Но просит Дестан: «Оставайся со мной,
Он скоро, поверь, возвратится домой.
Ты здесь, дожидаясь Ростема, побудь,
Душой отдыхая, заботы забудь».
Ввел гостя, ему воздавая почет;
Воссели, и снова беседа течет.
Когда же Ростем воротился, то Гив,
Навстречу ему на коне поспешив,
Приблизился, спешился, отдал поклон;
Надеждою светлою вновь окрылен,
Бойца величает, а сам из очей
Льет слез нескончаемый жаркий ручей.
Увидя, что Гива тревога томит
И лик его бледный слезами омыт,
Подумал Ростем: «Грянул бедствия гром
Над краем иранским, над славным царем!»
С седла соскочил он и, Гива обняв,
Спросил о Хосрове, владыке держав,
Здоровы ли витязи славных дружин:
Тус гордый, Гудерз, Гостехем и Горгин,
Роххам и Шапур, и Бижен, и Ферхад —
Герои, чьи подвиги в мире гремят.
Лишь имя Биженово Гив услыхал,
Схватился за голову; тяжко вздыхал,
Лил слезы рекой удрученный отец *
И, с силой собравшись, вождю, наконец,
Ответил: «Хвале непритворной внемли,
О славный избранник меж славных земли!
О витязь, не знающий равных в бою!
Увидев тебя, речь услышав твою,
Я счастлив: ты будто бы юность вернул *
Мне, старцу, иль в мертвого душу вдохнул.
Воители все, что назвал ты сейчас,
Здоровы и шлют о здоровье наказ.

С одним лишь Биженом несчастие. Он,
Как слышно, попал к супостату в полон.
О доблестный витязь! Тягчайшей из бед,
Как видишь, сражен я на старости лет.
Ведь доблестный тот молодой исполин
Мне светоч, опора, единственный сын.
А ныне похищен Бижен у меня.
Наш род не припомнит столь черного дня.
Без устали, не разлучаясь с конем,
Как солнце, я странствовал ночью и днем.
Везде, как безумный, Бижена искал
И всех понапрасну о нем вопрошал.
Но чаши священной наследник Хосров
В день светлый Хормоза владыке миров
Моленья, склонясь до земли, возносил,
Рыдая и славя подателя сил.
Из храма Огня воротясь, на престол *
В венце лучезарном владыка взошел,
И долго, над чашей той дивной склонен,
Все страны земные оглядывал он;
В Туране, в цепях, наконец, разглядел
Бижена; несчастного горек удел!
Лишь это увидел, благой властелин
Послал меня тотчас к тебе, исполин,
И, выплакав очи, с поблекшим лицом,
Сюда я примчался, надеждой влеком.
Не ты ли опора, надежда бойцов?
Всегда к удрученным ты мчишься на зов».
Смолк витязь; терзаемый тяжкой тоской,
Вздыхает, и слезы струятся рекой.
О кознях Горгина поведав затем,
Вручил он царево посланье. Ростем
Внимает бойцу, возмущеньем горя *,
Туранского он проклинает царя,

Рыдает, печальным известьем убит,
О доле Бижена, о Гиве скорбит:
Их дружбу с Ростемом скрепляло родство *—
Ведь Гив именитый был зятем его,
И был ему внуком Бижен удалой,
Повсюду воспетый людскою хвалой,
А Гива сестра исполину была
Женой, Ферамарза ему родила.
Промолвил герой: «Не кручинься, о друг!
На Рехше Ростем не ослабит подпруг,
Пока он пути к удальцу не найдет *,
Пока он Бижена отцу не вернет.
Того именитого богатыря
Йездановой силой и волей царя
Избавлю от ямы, от тяжких оков —
Обет мой святой, нерушимый таков!»

[*Ростем устраивает пир для Гива*]

О дальнем походе беседу ведя,
Приехали в замок Ростема-вождя.
Прочтя властелина послание, он
Безмерно был тронут, безмерно смущен:
Ему ведь немало высоких похвал
В посланий том властелин воздавал.
Сказал именитый: «Я мчаться готов,
Коль так повелел венценосный Хосров.
Ведь ради сего, не щадя своих сил,
Ты путь столь далекий и трудный свершил,
О муж, почитаемый издавна мной!
Не вместе ль на недругов шли мы войной?
И в Мазендеране ты грозно разил,
И за Сиавуша безжалостно мстил.
От встречи с тобою душой возрожден *,

Но пленом Биженовым я удручен.
Явился ты, сетуя, тяжко скорбя,
Таким ли увидеть я мыслил тебя?
По воле владыки в Иран устремлюсь,
На зов его, рвения полон, явлюсь.
Всем сердцем и сам сострадаю тебе,—
Готов к неустанной, упорной борьбе.
Сражусь, если даже владыка светил
Мне в этом сраженье погибель судил.
Не жаль для Бижена, друг доблестный мой,
Ни злата, ни войска, ни жизни самой.
По воле владыки на вражеский стан
Я ринусь, и силу пошлет мне Йездан
Избавить Бижена от тяжких цепей,
Доставить к престолу владыки царей.
Мой дом называй ты своим: ведь одна *
С тобою у нас и судьба, и казна.
Три дня, отдыхая, со мною побудь,
Печаль и тревогу за чашей забудь,
С четвертой зарею помчимся в Иран *,
Исполним веленье властителя стран».
Речь кончил Могучий, и, с места вскочив,
Его осыпает лобзаньями Гив,
Воскликнув: «Даны тебе щедро, о вождь,
Отвага и счастье, и доблесть, и мощь!
С тобой да пребудут во все времена
И разум мобеда и сила слона!
Всем лучшим на свете бессменно владей,
Целитель души наболевшей моей!»
И вот уж на Гива нисходит покой,
И этому рад предводитель благой.
Он стольника кличет: «Столы накрывай,
Мужей именитых на пир созывай!»
Заль, Гив, Зеваре, Ферамарз и Дестан

Воссели, и потчует их великан.
В чертоге сияющем руд зазвучал *,
И в чашах вино запылало, как лал.
С Ростемом-вождем веселились три дня,
И в путь не спешил он, обычай храня.

[*Прибытие Ростема к Кей-Хосрову*]

От сна пробужденный четвертой зарей,
Стал в путь собираться могучий герой,
Готов он на зов устремиться в Иран.
Уж вьюки полны, нагружен караван.
Все нужное взял богатырь, а удел
Принять под надзор Ферамарзу велел.
Пред замком Ростема сошлись храбрецы,
Готовые в путь удалые бойцы.
Могучий, блистая броней, кушаком,
На Рехше одним очутился прыжком
И с палицей деда на бранном седле,
С воинственной думой на грозном челе
Летит, вознесенный до солнца главой;
Ушами прядет его конь боевой.
Гив рядом с Ростемом, и всадники вслед *
Несутся — их сотня, питомцев побед,
Несутся без устали, в шлемах, в броне,
В бой рвутся, у каждого сердце в огне.
Лишь только явился вождю удальцов
Град светлый, где царствовал славный Хосров,
Живительный ветер коснулся чела —
Сказал бы, с небес благодать низошла.
Гив молвил Ростему: «Вперед поскорей
Помчусь, извещу властелина царей
О том, что на Рехше своем великан
Примчался на зов повелителя стран».

И слышит он: «Счастье да будет с тобой!
Спеши к властелину, его успокой».
И Гив ускакал, исчезая в пыли.
Достигнув дворца властелина земли,
Он был к Кей-Хосрову допущен тотчас
И долго его славословил, склонясь.
Но царь в нетерпенье вопрос задает:
«Где ныне Ростем, как свершил он поход?»
И слышит: «Безмерна твоя благодать,
Дано ей всегда и везде побеждать!
На зов твой откликнулся витязь, тебя,
Владыка земли, неизменно любя.
С любовью коснувшись письма твоего,
К устам и очам прижимал он его.
Как верный слуга твой, бок о бок со мной
Скакал он порою дневной и ночной.
Я первым примчался, чтоб добрую весть
Тебе, повелитель, скорее привезть».
«О где же Ростем,— повелитель твердит,—
Цвет верности, славных воителей щит!
Желаньем почтить исполина горю,
Он доблести полон, привержен царю».
Призвал Кей-Хосров именитых мужей *,
Князей венценосных и ратных вождей.
Почтенный Гудерз, чей родитель Гошвад *,
И Тус, сын Новзера, и славный Ферхад,
И много других копьеносных бойцов,
Привычных к победам лихих удальцов
Сошлось, по уставу Кавуса-царя,
Для встречи великого богатыря.
От поднятой пыли равнины черны,
Сверкают знамена и ржут скакуны.
Завидев Ростема, один за другим
Наездники, спешась, склонились пред ним.

С коня и Ростем не замедлил сойти,
Бойцов расспросил о пройденном пути.
И каждого он вопрошал о царе,
Как месяц прекрасном, подобном заре.
Умолкло звучанье приветственных слов *,
И снова вскочив на лихих скакунов,
Мужи с предводителем богатырей
Помчались, блистающих молний быстрей.
Лишь только Ростема к владыке ввели,
Могучий, склонившись сперва до земли,
Приблизился к шаху с хвалой на устах.
Любви, преклоненья заслуживал шах!
Его величая, сказал великан:
«Да будешь ты вечно властителем стран!
На царском престоле от бедствий и гроз
Тебя да избавят Бехмен и Хормоз *,
Да будешь ты Ордебехештом самим,
Бехрамом и Тиром от горя храним!
Тебе да пошлет благодатный Шехрир
Победы, величьем дивящие мир!
В Дей-месяц и в месяц златой Фервердин
Да будешь ты счастлив, о мой властелин!
Да благословит твоих предков и чад *,
И землю твою, и державу Хордад!
Пусть век твой, как солнце, Азер озарит
И счастье, и славу тебе подарит!
Исфендом да будешь от зла удален!
Пусть разумом будет твой дух окрылен!
Абан пусть удачу тебе ниспошлет!
Да будет слугою твоим небосвод!
Заклятых врагов да постигнет беда,
А ты благоденствуй и здравствуй всегда!»
Шах, рядом с собою вождя усадил,
О дальнем свершенном пути расспросил,

И молвил затем: «Будь здоров, невредим,
Будь вечно для недругов недостижим!
Ты — витязь наш первый, опора владык,
В ладу с твоим сердцем правдивый язык.
Ты — Киев избранник, дружины оплот,
Хранитель Ирана от бед и невзгод.
Здоровы ль, скажи, Ферамарз, Зеваре *,
Поведай о доблестном богатыре
Дестане. Как рад я свиданью с тобой,
Муж с ясной душою, с великой судьбой!»
Могучий ответил, главу преклоня:
«Все здравы, о ком вопрошаешь меня.
Воистину счастливы те из мужей,
Которых почтил ты любовью своей!»

[*Кей-Хосров пирует с богатырями*]

Дверь в царский цветник распахнул тут везир,
Готовя невиданной роскоши пир.
Дорожки багряной парчою устлал,
И сад, словно светоч во тьме, заблистал:
Под вишней цветущей — корона и трон,
Их ярким сиянием взор ослеплен.
И дерево новое также в тот день
Над царским престолом раскинуло тень:
Из золота ветви, а ствол — серебро,
И собраны в гроздья алмазы хитро,
В листве изумрудной где яхонт, где лал,
Дрожащей серьгою свисая, пылал.
Ты мог бы заметить, вглядевшись в листву *,
Из золота персики, груши, айву —
Все полые, словно долбленый тростник;
Когда в сердцевины бы взором проник,
Ты б мускус увидел, растертый с вином.

Кого на престоле сверкающем том
Царь, милость являя, с собою сажал,
Тот мускусом благоуханным дышал.
На троне — Хосров под венцом золотым,
И льет благовоние древо над ним.
Прекрасных пред ним виночерпиев ряд,
Алмазы и лалы в уборах горят.
Юн каждый, и нежные краски лица
Белее жасмина, алей багреца.
Блистанье уборов, запястий цветных,
Дыханье алоя, звон струн золотых *.
Царь стражу велит: «Призови поскорей
Гудерза и Туса, и богатырей».
Воссели, веселые, чаши в руках,
Без хмеля румянец горит на щеках.
Воссел по велению шаха Ростем
С ним рядом на троне, под деревом тем.
И витязю так говорит властелин:
«О друг благородный, герой-исполин!
Ирану ты — щит и ограда от зла,
Симоргом над ним распростер ты крыла.
Не ведая страха, стоял за Иран,
За древний престол повелителя стран.
Когда, опоясанный, ринешься в бой,
И лев не дерзнет состязаться с тобой!
Род славный Гудерза мне верен всегда —
И в светлые, и в роковые года.
Сыны его сил не щадили своих,
Немало деяний свершили благих.
Не мне ль в одиночку сопутствовал Гив,
Мою от опасностей жизнь оградив?
В беде он великой, мне славного жаль,
Всех горше печалей — о сыне печаль!
А кроме тебя, никому ведь невмочь

Отцу удрученному в горе помочь.
В Туране терзают Бижена. Пути
К его избавлению должно найти.
Проси без раздумья коней боевых,
Оружье, казну и мужей верховых».
Веленье Хосрова услышал Ростем,
Пал ниц и, поднявшись, промолвил затем:
«О славный владыка, как солнечный свет,
Сиянье твоих несравненных побед!
Не жалят ни алчность тебя, ни корысть,
Дано им лишь сердце врагов твоих грызть.
Царишь ты над всеми царями земли,
Другие цари пред тобою в пыли.
Подобный тебе повелитель земной
Не видан ни солнцем еще, ни луной.
Ты добрых от злых отличил; побежден
Твоею премудростью лютый дракон.
Ты должен спокойно и радостно жить,
Рожден я тебе неустанно служить.
Приказывай, царь! По любому пути,
Который укажешь, готов я пойти.
Изведал могучую хватку мою
Див Белый, чье сердце я вырвал в бою;
Победу над ним помогли одержать
Моя булава и твоя благодать.
Готов и за Гива я ринуться в бой.
Навстречу хоть ливень хлещи огневой,
Хоть грозно сверкай пред очами копье,
Не дрогну, исполню веленье твое,
Сей подвиг во славу твою совершу.
Ни ратных мужей, ни вождей не прошу».
Внимая Ростему, Гив доблестный рад,
Гудерз и Шапур, Фериборз и Ферхад —
Все витязи благословенье творца

Призвали с небес на героя-бойца.
Пируют мужи; ликованья полны*
Сердца, будто в светлую пору весны.

[*Ростем испрашивает Горгину царское прощение*]

Вот имя Ростема Горгин услыхал
И думает: день избавленья настал.
Письмо исполину послал он тотчас:
«О праведный витязь, о первый средь нас!
Ты древо величия, верности клад,
Заступник в беде, милосердия брат.
Коль выслушать можешь без гнева, тебе
О горькой своей расскажу я судьбе.
Смотри, что горбун-небосвод совершил:
Свет разума в сердце моем потушил,
Во мраке глухом заблудилось оно —
Так было начертано, так суждено.
Готов я сгореть перед шахом в огне,
Чтоб только простил прегрешения мне.
Негоже в преклонные эти года
Себя мне позором покрыть навсегда.
Прощение вымоли мне у царя!
Проворней оленя, усердьем горя,
К Бижену помчусь я с тобою, и честь,
Быть может, удастся мне снова обресть».
К Ростему послание это пришло,
Могучий прочел и вздохнул тяжело.
Моленьями дерзкими теми смущен,
Над страждущим витязем сжалился он.
Гонца подозвал и промолвил ему:
«Ответ передай нечестивцу тому;
Ты притчу о тигре припомни, как тот
Изрек в поученье чудовищу вод:

Кто алчности дал перевес над умом,
Тот ею к погибели верной влеком.
А если ты алчность осилишь в себе —
Как доблестный лев, одолеешь в борьбе.
Тебя же я с дряхлой лисицей сравню:
Схитрил ты, но сам угодил в западню.
Дивлюсь, как о том умолять ты дерзнул,
Чтоб я о тебе при царе вспомянул.
Однако столь низко сегодня ты пал,
Такого бесчестия жертвою стал,
Что жаль мне тебя, обещаю просить
Хосрова твое преступленье простить.
Коль будет избавлен Бижен от оков
По милости щедрой владыки веков —
Избегнешь неволи, останешься жив,
От мести откажется доблестный Гив.
Но если начертанный судьбами путь
Иной — на спасенье надежду забудь!
Мстить первый я стану во гневе своем,
Господней и царскою волей ведом.
А если не я, то воинственный Гив
Тебя уничтожит, за сына отмстив».
День минул, и ночь миновала затем,
Ни слова не молвил Хосрову Ростем.
Лишь снова на свой серебристый престол
Диск солнца в венце лучезарном взошел,
Явился Могучий; у трона склонен,
Властителя просит о милости он,
О скорбном Горгине царю говорит,
Который бесчестьем и горем убит.
«О вождь!— повелитель промолвил в ответ.—
Меня не проси ты нарушить обет.
Клялся я престолом и краем родным,
И солнцем, и каждым светилом ночным,

Что если Бижена судьба не спасет,
Суровую кару Горгин понесет.
В другом же не будет отказа ни в чем —
И перстнем почту, и венцом, и мечом».
Хосрову промолвил Ростем: «Государь,
Великий, исполненный мудрости царь!
Раскаялся он в злодеянье своем,
Пасть жертвою жаждет, палимый стыдом.
Отринет его и творец в небесах,
Когда не простит безрассудного шах.
Злосчастен покинувший праведный путь!
Раскаянья муки теснят его грудь.
Горгин — твой защитник; о том вспомяни,
Как храбро сражался он в прежние дни,
Как много для дедов твоих совершил,
Как часто их недругов ярых крушил.
Даруй мне Горгинову жизнь, и опять,
Быть может, звезде его дашь воссиять».
Горгинову жизнь даровал властелин
Ростему, и снова свободен Горгин.

[*Ростем готовится к походу*]

И стал тут Могучего царь вопрошать:
«Как бранный поход помышляешь начать?
Скажи — помогу и казной и людьми,
Соратников сколько захочешь возьми.
Страшусь Афрасьябовых черных затей;
Не пролил бы крови Бижена злодей!
Изменчив он в мыслях — внушил Ахриман
Ему вероломство, жестокость, обман.
Злой дух распалит Афрасьяба, и тот
Бойца молодого на смерть обречет».
Владыке на то богатырь отвечал:
«Я тайно поход совершить бы желал.

Сей узел дано развязать лишь уму,
Угрозы и сила теперь ни к чему.
Товары в Туран повезу, притворюсь
Купцом чужеземным и там водворюсь.
Так, хитростью думаю действовать я,
Не время теперь для меча и копья.
Побольше товаров, богатых даров,
Роскошных одежд и узорных ковров,
Алмазы и жемчуг мне должно везти,
Надежду тая, осторожность блюсти».
Лишь только услышал Ростема слова,
Велел казначею державы глава
Старинных хранилищ врата распахнуть.
И все, что просил собиравшийся в путь —
Алмазы и с грузом монет кошели,—
Принес казначей властелину земли.
Явился Могучий, казну обозрел
И все, что хотел, отобрать повелел:
Динаров на десять верблюжьих вьюков,
На сотню — покровов, ковров, чепраков.
Везиру двора поручил исполин
Бойцов верховых из иранских дружин
Набрать десять сотен и с ними вождей,
Что с тиграми схожи отвагой своей.
То были храбрец Гостехем и Горгин,
Зенге, Шаворана воинственный сын *,
Герой Горазе, предводитель бойцов,
Что край защищать беззаветно готов,
Эшкеш, чья отвага не знает преград *,
Роххам и бесстрашный воитель Ферхад —
Семь доблестных, семь удальцов на подбор;
Им отдан и ратный обоз под надзор,
И рать; в изобилии всем снабжена,
К боям предстоящим готова она.

[*Поход Ростема в Хотен*]

Ростем повелел именитым вождям,
Владеющим палицей храбрым мужам
С зарею, лишь страже настанет черед
Смениться, всем выступить в дальний поход.
С рассветом, лишь крик петуха прозвучал,
На спину слона водрузили кимвал.
Явился Ростем, словно мощный платан;
В руке — булава, приторочен аркан.
Восславив царя и державу царя,
В поход он пустился, усердьем горя.
Ведут удальцов боевые вожди
С решимостью неколебимой в груди,
На бой беспощадный, кровавый летят;
Им стрелы — вожатые, спутник — булат.
И вот уж Турана близки рубежи.
Сошлись на призыв исполина мужи,
И слышит его повеление рать:
«Вы здесь наготове должны пребывать.
Покинете поле, коль правый творец
Во вражеском стане пошлет мне конец.
Но клич мой услышав, готовьтесь разить,
Кровь недругов злобных рекою пролить».
Оставив бойцов на иранской земле,
С вождями летит он к туранской земле.
Домчался и, сняв свой кушак боевой,
В одежду купца облачился герой.
И прочие тоже спешат смельчаки,
Серебряные расстегнув кушаки,
Одежды сменить. Горделиво в Туран
Богатый и пышный вступил караван.
Рехш буйный и семь огневых скакунов
Несут именитых Ирана сынов.

На сотне верблюдов — щиты и мечи,
На прочих — немало камней и парчи.
Что рог Тахмуресовых древних времен,
Взревела труба. Гул и грохот, и звон.
Из города в город — и днем, и во мгле —
Идет караван по туранской земле.
Вот город Хотен перед ними встает,
Тотчас отовсюду сбежался народ.
Хотена правитель Пиран, сын Висе,
На лове был, с ним приближенные все.
В свой замок Пиран воротился затем;
Лишь издали это увидел Ростем,
Он тотчас тафтою чело повязал,
Блестящую чашу с алмазами взял,
А двух скакунов в чепраках золотых,
Расшитых узором каменьев цветных,
Двум спутникам следом вести поручил
И с ними в Пиранов дворец поспешил.
Сказал он: «За доблесть, о славный Пиран,
Тебя восхваляют Иран и Туран.
Не мог тебя жребий щедрей одарить:
Ты — царский везир, сам достойный царить».
Ростема — так видно Йездан пожелал —
В обличии новом Пиран не узнал.
«Поведай,— сказал он главе храбрецов,—
Откуда явился и кто ты таков?»
«Мне,— молвил Ростем,— покровителем будь,
В твой город Йезданом указан мне путь.
Иранский купец, не щадя своих сил,
Я дальний и трудный поход совершил.
В туранскую землю пришел торговать,
Хочу покупать и хочу продавать.
Надеюсь я, князь, на твою доброту.
Такую взлелеял я в сердце мечту:

Алмазы продам и стада закуплю.
Меня ты возьми под защиту, молю.
Десница твоя да спасет от обид
И щедро богатством меня одарит!»
При знатных мужах преподносит он тут
Пирану алмазами полный сосуд,
С ним — двух аравийских коней дорогих;
Пылинки и то не увидишь на них.
Внимать славословию щедрому рад
Правитель, и дело идет уж на лад.
Как только увидел сосуд золотой
И камни, слепящие взор красотой,
Он гостя приветом и лаской почтил,
На трон бирюзовый с собой усадил,
Сказал: «Да не будешь сомненьем томим!
В наш город войди с караваном своим.
Судьба его пусть не тревожит тебя,
Никто здесь обидеть не сможет тебя.
Доставь же товар, если к торгу готов,
Ищи невозбранно богатых купцов.
Я к сыну тебя водворю своему,
Тебя, словно брата родного, приму».
«О славный,— ответил на то великан,—
Оставить на месте хочу караван.
Все то, что везем,— во владенье твоем,
Не все ли равно, где постой изберем.
Немало алмазов у нас, властелин,
Не должен исчезнуть из них ни один.
Когда мне дозволишь, о славный Пиран,
Вне стен крепостных я раскину свой стан».
И слышит: «Стоянку ты выбери сам,
Надежных тебе провожатых я дам».
И вот уж за дело взялись смельчаки,
Собрали под кровлю товаров тюки,

И весть разлетелась повсюду: Пиран
К себе из Ирана впустил караван.
Узнав, что алмазами торг предстоит,
Купец за купцом издалека спешит
К Пиранову граду; вступают под кров
Кто ради покровов, кто ради ковров.
Лишь только луч солнечный землю согрел,
Вкруг стана Ростемова торг зашумел.

[*Мениже приходит к Ростему*]

Тут весть о купцах к Мениже донеслась,
И в город она устремилась тотчас.
Властителя дочь с непокрытым лицом
Предстала в слезах пред иранским купцом.
Глаза рукавом осушала она,
То славила, то вопрошала она:
«Твои в благоденствии дни да текут!
Да будет обилен плодами твой труд!
Да будет к тебе снисходителен рок!
Да будешь от глаза дурного далек!
Не ведай ущерба, не ведай вреда,
Тебе да сопутствует счастье всегда!
Будь разума светом весь век осиян!
Да славится, да процветает Иран!
Мне все расскажи об иранских мужах,
О Гиве, Гудерзе и шахских бойцах.
Успела ли весть о Бижене дойти
До деда? Задумал ли внука спасти?
Уж многие дни богатырь молодой
В темнице томится, сраженный бедой.
От вечного мрака Бижен изнемог.
Ни с кровоточащих, израненных ног,
Ни с рук изможденных не сбросить оков;

Нет мочи от тяжких железных тисков.
Я хлеба прошу для него день и ночь.
От стонов несчастного сердцу невмочь!»
Ростем устрашился подобных речей,
Вскричал, не решаясь довериться ей:
«Прочь, женщина, зря не растрачивай слов!
Неведомы мне ни Ростем, ни Хосров.
Кто Гив? Кто Гудерз? Что морочишь меня!
Твоя опостылела мне болтовня».
Слезами, взглянув на него, залилась —
Кровь сердца, сказал бы ты, льется из глаз!
Сказала: «О славный, тебе, мудрецу,
Холодная, резкая речь не к лицу.
Безмолвствуй, но прочь не гони от себя!
И так истомилась я, сердцем скорбя.
Безжалостно гнать от себя бедняков —
Ужели в Иране обычай таков?»
«Эх, женщина,— молвил на то великан,—
Тебя, знать, покоя лишил Ахриман!
Приход твой торговле ущерб учинил,
За это в сердцах я тебя разбранил.
Не плачь, не гляди с возмущеньем таким,
Ведь я озабочен был торгом своим.
К тому же не там я живу, где Хосров;
Гудерза и Гива, и прочих бойцов
Не знаю, у них побывать не пришлось —
Могу ли ответить тебе на вопрос?»
Тотчас по приказу его принесли
Для бедной все яства, какие нашли.
И после расспрашивать стал он ее:
«Чем так бытие омрачилось твое?
Зачем об Иране и шахе твердишь,
С тревогой такой на дорогу глядишь?»
«Что спрашивать,— слышен ответ Мениже,—

О жизни моей, о беде и нужде?
К тебе я с тревогой и тяжкой тоской
Бежала от ямы той черной, глухой —
Тебя расспросить о последних вестях,
О Гиве, Гудерзе — иранских вождях.
Но ты закричал, и опешила я.
Тебе, знать, не страшен благой судия!
Я — царская дочь, без покрова меня
Не видел и луч восходящего дня.
А ныне, рыдая, у каждых дверей
Стучусь, Мениже из семейства царей,
И хлеба прошу, выбиваясь из сил.
Такие мне рок злоключенья судил!
Бывала ли тягостней доля? Конец
Скорей бы послал мне всевластный творец!
Медлительно тянется тягостный плен,
Ни звезд, ни рассвета не видит Бижен.
Истерзанный бременем тяжких оков,
О смерти он молит владыку миров.
Гляжу на него я, рыдая, стеня;
Уж слезы иссякли в очах у меня.
Коль снова в Иран тебя жребий вернет
И с сыном Гошвада Гудерзом столкнет,
И если дойдешь до царева дворца,
Увидишь Ростема и Гива-бойца,
Скажи, что в темнице окончатся дни
Бижена, когда запоздают они.
Пусть вихрем, без устали мчатся верхом,
Чтоб он не угас в подземелье глухом».
Внимая царевне, льет слезы Ростем;
«Прекрасная,— ей говорит он,— зачем
Ты к знатным мужам не прибегнешь с мольбой?
Пусть к царским стопам припадут: над тобой
Царь сжалится, гнев позабудет, и вновь

Отцовская в сердце проснется любовь.
Когда бы отец твой меня не страшил,
Я щедро бы ныне тебя одарил».
Жег сердце Ростему страдальца удел;
Он лучшие яства подать повелел.
Изжарена птица и принесена,
Обернута тонкой лепешкой она.
И перстень в ту птицу проворной рукой
Засунул Ростем с быстротой колдовской,
Вручил и промолвил: «К Бижену спеши,
Надежда единая скорбной души!»

[*Бижен узнает о прибытии Ростема*]

Она, поспешив подаяние взять,
К темнице Бижена пустилась бежать
И птицу, что ей завернули в чалму,
Тотчас на веревке спустила к нему.
Бижен приношением тем изумлен.
В волненье зовет солнцеликую он,
Ее вопрошает: «Подруга, ответь,
Откуда взяла ты подобную снедь?
Немало ты вынесла из-за меня,
Давно ты не видела светлого дня!»
Ему Мениже отвечала: «В Туран
Купец из Ирана привел караван.
Предвидя барыш, не жалея труда,
Немало товаров привез он сюда:
Каменья, одежды и ткани. К тому ж
Он мудрый, достойный и праведный муж.
Безмерны богатство и щедрость его,
С накрытого пышно стола своего
Мне он подаяние это вручил:
Молись за меня, мол, подателю сил,

В темницу несчастному снедь отнеси;
Лишь новой захочет — приди, попроси».
И вот уже курицу держит в руках
Бижен, а в душе — и надежда, и страх.
Когда, наконец, насыщаться он стал,
Вдруг спрятанный перстень пред ним заблистал.
С волнением узник взглянул на печать,
Заветное имя сумел разобрать;
«Ростем» на кружочке лазоревом том
Начертано, ты бы сказал, волоском.
Он понял: то верности братской привет,
То ключ к избавленью от тягостных бед.
И смех богатырский его громовой
Внезапно донесся из тьмы гробовой.
Царевна, услышав любимого смех
В темнице, в оковах мучительных тех,
Дивится и думает: «Так хохотать
Во тьме одному лишь безумцу под стать!»
Тревожно она вопрошает: «Чему ж
Так громко смеешься, о доблестный муж?
Ужели тебе веселиться дано?
Ведь день для тебя с черной ночью — одно.
Иль счастье тебе улыбнулось, герой?
Доверься подруге и тайну открой!»
«Надежда блеснула,— ответил Бижен,—
Быть может, окончится тягостный плен.
Когда ты готова мне верность хранить,
Обету молчания не изменить —
Клянись нерушимою клятвою в том —
И тотчас тебе расскажу обо всем.
Иначе беду на себя навлеку,
Ведь женскому удержа нет языку».
Вскричала, обиды своей не тая,
Царевна: «Сколь тягостна доля моя!

Как много мне горя изведать пришлось!
Жаль жизни загубленной, пролитых слез.
Я душу и сердце тебе отдала,
И что ж? Подозренья одни навлекла!
Родитель отверг, оттолкнула родня,
Все горше скитания день ото дня,
Утратила все—родовой мой дворец,
Казну, драгоценности, трон и венец,
Теперь и надежда навек отнята.
Весь мир предо мной залила темнота.
Не верит мне друг! Лишь владыке миров
Известно, как жребий мой зол и суров».
«Ты правду сказала,— ответ прозвучал,—
Несчастий твоих я причиною стал.
Мой ум помутился; неволей томим *,
Последую мудрым советам твоим.
Подруга, невольную эту вину
Прости мне, услышишь ты правду одну.
Узнай, продавец драгоценных камней,
Что дал тебе снедь из поварни своей,
Явился лишь ради меня одного,
Торговля же только предлог для него.
Творец милосердный явил мне любовь,
Мир светлый, быть может, увижу я вновь,
Избавлюсь от этих неслыханных мук,
А ты — от скитаний, бесценный мой друг.
Ты к гостю вернуться теперь поспеши *
С вопросом: „Сомненья мои разреши —
Ты ль Рехша хозяин? Мне правду открой,
О доблестный, неустрашимый герой!“»
Как ветер, тотчас Мениже понеслась:
Спешила исполнить Бижена наказ.
Из уст прибежавшей царевны едва
Услышал Могучий Бижена слова,

Он понял: изнывший от тяжких цепей
Бижен все поведал подруге своей.
И, сжалившись, молвил Могучий в ответ:
«Пусть век не угаснет любви твоей свет!
Ты страждешь, судьба твоя ныне тяжка,
Но знай, что пора избавленья близка.
Бижену скажи: пусть поверит всему.
Я — Рехша хозяин и послан к нему.
В Иран из Забула, оттуда в Туран
Путь дальний свершить повелел мне Йездан.
Поведай, но тайну хранить продолжай,
Валежник усердно весь день собирай,
А ночью, как станет не видно ни зги,
Близ ямы поярче костер разожги».
Вздохнула свободнее тут Мениже,
Надежда проснулась в усталой душе.
Вновь ринулась к милому; счастья полна,
Как будто на крыльях несется она.
Бижену поведала царская дочь:
«Я речи твои повторила точь-в-точь.
Ответствовал мне благодетель: „Я тот,
Кого уж давно твой возлюбленный ждет.
Доколе в мученьях ему изнывать,
Слезами кровавыми лик омывать?
Скажи: для него я себя не щадил
И руки, и плечи, и грудь натрудил.
Уж если сыскать я пропавшего смог,
Повергну всех недругов, дайте лишь срок.
Под силу моим богатырским рукам
Взрыть землю и глыбу взметнуть к облакам“.
И после сказал: „Лишь надвинется ночь
И солнцу светить уже станет невмочь —
Ты знак мне подай разожженным огнем,
Чтоб стало близ ямы светло, словно днем,

Чтоб мог я во мраке, не сбившись с пути,
Прямою тропою к Бижену прийти“».
До слуха Бижена та речь донеслась,
И радость великая в сердце зажглась.
Воскликнул закованный в цепи храбрец:
«О праведный, о милосердный творец!
На помощь приди мне, врага порази,
Стрелу вероломному в сердце вонзи!
Ты ведаешь все злоключенья мои,
Воздай палачу за мученья мои!
Дай снова увидеть любимый мой край,
Спастись мне от смерти безвременной дай!
Супруга, которую нежно люблю,
Тебя, удрученный, простить я молю
Страданья, что ради меня ты снесла.
Ты б душу и то за меня отдала!
Пожертвовав честью, семьею родной,
Отчизной, престолом, венцом и казной,
Готова не мукой, а радостью счесть
Все то, что пришлось за любимого снесть.
Коль вырвусь из пасти драконьей, куда
Я ввергнут в мои молодые года,
И стану, как все слуги божии, впредь
Ногами без пут и руками владеть,
Пойду поклонюсь властелину царей
С мольбою тебя наградить пощедрей
За все, что для друга свершила, любя.
Возьми же последний сей труд на себя!»
Вот сучья сбирать Мениже принялась,
На дерево птицей потом забралась.
Валежник в руках, к солнцу взор устремлен,
Ждет — скоро ль оденется тьмой небосклон?
Вот ночь опрокинула воинство дня,
С небес лучезарное солнце гоня,

И скрылось дневное светило из глаз,
И ширь беспредельных равнин облеклась
Таинственной, непроницаемой мглой,
И землю объял безмятежный покой.
Спустилась на землю царевна, костер
Зажгла, ослепивший полуночи взор;
И чудится ей: громче гонга звучит
Стук рехшевых бронзово-звонких копыт.

[*Ростем освобождает Бижена*]

Кольчугу Ростем на себе затянул
Румийскую, крепко ее застегнул;
Хваленья вознес властелину светил,
Его попеченью себя поручил,
Моля: «Ослепи ненавистных врагов,
Дай силу Бижена спасти от оков!»
За ним облачились в доспехи войны
Мужи остальные, отвагой полны;
В сражение рвутся, неведом им страх,
Оседланы кони, и все на конях.
Ростем-предводитель несется вперед,
Во тьме его яркое пламя ведет.
Но вот показался Акванов утес,
Скрывавший обитель печали и слез.
И слышат семь витязей храбрых приказ
Ростема: «Всем спешиться должно сейчас,
К тому подземелью пуститься бегом
И глыбу гранитную сдвинуть рывком!»
Вот спешились семеро богатырей,
Чтоб волю Ростема исполнить скорей.
Но сколько ни силился каждый, скала
Над ямой все так же не движна была.
Пот градом с них льется. Увидел, что труд
Им всем семерым не под силу, и тут

Муж доблести львиной с коня соскочил,
Кушак затянул, рукава засучил.
О силе к подателю силы взмолясь,
Ту глыбу, схватив, приподнял он тотчас
И в чащу лесную ее зашвырнул —
Пошел по земле содрогнувшейся гул.
Окликнув Бижена, Ростем вопросил:
«Как беды столь тяжкие ты выносил?
Ты, пивший когда-то сладчайший нектар,
Отраву вкусил — рока злобного дар!»
Тут голос из ямы Бижен подает:
«О витязь, сколь тяжкий свершил ты поход!
Отрава в нектар обратилась в тот миг,
Как слуха желанный твой голос достиг.
Под каменным небом, в железе оков
Томлюсь я — приют мой угрюмый таков!
Уж я отрешился от жизни земной —
Столь тяжек был жребий мучительный мой».
Бижену ответил исполненный сил:
«Йездан милосердный тебя воскресил.
О муж благородный, богатый умом!
Хочу я тебя попросить об одном:
Горгина ты ради меня пощади,
Пыл мстительный в сердце своем охлади».
«О друг мой!— из мрака в ответ донеслось,—
Припомни, что выстрадать мне привелось.
Не знаешь ты, доблестный муж-исполин,
Сколь тяжкое зло причинил мне Горгин.
Лишь мне попадется злодей на глаза,
Над ним разразится возмездья гроза!»
«Коль станешь упорствовать,— слышен ответ,—
И дерзко отвергнешь мой добрый совет,
Оставлю в оковах, окутанным тьмой,
Вскочу на коня и отправлюсь домой».

Словами Ростема Бижен удручен,
Из мрака доносится горестный стон:
«Увы, несчастливца подобного мне
Доселе в моей не бывало родне.
Все то, что обрушил Горгин на меня,
Забыть? И такого дождался я дня!
Что делать, стерплю. Обещаю простить
Горгина, не стану обидчику мстить».
Тогда в подземелье спустив свой аркан,
Бижена оттуда извлек великан.
И тут охватила Могучего дрожь *:
Беднягу изранив, опутали сплошь
Тенета заржавленных тяжких цепей;
Наг юноша, лик шенбелида желтей,
Волос и ногтей непомерна длина.
Печалью Ростема душа пронзена.
Свою богатырскую длань протянув,
Сбив цепи, страдальцу свободу вернув,
Могучий до стана довел своего
Бижена с подругою верной его.
И скорбную повесть несчастий своих
Поведал спасителю каждый из них.
Омыли, остригли Бижена потом,
И новая вот уж одежда на нем.
Укорами совести снова томим,
Пришел и простерся Горгин перед ним.
Простить умолял он, стыдом обуян,
И грубые речи, и низкий обман.
Смягчился Бижен, согласился простить,
Не стал за провинности карой платить.
Берутся мужи за оружье свое —
У каждого палица, меч и копье;
К сраженьям готов их воинственный строй,
Вперед поведет их могучий герой.

И вот он на Рехше, в кольчуге своей.
Верблюдов грузят и седлают коней.
Эшкешу приказ предводителем дан:
Следить за врагами, ведя караван;
Бижену ж дано повеление: «В путь!
Эшкешу с царевной опорою будь.
А я с Афрасьябом в кровавой войне
Забуду о пище, покое и сне,
Ворвусь во дворец, и на утро злодей
Посмешищем станет для рати своей.
Ты долгим полоном измучен, разбит,
Не биться тебе — отдыхать надлежит».
Ответ был: «Мы оба сразиться должны.
Не я ли причина сей новой войны?
Забуду ли тяжкую муку мою? *
Мне быть впереди подобает в бою!»

[*Ночное нападение Ростема*
на дворец Афрасиаба]

Приблизились к замку во мраке ночном;
Все в царской твердыне оковано сном.
Откинув поводья, заносят клинки
Готовые ринуться в бой смельчаки.
Рукой богатырской засов одолев,
В ворота ворвался Ростем, словно лев.
Шум битвы поднялся, клич грянул, как гром,
Сталь блещет и сыплются стрелы дождем.
Поверженных множество; кровь на устах,
И руки застывшие стиснули прах.
Ростем Афрасьябу кричит, разъярен:
«Не стал бы он горек, твой сладостный сон!
Прощайся с покоем, встречай свой конец!
Ростем я, сын Заля, забульский боец!

Засовы, оковы, тяжелый утес —
Я все на пути сокрушил и разнес.
Теперь на свободе отважный Бижен.
Кто зятя бы ввергнул в мучительный плен!
Знать, мало здесь гибельный бой грохотал
И мало мой Рехш эту землю топтал
В возмездье за смерть Сиавуша-царя,
Коль смерти Биженовой, злобой горя,
Возжаждал ты — видно, лишился ума,
И в сердце твоем непроглядная тьма!»
Вскричал тут во гневе Бижен молодой:
«Презренный, ты грозной настигнут бедой!
Страшись властелина иранской земли!
Припомни, как в путах меня привели.
Как тигр, я стремился безудержно в бой,
Но был заточен и закован тобой.
Увидишь, как бьюсь я на поле без пут,
Со мною схватиться и львы не дерзнут!»
От страха тогда Афрасьяб задрожал,
И стражу, и войско на помощь призвал:
Жалеть, мол, не стану земель и венцов,
Когда разгромите напавших бойцов.
Движеньем и шумом сменился покой,
И замок затоплен кровавой рекой.
Напрасно сражались туранцы, злой рок
Погибель им нес, непреклонен, жесток.
Возмездие было бы полным, когда б
Не скрылся от мстителей царь Афрасьяб.
На Рехше Могучий въезжает в покой,
Затоптан ковровый узор золотой.
Невольниц, красой услаждавших царя,
Уводят дружинники богатыря,
А также породистых, резвых коней,
Чьи сбруи слепили сверканьем камней,

Из царских конюшен они увели,
Спеша удалиться от вражьей земли.
Несутся бойцы каравану вослед,
Тревожась: не стал бы добычею бед.
Уж кони устали от тесных удил *,
И витязи после сраженья без сил.
Так скачкою долгой измучен Ростем,
Что тяжек ему даже собственный шлем.
И все же велит он: «Меч острый войны
Вы снова держать наготове должны,
Война, без сомнения, вновь закипит,
Земля затрясется от конских копыт.
Такую к нам рать приведет Афрасьяб,
Что пылью окутать и солнце могла б».
И копий стальными концами сверкнув,
Поводья коней огневых натянув,
Сомкнули ряды верховые бойцы,
Готовые к жарким боям храбрецы.
Вперед боевые дозоры летят,
И зорко они за дорогой следят.
В шатре — Мениже, счастьем светится лик,
Готова к походу, и с ней проводник.
Тут входит Могучий в кольчуге своей
И с речью такой обращается к ней:
«Забудь и невзгоды, и горечь утрат.
Пусть мускус затоптан, живет аромат!
Так в мире неверном бывает всегда:
То счастье и нега, то боль и беда...»

[*Афрасиаб сражается против Ростема*]

В дорогу, лишь солнце взошло над горой,
Собрался туранских воителей строй,
И все закипело вокруг. Через край

Наполнился гулом и грохотом край.
Готовые выступить в бранный поход,
Сомкнулись ряды у дворцовых ворот.
В знак гнева и горя сорвав кушаки,
Простерлись пред троном царя смельчаки,
Вскричали: «Что делать нам? Путь укажи!
Бесчестие все перешло рубежи.
Ведь наши Бижен запятнал имена,
Позором покрыл их на все времена.
Не станут в Иране мужами считать,
Там бабами в панцирях станут нас звать».
Как лев, разъярившись, бесславья страшась,
Царь двинуться в путь повелел им тотчас.
Пирану сказал: «Час литаврам забить!
Доколе глумленье Ирана сносить!»
Скликая воителей в бранный поход,
Завыла труба у дворцовых ворот,
Построилось войско, и вот уж кругом
Кимвалов и гонгов разносится гром.
Ряды за рядами несутся, пыля,
И кажется морем бурливым земля.
Тут с вышки иранской боец увидал
Враждебного войска несущийся вал.
Примчавшись к Ростему, вскричал: «Выступать
Пора, приближается грозная рать!»
Могучий ответствует, невозмутим:
«Не дрогнем, пыль битвы до неба всклубим!»
Вперед с караваном послал Мениже,
А сам, в облачении бранном уже,
Поднялся на холм и войска обозрел;
И клич его, сеющий страх, загремел.
Пословицы старой тут вспомнишь слова:
«Лисе не уйти от свирепого льва!»
Воззвал он к воинственным богатырям:

«Нам надобно выбрать почет или срам.
Где ваше копье, где булат боевой,
Секира и палица с бычьей главой!
Явите отвагу, Ирана сыны!
Здесь поле отмщения, поле войны».
Рев трубный пронзительный степь огласил,
Могучий на буйного Рехша вскочил.
Покинули горы и в степь понеслись
Иранцы и с войском туранским сошлись.
Сомкнувшись двойною железной стеной,
Две рати простор наводнили степной.
Дружина Ростемова пыль подняла
Такую, что землю окутала тьма.
Эшкеш с Гостехемом, чья слава громка,
На правом крыле возглавляют войска.
На левом — Зенге и бесстрашный Роххам
Готовят погибель заклятым врагам.
А в сердце дружины — с Биженом Ростем —
Щит рати, опора воителям всем;
Ведет он подобных граниту мужей *,
Пред ними ограда из тысяч мечей.
Ростема, ведущего рать, издали
Узнал повелитель туранской земли.
Тревогой объятый, он латы надел,
Воителям остановиться велел;
Построил ряды по уставу войны.
Высь — цвета индиго, равнины темны.
На левом крыле — предводитель Пиран,
На правом — свирепый воитель Хуман.
Шиде с Герсивезом — те в сердце дружин.
На поле глядит Афрасьяб: исполин
В доспехах, с железною схожий горой,
Несется, возглавив воинственный строй.
Кричит властелину туранскому он:

«Злосчастный, позором покрыл ты свой трон!
Лишенный отваги великих мужей,
Ужель не стыдишься дружины своей?
В войну то и дело вступаешь со мной,
Войсками простор наводняешь земной,
Но только с мужами столкнешься в бою,
Спасаешься — вижу лишь спину твою.
Речения мудрых припомни, они
Учили еще в стародавние дни:
Будь сотни онагров, им льва не смутить,
И солнца всем звездам небес не затмить.
Олень, как услышит о волчьих когтях,
Тотчас затрепещет, пронзит его страх.
Трусливому лису отважным не стать,
А тигру от множества жертв не устать.
Коль царь безрассуден, подобно тебе,
Он край обрекает злосчастной судьбе.
Победы от нынешней битвы ты ждешь
Напрасно! Живым от меня не уйдешь!»

[*Поражение Афрасиаба в битве с Ростемом*]

Лишь только туранец ту речь услыхал,
Охваченный яростью дикой, вскричал:
«Бойцы именитые, Тура сыны!
Вы здесь на пиру иль на поле войны?
Себя не жалея, спасайте страну!
Спасете страну — обретете казну!»
И вот уж за рядом смыкается ряд,
И бранные клики над полем гремят.
На солнце от пыли густой — пелена,
И землю окутала мрака волна.
Ударили в бронзовый гонг на слоне,

И рог и труба призывают к войне.
Сомкнулись дружины, казались они
Сплошною громадой из темной брони.
Столь ярые клики окрест разнеслись,
Что степь всколыхнулась, хребты затряслись.
То копья, то стрелы мерцают во мгле.
Ты скажешь, день судный настал на земле.
Удары булатных булав, словно град,
По шлемам и латам все чаще стучат.
Поверг лучезарное солнце во мрак
Ростемов драконом увенчанный стяг.
Сказал бы ты, залито небо смолой
И стрелы покровом висят над землей.
На Рехше несясь, топчет вражьих вождей
Ростем, украшенье и слава мужей.
Он с палицей ринулся, словно от пут
Избавленный, буйством объятый верблюд.
Прорвав середину туранских дружин,
Врагов разметал, разгромил исполин;
И с плеч злополучные головы их
Посыпались, словно дождь листьев сухих.
На правом крыле Гersивеза разит
Эшкеш — лютой смертью туранцу грозит.
На левом — Горгин и Ферхад, и Роххам
Удар за ударом наносят врагам.
А войск середину бесстрашный герой,
Сын Гива крушит, будто тешась игрой.
Не поле, а волны кровавой реки;
Стяг черный Турана изрезан в куски.
Царь, видя, что ратное счастье ушло
И столько его удальцов полегло,
Меч бросил, забыв про желанную месть,
Спешит на другого коня пересесть
И вместе с дружиной уносится прочь;

Иранцев ему пересилить невмочь.
Ростем-победитель вдогон полетел,
Осыпал их тучами копий и стрел.
Что лютый дракон, неустанно скача,
Преследовал, гнал и рубил их сплеча.
Но сдавшихся в битве помиловал он,
Их целую тысячу взявши в полон;
Свою же, в бою победившую рать
Богатой добычею стал одарять.
Слонов нагрузили, готов караван,
И двинулось войско в родимый Иран.

[*Возвращение Ростема к Кей-Хосрову*]

Услышал прославленный царь Кей-Хосров:
Вернулся с победою лев из лесов;
Попавший к чудовищу лютому в плен,
Теперь на свободе отважный Бижен.
Разгромлены полчища недругов злых,
Разрушены черные замыслы их.
И радостный перед всевышним творцом
Простерся он, праха касаясь лицом.
До Гива с Гудерзом те вести дошли,
И оба примчались к владыке земли.
Зов грянул, и войско, шумя, собралось,
Кимвалов звучанье окрест разнеслось.
И трубы трубят перед царским дворцом,
И клики бойцов — что грохочущий гром,
И площадь от множества конских копыт
Чернеет, и гонг неумолчно гудит.
Построилось славное войско страны,
Пыль тучей вздымая, ступают слоны.
С кимвалом, со стягом у войск впереди
Тус гордый с Гудерзом — иранцев вожди.

Выводят на привязи тигров и львов,
И скачут ряды верховых удальцов,
Навстречу вождю-победителю мчась,—
Таков венценосца Хосрова приказ.
Громадою движутся войска ряды,
Степь стала подобием горной гряды.
Могучего издалека различив,
Гудерз именитый и доблестный Гив,
И прочие богатыри — стар и млад —
Все, спешась, навстречу герою спешат.
Тогда соскочил и Могучий с седла.
К нему отовсюду несется хвала.
Гудерза и Гива он слышит привет:
«Воитель, чьи подвиги славит весь свет!
Да будет всевышний оплотом твоим!
Да будешь луною и солнцем храним!
Отвагу ты мог бы и льву преподать.
Пусть вечно пребудет с тобой благодать!
Ты чадо любимое нам возвратил,
Весь род наш навек в должника обратил.
Ты — наш избавитель от грозной беды,
Служеньем тебе мы безмерно горды».
Возглавив прославленных богатырей,
Помчался к дворцу властелина царей
Ростем-победитель, Ирана оплот.
Еще городских не достиг он ворот,
Как выехал встретить любимца дружин
Венец именитых, страны властелин.
И, спешась, Забула прославленный князь
К владыке приблизился, низко склонясь.
Усталый от долгих скитаний и сеч,
Он слушает шаха приветную речь.
Воскликнул, его обнимая, Хосров:
«О доблести знамя, опора бойцов!

Твой подвиг сияет, как солнце. Тебя
Весь мир величает и славит, любя!»
Тут за руку взяв молодого бойца,
В объятья Хосрова, в объятья отца
Его, улыбаясь, Могучий вернул —
Тем плечи согбенные их разогнул;
И тысячу пленных туранских мужей
Велел привести к властелину вождей.
Герою владыка хвалу воздает:
«Пусть милостив будет к тебе небосвод!
Живи среди радостей мирных и нег,
Для злобы врага недоступный вовек!
Блажен твой отец, что стране, уходя,
Такого, как ты, оставляет вождя.
Забулу хвала, что земле подарил
Тебя, обладателя сказочных сил!
Счастливым уделом гордится Иран —
Ему ты судьбою в защитники дан.
Но счастьем всех более я одарен —
Ты, славный герой, охраняешь мой трон.
Ты — слава отчизны, опора вождей,
Не надо мне жизни без дружбы твоей!»
И радостно Гиву сказал он потом:
«Знать, сердцем ты чист пред небесным творцом:
Недаром и сына тебе, и покой
Вернул он Ростемовой мощной рукой».
Гив доблестный славит владыку в ответ:
«Не знай никогда поражений и бед!
Да будет Ростем неизменно могуч,
Отца бытие озаряя, как луч!»

[*Кей-Хосров устраивает празднество*]

Велит Кей-Хосров венценосный созвать
На праздничный пир меченосную знать.

Запениться чашам пора подошла,
С владыкою гости сидят у стола.
Певцы, повелители струн золотых
Поют им, порхает рой дев молодых.
Стоит молодых виночерпиев ряд,
Алмазы в богатых уборах горят.
Разлито дыхание амбры кругом,
Льют розовый сок в золотой водоем.
Звенит, разливается лютни напев,
Как пурпур — ланиты пленительных дев.
Лик царский — ясней двухнедельной луны
Над тополем стройным порою весны.
Окончилось пиршество. Богатыри
Ушли, захмелев. А с восходом зари
К престолу владыки с веселой душой
Явился Ростем, именитый герой.
Речь мудрую держит, готовый в поход,
Вернуться в Забул дозволения ждет.
Доставить тогда повелел Кей-Хосров
Немало богатых одежд и венцов,
И десять невольниц в венцах золотых,
И десять рабов в поясах золотых.
Сто лучших коней, сто верблюдов ведут,
Несут самоцветами полный сосуд;
И все, что доставлено было царю,
В награду великому богатырю
С приветною речью вручил он. Ростем
Пал ниц перед ним и, поднявшись затем,
Стан поясом царским узорным стянул,
Венец над челом его ясным сверкнул,
Восславил он шаха, покинул Иран
И вихрем помчался в родимый Систан.
Героям, что были с ним вместе везде —
В походе далеком, в бою и в беде,—

Владыка достойно труды возместил,
Довольными всех из дворца отпустил.
Когда же покончил с заботою той,
Воссел Кей-Хосров на престол золотой,
Бижена позвать приказал, и Бижен
Царю про свои злоключенья и плен,
Про битву, что честь удальцам принесла,
Поведал, и долгою повесть была.
Узнал из правдивых Биженовых слов
О тяжких страданьях царевны Хосров,
И стало безмерно властителю жаль
Познавшую горе, лишенья, печаль.
Сто пышных одежд из румийской парчи,
Что взор ослепляет, как солнца лучи,
Невольниц прекрасных, динары, ковры,
Алмазный венец и другие дары
Послав ей, Бижену сказал Кей-Хосров:
«Царевна достойна и лучших даров.
Смотри, ни обид не чини ей, ни зла —
Немало она для супруга снесла.
Пусть каждое утро вам счастье несет!»
Коварен, изменчив вертящийся свод,
Не следует нам доверяться ему.
Посмотришь: внезапно низвергнут во тьму
Счастливец, что был высоко вознесен;
Невзгод и печалей не ведая, он
Вкушал беззаботно богатства плоды,
И вот — задыхается в лапах нужды;
Другого из бездны судьба вознесла,
И царский сияет венец вкруг чела.
Ничто не смягчит и никто не смутит
Жестокой судьбины, неведом ей стыд;
Ей власть и над злом, и над благом дана,
Но чье бытие пощадила она?

То сладостью счастья, то горечью слез
Нас потчует мир — так уж в нем повелось.
Не рвись к обладанью богатствами, друг!
Кто скромен в желаньях — не ведает мук...
О славном Бижене окончена речь,
Сказ новый стихом я задумал облечь.
Внемли, о мудрец, начинаю сейчас
О битве Пирана с Гудерзом рассказ.

[СКАЗ О ДВЕНАДЦАТИ ПОЕДИНКАХ]*

Жизнь так проживешь, как удастся прожить *,
Не век веселиться, не вечно тужить.
Кто служит презренной корысти одной,
Свершает безрадостно путь свой земной.
Как пасти дракона, корысти страшись,
К тому, что тебя возвышает, стремись.
Кем правят лишь алчность и ненависть, тот
Сочувствия в чистых сердцах не найдет.
Покинуть нам бренный сей дом суждено,
В нем тесно ль, просторно ль — не все ли равно!
В саду кипарис одряхлеет в свой срок,
И солнца лучи ему будут не впрок;
С сухими корнями, с корой неживой
Он долу поникнет увядшей листвой.
Из праха рожденный вновь ляжет во прах:
Священный питать подобает нам страх!
Разумный и праведный свято хранит
Завет милосердия — зла не чинит.
Стремиться к познанью и правде зарок *
Ты дай, и души не коснется порок.
Ведь сколько б ни длился твой век на земле —
Настигнутый немощью, сгинешь во мгле.
К сей тайне извечной кто сыщет ключи?
Она — что бездонное море в ночи.

Воздержанным будь, ведь на старости лет
Утробу свою ублажать нам не след.
Три блага земные даруют покой,
За них ты хулы не услышишь людской:
Коль пища, одежда и ложе тебе
Даны — горевать отчего же тебе!
Все прочее — алчности дань, и беды
Не меньше от роскоши, чем от нужды.
Навеки не можешь ты жизнь удержать,—
К чему же стяжательству дни посвящать!
Коль низким страстям ты объявишь борьбу,
В награду высокую примешь судьбу.

[*Афрасиаб созывает войска*]

Не знал ненасытный Турана глава
Ни мига покоя — доносит молва.
Бежав с поля битвы, где свет для него
Затмило Ростема-вождя торжество,
Тяжелый позор пораженья влача,
Халлоха достиг, без оглядки скача,
И в замок, досадой жестокой палим,
Вступает; советники мудрые с ним,
Турана вожди — Герсивез и Пиран,
Герои Шиде, Герсиюн, Карахан,
Гольбад, Фершидверд и Хуман-исполин,
И грозный в боях сын Пирана — Руин.
Речь держит владыка, собранью мужей
Поведал об участи горькой своей:
«С тех пор, как чело я венцом осветил,
Я был под защитой небесных светил,
Владыками гордыми повелевал,
Никто на пути у меня не вставал.
Со дней Менучехра до наших времен *
Ираном Туран не бывал покорен.

А ныне враги сквозь полночную тьму
Дерзнули пробраться к дворцу моему.
Стал робкий отважным; олень, осмелев,
К берлоге идет, где покоится лев.
Когда не ответим войной на войну —
На гибель осудим родную страну.
Гонцов по стране поспешу разослать,
На зов соберется могучая рать.
В бой тысячи тысяч лихих удальцов,
Турана и Чина отважных бойцов,
Стремительно ринутся с разных сторон,
И кровью врагов будет дол обагрен».
Раздумывал долго старейшин совет,
И вот что услышал владыка в ответ:
«Джейхун перейдем! Пусть литавры твои
В степях загремят, возвещая бои.
В пути отдыхать не дадим никому,
Раскинем шатры на равнине Аму
Вожди, покорители стран, смельчаки —
Мы там напоенные ядом клинки
С Ростемом и Гивом бесстрашно скрестим,
В сраженье кровавом врагам отомстим».
От витязей эти услышав слова,
Душою воспрянул Турана глава;
Мобедам и доблестным богатырям
Воздал он хвалу, как пристало царям.
Писцу подойти повелел своему,
Сказал, что сказать надлежало ему;
И вот уж во все поскакали концы —
И в Чин, и в Хотен — Афрасьяба гонцы.
Властителям ближних и дальних земель
Он пишет. Посланий единая цель —
Подмоги просить для сражения; он
Отвагой Ростемовых войск устрашен.

Прошли две недели, и рати пришли
Из Чинской земли, из Хотенской земли.
И вот уже степь, словно море, бурлит,
Бескрайный простор пылью черною скрыт.
Извлекши сокровищ наследственных тьму,
Оставленных некогда Туром ему,
К ним витязям доступ владыка открыл,
Динарами щедро бойцов одарил
И с пастбищ привольных свои табуны
Пригнать повелел пред началом войны.
Построено войско, к походу оно
Готово, как надобно снаряжено.
И тысяч не менее чем пятьдесят
Набрав меченосцев, что грозно разят,
Царь кличет отважного сына Шиде,
Чья слава гремит меж бойцами везде,
И так говорит: «Я отборную рать
Вверяю тебе, ты к Хорезму скакать
С ней должен; на страже его рубежей
Готовься в сраженьях возглавить мужей».
И столько ж Пирану-вождю храбрецов
Велев отобрать среди чинских бойцов,
Сказал он: «Грозой на Иран налети
И счастье, и трон Кей-Хосрова смети *.
В войне утоленья ищи, о другом
Не мысли, не вздумай мириться с врагом!
Кто пламя захочет водой развести,
Лишь может обоим ущерб нанести».
Два доблестных витязя — старый мудрец
И юный, исполненный силы храбрец,—
Тот сдержан и тверд, этот гневом горя,—
Бойцов повели по приказу царя.
Бьют в гонг золотой, блещут копья, клинки,
И клики, что грома раскаты, громки.

[Кей-Хосров посылает Гударза воевать против туранцев]

Сказали царю, покорителю стран:
«Туранцы походом идут на Иран.
Пылая враждой, порываясь к войне,
Забыл Афрасьяб вероломный о сне.
Чтоб смыть пораженья бесчестие, он
Шлет грозные полчища с разных сторон.
Отравою копья велев напитать,
Сам двинет он скоро несметную рать;
Могучая, в битве могла бы она
Взрыть даже глубины Джейхунова дна.
Злодей верховых триста тысяч бойцов
За реку Джейхун переправить готов.
Кимвал Афрасьяба в предутренний час
Воителей кличет, сон гонит от глаз.
От гула воинственных гонгов в груди
Расплавится сердце того и гляди.
Коль полчища эти на нас нападут,
То даже храбрейшие в бой не пойдут.
С дружиной немалою послан Пиран
Рубеж пересечь и ворваться в Иран.
К земле Хорезмийской, как вихрь, полетят
Другие бойцы — тысяч их пятьдесят.
Возглавит их неустрашимый Шиде,
Который обрек бы и пламень беде.
Нагрянут, слонам разъяренным сродни,—
Сравняют и гору с землею они».
Услышав от вестников эти слова,
Задумался рати иранской глава.
«О мудрые! — так он сказал, ободрясь, —
От вещих провидцев слыхал я не раз:
Туранскому месяцу впредь не светить,

Дано его солнцу Ирана затмить.
Так змеи, дожив до предсмертной поры,
Навстречу дубинке ползут из норы.
Коль царь посадил злодеянья росток,
Престола и счастья лишит его рок».
Воителей мудрых спешит он призвать,
Им вести дошедшие пересказать.
И держат с владыкою тайный совет
Мужи закаленные, воинства цвет:
И Заль, и Гудерз, и Ростем-исполин,
И Гив, и Ферхад, и Роххам, и Горгин,
Бижен, и Эшкеш, и герой Гостехем,
Шейдуш, и Зенге, и седой Гождехем,
И отпрыск Новзера венчанного — Тус,
И князь Фериборз, чей родитель Кавус,
И много, воспетых молвою, других
Героев могучих, бойцов удалых.
Сказал им владыка: «Туранская рать,
Задумав престол у меня отобрать,
В путь вышла, готовая к жарким боям.
Готовиться к битве, знать, время и нам».
Веление отдано: трубам греметь!
Гудят оглушительно бронза и медь.
Владыка покинул дворец. Водружен
На спину слоновью сверкающий трон.
Воссел он, ударили в гонги потом,
Пыль встала, и словно в индиго густом,
Во тьме утопают равнина и высь.
Подобные тиграм, бойцы понеслись,
Грозят булавами, гнев сердце им жжет,
Степь словно бушующий водоворот.
Клич грянул, призвавший иранцев к войне:
«Встань каждый, кто может сидеть на коне!
Сегодня из воинов ни одному

Не должно в своем оставаться дому».
В подмогу у хиндских, румийских царей
Шах ратников просит и богатырей.
Арабов, готовых к жестоким боям,
В сраженье подобных ярящимся львам,
Он ждет из Степи Копьеносных Бойцов.
Нужны триста тысяч мужей-удальцов;
Коль в сорокодневный не явятся срок —
Удел их властителей будет жесток.
Вот всадники в разные мчатся края,
Развозят посланья Хосрова-царя.
Прошли две недели — владыке верны,
Войска наводнили пределы страны.
Волнуясь, бурля, словно море, она
Воинственных кликов и шума полна.
С зарею, лишь первый петух закричал,
Призывно и гулко кимвал зазвучал.
С войсками своими у царских дверей
Немало сошлось именитых вождей.
Царь клады свои раскрывать принялся,
Динары бойцам раздавать принялся.
И радостью каждый боец озарен,
Как будто бы царским венцом одарен.
В шеломах и латах наездников строй
Казался огромной железной горой.
Тут сердце свое успокоил Хосров;
Построив, как должно, ряды храбрецов,
Из них тридцать тысяч избрал он затем,
И стал их главой именитый Ростем.
Царь, вверив Могучему храбрую рать,
Промолвил: «О вождь, время в путь выступать!
Сначала в родной отправляйся Систан,
Оттуда дружину веди в Хиндустан
Дорогою горною мимо Газны.

Добейся престола, венца и казны.
Когда же в краю, усмиренном тобой,
Лев с ланью отправятся на водопой,
Правление сыну вручи своему *,
Оставь и бойцов, сколько нужно ему,
А сам под кимвальный немолкнущий гул,
С дружиной покинув Кашмир и Кабул,
Ко мне поспеши: с Афрасьябом война
Лишила меня и покоя и сна».
Аланов страну и Герче поручил
Лохраспу, воскликнув: «Исполненный сил! *
Пусть грозной громадой, ведома тобой,
Отборная конница ринется в бой!
Пусть метко разят удалые стрелки!
На гибель туранскую рать обреки!»
Эшкешу-вождю Кей-Хосров приказал
В поход повести, ударяя в кимвал,
Разящих копьем тридцать тысяч бойцов,
Подобных свирепым волкам удальцов,
Стан ратный под градом Хорезмом разбить,
Напасть на Шиде и бесстрашно разить.
Гудерзу дружину четвертую дал;
«О славный потомок героев!— сказал,—
Мужей именитых Ирана веди.
Пусть мчатся с тобой боевые вожди:
Горгин и Зенге, Гостехем и Шейдуш,
Гив, доблестью в мире прославленный муж,
Герой Горазе, благородный Хоррад,
Роххам и не знающий страха Ферхад!
Все вместе, в доспехи войны облачась,
В поход на Туран выступайте тотчас».
Сын славный Гошвада — Гудерз-исполин
И витязи — гордость иранских дружин—
Коней оседлали по воле царя.

Вождя, престарелого богатыря,
Напутствуя, так говорил Кей-Хосров:
«Путь добрый! Ты к подвигам ратным готов.
Смотри же, насилья и зла не свершай,
Сел мирных безжалостно не разрушай
И жителям, если покорны они,
Обид и ущерба ни в чем не чини.
Подумай о том, что недолог наш век,
Предстанет пред высшим судом человек...
С бойцами достигнув туранской земли,
Рассудку, не голосу гнева внемли.
Горячность отбросив, будь Туса мудрей,
В кимвал из-за малости каждой не бей.
Йездана заветами дух укрепив,
Будь сердцем незлобен, во всем справедлив.
Посла-мудреца, златоуста найди,
В стан вражий, к Пирану-вождю отряди,
Пусть мирный призыв будет выслушан им,
Его покори дружелюбьем своим».
Гудерз отвечает владыке страны:
«О царь, вознесенный главой до луны!
Мне воля святая твоя дорога.
Ведь ты — миродержец, а я — твой слуга».
Клич кликнуть Гудерз повелел в тот же час,
И грохот кимвала просторы потряс.
Построилось грозное войско, и мгла
От пыли взметенной весь мир облекла.
Слоны перед воинством, их шестьдесят.
Сказал бы ты, гибелью миру грозят —
Так буйны и мощны они; среди них
Избрали достойных царя четверых.
И вот уж на каждом слоне водружен
Богатый, сверкающий золотом трон.
Воздав предводителю царскую честь,

Велит ему царь на переднем воссесть.
Вождь выступил в путь; сквозь нависшую тьму
Мерещится радость победы ему
И мнится: клубится не пыль перед ним —
Сожженного сердца Пиранова дым.
Идет от стоянки к стоянке, храня
Завет повелителя, зла не чиня.

[*Гудерз посылает Гива к Пирану*]

Достигнув Рейбеда, Гудерз-исполин
Собрал предводителей славных дружин,
Сильнейших избрал десять сотен бойцов,
В сраженья идущих с копьем храбрецов,
И десять воителей знатных притом,
Владеющих словом, разящих мечом.
Затем именитого Гива призвал,
О воле владыки поведав, сказал:
«О сын мой, в совете ль, в страде ль боевой
Ты многих превыше вознесся главой!
Достойную рать отобрал я, гляди,
Здесь разных земель боевые вожди.
К Пиранову стану с тобою они
Пусть мчатся; с ним переговоры начни.
Скажи от меня: я Рейбеда достиг
С дружиной, по воле владыки владык.
Все, думаю, в памяти ты сохранил:
Терпел ты обиды иль сам их чинил,
И, верно, того не забыл ты, что ран
Немало нанес кеянидам Туран.
Припомним хотя б Феридуна — в слезах
Свой век доживал тот прославленный шах.
Скорбел повелитель, скорбела страна,
Померкла, скорбя об Иредже, луна *.

Один средь воинственной рати своей,
Ты мнишь миролюбцем прослыть у людей,
Но речь о твоем миролюбии — ложь,
Его в помышленьях твоих не найдешь.
Что делать! Сказал благородный мой шах:
С Пираном будь ласков и мягок в речах.
Он, мудрый, во дни Сиавуша-царя
Жил честно и праведно, зла не творя;
В злодейском убийстве отца моего
Невинен, и чту я за это его".
Хотя пред Ираном твой грех и велик,
Тебя, не пролившего крови владык,
Простил повелитель, чье сердце светло,
Забыл он тобою свершенное зло,
Сказал: хоть немалой запятнан виной,
Не должен ты пасть, ниспроверженный мной,
Когда за царя Афрасьяба в бою
Найти не захочешь погибель свою.
Тебе передаст эти речи мой сын,
С ним едут вожди наших славных дружин.
Им все, что в душе накопилось, скажи,
И выслушай то, что ответят мужи.
Коль веские доводы им приведешь
Турану в защиту — спасенье найдешь.
Не стану тогда на тебя нападать,
На землю твою снизойдет благодать.
Когда ж обнаружится в правых речах
Турана виновность — не сжалится шах.
Мне станут заменой покоя и сна
Броня, булава, с Афрасьябом война!
Ведь шаху, чтоб грозно его покарать,
Недолго построить могучую рать.
Спасешься ты, голосу разума вняв,
Мои предложенья благие приняв.

Вот первое: тех, что, враждою горя,
Жизнь отняли у Сиавуша-царя,
Свершили бесстыдно столь черное зло,
Которое ужасом мир потрясло,
Как бешеных псов, ты схватить повели,
Ко мне, опозоренных, в путах пришли,
К царю их отправлю — пусть извергов тех
Казнит, а захочет — отпустит им грех.
Убийц имена в судной книге моей
Записаны славным владыкой царей.
Напомню я притчу: такие слова
Волк лютый услышал от гордого льва:
Дерзнувший на царскую кровь посягнуть
Бесславною смертью окончит свой путь.
Второе: богатства отдай, не тая,—
Знай, в них затаилась погибель твоя.
Нужны нам лихие твои жеребцы,
Алмазы, динары, шелка и венцы,
Броня для коней и для их седоков.
От шлемов румийских до хиндских клинков —
Все, нужное ратникам, вместе с казной
Посланцам вели разложить предо мной.
Жестоким насильем, как лютый злодей,
Ты отнял сокровища те у людей;
Так душу ты выкупи ими теперь,
Себе распахни к избавлению дверь.
Все то, что достойно царей, отобрав,
Немедля пошлю я владыке держав;
Все прочее — войско получит. Казну
Отдай, и свою ты искупишь вину.
И третье: любимого сына-юнца,
Надежду престола, опору венца,
А также двух братьев-вождей, до луны
Чьи гордые головы вознесены,—

Трех славных героев туранской земли
Ко мне как заложников тотчас пришли,—
Тогда я поверю в твой мирный обет,
Распустится дерева верности цвет.
Подумай: лишь два пред тобою пути.
Решайся с повинной к владыке прийти,
Ведя за собою весь знатный свой род,
Укройся под сенью царевых щедрот,
Царя Афрасьяба забудь, прокляни,
И даже из снов ты его изгони!
Клянусь я, тебя венценосный Хосров
Вознесть головою до солнца готов.
Его милосердье известно тебе.
Иди же навстречу почетной судьбе!
Но если, владыки Турана страшась,
В Иран перейти не решишься сейчас,
С короной и троном ты в Чач удались
И там, от событий вдали, поселись.
Захочешь уйти к Афрасьябу — уйди,
С ним бегством спасайся, ведь смерть впереди.
Пред тем, на кого захочу я напасть,
Разверзнется страшная львиная пасть,
Обрушит мой лук ливень гибельных стрел,
Лишится престола туранский предел.
Но если, враждою охваченный, все ж
Ты злобные замыслы в сердце несешь
И мыслишь противиться ярому льву —
Готовься, на битву тебя призову!
Пусть каждый на поле войны поспешит:
Кто прав, кто виновен — сраженье решит.
Знай, будешь раскаяньем горьким томим,
Коль внять не захочешь призывам моим.
Но в позднем раскаянье будет ли прок,
Когда твою голову скосит злой рок?»

Умолк возглавлявший иранскую рать;
Гив должен Пирану ту речь передать.

[*Прибытие Гива в Висегерд к Пирану*]

Гудерзовы в памяти речи храня,
Гив к Балху погнал боевого коня.
И с первой стоянки послал он гонца,
Во всем повинуясь веленьям отца.
А ночью с дружиной, пыль снова всклубив,
Вперед, к Висегерду, направился Гив.
В том граде становье раскинул Пиран,
Задумавший ввергнуть в неволю Иран.
К Пирану посланец примчался в пыли;
Князь войско уже различает вдали
И слышит: «От Балха Гив храбрый идет,
Немало бойцов именитых ведет».
Весть выслушав, насторожился Пиран,
И шумом туранский наполнился стан.
Забили в литавры, медь гулко трубит,
Земля истомилась от конских копыт.
Сто десять построилось тысяч бойцов,
Искусных в бою верховых удальцов;
Две трети на месте оставив, с собой
Вождь лучших увел, закаленных борьбой.
Достигнув Джейхуна, у самой реки
Поставил на страже Турана полки,
Стеною из копий Джейхун укрепил
И в переговоры он с Гивом вступил.
Уж длится их спор две недели подряд:
Мол, оба неправой войны не хотят.
Послы говорят, и внимает Пиран,
И нет уж сомнений — виновен Туран.
Иранцы в речах перевес обрели,

Все доводы вражьи отвергнуть смогли.
Когда их беседа достигла конца,
Пиран к Афрасьябу отправил гонца:
Мол, прибыл на троне иранских царей
Гудерз, сын Гошвада, с дружиной своей.
Для переговоров им прислан ко мне
Гив храбрый, сметающий рати в войне.
Твоих повелений, владыка, прошу,
Вновь верности вечной обет приношу».
Владыка лишь только ту весть услыхал —
В борьбе закаленных героев избрал.
Послал тридцать тысяч отважных бойцов,
Разящих мечом верховых удальцов.
К Пирану с наказом: «Пора занести
Меч брани и недругов лютых смести.
Да сгинут и Гив, и Гудерз-исполин,
И храбрый Роххам, и Ферхад, и Горгин!
В подмогу к нам полчища множества стран
Примчались; престола лишится Иран.
Туранскую конницу двину вперед,
Пусть кровью иранскую землю зальет!
На разум, на храбрых мужей положась,
Хосрова я в пыль обращу на сей раз».
Увидел несчетных бойцов пред собой —
Сильней, кровожаднее волка любой!—
И зло предпочел добродетели вождь,
В нем гнев распалила возросшая мощь.
Свое миролюбье былое забыв,
Он жаждет сражений. И доблестный Гив
Речь новую слышит: «Встань, в путь соберись,
К отцу, предводителю рати, вернись!
Скажи: от меня ты не жди ничего,
Муж славный не примет позора сего.
Знатнейших велишь ты, войною грозя,

Вам выдать. О том и помыслить нельзя!
Ты требуешь царства, оружья, коней,
Вдобавок и тех, кто мне жизни нужней,—
Двух братьев моих, именитых бойцов,
И сына — героя, красу удальцов.
Отдать их и сердце терзаньям обречь?
Не слушать бы столь безрассудную речь!
Мне, войск предводителю, стать вам слугой?
Нет, гибель желаннее жизни такой!
Напомню я притчу о тигре степном:
Изрек он пред лютою схваткой со львом:
Со славою голову лучше сложить,
Чем сдаться и недругу рабски служить...
К тому же в подмогу мне прислана рать,
И царская воля гласит — воевать».
Такой от Пирана ответ получив,
Умчался с вождями иранскими Гив.
Туранцев глава, с ним едва разлучась,
Клич бранный воителям кликнул тотчас,
И вскоре у склонов хребта Кенабед
Рать выстроил в чаяньи бранных побед.

[*Два войска строятся на поле сражения*]

Гив славный, достигнув стоянки отца,
Пиранов ответ изложив до конца,
Сказал именитому: «Дольше не жди,
На поле сраженья дружину веди!
Свет правды в душе у Пирана померк,
Он жаждет войны, примиренье отверг.
Я, следуя точно веленьям твоим,
Вел спор неустанно, настойчиво с ним;
Когда же туранцев вину доказал,
Он тотчас гонца к Афрасьябу послал,

Прося у него в подкрепление рать,
Уверив его, что хотят воевать
Иранцы. Дождался подмоги Пиран.
Лишь только покинул я вражеский стан,
Он рать переправил на берег другой,
Кимвалом зовет ее ринуться в бой».
Гудерз-предводитель воскликнул в ответ:
«Как видно, Пирану постыл белый свет!
Я чуял, что мысли злодея черны,
Но должен был волю владыки страны
Исполнить — мне путь оставался один.
Лжеца разгадает теперь властелин!
Когда повеленье мне было дано
В путь выйти, я вспомнил реченье одно:
Мудрец разуверится в друге таком,
Чье сердце в разладе с его языком.
Пусть шах на Пирана рукою махнет:
Туранец он, сердцем к туранцам и льнет».
Пиран между тем, распаляя свой гнев,
Вслед Гиву несется, как яростный лев.
Об этом услышав, ударил в кимвал
Гудерз и дружину к походу призвал;
В путь выступил с нею, покинув Рейбед,
Дотоль ограждавший их горный хребет;
Оставив вершины его за спиной,
В долину повел он воинственный строй.
Туранцы ж затмили сияние дня,
Коней от высот Кенабеда гоня.
Бойцов закаленных, в железной броне —
Сто тысяч, и каждый на быстром коне;
Для битвы затянуты их кушаки,
В руках у них копья и Хинда клинки,
У каждого щит и железный шелом.
Две рати-громады на поле большом

Под гром оглушительный трубный сошлись,—
От грохота тучи вокруг затряслись.
С Рейбедовых до Кенабедовых гор
От войск потемнел необъятный простор.
Во мгле, будто скрытого солнца лучи,
Мерцают кинжалы, сверкают мечи
И копья стальные блестят в вышине.
Весь мир, ты сказал бы, в железной броне.
Что горная, полная мощи река *,
Со склонов свергаясь, Турана войска
Текли — стяг за стягом, волна за волной —
Пред взором Гудерза. Ночною порой
Навстречу он двинуть слонов повелел
И путь преградить наступавшим сумел.
Костров полыханьем весь мир озарен,
И клики несутся с обеих сторон.
Ты скажешь, землей завладел Ахриман,
Враждою и страхом весь мир обуян.
От грохота гонгов средь каменных глыб
Во мраке сердца разорваться могли б...
Лишь утро блеснуло над темной горой,
Гудерз, возглавляя воинственный строй,
На бодрого сел скакуна и бойцам
Велел приготовиться, стать по местам.
Направо от воинов — горный хребет,
Оттуда угрозы нашествия нет,
А слева рекою их строй защищен —
Так нашею плотью наш дух огражден.
Вот с копьями рать, вот лихие стрелки —
Пробили б железо такие стрелки!
У каждого лучника панцирь и щит;
Их, гневом пылающих, бой не страшит.
Вслед конница: каждый сверкающий меч
Поспорил бы с пламенем в грохоте сеч.

За ними — слонов устрашающих цепь,
Размахом шагов сотрясающих степь.
А стяг кавеянский парит в вышине,
В камнях драгоценных, подобный луне,
И свет искрометных алмазных лучей,
Дрожа, отражается в стали мечей.
Так ночь темноликая щедро с высот
Дождь звездный порою осеннею льет.
Вождь мудрый искусно войска разместил,
Сад мира он в ниву войны превратил.
Хеджиром возглавлен был ратный обоз,
А правым крылом управлял Фериборз.
Престола оплот Зеваре и грозе
Подобный в сраженьях герой Горазе
С дружиной спешат к Фериборзу, чтоб с ним
На недруга двинуться строем одним.
Вождь кличет Роххама, ему говорит:
«О светоч ума, трона царского щит!
Над левым крылом тебе власть вручена:
Как солнце Новруза в созвездье Овна,
Дружину сияньем чела озари,
Заботой своею бойцов одари.
Булатом сверкающим, тигра лютей,
Строй вражий губи, повергай силачей!»
С Ростемом, прославленным витязем тем,
Друзья боевые идут: Гостехем,
Мудрец Гождехем и храбрец Форухель,
Чьим стрелам и небо — доступная цель.
А Гив десять тысяч готовых к войне
Возглавил: и люди, и кони в броне.
Тыл войска доверен ему и другим
Испытанным в сечах вождям боевым:
Зенге, Шаворана воинственный сын,
Средь них, и не знающий страха Горгин.

Три сотни дозорных помчались к реке,
Пред строем — наездник со стягом в руке.
А в горы вождь выслал три сотни других,
Испытанных, зорких бойцов верховых.
Дозорный, на гору взойдя, не дремал,
Окрестности пристально обозревал;
За всеми путями и ночью и днем
Следил, неизменен в усердье своем.
Когда бы от стана туранских мужей
Дорогой прополз хоть один муравей,
До слуха Гудерза с горы в тот же миг
Донесся бы остерегающий крик.
Коль войско возглавлено мудрым вождем,
Ему и дракона сразить нипочем!
При виде той рати воинственный пыл,
Казалось, и солнце с луной охватил.
Вначале построив переднюю рать,
Что призвана строй от врагов ограждать,
Вождь поднял заветное знамя над ней.
Могучих, не знающих страха мужей
Ведут закаленные в битвах вожди —
Шейдуш позади и Ферхад впереди.
А место Гудерза — у войск во главе,
Под сенью лучистого стяга Каве,
Что месяц и солнце собою затмил.
Рать издали эту Пиран различил:
Равнина и горы от копий тесны *.
Сказал бы, поводья коней сплетены.
Уверенность храбрых в счастливой судьбе
И стройность рядов, и готовность к борьбе
Увидя, предчувствием злым омрачен,
На жребий жестокий стал сетовать он.
Когда ж место битвы Пиран обозрел —
Схватился за голову, оторопел.

«Где ж,— думает,— поле, чтоб выстроить рать?
Как в этой теснине бойцам нападать?
Но хочешь, не хочешь — в бой должно идти,
Для нас не осталось иного пути».
Избрал среди рати несчетной своей
Сильнейших, испытанных богатырей,
Таких же — из войск Афрасьяба-царя,
Что рвутся к борьбе, жаждой мести горя,—
Всего тридцать тысяч отважных бойцов.
Построив отборных своих удальцов,
Их в сердце дружины поставил Пиран,
Стал их предводителем грозный Хуман.
Вот призваны Эндериман и Эрджасп *
И войска опора — отважный Борджасп;
Им левое рати крыло вручено
И также бойцов тридцать тысяч дано.
Леххак с Фершидвердом, бойцом-силачом,
Еще тридцать тысяч разящих мечом
Выводят; их место — на правом крыле.
От лат и шеломов все поле во мгле.
Вслед мечникам движется грозной стеной
Копейщиков десятитысячный строй;
У них во главе — Зенголе, Сепехром *
С Гольбадом, воинственным богатырем;
И столько ж хотенцев повел исполин,
В сражениях неуязвимый Руин*.
В засаде лесной, словно в логове львов,
Он спрятан с отрядом своих удальцов;
Оттуда он должен лазутчиков слать,
Набеги свершать на иранскую рать
И зорко следить: если в битву она
Рванется, в движение приведена,—
Он тотчас, как тигр, устремится вперед
И с тыла мгновенно врага обойдет.

На горной вершине дозорный стоит,
При солнце, при звездах не спит, сторожит.
К туранскому стану когда б хоть один
Направился всадник иранских дружин —
Раздался б дозорного клич громовой,
В волненье пришел бы весь стан боевой.

[*Бижен просит у Гива дозволения сразиться*]

Безмолвно три дня и три ночи подряд,
Сомкнувшие строй против строя, стоят
Бойцы двух могучих и славных дружин,
И в бой не стремится из них ни один.
Гудерз размышляет: «Коль двинусь вперед —
Противник в борьбе перевес обретет:
Войска его с тыла наш строй обойдут,
Все наши усилия прахом пойдут».
Он долго небесного знаменья ждал
И ночью и днем непрестанно гадал:
«Кто первый здесь ринется в битву из нас?
Какой нам избрать для сражения час?
Быть может, я ветра дождаться смогу,
Который подует навстречу врагу,
Пыль вихрем взметая. Сам вихря быстрей
Тогда налечу я с дружиной своей!»
А в стане другом в ожиданье Пиран:
«Когда бы Гудерз, гневом вдруг обуян,
Вперед устремившись, тыл войска открыл,—
Ему б из засады ударил я в тыл!»
С четвертой зарею Бижен-исполин,
Из тыла направившись к сердцу дружин,
Свои разодрав одеянья, предстал

Пред Гивом; во гневе он рвал и метал*,
Взывая: «О витязь, мой мудрый отец!
Бездействию скоро ль наступит конец?
Смотри, приближается пятый уж день,
А в стане господствует праздность и лень.
Еще и не видело солнце клинков,
И пыль не вставала от конских подков.
На каждом бойце и броня, и шелом,
А кровь не вскипает отвагой ни в ком.
Хоть не было, кроме Ростема, храбрей
Гудерза средь витязей-богатырей,
Да только забыть он не в силах Пешен *,
Свое пораженье под градом Ладен,
Где многих сынов потерял он в бою,
Где видел разбитой дружину свою.
В нем прежний воинственный дух сокрушен,
Не в силах уж думать о мщении он,
Дряхлеет с тех пор не по дням — по часам,
Прикованы взоры его к небесам.
Когда предводитель стремится не рать
В сраженье вести, а по звездам гадать —
Знай, в жилах его остывает уж кровь,
На битву с мужами не выйдет он вновь.
Дивлюсь не Гудерзу — за древностью лет
Земного чуждается ныне мой дед;
Тебе я дивлюсь! Ты научишь и льва
Отваге — природа твоя такова,
Прикованы взоры двух ратей к тебе,
А ты приступить и не мыслишь к борьбе!
Сразимся, пока и светло и тепло *,—
Ведь солнце немало бы нам помогло.
Но вскоре с порой благодатной поля
Простятся; как сталь, затвердеет земля.
В метели и в стужу, когда и рукам

Воителей впору примерзнуть к клинкам,
Кто выйдет из витязей наших на бой,
Пожертвовать кто согласится собой?
Но если страшишься, что нас супостат
Тисками охватит, напав из засад,—
Доверь мне из тысячи воинов рать,
Ее мне дозволь самому отобрать;
И будут засады тотчас сметены,
Мы головы вражьи взметнем до луны!»
Отец от Биженовых слов просиял,
Хвалу храбрецу молодому воздал;
Небесного после восславил царя,
За сына достойного благодаря,
За то, что и сила у юноши есть,
И ратная доблесть, и разум, и честь.
«В меня,— говорит,— удался ты не зря,
Как следует отпрыску богатыря!
Лев львице твердил — повествует молва —
Коль нет у детеныша доблести льва,
Его разлюблю я, отвергну в сердцах,
Да сгинет в воде, да рассыплется в прах!..
Умно говорил ты, но вот мой ответ:
Тобою судим да не будет твой дед!
Богаче он знанием, зорче, мудрей,
Над войском поставлен владыкой царей.
Коль опытом жизненным вождь умудрен,
В наставниках, знай, не нуждается он.
Хоть горько сегодня приходится нам,
Не слаще, поверь, и туранским бойцам.
Злосчастных терзает тревога и страх,
Сердца кровоточат, и очи в слезах.
Знай, хочет наш вождь, закаленный борьбой,
Чтоб первыми начали недруги бой,
Он хочет, чтоб, бросив убежища гор,

Спустились они на равнинный простор.
Тогда ты увидишь вождя булаву;
Сразит он врага, уподобившись льву!
Притом он, за небом следя, изучил
Знаменья враждебных и добрых светил—
Лишь времени благоприятного ждет.
Верь, недругов гибели он обречет».
Отцу отвечал богатырь молодой:
«О витязь, прославленный громкой молвой!
Коль умысел деда таков, для меня
Сегодня ненужное бремя — броня.
Пойду, обо всем забывая ином,
Поблекший свой лик разрумяню вином.
Как только понадоблюсь богатырю,
Примчусь и в сражениях меч обагрю».

[*Хуман просит у Пирана дозволения сразиться*]

А там, где туранский раскинулся стан,
Представ, словно лев, перед братом, Хуман
Воскликнул: «Дружин Афрасьябовых вождь,
Не время ли в битве явить нашу мощь!
Дни мчатся за днями, уж минуло пять —
Бездействует к битвам готовая рать.
Взор каждый на вражеский стан устремлен,
Жжет тело броня, гневом дух опален.
Здесь строй против строя держать нам доколь?
Поведать свой замысел мне соизволь!
Коль ищешь сражения — выйди на бой,
А коль отступленья — на месте не стой.
Тебя осмеяли старик и юнец;
Себя ты, о вождь, опозоришь вконец!
Не нами ли было повергнуто в страх

Иранское войско в недавних боях?
Тогда мертвецами покрылись поля,
В крови супостатов тонула земля.
Теперь не Ростем вождь иранских бойцов,
И меньше не стало у нас удальцов.
Но если не рвешься ты кровь проливать,
В сраженье вести не решаешься рать —
Со мною храбрейших бойцов отряди,
Мне вверь их, а сам лишь за битвой следи».
На эти слова отвечает Пиран:
«К чему горячишься, мой храбрый Хуман!
Знай, тот предводитель иранских полков,
Что ныне со мною сразиться готов,—
Муж славный; средь войска Хосрова-царя
Знатнее не сыщется богатыря.
Величье Хосрова нам ведомо: он
Над нашим царем высоко вознесен,
Недаром он стал властелинов главой,
А что до Гудерза — тот вождь боевой
По разуму, знанью, искусству в борьбе
В Иране не ведает равных себе.
Напомню еще: за погибших сынов
Он рвется отмстить, беспощаден, суров;
Рекою на поле их кровь пролилась,
Когда под Ладеном война началась.
Он будет, подобно дракону, теперь
До вздоха последнего биться, поверь.
К тому же сумел он строй воинский свой
Укрыть между горным хребтом и рекой;
От натиска недруги защищены,
К ним подступу нет ни с одной стороны.
Не лучше ль, о доблестный, выждать, пока
Навстречу нам ринутся вражьи войска.
В отчаянье, сил и терпенья лишась,

Пускай совершат нападенье на нас.
Когда защищенный покинут предел,
Велю я осыпать их тучами стрел,
Нагрянув, железной стеной окружить
И натиском львиным их строй сокрушить.
Врага одолеем, лишим его сил,
И слава о нас долетит до светил.
Опорой зовут тебя войско и трон,
Твой ратный шелом до небес вознесен.
Кто имя свое обессмертил, тому
За новою славой гоняться к чему?
Притом из знатнейших мужей ни один
С тобою, о лютый, как тигр, исполин,
Сражаться не выйдет. Безвестный боец,
С героями жаждущий битвы храбрец
Иранским вождем будет прислан. Сразив
Его и пятой на него наступив,
Урона иранцам не сможешь нанесть,
И вряд ли свою приумножишь ты честь.
Но если тебя победит супостат,
Наш стан ослабеет, унынье объят».
Свои увещанья окончил Пиран,
Но речью его недовольный Хуман
Воскликнул: «Из всадников вражьих кому ж
Со мной совладать! Не родился тот муж!
Как раньше, ты миру привержен, но я
Все тот же поборник меча и копья.
Знай, если утратил ты воинский пыл
И мщенья огонь в твоем сердце остыл,
То я не таков. Оседлаю коня,
На поле помчусь с наступлением дня».

[*Хуман вызывает на бой Рохама*]

И в злобе скрежещет зубами Хуман,
Свирепому вепрю подобный, в свой стан
Спешит возвратиться. Едва рассвело,
Доспехи надел и вскочил он в седло;
С собой одного толмача лишь берет,
И к шаху пылая враждою, вперед,
В стан вражий несется. От вести такой
Пиран-предводитель утратил покой.
Отважного брата судьбой устрашен,
Припомнил реченья отцовские он:
Не действует мудрый поспешно, сплеча,
С врагом не кидается в бой сгоряча,
А тот, кто бездумно идет напролом,
Бывает жестоко наказан потом.
Коль мозг языку не хозяин — беда,
Хоть перлы им сыпь, не избегнешь вреда!
Вождь мыслит: «Советам моим вопреки
Хуман горячится. Страшусь я, горьки
Последствия будут. Надежда его —
Теперь на благого творца одного».
Бесстрашный Хуман, сын Висе, в этот миг
Пределов Гудерзова стана достиг;
Противника ищет и рвется он в бой,
Вдруг видит иранский дозор пред собой.
Увидя воителя вражьей страны,
Дозорные те, подозрений полны,
Спешат разузнать, кто же тот исполин,
Куда по бескрайним просторам равнин
С арканом и тяжкой своей булавой
Несется он будто гонец верховой?»
И слышат иранцы ответ толмача:
«Настала пора булавы и меча!

Сей витязь, чей меч уничтожит и льва,—
Хуман, сын Висе, именитых глава.
Он с вами, сынами Ирана, в бою
Сегодня испробует силу свою».
При виде огромного богатыря,
Чей рост и осанка достойны царя,
Чья палица ввергла бы каждого в страх,
У воинов копья застыли в руках.
Держась от того исполина вдали,
Такую дозорные речь повели:
«Хуману-бойцу ты по-тюркски скажи:
Мол, так отвечают Ирана мужи:
Мы здесь не намерены биться с тобой,
Гудерз нам идти не наказывал в бой.
Коль хочешь сразиться — открыты пути,
Спеши предводителя рати найти!»
О войске, возглавленном славным вождем,
Поведали, что надлежало, потом
Назвали и витязей всех имена —
Кем правая, левая кем сторона
Возглавлена, сами ж к ведущему рать
С известьем гонца поспешили послать:
«Свирепее тигра в наш воинский стан
Ворвался стремящийся к битве Хуман».
Но тот уж умчался стремительно прочь,
К Рохаму погнал скакуна во всю мочь.
Завидя его, закричал исполин:
«Внемли, предводителя мудрого сын,
Ты, витязь, разящий на левом крыле *,
Победу сулящий иранской земле!
Я здесь, меж двух ратей. Скорее ко мне
Скачи на своем быстроногом коне!
Где хочешь, сразимся: на ближнем лугу,
Меж кручами иль на речном берегу.

А если не ты — Гостехем-исполин
Ко мне с Форухелем пусть выйдет. Один
Двоих одолею. Так кто же со мной
Сразится клинком, булавою стальной?
Кто б ни был на битву решившийся, он
Судьбой беспощадною будет сметен.
Ведь меч мой булатный, моя булава
И тигра пронзят, растерзают и льва!»
Воскликнул Роххам исполину в ответ:
«О муж именитый, искатель побед!
Тебя меж туранских лихих смельчаков
Мы мудрым считали, но ты не таков,
Коль дерзко сюда устремившись один,
Противника ищешь средь наших дружин.
Иль думаешь ты, в богатырской борьбе
На свете не сыщется равных тебе?
Припомни речения древних царей
И мрак заблуждения правдой рассей:
Кто первым в неправую битву пойдет,
Тот с поля сраженья живым не уйдет.
Герои, что названы были тобой,
Сгорают желанием ринуться в бой.
Но если им вождь не дозволит того,
Не сможешь ты к битве склонить никого.
Коль с нами желаешь оружье скрестить,
Тебе подобает на то испросить
Гудерза-вождя дозволенье, а там
Воинственный вызов бросай удальцам».
«Все лжешь ты! — Хуман отвечает ему,—
Увертки и хитрости здесь ни к чему.
Дать прялку бы в руки тебе, не копье!
Не муж ты, не битва — призванье твое».

[*Хуман вызывает на бой Фериборза*]

Затем, обозрев неприятельский стан,
К средине дружины помчался Хуман.
К вождю Фериборзу, что яростный слон,
Вдвоем с толмачем устремляется он
И так восклицает: «Презренный, внемли!
Ничтожней ты всех меченосцев земли.
Ты шел со слонами у войск во главе,
Весь золотом залит, под стягом Каве,
Но отдал нам все, и в Иране самом
Тебя называть перестали бойцом.
На долю слуги променял ты судьбу
Вождя: опоясан подобно рабу,
Хоть сам родовитей Гудерза стократ,
Ведь ты — Сиавуша венчанного брат.
Я Тура, владыки туранской страны,—
Потомок: равно мы с тобою знатны.
Тебе подобало бы славу свою
Спасти, в удалом отличиться бою.
Навстречу мне выйди! С тобою вдвоем
У всех на виду поединок начнем!
До солнца ты имя свое вознесешь,
Со мною сразившись. Но если ты все ж
Идти не захочешь навстречу грозе,
Пришли Зеваре иль бойца Горазе —
Любого на бой высылай смельчака,
Чья доблесть испытана, слава громка».
Ответил ему Фериборз: «Не ярись,
С воинственным тигром схватиться не рвись!
Таков уж войны вековечный закон:
Один торжествует, другой побежден.
Победами не обольщайся: жесток
Не стал бы к тебе переменчивый рок!

Во гневе мгновенно с земли он сотрет
Древнейший, прославленный доблестью род.
Был прав повелитель, меня разлучив
Со стягом и войско другому вручив.
Муж доблестный, что Кей-Кобаду вослед*
Венчался для царственных битв и побед,
Чьей мощью и мудростью мир осиян,
Доверил теперь предводителя сан
Гудерзу: он в битвах всегда впереди,
Все предки его — исполины, вожди.
Тобой почитаемый вождь боевой
Гудерзовой будет сражен булавой.
За ратную славу и честь отвечать
Ему, у него в подчинении рать.
Коль мне в поединок идти повелит —
Мне раны сердечные он исцелит.
Возвышусь тогда я, как небо само,
Победою смою позора клеймо».
Ответ был: «Молчи! Стало ведомо мне,
Что ты искушен лишь в одной болтовне.
Твоя булава для боев негодна *,
Доспехов ничьих не пробила она.
А этот, висящий у пояса меч,
Врагов не разил среди грохота сеч!»

[*Хуман вызывает на бой Гудерза*]

И все разгорается витязя гнев;
Готов он немедля схватиться, как лев,
С любым из героев Хосрова-царя;
К Гудерзу примчался, отвагой горя,
И так говорит: «Возглавляющий строй,
В бою сокрушающий дивов герой!
О чем со своим говорил ты царем,

Как войско повел из Ирана потом,
Какие дары от царя получил,
С Пираном какой договор заключил —
Все слышал. К нам послан тобою был сын,
Гив доблестный, щит и надежда дружин.
Но после ты шахом и троном клялся,
В свидетели, вспомни, ты звал небеса,
Что лишь упадет на Пирана твой взор —
Повергнешь его, обречешь на позор.
Как тигр, устремляясь губить, убивать,
Ты вел за собою несчетную рать.
Что ж ныне сидишь, схоронясь за горой?
Как будто не славный ты муж, не герой,
Но робкая лань, что бежит все быстрей,
Спасаясь от льва, властелина зверей,
Приюта средь зарослей темных ища,
Не мысля о славе, за жизнь трепеща...
Доколе сидеть за оградою гор?
Дружину свою выводи на простор!
В теснине засесть, избегая боев,—
Ужели наказ Кей-Хосрова таков?»
Но слышит он: «Думай над речью своей,
Коль хочешь дождаться ответных речей.
Не встретив соперника-богатыря,
Вину на меня возлагаешь ты зря.
На все твои речи ответ мой один:
Вас к миру призвать мне велел властелин.
Но после, когда я с бойцами пришел,
С прославленными храбрецами пришел,
Не вы ли, припомни, трусливее лис,
Гонимых охотником, прочь понеслись?
Путь хитростей, козней, уловок избрав,
Бежали от копий, арканов, булав.
Не злобствуй, не выйду на бой все равно:

Ведь тигру сражаться с лисою смешно».
Услышав надменные эти слова,
Туранец рычит наподобие льва:
«О нет, не затем от сраженья бежишь,
Что слабым меня ты противником мнишь!
Пешенскую битву ты видел, с тех пор
Страшит тебя бранный с туранцами спор.
Не ты ль под Ладеном в кровавом бою
Признал поневоле отвагу мою?
Тогда лишь поверю, что ты не хитришь,
Когда ты делами слова подтвердишь.
Тебе подчиняются богатыри,
Для битвы со мной одного избери!
Взъярен, будто чудище бездны морской,
Я звал Фериборза, Роххама на бой,
Объехал все войско твое — ни один
Не вышел сразиться со мной исполин.
Наслышался я отговорок пустых —
Гудерз, мол, сражаться не выпустит их!
Хвалился не ты ль: дав мечам зазвенеть,
Заставим и маки в горах побледнеть!
Так пусть же придет состязаться со мной
Боец удалой с булавою стальной!
Судьбою дано тебе много сынов,
И каждый с туранцем сразиться готов.
Вели в поединок вступить одному!
Коль ищешь войны — промедленье к чему?»
Но в памяти всю перебрав свою рать,
Гудерз размышляет: «Кого же послать?
Коль мощью прославленный грозный герой
Для схватки покинет наш воинский строй
И в ярой той схватке погибнет Хуман —
От битвы откажется вражеский стан.
Утратою будет Пиран удручен,

И рваться не станет в сражение он;
Засядет с дружиной в горах Кенабед,
И трудно нам будет добиться побед.
А если утрачу воителя я —
Тем будет запятнана слава моя,
Душою смутятся Ирана сыны,
Покинет их стойкость на поле войны.
Нет, лучше я вызов его отклоню,
Иранцев не дам залучить в западню.
Отдав безрассудству и дерзости дань,
Пускай из укрытья выходят на брань!»
«Исчезни! — Хуману сказал он в сердцах,—
Для битв не созрел ты, хоть скор на словах.
Тебя разгадал я, тщеславный, едва
Услышал хвастливые эти слова.
В Гуране достойных мужей не сыскать,
Чья мудрость была бы отваге под стать.
Слова мои вспомни о тигре в лесу:
Когтей не пятнает он, встретив лису!
К тому же два войска враждою полны,
Охвачены страстною жаждой войны.
Знай, зависть охватит других силачей
При виде схватившихся богатырей.
Нет, надобно рать против рати вести,
Всем разом в кровавую битву идти.
Из нашего стана теперь удались,
К себе воротившись, вождю похвались:
Мол, сколько на битву иранцев ни звал,
Лишь тяжкие вздохи в ответ услыхал.
Так сразу прославишься в этой войне,
И будешь Пираном обласкан вдвойне».
Воскликнул туранец, угрюм и суров:
«Не вижу я здесь настоящих бойцов,
Не вижу вождя настоящего! Встарь

Изрек преисполненный мудростью царь:
Что власть! От погони за ней отрешись,
Но если погнался, огня не страшись.
Не бойся сражений, коль ищешь побед,
Припомни, что розы без терниев нет.
Не видя взращенного вашей страной
Героя, что мог бы сразиться со мной,
Ты хочешь спровадить меня поскорей.
Но знай, не поддамся уловке твоей!»
Сказали Гудерзу тогда храбрецы,
Иранских дружин удалые бойцы:
«Не лучше ль, избрав среди нас одного,
Послать в поединок с Хуманом его?»
Но молвит бойцам предводитель в ответ:
«С ним биться сегодня не следует, нет».
Хуман, превзошедший свирепостью льва,
Устал расточать понапрасну слова;
Гудерза покинул он, захохотав,
К иранским дозорам помчался стремглав,
Свой лук тетивой оснастив, четверых
Мгновенно сразил удальцов верховых.
Лишь стражи увидели издалека
Неистовый натиск того смельчака,
Подумали: с ним состязаться невмочь!
Смятеньем объятые, кинулись прочь.
Клич грянул, и дрогнули горы кругом.
Как вихрь, устремившись на холм, с торжеством
Вращая копьем, возгласил великан:
«В бою победил я, отважный Хуман!»
Лишь только копье над холмом поднялось,
По степи гуденье трубы разнеслось.
Гордясь, исполины туранской земли
Шеломы свои до небес вознесли.
Врага ликованьем Гудерз удручен,

Внимая победному возгласу, он
В решении принятом кается, стыд
Вождю именитому сердце когтит.
В дрожь бросило, пот на челе проступил,
Но думой такою он боль усыпил:
Туранцы — зачинщики распри, они
Погибнут; карается зло искони...
Обводит он взглядом воителей строй:
Какой же с Хуманом сразится герой?

[*Бижен узнает о поступках Хумана*]

Сказали Бижену, что в дедовский стан
Стремительней тигра ворвался Хуман.
Промчавшись от края до края дружин,
Иранцев на бой вызывал исполин,
Однако соперника там не сыскал
И в гневе, с насмешками прочь ускакал.
Убил четверых из дозора в сердцах,
Злосчастных поверг беспощадно во прах.
Услышал об этом и, рассвирепев,
Бижен именитый в бой рвется, как лев,
Спешит он к оседланному скакуну,
Что силой и ростом подобен слону;
И вот уже мчит седока вороной.
Воитель, в румийской кольчуге стальной,
Несется к отцу, возмущеньем гоним,
Готовясь о деде беседовать с ним.
Сказал он, представ перед Гивом-бойцом:
«Отец! Говорил я и раньше о том,
Что дед мой, ума остроту потеряв,
Утратил свой прежний обычай и нрав.
Гнетут исполина уныние, страх,
Ему не забыть о любимых сынах,

Чьи головы вражьим мечом снесены
Недавно, на поле жестокой войны.
Сейчас в правоте убедишься моей:
Туранец ворвался к нам, тигра лютей;
Пред дедом предстал он, как будто хмельной,
Кричал и размахивал пикой стальной.
Но дед никого не нашел меж бойцов,
Меж стольких, исполненных сил, удальцов,
Кто острою сталью копья своего,
Как вертелом птицу, пронзил бы его.
О мудрый, о добрый, себя мне облечь
Броней Сиавуша дозволь, не перечь! *
Расправиться с дерзким лишь мне по плечу,
Его я в бою сокрушу, растопчу!»
«О сын мой! — сказал именитый в ответ,—
Ужели отвергнешь разумный совет!
Не раз говорил я: мечом не бряцай,
Решений Гудерзовых не порицай!
Он — мудрый, испытанный вождь боевой,
Недаром назначен дружины главой.
С ним витязи славные; каждый слона
Повергнет — такая им сила дана!
И все же к Хуману противника он
Не выслал. Знать, юностью ты ослеплен,
Коль вздумал строптивость явить на войне
И с помыслом этим явился ко мне.
Согласья на это не дам я, не жди,
Со мною подобных речей не веди».
«Перечишь! — воскликнул воинственный.— Что ж,
Коль славе моей воссиять не даешь,
Паду пред вождем с неотступной мольбой.
Дозволит он выйти с Хуманом на бой».
Хлестнув скакуна, тут же ринулся прочь,
К Гудерзу-вождю поскакал во всю мочь.

Склонился, как должно, вождя восхвалил
И все, что в душе накопилось, излил:
«О мудрый, достойный престола герой,
Возглавивший царских воителей строй!
Твоими поступками я поражен,
Их в толк не возьму, хоть ума не лишен.
Изгнал ты из сердца к туранцам вражду.
То ль на поле брани мы, то ли в саду.
Мы брань променяли на сон и покой.
Проходит в бездействии день уж седьмой —
Доселе на солнце булат не блестит
И ввысь не вздымается пыль от копыт.
Но вот что всего непостижней уму:
Туранцу Хуману, безумцу тому
Зачем от возмездия дал ты уйти?
Его, знать, Йездан пожелал извести:
К тебе из туранского стана привел,
Чтоб здесь он конец свой бесславный нашел.
Онагра ты выпустил из западни,
Твой промах сулит нам лишь беды одни.
Иль думал: коль будет он скошен, Пиран
В унынье на бой не поднимет свой стан?
Напротив, отмщенья возжаждав сильней,
Он ринется в битву с дружиной своей.
Я здесь, опоясан для схватки с врагом,
Безудержно к битве кровавой влеком.
Когда мне дозволишь, о славный герой,
Как лев устрашающий, брошусь я в бой.
А Гиву, о вождь, соизволь повелеть
В доспехи царя Сиавуша одеть
Меня перед битвой — в броню и шелом,
Что издавна витязь хранит под замком».
Дивясь молодому герою тому
И пылкой отваге его, и уму,

Хвалу воздает ему вождь: «Никогда
Твоя да не меркнет благая звезда!
С тех пор, как вскочил ты в седло, посрамлен
И хищник, и мечущий пламя дракон.
Ты в каждом сражении первый, везде
Врагов побеждаешь ты в бранной страде.
Все ж прежде чем бой неприятелю дать,
Подумай: ты в силах ли с ним совладать?
Ведь лютый во зле закосневший Хуман
На поле войны — точно сам Ахриман.
Ты юн, небосвод над главою твоей
Вращался недолго. Себя пожалей!
Пусть в битвах жестоких испытанный лев
На вызов ответит, грозой налетев,
И, лук натянув, позлащенный шелом
Стрелою с Хумановым сколет челом».
Ответил Бижен: «Почитаемый вождь!
Для подвига надобна юная мощь.
Коль битву с Форудом успел позабыть *,
Дай снова мне в битве отвагу явить.
Как мчался я по полю, помнит Пешен:
Врагу не показывал спину Бижен!
Когда бы я в доблести был превзойден,
Мне б жизнь опостылела — вот мой закон.
А если захочешь мне путь преградить,
С Хуманом на бой не велишь выходить,
Паду с челобитной у трона царя,
Сорву облачение богатыря!»
Внимает и счастьем Гудерз осиян;
Как тополь, он молодо выпрямил стан
И с радостным смехом воскликнул: «Блажен
Воитель, чей сын — победитель Бижен!
Родившись на свет, осчастливил ты нас.
Да славится в мире тот радостный час!

В бою даже лев смертным страхом объят,
Когда ты заносишь блестящий булат.
Я битву с Хуманом вверяю тебе,
Твоей неизменно счастливой судьбе.
Всевластным Йезданом поклясться готов,
И шахом, к победе ведущим бойцов,—
Враг в битве с тобою конец свой найдет.
Во имя благого Йездана, вперед!
К согласию также я Гива склоню,
Тебе Сиавушеву даст он броню.
И если противник падет, побежден,
Ты будешь невиданно мной награжден,
Уделом, дружиной, казной превзойдя
Ферхада-героя и Гива-вождя».
Такой дал ответ предводитель седой.
И жаждою битвы охвачен герой.
Земные поклоны он, спешившись, бьет,
И жаркую деду хвалу воздает.
Вот Гива призвал возглавляющий рать,
О витязе юном с ним стал толковать,
Сказал и о царственном панцире том,
Что внука хранил бы в сраженье с врагом.
Ответил на это родителю сын:
«Воспетый всесветной молвой исполин!
Бижен для меня — жизнь и разум, и свет,
Играть мне сыновнею жизнью не след.
Послать его к чудищу в пасть устрашусь,
На верную гибель послать не решусь».
«Сын милый,— Гудерз убеждает его,—
Не знаешь ты сына еще своего.
Поверь, хоть и в возрасте он молодом,
Но разумом ясным и здравым ведом.
К тому же, припомни, здесь — поле войны,
Избавить мы свет от нечистых должны.

За смерть Сиавуша мы посланы мстить,
Не время о близких сегодня грустить.
Не должно щадить нам и жизни своей,
Хотя б очутились под градом мечей.
Путь к славе бесстрашному не преграждай,
Остыть его удали бранной не дай.
Знай, если быть праздным привыкнет юнец,
Угаснет в нем доблести жар под конец».
С Гудерзом уж Гив пререканья не длит,
К уловке прибегнув, ему говорит *:
«О витязь наш первый! Ты ведаешь сам,
Где жизнь под угрозою гибели, там
Все меркнет: и рать, и казна, и сыны,
Веленья вождя и владыки страны.
Мне жертвовать жизнью своею к чему?
Суровые дни предстоят самому.
Для битвы ведь есть у Бижена броня,
Зачем же другую просить у меня?»
Воскликнул тогда молодой удалец:
«В доспехах твоих не нуждаюсь, отец!
Ты мнил, что лишь в этой заветной броне
Под силу мужам побеждать на войне,
Что если твоей не добудут брони,
О славе и думать забудут они?»
Ударил коня и, покинувши строй,
На поле сраженья помчался стрелой.

[*Гив вручает Бижену панцирь Сиавуша*]

Умчался, а Гива объяла печаль:
Любимого сына родителю жаль;
И сердце на части раскаянье рвет.
О нежность отцовская, жалости гнет!

С истерзанным сердцем, дав волю слезам,
С мольбою вздымая чело к небесам,
К Йездану взывает: «Благой судия!
Тебя умоляю о милости я.
Мне сердце, Бижена отняв, не разбей!
Я плачу, нет меры тревоге моей *.
Создатель, его для меня пощади,
Лихую беду от него отведи!»
Вернулся к себе опечаленный Гив.
От страха за юношу сердцем изныв,
Он мыслит: «Напрасно его огорчил,
Желанной брони храбрецу не вручил.
Коль в битве его одолеет Хуман,
На что мне булат и железный кафтан!
Лить стану я горькие слезы рекой,
Раскаюсь, навеки утрачу покой».
И вихрем Бижену вослед в тот же миг
Помчался и славного вскоре настиг.
«Доколе,— сказал,— мое сердце терзать!
К чему торопиться, коль надобно ждать!
Припомни, змея лишь дотоле страшна *,
Доколе не прянет акула со дна,
И месяц тускнеет — небесный ночник,
Лишь солнца сверкнет ослепительный лик.
Моим увещаниям наперекор
Кровавый начать порываешься спор
До срока, упрямо стоишь на своем,
Смотри, не пришлось бы раскаяться в том!»
«О доблестный! — сын отвечает ему,—
Мой дух от борьбы отвращаешь к чему?
Долг мщения свят. Не из стали Хуман,
Не лютый он слон и не сам Ахриман.
Он только лишь воин; воитель и я.
Победу звезда ниспошлет мне твоя!

Но если иное мне свыше судил
Всесильный владыка небесных светил —
Да сбудется, что предначертано! Пусть
Тебя не терзают забота и грусть!»
Гив спешился, выслушав эти слова;
Явившему пыл и бесстрашие льва
Он отдал коня и в придачу к коню
Вручил Сиавушеву чудо-броню.
Сказал: «Коли рвешься без удержу в бой
И разум не властен уже над тобой,—
Вот конь мой. Бижена почуя в седле,
Пусть вихрем несется, стелясь по земле!
Возьми и броню — с Ахриманом в бою
Пусть жизнь оградит молодую твою!»
В душе у Бижена восторг, торжество,
Покинул Бижен скакуна своего.
И вот на ретивом отцовском коне *
Сидит в заповедной отцовской броне,
Отвагою тигру подобный смельчак,
В руке — булава, крепко стянут кушак.
Толмач отыскался, который знаком
С туранским, как будто с родным языком.
И мчится на поле боец из бойцов,
Он мстить за царя Сиавуша готов.
Железной, таящею пламя горой
Предстал пред Биженом туранский герой;
Бронею сверкающей он облачен.
Ты скажешь, в броне — устрашающий слон.
Сначала Бижена призыв прозвучал,
И вслед за Биженом толмач прокричал:
«С Биженом, опорою богатырей,
Туранец, на бой выходи поскорей!
Вот слово его: „Эй, вояка, постой!
Доколе носиться по степи пустой?

Душой ты царя Афрасьяба черней,
Среди недостойных туранских мужей
Всех более страшной виной отягчен —
Раздор ведь тобою злонравным зажжен.
Десница творца нас с тобою свела.
Ему, вседержителю, слава, хвала!
Гони же коня боевого, коль вновь
Воинственным пламенем вспыхнула кровь!
Сам выбери место — в широкой степи ль,
В горах ли поднимем сражения пыль,
Иль пусть поединок меж войск протечет,
Чтоб мог ты и славу стяжать и почет,
Возвыситься мог бы среди смельчаков,
В глазах у друзей и в глазах у врагов''».
Хуман, это выслушав, захохотал:
«Злосчастный! — Бижену в ответ он сказал.—
Заносчив ты, как погляжу я, в речах.
Наскучила, знать, голова на плечах!
Дружине тебя возвращу я таким,
Что Гив разрыдается, скорбью палим.
Как многих в роду именитом твоем,
Тебя обезглавить мне, знай, нипочем.
Так ястреб степной, куропатку схватив,
На тополь высокий ее утащив,
Терзает и кровь ее алую пьет,
Та ж душу, стеня и хрипя, отдает...
Да что толковать! Ночь, ты видишь, близка,
К ее ты защите прибегни пока.
Я в ратный свой стан между тем поспешу,
С зарей дозволенье вождя испрошу
Испробовать силы в жестокой борьбе
И бурею ринусь навстречу тебе».
«Скачи! — услыхал он,— тебя впереди
Ждет сам Ахриман, бездна ждет позади.

Коль встретишь со мной в поединке зарю,
Тебя уж не видеть бойцам и царю.
Я тело твое разлучу с головой,
Навек погашу пыл воинственный твой!»
Условясь о встрече, оставили ночь
Владычицей поля; уносятся прочь,
Готовые ринуться в бой поутру.
И вот уже каждый вернулся к шатру.
И тяжкие, смутные сны до зари
Пред битвою видели богатыри.

[*Хуман выходит на битву с Биженом*]

Вот солнечный диск над вершиной взошел,
И ночь, волоча темно-синий подол,
Умчалась. В кольчуге Хуман-исполин
Предстал пред главою туранских дружин.
Сказал он: «Сражусь я с Биженом. Всю ночь
Готовился к битве, спать было невмочь».
С собою воитель берет толмача;
Тот вслед устремился, на пегом скача.
И вот уж на поле сраженья Хуман
Ждет недруга, жаждой борьбы обуян,
И видит: к нему, словно вихрем гоним,
Несется соперник, толмач вслед за ним.
Торопит Бижен вороного коня,
Отвагою тигру подобный. Броня
На витязе блещет, над гордым челом
Сверкает на солнце пернатый шелом.
«Эй, дерзкий,— вскричал он,— сразимся, пора!
Дал ноги тебе унести я вчера,
А ныне, надеюсь я, добрый мой меч
Так метко снесет твою голову с плеч,
Что землю ты кровью своей напоишь.

Старинную притчу не слышал? Внемли ж:
„Пускай на лугу мягче шелка трава,
Там вырвался я из капкана едва,—
Так серне олень говорил.— Можешь впредь
Одна этим лугом прекрасным владеть“».
«О нет, будет нынче,— ответил Хуман,—
Гив плакать о сыне, тоской обуян!
Здесь биться мы будем, в горах Кенабед,
Иль выберешь ты отдаленный Рейбед?
Туда не придут нам в бою помогать
Ни Тура сыны, ни иранская рать».
И слышит в ответ: «Препираться о чем?
Где хочешь, там битву немедля начнем».
Неистовой, ярой враждою горя *,
Рожденной убийством благого царя,
Погнали коней, пыль густую взметнув,
Огромные луки свои натянув,
И вскачь с высоты Кенабедовых гор
Они на степной устремились простор.
Равнины достигли два лютых врага,
Куда не ступала людская нога,
И лютого тигра неведом ей бег,
И ястреб над ней не носился вовек.
Вокруг из соратников ни одного,
Нет помощи витязям ни от кого.
И вот сговориться спешат силачи:
Страдать без вины не должны толмачи.
Кто в битве осилит и жизнь сохранит,
Пускай неповинному зла не чинит;
К царю воротившись, толмач обо всем
Расскажет, что видел в сражении том:
Как было начаться ему суждено,
Как длилось и как завершилось оно.
На том порешив, соскочили с коней,

Завязки кольчуг затянули тесней,
Затем обратились к коням боевым,
Подпруги стянули пред битвою им
И луки свои оснастив тетивой,
Враждой преисполнены, ринулись в бой.
Гнут луки, едва не смыкая концы,
Стрелу за стрелой посылают бойцы.
Но стрелы в колчанах иссякли, и вот
Приходит сверкающих копий черед;
Они, смертоносные, закалены.
Бойцы то с одной, то с другой стороны,
Что тигры усталые, тяжко дыша *,
Разят; передышки уж просит душа.
Разбиты кольчуги. Кого же злой рок
В том смертном бою пораженью обрек?
Вот каждый воды родниковой испил,
Пыл ярости влагою той охладил.
Взялись, отдохнув, за мечи и щиты;
День судный настал — так подумал бы ты.
Сверканию молний подобный огонь
Рождают мечи, ударяясь о бронь,
Летают, мелькая быстрее огня.
Но вот уж посыпались наземь, звеня,
Осколки. Хоть были на диво крепки,
Не вынесли ярых ударов клинки.
Не в силах ни тот одолеть, ни другой,
И все же не сыты герои борьбой.
Уже булавой, не булатом разят,
Все яростней смертью друг другу грозят.
Потом храбрецы в рукопашном бою
Решили испробовать силу свою:
«Покрепче друг друга схватив за кушак,
Поборемся! Тот, кем слабеющий враг
С седла будет сорван, с коня совлечен,—

В бою победителем будет сочтен».
Но сила такая обоим дана,
Что лопнули разом у них стремена.
И все ж на конях удальцы: ни один
Не смог пересилить врага исполин.
И снова они вопрошают судьбу.
Условились: пешими вступят в борьбу.
Коней толмачам взять велев под уздцы,
Подобные львам разъяренным, бойцы,
Забыв утомленье, схватились, рыча,
Друг друга и гнут и ломают сплеча...
День тает, становятся тени длинней,
Все длится сражение богатырей.
Победы никто не добился, в сердцах
Соперников то упованье, то страх.
От жажды уста пересохли, и льет
Ручьями с обоих воителей пот.
Решили, намаявшись, передохнуть,
Стремительно держат к источнику путь.
Напившись, Бижен, обессиленный, встал,
К Йездану, создателю мира воззвал;
От боли, что ивовый лист, трепеща,
За жизнь устрашась и оплота ища,
Он молит: «Пречистый небесный творец,
Чей взор проникает в глубины сердец!
Ты ведаешь: целью священной влеком,
За правду сражаюсь я с лютым врагом.
Пошли же удачу, в бою помоги,
Рассудок и силы мои сбереги!»

[*Гибель Хумана от руки Бижена*]

К Бижену, как ворон, от мук почернев,
Вернулся Хуман; в сердце — горечь и гнев.

Обоим невмочь на ногах устоять,
И все же, как тигры, схватились опять.
Опять разгорелся неистовый бой,
Брал верх то один богатырь, то другой.
Уменье и сила — все пущено в ход,
И вот свою тайну открыл небосвод.
Хоть крепче туранец, но если судьбе
Угодно — сильнейший уступит в борьбе.
В туранского витязя, рассвирепев,
Внезапно вцепился Бижен, словно лев,
Затылок сдавил ему правой рукой,
Верблюжьей подобную спину — другой,
Подбросил, ударил о землю, извлек
Из ножен сверкающий острый клинок,
Врага разлучил с головою, и тот,
Как будто дракон или чудище вод,
Забился пред ним, обагряя песок,
Степь кровью своей обращая в поток.
И вот уж простерся и замер Хуман,
Как сломленный бурей могучий платан.
Бижен-богатырь, от врага, наконец,
Свой взор оторвав, возглашает: «Творец!
Не ты ль над пространством, над бегом времен
Над вечным вращеньем небес вознесен?
Ты только, иного создателя нет,
И с этим разумному спорить не след.
Рука моя силой твоею сильна,
Иначе не сладил бы с мощью слона.
За смерть Сиавуша сразил я его,
За семьдесят братьев отца моего.
Да будет обглодан костяк его львом,
А дух Сиавушевым станет рабом!»
Он голову вражью привесил к луке,
А тело осталось в крови на песке.

Расколоты панцирь, шелом, булава;
Здесь — муж обезглавленный, там — голова.
Увы, не щадит нас изменчивый рок,
О с кем из людей не бывал он жесток!
Мир с виду — один, а на деле — другой,
Не должно ему предаваться душой.
Когда пораженье Хуман потерпел,
Толмач подбежал и второй подоспел.
И внемлет хваленьям Бижен-исполин.
Так в Чине кумира бы славил брамин!
Бижен огляделся: уж время уйти,
Но вражеский стан у него на пути,
И, верно, узнав поединка исход,
Туранское войско громадой пойдет,
Стремясь отомстить за Хумана ему.
Как справиться с войском ему одному!
Броню Сиавушеву снял и в кафтан
Оделся, в котором сражался Хуман,
Взял знамя, вскочил на его скакуна,
Что силой в бою превзошел бы слона.
Счастливую благословляя судьбу *
И землю, где выдержал с честью борьбу,
Уж поле сраженья покинуть готов
Бижен именитый, надежда бойцов.
Толмач, пораженье Хумана в бою
Увидев, за жизнь устрашился свою,
Но слышит: «Не бойся, не сделаю зла,
В том клятва святая дана ведь была.
В свой стан возвращайся, скачи что есть сил,
Поведай, что видел, что я совершил».
Понесся Бижен, отпустив толмача,
К горам Кенабед, лук висит у плеча.
Лишь с вышки дозорные издалека
Завидели стяг своего вожака —

От радости духом воспрянули вмиг,
Послышался их торжествующий крик.
И вестник вошел, легче дыма примчась,
К Пирану: «Сюда, мол, Хуман в добрый час
Несется, принесший победу царю
И гибель враждебному богатырю.
Низвергнут иранский прославленный стяг,
Повергнут во прах окровавленный враг».
И грянули радости клики; Пиран
Ждет брата-бойца, торжеством осиян.
Как ложная радость горька для людей!
Ведь горе торопится следом за ней.
Толмач той порой, возвратившись без сил,
Поведал о том, что Бижен совершил.
И слышит Пиран, что Хумана звезда
Померкла. Уж ей не сиять никогда!
Стенанья и вопли над станом слышны,
Воителей головы обнажены:
Пал витязь, настиг его горестный час.
Что проку безумствовать, силой кичась!
Ведомый владыки счастливой звездой*,
Летит меж двух ратей Бижен молодой,
Муж львиной отваги, чья доля светла;
Стяг вражеский черный свисает с седла.
Заметили с вышки иранской, что стяг
Опущен, и поняли — свой, а не враг
К ним с поля сраженья победно летит;
И вот уже крик ликованья звучит.
К вождю-исполину помчался стрелой
С известьем счастливым гонец удалой:
«Вернулся Бижен, торжествующий лев,
Стяг черный повергнув, врага одолев!»
Меж тем в ожидании Гив изнемог,
Стенает и мечется, полон тревог;

Худое услышать о сыне своем
Страшится, заранее плачет о нем.
Но вот о победе доносится слух—
Гив сыну навстречу летит во весь дух;
Любимого перед собой увидав,
Седло покидает, как учит устав.
Пал ниц и творцу, приникая к земле,
Излил свою душу в горячей хвале.
Отважного, мудрого богатыря
Он к сердцу прижал, славословье творя.
И двинулись оба с хвалой на устах
К тому, кем возглавил воителей шах.
Внук спешился, лишь увидал он вождя,
К нему, весь в пыли и крови, подойдя,
Склонясь до земли, обращает привет,
И видит Хуманову голову дед;
Ее и доспехи Хумана с конем
Вручил победитель, представ пред вождем.
Бижена обняв, престарелый герой
От счастья едва не расстался с душой.
Восторженно благодарит он творца
И славит звезду молодого бойца.
Затем по веленью вождя казначей
Дар щедрый доставил, достойный царей:
Как солнце блестящий венец и убор —
Из золота поле, алмазный узор.
Еще златоуздых привел жеребцов
Десяток и десять прекрасных юнцов.
Вождь юноше храброму молвит: «Сражен
Мог быть лишь тобою подобный дракон.
Твой доблестный подвиг прибавил нам сил,
Владыке Турана он сердце пронзил.
Теперь, словно лютые тигры, сильны
Иранцы; как буря, их мчат скакуны».

[*Ночное нападение Нестихена*]

От горя меж тем в исступленье Пиран;
Отмщения жаждою вновь обуян,
Наказ Нестихену поспешно он шлет:
«О витязь, чей меч избавленье несет!
Для битвы ты должен его отточить,
Врагам за погибшего брата отмстить.
Нарушь этой ночью иранцев покой,
Их кровь да прольется Джейхуном-рекой!
Веди за собой десять тысяч бойцов,
Испытанных, рвущихся в бой удальцов,
И смерти в тиски попадет супостат,
И будет отмщен твой поверженный брат».
«Веленье исполню,— сказал богатырь,—
В Джейхун обратится равнинная ширь».
Средь ночи вдруг хлынула конница с гор,
Как море, степной взволновался простор.
Стремительно мчится туранская рать,
Готова разить, сокрушать, побеждать.
Когда Нестихен с грозной ратью своей
Приблизился к стану иранских мужей,
Дозорный ее с вышины разглядел:
Уж смутно рассвет над степями белел.
С известьем гонца снарядили тотчас *,
И вестник доносит, к Гудерзу примчась:
«К нам войска громада валит, но уста,
Сказал бы, сковала бойцам немота;
Бесшумно движенье рядов боевых,
Как учат законы набегов ночных».
И вот прозвучало веленье вождя:
Всем быть наготове и, с мест не сходя,
Ловить вдалеке каждый шорох и звук,
Чтоб ночью враги не нагрянули вдруг.

Предстал пред вождем Гива славного сын,
Отважно разящий мечом исполин,
И слышит он: «Жребий твой светел и благ,
Дрожит при одном твоем имени враг.
Любых избери из дружины моей
Храбрейших, искуснейших в битве мужей
И вражеский натиск бестрепетно встреть —
Под силу и небо тебе одолеть».
И мчится Бижен, десять сотен бойцов
Ведя — закаленных войной удальцов.
Вот сходятся рати, пылая враждой,
Готовые ринуться в гибельный бой.
Уж палицы грозные занесены...
Вдруг туча надвинулась с той стороны,
Где были туранцы. Внушающий страх,
С той тучи вдруг черный посыпался прах.
Увидел Гудерз небывалый покров,
Помехою ставший для вражьих бойцов,
И луки велел оснастить тетивой.
Забили в кимвал, грянул клич боевой.
Как только увидел отважный Бижен,
Что мчится со стягом Висе Нестихен,
Метнул он стрелу издалека, и вмиг
Коня Нестихенова ею настиг.
Той меткой стрелою ретивый убит,
И к недругу славолюбивый спешит;
Взмахнул булавой и покончил с врагом,
Шелом раздробив ему вместе с челом.
К иранцам затем обратился герой:
«Любому, кто пояс нося боевой,
Отступит, меч выпустит острый из рук,
Клянусь, обломаю о голову лук!
Туранские витязи наделены
Красою пери, но в бою не сильны».

Отвагой исполнились тут силачи,
Из ножен исторгли стальные мечи;
И воздух окутала сизая мгла,
И крови багровой река потекла.
Уже не сочтешь обезглавленных там
Героев, что силой равнялись слонам.
Немало бойцов из туранской земли
В крови под ногами коней полегли.
Иранцы до стана преследуя их,
Неслись на конях быстроногих своих.
Меж воинов брата не видит Пиран,
И темный застлал ему очи туман.
Дозорным велит возглавляющий рать
На поле войны верхового послать:
Мол, весть о Хумана постигшей судьбе
Доставьте, иль очи я вырву себе!
И тотчас боец, вихрю буйному брат,
Понесся, увидел, примчался назад,
Сказал: «Нестихен и Турана сыны
Другие простерты на поле войны,
Как будто бы груда слонов полегла.
От вражьих булав посинели тела».
Пиран, это выслушав, вопль испустил,
От горя лишась разуменья и сил,
Рыдает и слезы горючие льет *,
В клочки одеянье румийское рвет,
Седины в отчаянье рвет на себе;
Сон, пищу отвергнув, пеняя судьбе,
Взывает: «Владыка земли и светил!
Знать, тяжко я перед тобой согреш[illegible],
Коль отнял ты силу былую мою,
Звезде моей дал закатиться в бою.
Где львов победитель, губитель бойцов,
Герой благородный, краса храбрецов,

Честь рода Висе, исполинов гроза,
Хуман, именитых оплот и краса!
Где сын Нестихен, что врагов устрашал,
В бою даже тигра в лису обращал!
Уж некого мне в поединок послать,
Осталось лишь двинуть в сражение рать».
Вой трубный раздался, литавры гремят,
Высь — цвета индиго, земля — что агат.
Спустилась дружина с хребта Кенабед,
Похищен и солнца и месяца свет.
Вождь рати иранской велит в свой черед
Трубить и на поле дружину ведет.
Каве ослепительный стяг посреди,
С клинками булатными строй впереди;
Верхом, с булавами и копьями вслед
Несутся герои, питомцы побед.
И грянула битва. С зари до темна
На поле большом не стихала она.
Но вот возвращаются к станам бойцы,
Палимые жаждою битв удальцы.
С Гудерзом дружина вступает в Рейбед.
Покоя от дум предводителю нет,
Он мыслит: «Мы нынче сражались не зря,
Из них не единого богатыря
Сразили, и верно сегодня Пиран
К владыке, которым возглавлен Туран,
Известье пошлет, подкрепленье прося.
Послание шаху отправлю и я».

[*Гудерз просит помощи у Кей-Хосрова*]

Призвал он писца и промолвил ему:
«Я с тайн сокровенных покровы сниму.

Лишь вздумай нарушить молчанья обет —
Язык твой тебе же наделает бед».
Посланье царю повелел написать,
Поведать, как билась иранская рать;
Где был он — в письме Кей-Хосрову открыл,
О чем с ним при встрече Пиран говорил;
Как позже посольство возглавивший Гив
К Пирану понес его мирный призыв;
Какие затем от Пирана слова
Ответные слышал посольства глава;
Как после с дружиной к горам Кенабед
Примчался Пиран, свой нарушив обет;
Со строем на поле как встретился строй
И чем завершился неистовый бой;
Какой был судьбою постигнут Хуман
И рвавшийся в бой Нестихен-великан;
Как бился с героями вражьей страны
Бижен именитый на поле войны,—
Событья одно за другим изложил,
Все то, что свершилось, владыке открыл.
И дальше писал он: «Джейхуна-реки
Достигли теперь Афрасьяба полки.
Ты ведаешь сам: коли он перейдет
Джейхун и на войско твое нападет,
То силы в бою не достанет моей.
О мой повелитель, владыка царей!
Прислать соизволь подкрепление нам,
Чтоб мужества нашим прибавить сердцам.
Но если, решив подкрепленья не ждать,
Отважится первым сраженье начать
Пиран — ты услышишь, во славу твою
Что с дерзким слуга твой содеет в бою.
Жду также известий, о мой властелин,
Где дивов губитель — Ростем-исполин,

Что с витязем храбрым Лохраспом и где ж
Прославленный разумом светлым Эшкеш?»
Письмо запечатал, велел привести
Коня, что стремительней вихря в пути,
Его средь быстрейших избрав скакунов;
Оседлан по-царски, он мчаться готов.
Хеджира призвал он. Храбрец молодой
Умен, прозорлив, как мыслитель седой.
Уверенный в сыне достойном своем,
Открыл ему замысел свой, а потом
Добавил: «Усердье, о сын мой, яви,
На помощь все силы свои призови!
Почет коли хочешь снискать у меня,
Не выберешь благоприятнее дня.
Отправься немедля с посланьем моим,
Сравнись быстротой с буйным вихрем степным,
Скачи без оглядки и днем, и в ночи,
Владыке скорее посланье вручи».
Воителя юного обнял, и тот,
С родителем славным расставшись, идет,
Двух родичей кличет, велит им седлать
Коней быстроногих и в путь выступать.
Втроем понеслись, погоняя коней,
На каждом привале меняя коней.
И ночью скача, и при свете дневном,
В седле подкрепляясь и пищей, и сном,
Шесть дней по степям так и стлались они,
В седьмой к властелину примчались они.
В Иране, завидя вдали верховых,
Владыке тотчас доложили о них.
Шеммаха навстречу послал Кей-Хосров,
С ним вместе немало других удальцов.
Увидя Хеджира, воскликнул Шеммах:
«Сын витязя, в тигра вселяющий страх!

Что в стане родителя произошло?
Что к шаху внезапно тебя привело?»
Завесу поднять повелел, и гонца
В седле пропускают под своды дворца.
Хосров на вошедшего взор устремил,
И тот пред венчанным главу преклонил.
С собою его усадив на престол,
Приветливо речь повелитель повел.
Расспрашивал долго посланца того
О славном Гудерзе и войске его.
О витязях, как подобало послу,
Поведав, от них передал он хвалу.
Вручил от Гудерза посланье к тому ж
Тот юный, исполненный мудрости муж.
Тотчас повелитель дебира призвал,
Посланье вождя прочитать приказал.
Велит он, услышав отрадную весть,
Рубины в награду Хеджиру принесть *.
По воле царя казначей отворил
Тайник и богато посла одарил:
Сплошь золотом он по желанью царя
Засыпал до темени богатыря.
Несут ему в дар златотканный убор,
Венец, на котором алмазный узор;
Десяток коней пред послом молодым,
И каждый из них под седлом золотым.
И спутников золотом и серебром
Хосров одарил, также прочим добром.
С престола вослед за владыкой Хеджир
Поднялся, спешат на торжественный пир.
Обласкан царем, за фиалом фиал
Хеджир среди знатных мужей поднимал,
Царь с ними пирует и держит совет...
Но вот над горами забрезжил рассвет.

Один, пред лицом властелина миров,
Свершил омовенье венчанный Хосров.
В одежде молитвенной, новой склонясь,
Стеная, ручьи проливая из глаз,
Воззвал он к дарителю счастья и сил,
Сберечь ему трон и корону просил;
Хвалой величая творца своего,
Просил даровать над врагом торжество.
Моленья, меж горестных вздохов и слез,
О правом суде над злодеем вознес;
Покинув молельню, на царский престол,
Величествен, строен, как тополь, взошел.

[*Ответ Кей-Хосрова на послание Гударза*]

Послал Кей-Хосров за искусным писцом,
Воссев, совещается с тем мудрецом;
Составил ответ на посланье вождя,
Границу меж благом и злом проведя.
Сперва именитого благословил:
«Живи, благоденствуй, исполненный сил,
О вождь несравненный, богатый умом,
Прославленный бранной отвагой притом,
Разящий мечом и стальной булавой,
Вздымающий знамя Каве над главой!
Возблагодарим и восславим того,
Кто нашим бойцам даровал торжество,
Удачи звезду над тобою возжег,
А недругов смерти бесславной обрек.
Итак, посылал ты главу храбрецов,
Достойного Гива с отрядом бойцов
К Пирану, и много призывов благих
Вождь рати туранской услышал от них.

Не внял им, и мирный обет лиходей
Нарушил, покорный природе своей.
Изменой слуги потрясен, как-то встарь
Изрек преисполненный мудрости царь:
Позору и гибели обречены
Вожди, чьи сокрытые мысли черны...*
Знай, доблестный, подозревал я всегда,
Что в сердце Пирана не стихнет вражда,
Но помня, что был благодетелем мне,
Его я щадил, не стремился к войне.
Теперь оказалось, с теченьем времен,
Что сердцем к Турану Пиран устремлен;
Весь мир для него в Афрасьябе одном,
И эту любовь не угасишь ты в нем.
Он разум страстям подчинил. Не грусти ж:
На камне ты злаков вовек не взрастишь.
Что к миру врага призывал ты — не грех,
Мир — цель благородных и доблестных всех.
Затем рассказал ты про яростный бой:
Как витязь наш каждый стальной булавой
Бесстрашно сражался на поле борьбы
И в этом сражении, волей судьбы,
Разгром учинил ты врагу моему.
Я верю, и как не поверить тому!
За силу и мужество благодари
Йездана — им созданы богатыри.
Мне также твои прочитали слова
О том, что с войсками Турана глава
Стоит у Джейхуна, что втайне Пиран
Его призывает[407] идти на Иран.
Известие это, сомненья в том нет,
Правдиво. Но вот что скажу я в ответ
Тебе, предводитель иранских дружин,
Достойный и доблестный муж-исполин:

Стоит не затем Афрасьяб у реки,
Что двинуть на нас замышляет полки,—
В подмогу ждет войска хаканова он,
Грозят из засад ему с разных сторон
Лохрасп и Эшкеш, и краса удальцов
Могучий Ростем — предводитель бойцов.
Туранец меж ними как будто в мешке*,
Пойми: поневоле он жмется к реке,
А двинется в путь — жребий ждет его злой:
Мы тотчас его завладеем землей.
Еще от меня ожидаешь вестей
О каждом из наших любимых вождей.
Отвечу, о муж именитый, всегда
Твоя да сияет благая звезда!
Кашмиру и Хинду, где яростным львом
Промчался Ростем, учинил он разгром.
И доля Хорезма, где ныне войска
Эшкеша бесстрашного,— столь же горька.
С ним в битве Шиде пораженье узнал,
В Ургендж он дружины в смятенье угнал.
И там, где проходит Лохрасп-исполин,
Склоняется каждый пред ним властелин.
Ты землю аланов, Хазарский весь край*
Отныне владением нашим считай.
Коль снялся бы с места теперь Афрасьяб
И рать за Джейхун переправил, тогда б
Мы тут же смертельный удар нанесли,
Ему не оставив ни пяди земли.
К Пирану на зов не пойдет он, поверь,
Опасность ему угрожает теперь
Лишиться владений своих родовых,
Когда хоть на шаг удалится от них.
Мне каждое слово, шаг каждый царя
Известны: лазутчиков слал я не зря.

Вовек да не будет напасти такой,
Когда Афрасьяб, чьи войска за рекой,
Ее перейдет и на нас нападет,
Столь горестный день да вовек не взойдет!
Теперь я на дело такое решусь:
Велю, чтоб, с литаврами выступив, Тус
В Горган, в Дехестан двинул строй боевой
И, взяв их, до неба вознесся главой.
Бойцов и слонов своих следом за ним
На помощь я двину дружинам твоим.
С Пираном не должно боев избегать,
На поле сражения выведи рать!
Сильнейших героев лишился Пиран,
Утрачены им Нестихен и Хуман.
Звать станет иранских воителей в бой —
Пусть робкий отказ не услышит он твой.
Когда и тебя призовет, осмелев,
Иди, не робея, сражайся, как лев!
О вождь, Афрасьяба-царя не страшись,
Исполнясь отваги, на битву решись!
Тебе принесет одоленье война,
Тревогой томиться душа не должна,
Творец от своих безграничных щедрот
Пошлет нам счастливый судьбы поворот.
К тому же надеюсь, что вскоре и сам
Твоим приведу подкрепленье бойцам.
Победу тогда обретете в бою,
И славу до звезд вознесете свою».
От Туса-вождя, от Кавуса-царя
Владыка приветствовал богатыря,
Посланье своею печатью скрепил,
С напутствием добрым посланцу вручил.

[*Поход Кей-Хосрова*]

Хеджира Хосров отпустил и потом
Совет стал держать с умудренным писцом;
Любя и жалея родимую рать,
На помощь ей рвется, с врагом воевать.
Твердит он: «Коль полчища двинет свои
Владыка Турана и грянут бои,
Не сладить Гудерзу с врагом, потому
Мне выступить должно в поход самому».
Тус-витязь, Новзерова рода глава,
От шаха услышал такие слова:
«Войсками ты весь Дехестан наводни,
Всю степь Хорезмийскую заполони.
Пусть витязь Эшкеш, меченосцев оплот,
Как яростный лев, на врага нападет».
Гремит перед ставкою Туса кимвал,
Вой трубный дружину к походу призвал.
И вот уж от взоров сокрыта земля,
Рать мчится, грохочут копыта, пыля.
Сказал бы, и солнце порыву тому
Не в силах противиться, скрылось во тьму.
Днем солнца, а ночью луны не видать;
Неслась две недели та грозная рать.
И вот уже весть облетела весь свет:
В путь вышел венчанный любимец побед.
Лишь Тус отошел от дворцовых ворот,
Готовиться стал и владыка в поход.
Ведет он сто тысяч отборных бойцов,
Безудержно рвущихся в бой удальцов
И многих прославленных богатырей
К Гудерзову стану. Владыка царей
В венце, на престоле сидит, величав,
Слоны выступают под грохот литавр.

Хеджир между тем, от Хосрова скача
С дарами, в одежде с царева плеча,—
Все ближе к шатрам, так и стелется конь,
А в сердце посланца — веселья огонь.
Его предстоящую встречу с вождем
Приветствует труб оглушительный гром.
И каждый, кто носит кушак золотой,
Навстречу спешит. Удалец молодой
Вошел к предводителю богатырей;
Поведал он, как повелитель царей
Был счастлив услышать про их торжество,
Поведал про щедрую милость его,
Как мудро и ласково с ним говорил,
Какую заботу о войске явил.
И после, с приветом от славных бойцов,
Вручил он письмо, что послал Кей-Хосров.
Услышав о милости шаха, к устам
Гудерз прижимает посланье и сам
Его распечатав, чтецу отдает,
И внятно читает послание тот.
В ответ, преклонясь до земли головой,
Восславил властителя вождь боевой.
Ночь с сыном в беседе провел; поутру
Завесы велит распахнуть, и к шатру
Воители славные тотчас сошлись;
И солнца лучи на шеломах зажглись.
Приносит послание славный Хеджир,
И вот уже голосом звучным дебир
Читает посланья того письмена;
И воля верховная оглашена.
С окрестных нагорий коней табуны *
По воле Гудерзовой приведены.
Своих казначеев владыка призвал,
Раздачу динаров начать приказал.

Вручил казначеям хранилищ ключи,
Где шлемы, щиты, пояса и мечи,
И много монет, и другого добра —
Ведь близилась грозных сражений пора.
Дружину осыпал щедротами он —
И конный, и пеший для битв снаряжен.
Строй ратный — гранитной громады грозней*,
Земля под копытами буйных коней
Трясется, их бремя выносит едва,
И страх обуял даже лютого льва.
На каждом воинственном богатыре*
Доспехи сплошь в золоте и серебре.
«Сомкнуться, — веленье услышала рать,—
Все силы для битвы жестокой собрать!»
Вот мимо вождя за рядами ряды —
Подобьем сорвавшейся горной гряды —
Несутся, и тьма разлилась по земле,
И высь утопает в густеющей мгле.
Сказал предводитель: «С Пешиновых дней*
Никто не водил еще рати грозней —
Столь много тут злата, мечей, скакунов
И витязей храбрых, и ярых слонов.
Когда мне поможет миров властелин,
Я воинство двину отсюда на Чин».
Той ночью созвал он верховную знать,
С собою мужей усадил пировать,
Под ченг и свирель осушая фиал,
До света совет с мудрецами держал.

[*Послание Пирана Гудерзу*]

Услышал Пиран, что к походу готов
Гудерз, предводитель иранских бойцов,
И ужасом непобедимым сражен,

Пустился на новые хитрости он.
Советника мудрого мненье спросив,
Пути к избавлению с ним обсудив,
Составить велит он дебиру письмо.
Зовущее недруга к миру, письмо.
Вначале Йездану ҳвалу воздавал,
К нему о защите от дива взывал.
Писал он затем: «У творца своего
Иного, клянусь, не прошу ничего,
Лишь только меж нами вражду прекратить,
Сраженье кровавое предотвратить.
Когда для того добивались побед,
Чтоб власти своей подчинить целый свет,—
Вы цели достигли, Ирана мужи;
Чего ж добиваетесь ныне, скажи?
Немало воителей — вспомни о том,—
Из связанных близким со мною родством,
В сражениях горькой обрек ты судьбе.
Страх божий, как видно, неведом тебе!
Ты с мирной стези в ослепленье сошел,
Смотри же, все то, что искал ты, обрел.
Ужели не сыт еще битвой и вновь
Без удержу лить замышляешь ты кровь?
И так уж несметное в поле число
Бойцов и твоих, и моих полегло.
Тебе отдохнуть от сражений пора,
Пора отозваться на голос добра.
Стремясь за усопшего нам отомстить,
Доколе живых без пощады косить?
Того, что минуло, уже не вернуть.
Не сей же вражды, мирный выбери путь!
От кровопролитья отречься спеши,
Ни плоти своей не терзай, ни души.
Проклятья людей — вот посмертный удел

Виновника черных, губительных дел.
Опомнись, уж годы твои сочтены,
На кудри легла камфара седины.
Страшусь: коли снова две рати хоть раз
Столкнутся на поле войны, разъярясь,
То все в этой битве погибнут бойцы,
На поле останутся лишь мертвецы;
И кто же тогда победившую рать
Сумеет среди мертвецов распознать?
Но если ты все еще бредишь войной
И снова стремишься сразиться со мной
Во имя величья иранской земли,—
Так лютые тигры схватиться б могли,—
Пошлю к Афрасьябу гонца своего;
Дождавшись ответа царя моего,
Исконные ваши владенья верну*,
И тем навсегда прекращу я войну.
Не так ли во дни Менучехра-царя
Раздел совершили, мир миру даря?
От градов устроенных до пустырей —
Все то, что считает прославленный Кей
Землею Ирана, Ирану отдам,
Велю удалиться оттуда войскам.
От ближних предгорий Ирана начнем:
И Бост, и Герчийские земли вернем:
Весь край меж Талканом и градом Фарьяб,
К нему причисляя и град Эндераб;
И дальше пять градов, средь них Бамиан,
Которым когда-то гордился Иран;
Еще Кузканан, край пленительный,— он
По воле державной был так наречен —
От Балха и до Бадахшана. Таков
Доподлинный перечень тех городов.
И дальше, меж реками Зем и Аму,—

Хетлан с прилегающим краем к нему,
Край Шугнов, Термез, Висегерд, Бухара —
До Согда все грады; настала пора
От них отступиться, их вам возвратить,
Навеки набеги свои прекратить.
А там, где Ростем пребывает, берусь
Ему передать во владенье Нимруз;
Оттуда я также войска отведу
И с ними к востоку немедля уйду.
До Хинда весь край я оставить бы мог,
Чтоб душу избавить от тяжких тревог.
Кабул отдадим, Кандагар и Кашмир —
До Синда везде установится мир.
И горный Дербенд, и аланов страну
Лохраспу отдам я, закончив войну.
До Кафа, до тех величавых хребтов
Всем будет владеть безраздельно Хосров.
И край, где воюет Эшкеш в эти дни,
Оставим — Иран им владел искони.
Все это одно за другим совершу,
Дружину собрать, увести поспешу,
И клятвой клянусь я сьятою, что впредь
Не буду к тебе я враждою гореть.
Всем сердцем лишь к миру стремлюсь я теперь,
Одной справедливости жажду, поверь!
Владыку Турана о том извещу,
Что больше кровавых боев не ищу.
Недобрые думы и ты отгони,
Хосрова посланием к миру склони;
Поведай, что мыслью о мире живу
И с кровопролитьем покончить зову.
Коль ты к договору со мною готов,
То сколько потребует дани Хосров —
Все тотчас ему я отправлю сполна,

Пусть волей его прекратится война.
Не только сокровища я подарю —
Заложников также отправлю царю.
Я дружбою очи закрою вражде,
И как при царе Феридуне, везде
Вновь мир воцарится, нарушенный встарь;
Тур, ярый и гордый могуществом царь,
Злой Сельм Феридуново сердце тогда*
Пронзили, Иреджа убив без стыда.
Бери же все то, что желаешь, добром,
Царя своего известив обо всем.
Однако же думать не следует вам,
Что слабость — причиною добрым словам.
Нельзя ни войсками тебе, ни казной,
Ни ратною славой равняться со мной.
Знай, только о мире я ныне пекусь,
Ко благу всеобщему сердцем влекусь.
Ведь жаль бесконечно воителей мне,—
Доколе им гибнуть в жестокой войне!
Доколе неистово нам враждовать,
Рекою безвинную кровь проливать!
К тому же страшусь я: владыки миров*
Гнев будет безмерен, суд будет суров,
Когда эту землю в пустырь обратим
Кровавым бессмысленным спором своим.
Коль внять не захочешь советам моим,
Коль веры не дашь ты обетам моим,
Понять не умея, где правда, где ложь,
Мои увещания все отметешь,
Меня виноватым сочтешь без вины
И требовать станешь продленья войны —
Тогда избери меж иранских бойцов
Готовых разить булавой храбрецов,
И я изберу из дружины своей

Для единоборства пригодных мужей;
Пусть выйдут на смертный решительный бой,
Пускай состязаются между собой.
На поле сраженья и ты выходи,
Сразимся и мы, боевые вожди;
Тогда спасены будут ратники, вновь
Не хлынет на поле безвинная кровь.
Туранцев, чья воля вражду разожгла,
В ком видишь ты главных виновников зла,
Для схваток кровавых сюда приведу,
За то от тебя обещания жду:
Коль вы победите в жестокой борьбе
И нас предадите злосчастной судьбе —
Ты войско Турана громить не придешь,
Его истреблению не обречешь.
Бойцов невозбранно домой пропусти,
Засад не устраивай им на пути.
А если назначено мне одержать
Победу и счастья щедроты пожать,
Иранцам я здесь не устрою засад,
О мщенье забуду; они без преград
В иранскую землю вернутся, даю
Тебе, предводитель, в том клятву свою.
Верь, каждый боец, совершивший поход,
Домой невредимым, с добычей придет.
А если с такой несогласен войной
И жаждою обуреваем иной,
Всеобщую битву стремишься начать —
На поле сражения выведи рать,
Но помни: расставшись с юдолью тщеты,
Ответишь за это побоище ты».
Печатью скрепили посланье, и вот
Туранец любимого сына зовет.
То был предводитель мужей, исполин,

Для стрел неприступный, отважный Руин.
Он слышит: «С разумною речью вручи
Гудерзу письмо и ответ получи».
Расставшись с отцом именитым своим,
Помчался Руин, десять витязей с ним.
И вот ясноликий, с открытой душой
В верховную ставку вступает герой.
Увидев Гудерза, он руки скрестил
И голову, низко склонясь, опустил.
Иранцев глава, с места тотчас сойдя,
В объятиях сжал молодого вождя,
Спросил о Пиране, его удальцах,
О крае туранском, владыке, бойцах.
Вручая посланье, Руин повторил
Все то, что Пиран-богатырь говорил;
Немало изрек обещаний благих,
Призывов благих, увещаний благих.
Чтеца призывает иранцев глава,
Тот внятно читает Пирана слова.
На все, что в посланье Гудерз услыхал,
На все, что из речи Руина узнал,
Ответил он так: «О разумный Руин,
Пирана, вождя именитого, сын!
Здесь гостем почетным вначале побудь,
А там и с ответом отправишься в путь».
Велел приготовить шатер для посла,
Где царская роскошь Руина ждала.
Вождь рати в раздумье: какой дать ответ?
Он долго держал с мудрецами совет,
Врагов предводителю что написать,
Какие в посланье слова нанизать.
Неделю пируют под говор струны,
А мысли Гудерза все тем же полны.
К полудню восьмому, лишь солнце в зенит

Вступило, вновь сладостно лютня звенит,
Вином наполняются чаши; но вот
Посланца к себе предводитель зовет.

[*Ответ Гудерза на послание Пирана*]

Вождь рати семь дней размышлял, на восьмой
Дебира в шатер призывает он свой
И молвит: «Ответ на посланье готовь,
Нам древо вражды должно вырастить вновь».
Сначала привет подобающий слал,
Затем по порядку он так отвечал:
«Посланье твое получил от гонца,
Его со вниманьем прочел до конца.
А также наказ передал нам твой сын,
Тобою к нам посланный витязь Руин.
Однако дивлюсь с каждым мигом сильней
Столь мирной и ласковой речи твоей:
Ведь ты добродетели чужд на беду,
И с мыслями речи твои не в ладу.
Внимать не впервые приходится нам
Твоим лицемерным, медовым речам.
Поверил бы лишь обделенный умом,
Что сердцем ты к миру и благу влеком.
В сиянии солнечном издали так
Покажется светлым ручьем солончак.
Но тщетны уловки, напрасен обман,
Рассудят нас палица, меч и аркан.
Не время речей и ответов, с тобой
Вступлю не в беседу — в решительный бой.
Довольно лукавить, о дружбе твердя!
Узнаем в бою, два враждебных вождя,
Кому превосходство судьбою дано
И небом кому торжество суждено.

И все ж на посланье отвечу сей раз.
Услышь беспристрастного разума глас!
Во-первых, сказал ты: судьбу, мол, прошу,
К создателю, к звездам мольбу возношу —
Кровавая да прекратится война,
Давно опостылела сердцу она.
Но сердце твое, как всегда, с языком
В разладе и думы твои о другом.
Когда бы ты вправду познал благодать,
Не ринулся первым бы кровь проливать.
Ведь раньше к тебе, во главе храбрецов
Прославленных, мудрых иранских бойцов,
Гив послан был мною, и к миру в те дни
Тебя от души призывали они.
Но вихрем от края до края промчась*,
Ты полчища снова повел против нас.
А ныне опомнился, видно; и что ж
Овечкою мирною нам предстаешь!
Но злая природа, обычай твой злой
Идти не дозволят благою стезей.
Зло свойственно роду всему твоему,
Творить злодеянья не внове ему.
Забыл ты, что Тур, соблазненный венцом,
Содеял с Иреджем, безвинным юнцом?
Тур с Сельмом — виновники распри; пошло
От них целый мир охватившее зло.
Забыл Феридуна, что ночью и днем
Их клял, убиваясь о сыне родном?
Тем предкам злонравным под стать Афрасьяб,
Корысти и алчности низменный раб.
В войну с Менучехром вступил он, потом
С Новзером, с Кобадом, великим царем.
А что на главу Кей-Кавуса навлек
Сам знаешь — Иран разоренью обрек.

И после, пролив Сиавушеву кровь,
Разжег он вражду многолетнюю вновь.
Тогда ты не вспомнил о правде святой,
Когда Сиавуш расставался с душой!
И после война разгорелась, и в ней
Так много погибло венчанных мужей.
Коришь, во-вторых, ты седины мои:
Кровавые длить, мол, доколе бои!
Знай, муж хитроумный, изведавший свет,
Познавший немало невзгод и побед,
Век долгий и славный недаром мне дан,
Мой век благостыней творца осиян
Затем, чтобы край ваш я в прах обратил
И прах этот жалкий по ветру пустил.
Страшусь одного я: мне правый творец
Еще до того не послал бы конец,
Как здесь приведу к завершенью войну
И вашу с землею сравняю страну.
В послании, в-третьих, ты пишешь о том,
Что страх мне неведом пред божьим судом.
Кто кровь, мол, чужую прольет без вины,
Тягчайшие беды тому суждены.
Но если, поддавшись елею речей,
Уйду я, с тобой не скрестивши мечей,—
Страшусь я, создатель с небесных высот
В день судный к ответу меня призовет.
Он скажет: «Сокровища, доблесть и мощь
Тебе в изобилье послал я, о вождь!
Что ж войско не двинул ты, гневом горя,
На мщенье за смерть Сиавуша-царя?
И после, как спросит меня судия
Про семьдесят чад убиенных, то я
Создателю мира какой дам ответ —
Почто отступил, не добившись побед?

В-четвертых, меня убеждаешь простить
Вам смерть Сиавушеву, больше не мстить:
Взываешь, мол, к добрым ты чувствам моим,
Зачем из-за мертвого гибнуть живым!
Но вспомни, как часто лукавили вы,
Какие страданья доставили вы
Венчанным владыкам иранской земли,
Как много ей бедствий и зол принесли.
Набеги нежданные ты совершал,
Коварно обеты свои нарушал,
Нам злом за добро воздавал всякий раз.
Как это забыть мне, с тобой примирясь!
Ты, в-пятых, сулишь заключить договор,
Заложников выслав, скрепить договор,
С дарами в Иран караван снарядить,
Чтоб край свой родной от невзгод оградить.
Но знай, предводитель туранских полков,
Мне данный Хосровом приказ не таков;
Его повеленье — сражения длить,
За кровь Сиавуша кровь вашу пролить.
Пойми, от стыда пред Йезданом сгорю,
Коль выйду из повиновенья царю.
А коль уповаешь на то, что Хосров
Смягчится от мирных обетов и слов,—
Вели, пусть доставит Леххак-исполин
И сын твой, властителю верный Руин,
Заложников тех и даров караван
Хосрову: им путь не заказан в Иран!
Назвал ты, в-шестых, за страною страну,
Что силой Туран захватил в старину:
Ирану твоя возвратит их рука,
Оттуда свои отзовешь, мол, войска...
От этой нужды спасены мы творцом!
Ужели еще ты не слышал о том?

На западе, знай, до Хазарской земли
Все грады Лохраспу во власть перешли.
Везде — от Нимруза до Синда,— поверь,
Земля багрянице подобна теперь.
Ростем знаменитый, исполненный сил,
Там недругов всех беспощадно скосил.
И головы синдов, и черный их стяг
Хосрову послал несравненный смельчак.
Стремительным натиском наших стрелков
Очищены также от вас, чужаков,
Хорезм укрепленный и с ним Дехестан —
Цветущие земли, что отнял Туран.
Дождь гибельный пролил Эшкеш на Шиде,
Обрек злополучного тяжкой беде;
Победой закончив кровавую брань,
Послал Кей-Хосрову и пленных, и дань.
А ныне сразиться с тобой мой черед,
Для битвы решительной час настает.
Глава именитых, исполненных сил,
Не раз я удары тебе наносил.
Коль двинешь ты рать против рати моей,
Избавлю тебя от ненужных речей.
Хранимый Йезданом, покорный царю,
Я кровью широкую степь обагрю.
О вождь именитый, коль сердцем не слеп,
Подумай о круговращенье судеб!
Настал роковой предначертанный срок,
Туранцев погибели жребий обрек.
Ты видишь, тобою свершенное зло
Возмездье небес на тебя навлекло!
Мир нынче в преддверии праведных дней,
Злосчастием будет постигнут злодей.
Над тем, что скажу, поразмысли ты сам,
Ступай за советом к разумным мужам.

Сто тысяч отборных моих удальцов,
Пылающих жаждою мщенья бойцов,
Столь грозную, славой покрытую рать
Ужель обратиться заставишь ты вспять?
В-седьмых, заверяешь меня, что обет,
Мол, твой непреложен, и вот мой ответ:
В обет не уверую твой никогда,
Душа твоя чести и правде чужда.
Ведь всем, кто тебе доверялся, ты лгал,
У верности слезы из глаз исторгал!
О нет, недостоин ты веры ничьей,
Сгубил Сиавуша ты клятвой своей.
Он тщетно тебя призывал день и ночь —
Страдальцу ничем не хотел ты помочь.
В-восьмых, возглашаешь: храбрее, мол, я,
Рать больше, держава сильнее моя,
Тебя превзойду и богатством казны,
Но к миру я рвусь, не приемлю войны.
Отвечу тебе: не однажды в бою
Изведал ты грозную силу мою
И все же бессильным считаешь — считай,
Но снова сегодня меня испытай:
Кто знает, быть может, тебе на беду
Отвагой и мощью тебя превзойду.
Еще предложил ты из наших рядов
Послать в поединок сильнейших бойцов;
И ты, мол, для битв из дружины своей
Отважнейших выберешь богатырей.
Жалеешь воителей; целую рать
Не хочешь на муку и смерть посылать.
О жалости речи напрасно ведешь —
Не думай, что выдашь за истину ложь.
Разгневаю шаха, в немилость впаду,
Когда без сражения рать уведу.

Ты — недруг, и войско твое предо мной
Стоит, отягченное черной виной.
Что скажет Хосров, коль, доверясь словам,
Уйду, даровав избавление вам?
Нет, полно, сперва мы сраженье начнем,
Две грозных громады, как горы, сомкнем,
Сразится моя против рати твоей,
Но если победа не станет ничьей,
Тогда соглашусь я, чтоб начали бой
Сильнейшие витязи между собой.
Отвергнешь ли, примешь ли волю мою,
Я твердо на этом решеньи стою.
А если твоя недостаточна рать,
Чтоб ныне с моею сраженье начать,—
Подмоги проси у царя своего;
Все вычисли, не упусти ничего.
Коль в войске твоем много тяжко больных
Иль раненых близких твоих и родных —
Их дай лекарям, не спеша, исцелить,
Во власти твоей об отсрочке просить.
Итак, назначай перемирия срок
Иль бейся — других не осталось дорог.
Я это затем предлагаю, чтоб нас
Винить не посмел ты в решительный час:
Мол, вами нарушен священный закон,
Внезапно коварный набег учинен.
Запомни: пусть даже десятки годов
Продлится война — я сражаться готов.
Спасенья от этой войны не ищи,
О ней мои помыслы днем и в ночи».
Узнав, что ответ к завершенью пришел,
В дорогу собравшийся вражий посол
К Гудерзу примчался, быстрее пери,
С ним прочие славные богатыри.

Руин именитый, расставшись с седлом,
С мужами предстал пред иранским вождем.
На зов предводителя все храбрецы,
Знатнейшие рати иранской бойцы,
Чье сердце бесстрашно и разум остер,
Явились поспешно в верховный шатер.
Для них прочитать повелел исполин
Ответ на письмо, что доставил Руин.
Дебир прочитал им Гудерзов ответ;
Тогда храбрецов и старейшин совет
Решил, что туранского войска глава
Неправ и его легковесны слова;
Гудерза же первым героем земли
Назвали, хваленья ему вознесли.
Посланье скрепила печать, и оно
Руину, потомку Висе, вручено.
Посла отпустили с почетом; дары,
Ему поднесенные, были щедры:
Венец получил он, ретивых коней,
В ножнах драгоценных немало мечей.
И спутники золотом награждены,
Достойнейшим княжьи венцы вручены.
Руин, с ним бойцов именитых отряд
Обратно, к туранскому стану спешат.
К Пирановой ставке примчался Руин,
И, как подобало, родителя сын
Приветствовал, низко у трона склонясь;
И витязя обнял прославленный князь.
Сын весть от Гудерза ему передал,
Поведал, что в стане иранском видал.
Послание тотчас вождю прочтено,
Он дрогнул, лицо его стало черно.
Постиг именитый, душой омрачась,
Что грозной беды надвигается час.

Но страх затаил, не открыл он бойцам
Того, что в унынии выслушал сам.
Иное сказал исполинам своим:
Не внемлет Гудерз увещаньям благим,
Вовек он вражды не забудет своей —
Ведь семьдесят он потерял сыновей;
Теперь, возвращаясь к минувшему вновь,
В отмщение лить порывается кровь.
Тогда почему бы в жестокой войне
Не мстить за погубленных братьев и мне,
За тех девятьсот именитых бойцов,
Что в сече кровавой лишились голов?
Увы, не увидит уж больше Туран
Такого героя, как славный Хуман.
Убит Нестихен, нас покинувший вдруг,
Как срубленный тополь, покинувший луг.
Для битв опоясаться нужно и нам,
Земли ни клочка не оставим врагам,
С Йездановой помощью, острым мечом
Беде и погибели их обречем!
Из всех табунов наилучшие в стан
Пригнать повелел предводитель Пиран;
Всех пеших бойцов обратил в верховых,
При каждом из них — два коня вихревых.
Открыл он в хранилища древние вход,
И щедро динары бойцам раздает.

[*Пиран просит подкрепления у Афрасиаба*]

Деяния те доведя до конца,
Средь ночи он шлет к Афрасьябу гонца.
То был умудренный и доблестный муж,
Искусно владеющий словом к тому ж.

Он должен сказать Афрасьябу: «Внемли,
О царь справедливый туранской земли!
Монархов, увенчанных славой такой*,
Владеющих мощной державой такой,
Земля не запомнит с тех сказочных дней,
Как начал свод неба вращаться над ней.
Победы и царства, о мой властелин,
Лишь ты в целом мире достоин один.
Того, кто дерзнет состязаться с тобой,
Заставишь ты с горькой спознаться судьбой.
Мудрейший из мудрых земли, Афрасьяб!
Тебя я ослушался, грешный твой раб,—
Хосрова в младенчестве я пощадил.
Но я ли виною? Так жребий судил,
То было Изеда веленье, поверь.
Напрасны, увы, словопренья теперь!
Коль взоры к деяньям моим обратишь,
Не станешь винить, прегрешенья простишь.
Внемли, государь, донесенью о том,
Что рок сотворил с твоим верным рабом.
Я войско Турана повел в Кенабед,
Стал грозной помехой для вражьих побед.
Их войско под грохот кимвала пришло
С Гудерзом: вождей с ним немало пришло.
Поверь, многочисленней строй и грозней
В Туран не вступал с Менучехровых дней.
Ирана бойцы поднялись на Рейбед,
Избрали становищем горный хребет;
И вот уж три дня и три ночи, как там
Стоят они, к жарким готовясь боям.
Не шли мы досель в наступление, с гор
Их думали выманить в степь, на простор.
Но вождь их оставить в горах предпочел —
Как будто он помыслы наши прочел.

Тут брат мой, воинственный витязь Хуман,
Безудержной яростью вдруг обуян,
Помчась, бросил вызов иранским бойцам;
Что с ним приключилось — не ведаю сам.
Сын Гива навстречу ему поспешил.
И вот что мне жребий жестокий судил:
Бижена какого-то дерзкой рукой
Брат скошен. Мой ум отуманен тоской.
Кто думал, что будет сражен великан?
Кто ждал, что былинка поборет платан?
Смерть эта повергла воителей в страх,
И прежняя радость погасла в сердцах.
Затем Нестихен, молодой наш герой,
Ведя верховых десять тысяч, с зарей
На битву умчался, но сгинул и он,
Биженовой палицей насмерть сражен.
Во гневе, в тоске, бросив клич громовой,
С рыданьями двинул я ратников в бой.
С рассвета сражались мы там до тех пор,
Пока не надвинулась ночь из-за гор.
В той сече кровавой — о горестный счет!—
Твоих удальцов полегло девятьсот.
И многие в муках жестоких лежат,
Их скорбь истерзала, изранил булат.
Неистовой жаждою мщенья полны,
Верх взяли над нами Ирана сыны.
Невольно страшусь я: изменчивый рок
От нас отвернется, к нам станет жесток.
Донесся другой до ушей моих слух,
В смятенье и в горе повергнув мой дух:
Сюда из Ирана, возглавив бойцов,
На помощь Гудерзу несется Хосров.
Коль вправду ведет подкрепление царь,
Ты сам разумеешь, о мой государь,—

Не в силах я буду с дружиной моей
Отбить нападенье иранских мужей.
На то уповаю, что ты, властелин,
В сражение против иранских дружин
Со мной поведешь боевые ряды,
Нас, витязей верных, спасешь от беды.
Ведь если мы в этом сраженье падем,
Никто уж не выйдет на мщенье потом».
Услыша вождя боевого наказ,
Доставить его приготовясь тотчас,
Посланец проворный вскочил на коня,
Такого, что в беге быстрее огня.
Без отдыха мчался, и вот, наконец,
Предстал пред царем Афрасьябом гонец;
Престол повелителя облобызал
И речи Пирановы пересказал.
Лик царский покрыла тогда желтизна,
Душа содрогнулась, печали полна.
Оплакал владыка туранских мужей,
Погибших в бою от иранских мечей.
Он думает: «Войско разбито, страна
Войною истерзана, разорена.
Нависла опасность немалая; с ней
Как справиться? Вражьи тиски все тесней».
Но вспомнив отвагу туранских дружин
И все, что узнал от посла, властелин
Пирану хваления в сердце воздал;
Свет новой надежды ему засиял.
Созвал он советников, кликнул посла,
И долго той ночью беседа текла.
Наутро владыка, надев свой венец,
Пиранова сына призвал во дворец.

[*Ответ Афрасиаба Пирану*]

Внимает посол Афрасьябу-царю:
«К Пирану, премудрому богатырю,
Вернись. Вот ответ предводителю мой:
О славный, приверженный правде герой!
С тех пор, как от матери чистой на свет
Родился и стал мне оградой от бед,
Ты мной среди прочих мужей отличен,
Над всеми возвышен, хвалою почтен.
Ведь ты, не жалея казны и трудов,
На помощь прийти мне всечасно готов;
От Чина водил до Ирана войска,
И недругов доля бывала горька.
Хвалениям тысячекратным внемли!
Ты — первый меж всех исполинов земли,
Затмил ты Пешенга и Тура, второй
Такой не рождался доныне герой,
Дружина бойца не знавала храбрей,
На свете вождя не бывало мудрей.
Сказал ты вначале письма: предо мной
Считаешь себя отягченным виной.
Причиной, мол, ты, что отсюда в Иран
Бежал Кей-Хосров и напал на Туран.
Вину в том напрасно ты видишь свою,
Знай, гнева я против тебя не таю.
Кручиниться полно, мучительный стыд
Пусть верное сердце твое не когтит.
То было всевластным творцом суждено,
Его попрекать никому не дано.
Чужой мне Хосров! Скажешь явную ложь,
Коль внуком его ты моим назовешь.
Не родич ему я на свете, не дед,
Иного, поверь, в моих помыслах нет.

Ты в бедах, что мне причинил Кей-Хосров,
Невинен. Мне ль спорить с владыкой миров?
Нам воли всевышнего не отвратить,
С чего же мне в сердце обиду растить?
О том, во-вторых, повествуешь ты мне,
Что небо не шлет вам удачи в войне.
Ты нрав небосвода изведал: кружась,
То мучит, то счастьем он жалует нас.
Пусть мысли такие тебя не гнетут,
Избавь свое сердце от тягостных пут.
Не мог, знать, иначе окончиться бой,
Был горький исход предначертан судьбой.
Она вероломна: то ввысь вознесет,
То вдруг, осердясь, ниспровергнет с высот.
Что речь о погибших! Пустой только звук.
О мщенье подумай, не складывай рук.
Коль сердце о брате погибшем болит,
Где лекарь, что жгучую боль утолит?
Ты далее пишешь: покинув свой кров,
С дружиною движется к нам Кей-Хосров.
Известья, что ты получил, неверны —
Своей Кей-Хосров не покинул страны.
То движется с войском своим в Дехестан
Тус, вождь, возглавляющий вражеский стан,
Чтоб первым напасть и стяжать торжество.
Молю, да не будет вовеки того!
Направлюсь к Джейхуну я сам и с зарей
Войска переправлю на берег другой.
Погибнут и Тус, и Гудерз, и Хосров,
Смету и дворец, и венец, и бойцов,
Такую обрушу на недругов рать,
Что царского трона им впредь не видать.
В Иран я нагряну быстрее огня,
Хосрову не царствовать после меня!

Его обезглавлю булатом своим,
И горестно мать зарыдает над ним.
Все так совершится, как я предрешил,
Когда не иное нам жребий судил.
Невиданно взыскан всевышним творцом,
Не ведаешь ты недостатка ни в чем.
Тебе боевые дружины даны,
Могущество власти, богатство казны.
Еще тридцать тысяч отборных бойцов,
Отважных, искусных в бою храбрецов.
Пошлю я, чтоб душу твою исцелить,
Надежду в печальное сердце вселить.
Ведь каждый так ловко владеет мечом,
Что десять иранцев ему нипочем.
Ни дня не теряй, в бой их двинуть спеши,
Гудерза главы и короны лиши!
Хоть ныне его ограждает гора,
Срыть натиском бурным ту гору пора.
И бегством спасаться врагам не давай;
В сраженьях без жалости кровь проливай!»
К Пирану гонец устремился тотчас.
Услышав царя Афрасьяба наказ,
Дружину свою предводитель созвал,
При ней тот наказ повторить приказал,
И сам он словами мужей вдохновил,
Надеждою новой сердца оживил.
Но втайне тревогою он обуян,
Ведь счастья звезду застилает туман.
Все явственней знаки грозящей беды,
Туранских дружин поредели ряды,
И скоро, должно быть, нагрянет Хосров.
В отчаянье впав, предводитель бойцов
Взывает к создателю мира: «Хвала,
Сколь дивны твои, о всевышний, дела!

Тобой вознесенный не будет никем
Повержен. Ты вечен, ты властвуешь всем!»
Он мыслит: «Кто ждать от Хосрова бы мог,
Что станет владыкой в столь краткий он срок!
Могуч небосвод, все подвластно ему,
Его ж подчинить не дано никому.
Велит — на сухих и колючих ветвях
Цветы расцветут, станет мускусом прах.
Не странно ль: свободный душой человек
Покоя душе не находит вовек.
Дед с внуком — владетели тронов; к чему
Кровавую длить им вражду — не пойму.
Готовясь начать сокрушительный бой,
Стоит против строя воинственный строй.
Как знать, победителем с поля борьбы
Кто в стан возвратится по воле судьбы».
Потом он молитву к творцу обратил:
«Пречистый создатель земли и светил!
С туранскими богатырями когда б
Владыка туранской земли Афрасьяб
Врагом был повержен на поле войны,
Померкло бы солнце для нашей страны.
Ведь если Хосров из Ирана войной
Нагрянет — весь мир покорит он земной.
Уж лучше тогда мне, великий творец,
На поле сражения встретить конец!
О только б глазам не увидеть моим,
Что изгнан родной мой обычай чужим.
Умру, коль победа судьбой не дана,—
Ведь жизнь побежденного смерти равна».

[*Сражение иранцев с туранцами*]

Парчу золотую рассвет распростер,
Как море, степной взволновался простор.

Клич бранный не молкнет, и грохот копыт,
Сказал бы ты, землю крушит и дробит.
Равнина и горы в броню облеклись,
Громадами грозными рати сошлись;
Два славных вождя их на битву ведут,
И каждый, как тигр устрашающий, лют.
Вот хлынули стрелы, мелькают мечи —
Так в месяц Бехмен, в непроглядной ночи
Свергается ливень с угрюмых небес.
Весь мир, ты сказал бы, во мраке исчез.
Исчезла земля под железом подков,
Кровь руки багрит и клинки смельчаков.
Так много бойцов от меча полегло,
Снесенных голов столь огромно число,
Что если бы поле пройти захотел,
Пробраться не смог бы меж грудами тел.
Высь цвета индиго, дол мрачный багрян —
Сказал бы, кровавый бурлит океан.
Подумали оба вождя: коли впредь
Здесь ярость подобная будет гореть,
До ночи земля опустеет вконец,
Лишь небо пребудет над ней да творец...
Леххак с Фершидвердом, к Пирану придя,
Внимают такому веленью вождя:
«Все войско, что в силах сражение длить,
Вы на три дружины должны разделить.
Наездников пусть понесут скакуны
Искать одоленья на поле войны.
И та из дружин, что сильнее других,
Готовая к натиску недругов злых,
Пусть ваши ряды боевые замкнет;
Два войска других поведите в обход».
И дальше воителям молвит он так:
«Пусть в горы с дружиной помчится Леххак,

К реке Фершидверд устремится и там
Пыль ратную грозно взметнет к небесам».
Увидя, что витязи вражьей земли
Готовые к бою войска повели,
Ирана дозорные с вышки своей
Шлют весть предводителю богатырей.
Гудерзовы передовые посты
При свете дневном, средь ночной темноты
На страже бессменно; и вот из засад
Леххак с Фершидвердом напали. Летят
Навстречу иранцы, схватились, и вновь
Прах черный смочила багряная кровь.
Торопятся вестники с разных сторон,
И вождь о вторженье врага извещен.
В раздумье Гудерз, ищет взорами он
Бойца, что в жестоких боях закален.
Вот с луком, с булатом возлюбленный сын,
Муж доблести львиной, Хеджир-исполин.
Вождь молвит: «С дружиной своей разлучись,
К оплоту воителей Гиву помчись.
Скажи от меня: боевые полки
Пусть в горы пошлет и на берег реки.
Еще накажи: мужа, полного сил,
Кто вместо него мог бы воинский тыл
Возглавить, пускай средь мужей изберет,
А сам поскорей устремится вперед».
Уста лишь успел предводитель сомкнуть,
Хеджир удалой тотчас двинулся в путь,
И братней стоянки достигнув, тотчас
Ему передал от Гудерза наказ.
Вновь сил и отваги прилив ощутив,
Готов повеление выполнить Гив.
Ферхада, бесстрашного мужа, призвал,
В тылу оставаться ему приказал.

Зенге повелел он две сотни бойцов,
В войне побеждавших не раз удальцов,
На бой с Фершидвердовой ратью вести,
Любые преграды сметая с пути.
Дружину, чье знамя, как ветер, летит,
Герою Горгину возглавить велит
С наказом: «На подвиг спеши боевой,
Скачи с закаленным копьем, с булавой;
Теперь-то и время врага сокрушить,
На поле сражения подвиг свершить.
Дух рати туранской, знай, сломлен вконец,
Смятеньем объяты и вождь и боец».
Бижену сказал он: «Муж славной судьбы!
Ты яростней тигра на поле борьбы.
На вражеский вызов теперь отзовись,
Во всей своей славе сегодня явись.
К тебе с упованьем иранская рать
Свой взор обращает. Пора наступать!
О витязь, не знающий страха, вперед!
Долг мести священной на битву зовет.
В стан вражеский, в самое сердце его
Ворвись, до Пирана домчись самого.
Пусть натиск твой ошеломит, сокрушит*
Того, кто туранцам опора и щит.
Когда ты победу одержишь над ним,
Творцом и благою звездою храним,—
Рать наша от тягостных мук отдохнет,
И радость в очах властелина сверкнет;
Немало ты благ обретешь и казны,
И дни твои будут довольства полны.
Сразят Афрасьяба унынье и страх,
Век горестный станет влачить он в слезах».
Так сына напутствовал Гив-исполин,
И, рвения полон, воинственный сын

Тотчас огневого погнал скакуна.
Сказал бы ты, молнией дать пронзена.
Он справа и слева сзывает мужей,
В сражение рвущихся богатырей,
Чьей бранною славою полнится мир;
Средь них Горазе, Гостехем и Хеджир.
Вослед исполину летит исполин
Ударить по сердцу туранских дружин;
Что львы на охоте, стремятся вперед,
И каждого конь крутоглавый несет.
Рассеяли вражеской рати ряды,
Обрушив на них ярый пламень вражды,
Всю степь завалили телами врагов,
Окованных крепкой броней смельчаков.
Их горький удел — под копытами пасть,
Их ждет вместо савана львиная пасть.

[*Бой Гива с Пираном*]

Когда увидал сын Пирана Руин
Ту черную пыль и движенье дружин —
Из тыла примчался, возглавив бойцов,
Подобных свирепым волкам храбрецов;
С мужами Ирана схватился, что лев,
Но грозных противников не одолев,
Меч бросил индийский, длить битву невмочь,
Ища избавления, кинулся прочь.
С дружиной своею Пиран разлучен,
Но не отступает, сражается он.
Вперед скакуна боевого погнал
Гив смелый, когда полководца узнал.
Копьем четверых остававшихся с ним
Мужей поразил одного за другим.
Лук поднял туранцев испытанный вождь,

И сыплется стрел сокрушительный дождь.
От грозного ливня чело защитив,
Заносит копье богатырское Гив.
Но только решился он в смертном бою
Судьбу свою вверить стальному копью,
Конь вдруг, словно вкопанный, встал, и седок
Никак скакуна сдвинуть с места не мог.
Взор витязя славного гневом сверкнул,
Ретивого плеткой он крепко хлестнул,
Дал в ярости волю устам, не коня —
Коварного дьявола козни кляня.
Отбросив копье и чело защитив,
Свой лук тетивою тугой оснастив,
В противника целиться стал, норовит
Прошить ему стрелами сердце и щит.
Четыре попали — был меток прицел *,
Но панцирь туранца по-прежнему цел.
Еще три стрелы полетели в коня —
И конская неуязвима броня!
Вреда ни коню, ни вождю самому
Не смог причинить. Поспешили к нему
Друзья-удальцы на подмогу, и вот
Пиран, пламенеющий гневом, вперед,
Как буря, помчался врага сокрушить,
К нему подоспевших бойцов искрошить.
Гив, доблестный витязь Ирана, мечом
Разит и сбивает с Пирана шелом,
Но видит, досадой жестокой палим,
Что все еще недруг его невредим.
Тут, Гива окликнув, Бижен говорит:
«Воитель, чья слава по свету бежит!
Я помню слова Кей-Хосрова царя
О жребии этого богатыря:
Не раз он уйдет невредимым в боях

От витязей мощных, внушающих страх,—
Лишь в битве с Гудерзом найдет свой конец.
Не трать понапрасну усилий, отец,
Борьбу прекрати! Знать, еще не истек
Судьбою Пирану отмеренный срок».
Внял слову сыновнему доблестный Гив,
К тому ж заслонили его, окружив,
Бойцы. Не добившись победы, Пиран
Один возвращается в воинский стан.
И бледен, под бременем тяжких забот,
Леххака зовет, Фершидверда зовет:
«О други мои, удалые бойцы,
Мои меченосцы, мои храбрецы!
Как смелых мужей, почитая, ценя,
Я пестовал вас для подобного дня.
Надвинулся ныне решительный час,
Теснят ненавистные недруги нас.
Ужели никто не решится в бою
Стать грудью за войско и славу свою?»
Лишь только Пирана слова раздались,
Сердца исполинов отвагой зажглись.
Они восклицали: «Нет страха в груди,
Хотя бы нас гибель ждала впереди!
Нас двое, нагрянем, иранцам грозя *,
Без боя нам, витязям, сдаться нельзя».
Уносится Гиву навстречу стрелой
Леххак, а за ним Фершидверд удалой.
Домчался Леххак, жаждой мести ведом,
И Гива разит в поясницу копьем.
Надежда в душе у туранца жила
Противника наземь повергнуть с седла.
Но только броне причинил он изъян,
А вышибить Гива не смог из стремян.
Леххакова Гив скакуна поразил,

И конь повалился на землю без сил.
Поверженный всадник поднялся с земли;
Меж тем Фершидверд, подоспев издали,
Копье исполина булатом рассек
И радость в Леххаковом сердце зажег.
Тогда богатырской своей булавой
Иранец над вражьей взмахнул головой.
Взревев, словно чудище, гневом объят,
Он выбил из рук Фершидверда булат,
Нанес ему снова могучий удар,
И в теле врага словно вспыхнул пожар,
Кровь хлынула ртом у него, голова
Кружится, стоит на ногах он едва.
Пока нападал так неистово Гив,
Леххак, своего скакуна заменив,
Уже подоспел с булавой и копьем;
На Гива теперь нападают вдвоем.
Но недруга тщетно теснят своего
И в темя, и в грудь поражают его —
Он даже в седле не качнулся; в бою
Явил непоборную силу свою.
Увидели тут Фершидверд и Леххак
Соперника мощь и отвагу, и так
В смятенье толкуют они меж собой:
«Нам, знать, уготованы беды судьбой!
Сказал бы, из бронзы его голова,
Владеет он неуязвимостью льва».
Вот Гив у дружинника просит копье,
То справа, то слева заносит копье,
Обоих разит, но не сбил никого,
Победа не пала на долю его.
Подумал и он в свой черед: «Я сильней
Доселе не видывал ратных мужей.
О нет, не герои туранской земли,

То дивы из Мазендеранской земли».
Вдруг видит он, справа, подобно грозе,
На бой с Фершидвердом летит Горазе
С румийским, сверкающим брусом стальным,
И конь вышиною с верблюда под ним.
Заносит он брус богатырской рукой —
Тут бдительный враг, наклонясь над лукой,
Копьем поразил его в грудь, но была
Кольчуга крепка и осталась цела.
На помощь тогда к Горазе подоспев,
Бижен на Фершида напал, словно лев.
Разверзлись, сказал бы ты, недра земли.
Булатом, мелькающим в темной пыли,
Он голову вражью рассечь норовит;
Но ранен лишь конь, а шелом не пробит.
Бижену в подмогу примчался затем
С бойцами другими герой Гостехем.
Несутся, напасть на туранцев спеша,
Охвачена жаждою мщенья душа.
Из стана туранского Эндериман
Нагрянул, как будто степной ураган;
Хотел пополам Гостехема рассечь
И, встретив противника поднятый меч,
Его булавой пополам преломил.
Тут страх Гостехемово сердце пронзил.
Летит в подкрепленье Хеджир удалой
И в Эндеримана стрелу за стрелой
Он мечет. Пробиты седло и броня,
Седок невредим, но утратил коня;
В испуге щитом заслоняя чело,
Ненужное он покидает седло.
Раздался туранцев неистовый крик.
Как дивы, примчались наездники вмиг
И натиском Эндеримана спасли,

К туранскому стану его увлекли.
Вставали до туч темной пыли столбы *,
Прах с кровью смешался на поле борьбы,
И клики звучали, пока не легла
На горы и долы вечерняя мгла.
Невмочь раскрываться усталым устам,
Измучены кони и тяжко бойцам.

[*Пиран и Гудерз договариваются о поединках одиннадцати богатырей*]

Весь мир, ты сказал бы, в эбен обращен,
И медь загремела с обеих сторон.
Бьют гулко в кимвалы на спинах слонов,
Два войска покинули поле боев.
Решили к шатрам воротиться в ночи,
Но лишь над землей засияют лучи,
Храбрейших героев, чьей силе дано
Взрыть даже речное глубокое дно,
Избрать меж бойцами: пусть, гневом горя,
Пойдет богатырь против богатыря,
Чтоб рати от битвы спасти, чтобы вновь
Поля не багрила безвинная кровь.
Решенье свое самым верным сочтя,
Хлестнули коней оба ратных вождя
И без промедления поле войны
Покинули, мщения жаждой полны.
Пиран устремился к горам Кенабед,
В обратную сторону — в горный Рейбед —
Гудерз именитый увел свою рать,
Дозорных окрест не забыв разослать.
Нет мочи иранцам от тяжести лат,
И руки в крови, и румийский булат.
Но вот уж воители в стане своем,

И каждый снял панцирь, кольчугу, шелом.
Свободно вздохнув, и юнец, и седой
Спешат подкрепиться вином и едой.
И после иранских воителей цвет
Собрался к вождю на военный совет.
«Отец! — говорит предводителю Гив,—
Со мной приключилося диво из див.
Напал я на войско Турана, примчась,
Прорвал неприятельский строй и тотчас
К Пирану пустился, но окаменел
Скакун мой и шагу ступить не хотел.
Забывшись во гневе, уж был я готов
Убить сотоварища бранных годов.
Тогда мне поведал Бижен-исполин
О том, что предсказывал наш властелин.
Пирана тебе сокрушить суждено —
Так свыше владыке царей внушено».
«Да, мною одним,— был Гудерза ответ,—
Он будет повержен, сомненья в том нет.
За семьдесят отпрысков павших отец
Отмстит. Ниспошлет ему силу творец!»
На ратных вождей предводитель глядит,
Их бледные лица, измученный вид
Его удручают: ведь ночи и дни
В кровавых боях проводили они.
Гудерз умудренный мужей пожалел
И всем по шатрам разойтись повелел.
Ведь после неистовой сечи такой
Усталому телу желанен покой.
Наутро, лишь в небе блеснула заря,
Герои, отвагою бранной горя,
К вождю боевому с приветом пришли:
«О первый из витязей нашей земли,
Каков был твой сон, пробужденье твое?

Готов ли поведать решенье свое?»
На это мужам отвечал исполин:
«Герои овеянных славой дружин!
И днем, и под сенью полуночной мглы
Благому творцу возносите хвалы.
С тех пор как война запылала, всегда
Нам бранной удачи сияла звезда.
Немало превратностей мира сего
Изведал, и понял я бренность его.
Рок многих, нам равных, на свете растил
И сам же их после в расцвете косил.
В былые года кровожадный чужак,
Царивший у нас беспощадный Зохак
Терзал и губил подневольный народ.
Злодея вначале щадил небосвод,
Но так как в злодействе упорствовал он —
Был вихрем небесным мгновенно сметен.
Прошло лихолетье, всевластный творец
Того палача покарал, наконец.
Неправедный царь судию прогневил,
Бесчестного честным всевышний сменил.
Прославленный доблестью в мире, взошел
Тогда Феридун на иранский престол;
Злых чар Ахримановых путы порвал,
И мир осчастливленный возликовал.
От злого Зохака в наследие взяв
Свой яростный, свой необузданный нрав,
Дел черных немало свершил Афрасьяб,
Добра ненавистник и алчности раб.
Он правду и мир променял на раздор,
С Ираном повел нескончаемый спор.
Безвинно им был умерщвлен Сиавуш,
Достойный, прославленный мудростью муж.
Гив доблестный позже, покинув Иран *,

От края до края изъездил Туран.
Прах ложем избрав, изголовьем — гранит,
Охотой лишь сыт, шкурой тигра покрыт,
Подобно безумцам, в нужде и в беде,
Скитался, ища Кей-Хосрова везде,
И цели достиг, и его увидал,
Хвалу молодому владыке воздал
И с ним устремился в родимый Иран.
Проведав о том, разъяренный Пиран
За ними в погоню пустился тотчас,
Обоих настичь и повергнуть клянясь;
Немало им зла причинил, и конец
Их ждал бы, когда не помог бы творец.
Спаслись они оба, собрали полки,
Дошедшие до Касеруда-реки.
Забуду ль Пирана полночный набег!
Ладен и Пешен буду помнить весь век,
Где столько я отдал сынов-удальцов,
Где боль поражений терзала бойцов.
И ныне, свирепой враждою гоним,
Пришел он с воинственным строем своим.
Но воины те малочисленней нас*,
Затем и прибег он к уловке сейчас.
Послал подкрепленье просить у царя,
Задумал сраженье отсрочить, хитря.
Теперь в поединки зовет удальцов —
Пусть к ярой борьбе будет каждый готов.
Нам долго раздумывать, мешкать нельзя,
В бой ринемся, недругам смертью грозя,
Не то, прикрывая предлогом обман,
От честной войны уклонится Пиран.
Когда в поединках оружье скрестим,
Туранских воителей в пыль обратим.
От сказанных коль не откажется слов

Пиран, коли вправду он биться готов,
Клянусь перед воинством клятвой святой,
Я первым тогда опояшусь на бой.
Пред воинским строем на старости лет
На гибель пойду, в сердце робости нет.
Булат с исполином скрестит исполин,
Я выйду и Гив, и Пиран, и Руин...
Копьем смертоносным и острым мечом
Противников вам одолеть нипочем.
Кого ни пошлю я, пусть витязь любой,
В броню облачась, грозно ринется в бой!
О нас сохранятся преданья одни,
Ведь наши судьбою отсчитаны дни,
И каждого смертный аркан обовьет.
Так пусть наша добрая слава живет!
А бренному телу не все ли равно
На ложе ли, в битве ль уснуть суждено.
Покинуло недруга счастье в войне,
Так натиск нам должно усилить вдвойне.
С Биженом сражавшийся витязь Хуман
Был мощен — не знал ему равных Туран.
И что ж? Изменила удача: убит,
В крови, обезглавлен булатом, лежит.
Без страха помчимся навстречу врагам,
От битв удалых уклоняться не нам.
А если, отрекшись от клятвы, Пиран
На битву поднимет весь воинский стан,
То надобно нам и тогда не сробеть,
Громадой подняться, как вихрь налететь.
Туранцы о смерти Хумана-бойца
Все тужат, им скорбь истерзала сердца.
Я верю — осилим и в этом бою,
Здесь недруги встретят погибель свою».
Такие слова говорил исполин

Героям, вождям закаленных дружин.
И слышит хвалу предводитель бойцов:
«О праведный витязь, краса храбрецов!
С тех дней, как создатель сей мир создавал,
Достойнее витязя мир не знавал.
И сам Феридун, повелитель благой,
Гордился бы столь благородным слугой.
Ты вождь и опора царевых дружин,
Герои гордятся тобой, исполин.
Всем жертвовал — жизнью сынов и казной,
Пожертвовать большим кто мог бы иной?
Что в Тусе наш царь, в Фериборзе найти
Надеялся — смог лишь в тебе обрести.
Тобой завоеваны наши сердца,
Мы преданы будем тебе до конца.
Верь, каждый из нас к поединку готов.
Пусть будет нас десять, Пиран удальцов
Пусть тысячу вышлет; в решительный час
Увидим, кто кинется вспять, устрашась.
А если нагрянут громадою всей
На склонах ли гор, на просторе ль степей —
Что ж, стянут у каждого бранный кушак!
Всю ненависть нашу изведает враг.
Даем нерушимую клятву: любя,
Мы головы рады сложить за тебя».
Услышал Гудерз меченосцев ответ,
И в сердце затеплился радости свет.
Сказал он, воителей благодаря:
«Хваление вам, исполины царя!
Верны вы обетам; от века таков
Обычай героев, вождей-смельчаков».
Велит предводитель дружине своей
Для брани построиться, сев на коней.
Роххама на левом крыле поместил,

И стяг солнцеликий Ферхаду вручил.
На правом главою отважных дружин
Назначен им был Фериборз-исполин.
Охрану реки поручил Кетмаре —
Шла добрая слава о богатыре.
Шейдушу сказал он: «О сын дорогой,
Помощник мой первый, советник благой!
Дружину возглавь, чтобы с тыла и рать,
И знамя Каве от врагов защищать».
Потом Гостехема окликнул: «Приди,
С дружиною место твое впереди.
Тебе подобает сие, исполин:
Ты, бодрый и зоркий,— опора дружин».
Бойцам приказал он: «Ни шагу вперед!
Пусть каждый вождем Гостехема зовет.
С хвалой преклонясь перед новым вождем,
В седле оставайтесь и ночью, и днем».
Разнесся воителей горестный стон,
Рыдания слышатся с разных сторон.
Все, голову прахом посыпав, к нему
Сбежались, к седому вождю своему.
Ему ли, всегда возглавлявшему рать,
С противником в единоборство вступать!
Но вождь непреклонен. Приблизясь затем,
Услышал Гудерзов наказ Гостехем:
«Пекись о воителях, бдителен будь,
В решеньях своих осмотрителен будь.
И ночью и днем оставайтесь в броне,
Свой стан стерегите, а ночью — вдвойне.
Едва приведешь к завершению бой,
Знай, вступит дремота в сраженье с тобой.
Ей только поддайся, ресницы смежи —
Нагрянут из вражьего стана мужи.
Дозорных на горной вершине поставь,

Тем рать от набегов нежданных избавь.
Когда же средь ночи из тайных засад
Стремительно все ж нападет супостат,
Готов будь в жестокую битву вступить,
Напавшую рать разгромить, сокрушить.
А если гонцу доведется принесть
Вам с поля сражения черную весть —
Расскажет, что я, обезглавленный, пал
И враг мою голову с поля умчал,—
Не вздумай в сражение двинуть войска,
Три дня потерпи: дожидайся, пока
Хосров, повелитель прославленный, сам
Придет, приведя подкрепление нам».
Речь выслушал витязь и падает ниц
И, жаркие слезы роняя с ресниц,
Клянется вождя наставлениям внять
И верность заветам его сохранять.
Твердит он: «Исполню приказ твой любой,
Склоняюсь, как преданный раб, пред тобой».

[*Пиран говорит со своими витязями*]

Горюют туранцы, в недавнем бою
Познав пораженье, обиду свою
Не могут забыть; над убитым отцом
Сын плачет, брат стонет над братом-бойцом.
Мужи побежденные сердцем мрачны,
Немилостью жребия удручены.
Увидя объятую ужасом рать,
Гонимому хищником стаду под стать,
Созвал всех вождей меченосных дружин
И так говорит им Пиран-исполин:
«Мужи, закаленные в жарких боях,
Вожди, на врагов наводящие страх!
Не вам ли — и старым, и юным — почет

Столь щедро наш царь Афрасьяб воздает?
Не вы ль одержали так много побед?
О них ведь молва облетела весь свет.
И что ж? Сражены неудачей одной,
Бежать вы готовы, покончив с войной.
Но помните, если мы духом падем
И с поля сраженья без боя уйдем —
Вдогон, занеся булавы и мечи,
Помчатся иранских дружин силачи.
Они никого не оставят в живых —
Ни ратников, ни предводителей их.
Мужайтесь, познавшие горечь утрат!
Никто да не будет смятеньем объят!
Учили мобеды в былые года:
Один лишь Йездан побеждает всегда,
А смертных удел — то паденье, то взлет.
Что б нам ни грозило — без страха вперед!
Рать, нами вчера обращенная вспять,
Сегодня на нас нападает опять.
Пусть каждый, кто биться отважно готов
За землю родную и близких, и кров,
В броню облачится, отточит булат —
С мужами Ирана бои предстоят!
Гудерз предлагает из ратных вождей
Избрать самых доблестных богатырей:
Пусть выйдут сразиться один на один,
Решат поединками судьбы дружин.
Коль свой супостаты исполнят обет —
Утратят вождей, в том сомнения нет.
А если всем войском они нападут —
Нам нечего битвы страшиться и тут.
Одно иль другое сулит небосвод *:
То ль в петлю заклятый наш враг попадет,
То ль нам в этой битве полечь суждено —

Бессмертие ведь никому не дано.
Кто волю отвергнет мою, устрашась,
Того обезглавить велю я тотчас!»
Ответили витязю богатыри:
«Вождь, преданный Афрасиабу-царю!
Давно, не жалея трудов и казны,
Ты нас защищаешь на поле войны,
Дружине служить неизменно готов,
И братьев ты в бой посылал, и сынов.
Да кто мы, чтоб волю твою отвергать,
Мы разве тебе не подвластная рать?»
Умолкнув, воители вышли толпой;
Вступают в шатры, снаряжаются в бой,
Веленье вождя исполняя; всю ночь
От мыслей тревожных уснуть им невмочь.
Наутро раздался пред главным шатром
Кимвалов и труб оглушительный гром.
На седла вскочили при свете зари
С арканами, с луками богатыри.
Сказал бы, от множества конских подков
Оделась равнина в железный покров.
На зов предводителя вихрем примчась,
Леххак и Фершид услыхали приказ:
«Я ныне туранское воинство вам
Вверяю, отважным и славным мужам.
Дозорных держите всегда на горе —
И звездною полночью, и на заре.
А если немилость изменчивый рок
Мне явит и смертный наступит мой срок —
Вы с недругом в бой не вступайте, в Туран
Умчитесь быстрей, чем по ветру туман.
Одни вы из славного рода Висе
Остались, погибли ведь прочие все».
Прощаясь пред битвой, вожди обнялись,

Горячие слезы рекой полились;
Расстались в глубокой печали, без слов,
И стан огласился рыданьем бойцов.
Уносится вождь, ярым гневом гоним.
И вот уже поле сраженья пред ним.

[*Гудерз и Пиран выбирают богатырей для одиннадцати поединков*]

Завидя Гудерза, к нему поспешил
Навстречу и в переговоры вступил.
Так начал: «О вождь, одаренный умом!
Доколе обиде жить в сердце твоем?
Хотя бы на гибель наш край ты обрек,
Душе Сиавуша какой в этом прок?
Покой, среди лучших, за гранью тщеты,
Обрел он, покоя не знаешь лишь ты.
Горой громоздились на поле тела,
На то не твоя ль злая воля была?
Устали два войска разить и крушить,
Побоищу время конец положить.
Лишилась мужей, опустела земля.
Доколе здесь кровью кропить нам поля!
Доколе безвинных губить! Два пути
Пред нами, решай, по какому пойти.
Когда не расстался ты с прежней враждой,
Спускайся с дружиной с вершины крутой;
Тогда поединок со мною начнешь,
В котором, быть может, победу пожнешь.
На бой с исполином пойдет исполин,
Мы также сразимся, один на один.
Кто в битве повергнет противника, тот
На трон победителя гордо взойдет.
И если ты сможешь меня одолеть,
С туранцами биться не должен ты впредь.

К тебе на поклон меченосцы придут
И в верности жизнью тебе присягнут.
А если ты будешь рукою моей
Убит меж других именитых мужей —
Не стану с иранцами я воевать,
И страха твоя не изведает рать».
Умолк он, и мыслит Гудерз: «Навсегда
Его закатилась благая звезда!»
От сердца Йездана возблагодарив,
Владыку Ирана хвалою почтив,
Пирану сказал он: «О войска глава!
Твои до конца я дослушал слова.
Ответь, из злодейства извлек ли хотя б
Крупицу добра для себя Афрасьяб?
Зачем он царя молодого убил,
В крови, словно лютый мясник, утопил?
И позже за что, несказанно жесток,
Иран грабежу и разгрому обрек?
Доверился царь Сиавуш твоему
Обету, ты смерть уготовил ему.
Когда же я сына к тебе посылал,
Ты внять увещаниям не пожелал.
Упорствуя в ярой вражде, на меня
Напал ты нежданно, быстрее огня.
Создателю слава! Я ночью и днем
Его не напрасно молил об одном,
Чтоб дожил я до поединка с тобой.
Ты здесь, так, не мешкая, ринемся в бой!
Пусть оба состарились мы, все равно
Сегодня мечи нам скрестить суждено.
Но раньше назначь и других удальцов —
Кому выходить против наших бойцов.
Пускай с булавою, копьем иль мечом
Придут и сразятся силач с силачом;

Мужи, закаленные в жарких боях,
Соперников пусть повергают во прах!»
Тут к делу немедля Пиран приступил,
Избрал десять храбрых, исполненных сил
И десять готовых к борьбе храбрецов *
Избрал предводитель иранских бойцов.
Покинули те и другие свой строй,
И к полю борьбы за героем герой
Несется, и вскоре сокрылись из глаз.
Вновь встретясь, Гудерз и Пиран в этот раз
Условились, кто из иранских мужей
С кем выйдет на бой из туранских мужей.
Два витязя выйдут на поле войны,
Отвагой и силою оба равны *:
Гив храбрый и мерзостный Горуй-Зерех,
Который царю ненавистнее всех,
Который, в тисках Сиавуша держа,
Лишил его жизни ударом ножа.
На бой с Фериборзом помчится Гольбад
Из рода Висе, сокрушитель преград.
Роххам, сын Гудерза, враждой обуян,—
С ним будет соперничать храбрый Барман;
Герой Горазе с Сиямеком — так лев
С драконом схватился бы, рассвирепев.
Отважный, испытанный в битвах Горгин,
С ним встретится Эндериман-исполин.
С кипучим Биженом — Руин удалой,
От схватки их поле покроется мглой.
С Ахвастом — Зенге из земли Шаворан.
Воитель Кохрем из земли Яворан —
С Берте. С Форухелем — герой Зенголе,
У каждого тучею гнев на челе.
С отважным Хеджиром — силач Сепехром,
Чьи клики, что грозно грохочущий гром.

С Пираном — Гудерз, чей родитель Гошвад.
Все лютою жаждою мщенья горят,
Готовы померяться силой в бою.
За веру свою, за державу свою
Все рвутся в кровавый, воинственный спор,
И клятвой святою скреплен уговор:
«Сразимся, увидим, ждет гибель кого,
Кому небеса ниспошлют торжество».
Крутых два холма меж войсками. С них взор
Охватывал весь беспредельный простор:
С холма одного мог туранскую рать,
С другого — иранскую обозревать.
Меж ними широкое поле войны,
Где ратей победы и беды видны.
Гудерз повелел: «Из иранских бойцов,
Не знающих страха лихих удальцов,
Кто недруга в битве повергнет, тому
Со знаменем к ближнему мчаться холму».
И то же Пиран возглашает, призвав
Туранцев, на дальний им холм указав.
Вот подали знак удальцам выезжать
На поле: пора поединки начать.
Колчан и аркан, булава и булат
При каждом. И вот уже битвы кипят.
Тут диво стряслось. О мудрец, посмотри:
Турана храбрейшие богатыри
Внезапно лишились отваги и сил* —
Их с доблестью бранной Йездан разлучил.
А было ведь им булавой и мечом
Гранитные горы крушить нипочем!
Безвинную пролили кровь — не за то ль*
Познали бессилия горькую боль?
Избравшим стезю преступленья и зла
В тот день уготована кара была.

Сказал бы, опутали ноги коням,
Не сдвинуть их с места туранским бойцам,
И немощью каждый окован боец.
Так, видно, судил всемогущий творец!
И все же решаются выйти на бой,
Как храбрым пристало, поспорить с судьбой.
Готовы на поле губительных сеч
Костьми за державу и славу полечь.
Неистовой жаждою брани полны,
Помчались соперники к полю войны.
И сердцем почуял Пиран-исполин:
День черный настал для туранских дружин.
Таков уж от века изменчивый свод:
То счастье дарует, то горести шлет.
Но путь лишь один оставался — борьба.
Ждала лиходеев лихая судьба.

[*Битва Фериборза с Гольбадом*]

Сперва Фериборз, именитый герой,
Покинул иранских воителей строй.
С натянутым луком, душой закипев,
Навстречу Гольбаду он мчится, как лев.
Увидя, что стрел избежал супостат,
Воитель наотмашь заносит булат;
Кольчугу пробил закаленный клинок
И надвое грудь исполина рассек.
Повергнув соперника, мешкать не стал
Воитель, аркан от луки отвязал;
С убитого тяжкую сбросив броню,
Его взгромоздил он на спину коню;
Победою славу стяжавший на холм
Стремительней вихря несется верхом,
Взывая: «Да восторжествует наш вождь!
Врагов да сметет повелителя мощь!»

[*Битва Гива с Горуй-Зерехом*]

В бой вышел Горуй, разъяренный, как див*,
Пред ним — сын Гудерза, воинственный Гив.
Сразились; вновь копья взлетают, и вновь
Уж прах оросила багряная кровь.
Но вскоре обломки остались одни
От копий — столь яро сражались они.
И вот исполины за луки взялись,
Каленые стрелы, свистя, понеслись.
Мысль дерзкая Гива тогда обожгла:
Задумал живьем он Горуя с седла
Совлечь и связать, и к Хосрову везти —
Из стана туранцев дар новый везти.
Одним нападеньем стремительным лук
Он вышиб у недруга злого из рук.
Тот выхватил меч, но недремлющий Гив,
Своей булавою врага поразив,
Ему окровавил чело, и тотчас*
Он рухнул на землю, сознанья лишась.
Иранец, окончив победою бой*,
Горуя в седло посадил пред собой,
Связав крепко-накрепко руки ему,
И к оруженосцу везет своему.
Оттуда со стягом на холм он спешит
И кличем ликующим кручи крушит:
«Гудерзу, вождю-исполину, хвала!
Хосрову, страны властелину, хвала!»

[*Битва Сиямека с Горазе*]

Затем Сиямек из Турана в борьбу
Вступил с Горазе, испытуя судьбу.
За копья взялись, жаждой боя полны,

Как будто объятые буйством слоны.
Их ненависть неукротимая жжет;
За копьями палицы пущены в ход,
Молотят неистово по головам,
Ярятся герои, подобные львам;
Уста запеклись, и один и другой
Измучен, а все не кончается бой.
Вот спешились, рвутся в могучих руках
Друг друга сдавить, как в железных тисках.
И тут, налетевший подобно грозе,
Врага опрокинул и смял Горазе;
Так оземь, дробя ему кости, хватил,
Что витязь, поверженный, дух испустил.
И мертвое тело к седлу привязав,
За повод коня Сиямекова взяв,
Несется герой на вершину холма.
Сказал бы, прорезана молнией тьма.
В руке победителя реющий стяг,
В душе ликованье: пал дерзостный враг!
Спустился с коня и на шаха с высот
Йездановo благословенье зовет.

[*Битва Форухеля с Зенголе*]

Четвертой четой Форухель с Зенголе *
Схватились, как львы. На иранской земле
Средь лучших стрелков, попадающих в цель,
Такого не видели, как Форухель.
На недруга издали грозно взглянув,
Свой лук тетивой оснастив, натянув,
То справа, то слева он стал нападать,
В противника тучами стрелы метать.
Иранца стрела прилетела, звеня,
И разом пронзила бойца и коня.

Конь раненый рухнул, и рухнул герой,
Лицом пожелтел и поник головой.
Написано было ему на роду
На поле том встретить лихую беду.
Мгновенно с коня Форухель соскочил,
Булатом врага с головой разлучил,
И, голову ту приторочив к луке,
В седло возвращается снова. В руке
Узда Форухелева вихря-коня,
Добыча другая — туранца броня.
Весь кровью, что лев, Форухель обагрен,
К вершине холма устремляется он.
Победное знамя высоко парит,
И радостью сердце героя горит.

[*Битва Роххама с Барманом*]

Был пятым Роххам, сын Гудерза, и дан
В соперники витязю мощный Барман.
За луки и меткие стрелы взялись,
И клики стрелков далеко разнеслись.
Но луки сломались у богатырей;
Мечами разят. Копья молний быстрей
Мелькают. Неведом тем витязям страх,
Испытаны оба в жестоких боях.
И долго тянулась борьба. Наконец,
Роххам, закаленный в сраженьях боец,
Копьем замахнулся и что было сил
Его неприятелю в ногу вонзил.
Достигнута цель исполина была:
Туранец ничком повалился с седла,
И в спину затем пораженный копьем,
Его ощутил в самом сердце своем.
Истекшего кровью врага волочит

Роххам — за беду Сиавушеву мстит.
Убитого вниз головой прикрутив
К седлу, торжествующий клич испустив,
Вскочил на коня и помчался к холму
Со стягом, как велено было ему,
Спеша возвестить о победе своей
Во славу престола великих царей.
Звучат славословия богатыря
Царю Кей-Хосрову и роду царя.

[*Битва Бижена с Руином*]

Шестым был Бижен, Гива доблестный сын;
С ним бьется наследник Пирана Руин.
Натянуты луки, нет стрелам числа,
Но ни одного не задела стрела.
Тут с бронзовотелым Бижен удалой *
Стал бронзовой биться своей булавой:
Отъехав, коня горячить принялся;
С разбега, с размаха удар нанеся,
Руину шелом булавою пробил
И череп ударом ему раздробил.
И образ Пирана в нахлынувшей мгле
Мелькнул пред Руином. Качнулся в седле
И рухнул, забыв о боях, о пирах.
Не ложе под ним — окровавленный прах! *
Дней юных фиал не осушен до дна,
В погоне за славою жизнь отдана.
Увы, вероломен и лжив небосвод,
И часто паденью предшествует взлет...
Что див разъяренный, с седла соскочил
Бижен и врага с головой разлучил.
Пал витязь туранский на поле войны,
Могила и саван ему не даны,

И некому плакать о нем. Что слона,
Руина взвалил на его скакуна
Бижен и, схватив за поводья его,
Помчался на холм возвестить торжество.
Над стягом парчовым блестит голова *
Как будто бы прянуть готового льва.
Клич витязя слышен: «Да славится шах!
Да славится вождь, побеждая в боях!»

[*Битва Хеджира с Сепехромом*]

Седьмым был Гудерза возлюбленный сын —
Воинственный, зоркий Хеджир-исполин.
Соперник его — богатырь Сепехром,
Он в близком родстве с Афрасьябом-царем.
Прославлен молвой, высоко вознесен,
Меж витязей равных не ведает он.
Схватились, на поле сраженья примчась;
И тучею черною пыль поднялась.
Разя по броне, будто в темной ночи,
Огонь ослепительный мечут мечи.
Внезапно воитель иранский, что лев,
На недруга ринулся, рассвирепев.
Во имя Йездана, создавшего мир,
Во славу царя молодого Хеджир
Его поражает булатным клинком;
И смертью настигнутый вдруг Сепехром
С коня повалился. Весь кровью залит,
В пыли богатырь бездыханный лежит.
Тут, спешась и в дело пустивши аркан,
Врага на седло взгромоздил великан;
Схватив за поводья чужого коня,
Летит, своего что есть мочи гоня,
К холму; далеко его клики слышны

В честь шаха, во славу родимой страны.
За благоволенье небесных светил
Отважный создателя благодарил.

[*Битва Горгина с Эндериманом*]

Девятым на битву иранец Горгин
Выходит, с ним Эндериман-исполин.
Вот место для схватки избрали бойцы,
В сраженьях испытанные храбрецы.
Сразились на копьях, но вдребезги их
Сломавши, из луков огромных своих
Слать начали стрелы, и каждый притом
Себя прикрывал носорожьим щитом.
Свистящие стрелы все чаще — что град —
По медным щитам и шеломам стучат.
Одна на лету пробивает шелом
Туранца и метко сшивает с челом.
От боли в седле зашатался боец;
Вот новой он ранен стрелой. Наконец,
Ручьями из глаз его кровь потекла,
И рухнул воитель, сраженный, с седла.
С коня, легче ветра, Горгин соскочил
И голову Эндериману срубил;
К седлу приторочена мигом она.
Туранского взяв за узду скакуна,
Закинув свой лук за плечо, богатырь
Стрелой сквозь степную уносится ширь
К вершине, спасенный творцом от беды.
По милости царской счастливой звезды,
Врага удальцу одолеть удалось,
И знамя победное гордо взвилось.

[*Битва Берте с Кохремом*]

На битву с туранским воителем тем,
Чье имя, покрытое славой,— Кохрем,
Выходит Берте. Разъярясь, силачи
Индийские в дело пустили мечи.
Берте размахнулся, сквозь медный шелом
Соперника в темя ударив мечом,
Его пополам рассекает по грудь,—
Пал недруг, и можно свободно вздохнуть*.
Вот спешился витязь, на сердце светло;
Соперника труп водрузив на седло
И стяг развернув, с обнаженным клинком,
Коня, что покинут своим седоком,
Схватив за узду, полетел он к холму;
Лишь тигр уподобиться мог бы ему.
«Наш царь победил! — слышен голос бойца.—
Затмит он и солнце сияньем венца».

[*Битва Зенге с Ахвастом*]

Вот новый на битву идет исполин —
Зенге, Шаворана воинственный сын.
Соперник его, закаленный Ахваст,
Не ведает страха, сражаться горазд.
И каждый из них с булавою в руке.
Сошлись и схватились Ахваст и Зенге;
Без устали, яро разят смельчаки,
И все ж от победы они далеки.
Их кони ретивые изнемогли,
Не в силах и ног оторвать от земли.
Уж солнце в зените, зной пал на поля,
Что в горне металл — раскалилась земля.
И выбились оба героя из сил.

Иранец рукою едва шевелил,
Чуть жив и туранец. И тот, и другой
Сказали: «Становится тягостным зной.
Не лучше ли передохнуть и остыть
И с новыми силами в битву вступить?»
Расстались, коней отвели боевых,
В тени расседлали, стреножили их.
Срок минул, съезжаются витязи вновь,
Чтоб прах оросила багряная кровь.
Вот каждый из них, погоняя коня,
С копьем нападает быстрее огня.
Теснит супостата Зенге, изловчась,
Его в поясницу разит, и тотчас,
Качнувшись в седле, рухнул тяжко боец —
Такой был ему предначертан конец.
Сказал бы ты, степь раскололась. Что гром,
Звучит над поверженным богатырем
Клич гордый героя. С коня соскочив,
Недвижно простертого вмиг подхватив,
К седлу приторочил, и конь боевой
Мчит тело, повисшее вниз головой.
В тот день ни один из туранских бойцов
Не спасся от смерти; их жребий суров.
Со знаменем волчьеголовым в руке
К вершине холма устремился Зенге;
Примчался он, радостью лик озарен,
Вождя и властителя чествует он.

[*Битва Гудерза с Пираном*]

В борениях девять часов протекли,
Туранские витязи все полегли;
Повержены, скошены острым мечом,
А року, сказал бы ты, все нипочем.

Посмотришь, средь неги возрос человек,
Ниспослан ему продолжительный век,
Но жребий жестокий, прервав торжество,
На муки и смерть обрекает его.
Нас, в мир принесенных мгновеньем одним,
Уносит во тьму дуновеньем одним.
Напрасно душа справедливости ждет *,
Лишь горечь обиды она познает.
Мы молим, чтоб нам улыбнулся, помог,
А нас угнетает безжалостный рок.
Все ж гибель туранцам была суждена,
Недаром неправой была их война.
Воителей всех, защищавших Туран,
Погибшими видит смятенный Пиран,
И яростно он устремляется в бой
С Гудерзом, иранской дружины главой.
С неистовой жаждою мщенья в груди
Друг другу навстречу несутся вожди.
И вспыхнула злейшая сеча из сеч * ;
В ход пущены палица, петля и меч.
Пыль встала столбом от борьбы силачей,
Уж на небе меркнет сиянье лучей.
Но, видно, судил всемогущий Йездан,
Чтоб был пересилен Гудерзом Пиран.
Почуял он: силы подходят к концу
И понял: так было угодно творцу,
Свершается, неотвратим и суров,
Святой приговор властелина миров.
Все ж мужество не изменило ему,
Противится жребию он своему.
За луки и стрелы взялись храбрецы,
Двух ратей враждебных вожди-мудрецы.
Гудерза стрела — оперенный самшит,
Такой не преграда ни сталь, ни гранит *;

Летит и вонзается в сердце коню,
Мгновенно пронзив на ретивом броню.
Качнулся скакун, без дыханья, без сил
Упал и Пирана собой придавил,
Сломав ему правую руку. Но тот
С мучительно тяжким усильем встает;
Почуяв, что близится гибели срок,
Что нет избавленья ему, изнемог
И кинулся прочь от Гудерза. В тоске,
Усталостью мучим и болью в руке,
К вершине крутой устремляется он,
Надеясь, что враг не помчится вдогон.
Тут хлынул ручей из Гудерзовых глаз;
Душою превратных судеб устрашась,
Он мыслит: «Неверен, увы, никому
Рок злобный, жестокость по нраву ему!»
Окликнул иранец врага своего:
«О витязь, что сталось с тобой? Отчего
Бежишь от меня, словно лань от ловцов?
Где войско твое, предводитель бойцов?
Какая стряслась над тобою напасть?
Где сила и доблесть, богатство и власть?
Опора мужей, Афрасьяба оплот,
Ты видишь, не светит уж солнце с высот
Тому властелину. Уйти не стремись,
Уловкой от кары тебе не спастись.
Пощады проси, коль попал ты в беду,
К царю Кей-Хосрову тебя отведу.
Ты — витязь, как я, престарелый; простит
Твой грех победитель, тебя пощадит».
«Того да не будет,— вождь молвил седой,—
Чтоб был я постигнут подобной бедой!
Ужели, чтоб век свой печальный продлить,
У шаха я стану пощады просить?

На свет рождены мы для смерти. С тобой
В бой смертный вступил я, в решительный бой,
Мне ль сдаться? Говаривал некий мудрец:
Как счастлив бы ни был ты, все же конец
Земным твоим дням не преминет настать.
Что проку на жребий всесильный роптать?»
Вновь хочет напасть на Пирана-вождя
Иранец, но конной тропы не найдя,
Седло покидает, оружье берет;
Подобно ловцу, устремившись вперед,
Занесши свой дротик и выставив щит,
К вершине по склону крутому спешит.
Врага в отдаленье завидя едва,
Вниз прянул с утеса туранцев глава,
Кинжал, как из лука стрелу, запустил,
И сталью плечо исполину пронзил.
Лишь ранил седого Гудерза Пиран,
Тот, гневом безудержным вдруг обуян,
Свой дротик метнул и в Пирана попал,
Кольчугу стальную мгновенно прорвал
И сердце пробил исполину насквозь;
Тот рухнул, все мглою пред ним облеклось.
От крови пролившейся прах заалел,
Вслед душам соратников дух улетел.
Пал, схожий с могучим поверженным львом,
Воитель, пронзенный стальным острием.
Недолго на круче метался, затих,
Почил после подвигов бранных своих.
Таков круговратного свода закон,
Не внемлет ничьим увещаниям он.
Судьбины безжалостной не отвратить,
Под силу ей барса и льва закогтить.
На кручу взошел победитель: пред ним
Соперник на камне простерт, недвижим.

Растерзаны сталью и сердце, и длань,
И латы, в которых он мчался на брань.
Воскликнул Гудерз: «Именитый герой,
Лев доблестный, витязей вождь боевой!
Немало подобных и мне, и тебе
Мир видел, но кто не подвластен судьбе!»
Склонившись,— о диво! — кровь недруга он
Из раны испил, ею весь обагрен;
Всевышнего пламенно благодаря,
Оплакивал кровь Сиавуша-царя
И семьдесят павших своих сыновей.
Дождался дня праведной мести своей!
Хотел обезглавить врага, но не смог:
Воинственный, сердцем он не был жесток.
Вняв совести голосу, над головой
Врага водрузил его стяг боевой
И двинулся к войску, а кровь из руки
Все льется и льется, как воды реки.

[*Гудерз возвращается к иранскому войску*]

Покинули холм и к дружине своей
Направились десять иранских мужей,
И недруга мертвого каждый боец
Победно влачит. Супостатам конец!
Не видно меж витязей только вождя *.
Бойцы зарыдали, в смятенье придя:
Ужели повержен на склоне годов
Гудерз предводителем вражьих рядов?
Но что это? Движется — видят войска —
К ним знамя знакомое издалека.
Клич радости грянул. В литавры забив,
Пыль скачкою буйной до неба всклубив,
Встречают иранцы вождя своего,

Воспрянули духом, увидя его.
Но каждое сердце тревожит вопрос:
Не горе ль ему поединок принес?
Ведь доблестью львиной Пиран обладал,
В бою не едином Пиран побеждал.
Рассказ начинает дружины глава,
И слушает рать исполина слова.
Поведав, что сталось по воле судьбы,
Перстом указавши на поле борьбы,
Велит он Роххаму-бойцу поскакать,
Пирана, сраженного им, отыскать.
Не тронув кольчуги, не сняв кушака,
В доспехах, со знаменем тело врага
К седлу скакуна прикрутить и, в пути *
Ни мига не медля, к нему привезти.
Услышал веленье вождя и тотчас,
На холм крутобокий, как буря, примчась,
Нашел и в охапку убитого взял,
В доспехах, как был он, к седлу привязал
Арканом тугим, и обратно к мужам
С кровавою ношею скачет Роххам.
Увидя в руке его вражеский стяг,
Ликуют иранцы: повержен их враг!
И слышит хваления вождь боевой,
Защитник Ирана, воспетый молвой:
«Тебя, именитых героев оплот,
Да славят и звезды с небесных высот!
Ты с нами, бесстрашный, и в пору побед,
И в горькие дни поражений и бед».
Тут слово Гудерза-вождя раздалось:
«В недавнем сраженье нам тяжко пришлось.
Страшился я: из-за Джейхуна примчась,
Войска Афрасьяба пойдут против нас.
Их много, к тому же их силы свежи,

А наши от битв утомились мужи.
И мудрого мужа я с вестью послал
К царю, о сомненьях своих рассказал:
Мол, если Турана глава нападет,
В сраженье он силою нас превзойдет.
Я думаю, зову тревожному вняв,
Сюда подоспеет владыка держав *.
Храните кровавую ношу свою —
Противников, скошенных вами в бою;
Мы с ними предстанем пред шахом; падет
На долю нам слава тогда и почет.
Врагов бездыханных отраден нам вид *,
Душе Сиавуша он мир подарит.
Исчезло со смертью вождя навсегда
Все то, чем питалась двух ратей вражда».
Умолк и внимает приветствиям он:
«Век здравствуй на радость племен и времен!
Мудра твоя речь, сердце света полно,
Светлей и светилам сиять не дано!»
Помчались, Горуя с собою влача,
Повинного в тяжком грехе палача,
Связав ему руки арканом тугим,
Взнуздав ему шею арканом другим.
Вот стана достигли, и вышла встречать
Мужей победивших иранская рать;
Ее возглавлял Гостехем-исполин.
Склонясь пред Гудерзом, главою дружин,
Хваленья воздал и сказал он: «Взгляни
На наши ряды, невредимы они.
Каким ты мне войско оставил, таким
Его я сберег». Стал беседовать с ним
Гудерз умудренный. Донесся в тот миг
С вершины Рейбеда дозорного крик:
«Проснулась равнина, пыль встала над ней,

Литавры и трубы все ближе, слышней,
Их гулом и громом наполнена мгла.
Вся степь, ты сказал бы, в движенье пришла.
Трясется земля под могучим слоном,
Престол бирюзовый синеет на нем,
И кажется стягом сплошным небосклон —
Так много над войском пестреет знамен.
Крылатый Хомай водружен над одним *,
С разинутой пастью дракон — над другим.
Но вот, и величествен, и горделив,
Стяг новый явился, другие затмив.
Вокруг — верховые в доспехах стальных,
И кажется воздух лиловым от них.
Коль путь свой с такой же продлят быстротой,
С зарею мы встретим воинственный строй».

[*Леххак и Фершидверд оплакивают Пирана*]

Ту рать за иранским дозорным вослед
Увидел дозорный с горы Кенабед.
Вскричал он: «Коль тьма не застлала мой взор,
Коль зрения дар я сберег до сих пор,—
Напрасно терпели мы столько невзгод,
Шлет гибель туранским бойцам небосвод.
Победные клики сюда донеслись,
Враги устремились со стягами вниз.
Я вижу Пирана поверженный стяг,
И сам он в крови, погубил его враг.
Убиты и десять других удальцов,
С ним рядом сражавшихся наших бойцов.
Я вижу — тела обагренные их
Повисли за седлами недругов злых.
А там, за Рейбедом, уж пыли стена,
Подобно эбену равнина темна.

Грохочут литавры, кимвалы гремят *,
Нет войску числа. Различает мой взгляд
Над ним разноцветное море знамен,
И стяг кавеянский средь них вознесен».
Взглянули с холма Фершидверд и Леххак,
И вдруг обступил их отчаянья мрак.
Недвижным, поверженным видят его,
Великого брата, вождя своего,
С ним десять других побежденных вождей,
Туранской дружины храбрейших мужей.
И горестный слышится стон над холмом,
Два витязя плачут о брате родном,
Рыдая, взывают: «О славный герой,
Туранцев испытанный вождь боевой!
К чему послужили и доблесть и честь!
Судил тебе рок пораженье понесть.
Заклятый наш враг торжествует сейчас,
А ты, на позор обреченный, угас.
Кто ныне за гибель твою отомстит?
Кто знамя и дело твое защитит?
Турану, царю Афрасьябу беда!
Погибнут селенья, падут города.
Одно остается: себя поразить,
Сердца удрученные сталью пронзить».
Но вспомнив Пирана предсмертный завет,
Сказали: «Не станем безумствовать, нет!
Для битвы с врагом покидая свой стан,
Наказывал так Фершидверду Пиран:
Коль стану я жертвой жестокой войны,
От недруга, братья, бежать вы должны.
На поле сегодня, быть может, его
В сраженье решительном ждет торжество.
Конца не избегнет тогда ни один
Из славного рода Висе исполин.

Увидя, что их бездыханны вожди,
Поняв, что спасения нет впереди,
Отдастся на волю Гудерзову рать,—
Вам жизнью своею не должно играть.
Спасайтесь, в пустыню бегите! Тогда,
Быть может, вас минет лихая беда».
И вот уже витязи в стане своем,
Объятые скорбью, льют слезы ручьем.
От вести худой потемнел белый свет
В очах у туранцев: вождя с ними нет,
Грозит разоренье родимой стране.
Сердца исполинов от горя в огне,
Их страх пред грядущим терзает; и тут
К Фершиду они и к Леххаку идут.
Сказали: «Опору утратила рать,
Как с недругом станем теперь воевать?
Кто ж выйдет, надвинув железный шелом,
Искать одоленья в бою удалом?»
На эти слова Фершидверд и Леххак
Дружине туранской ответили так:
«Над кем не всесильна Йезданова власть!
Здесь жребий судил предводителю пасть.
С позором, в кровавых доспехах, влеком
Ликующим, неумолимым врагом,
На поле он встретил свой горький конец,
Прах ныне — и саван его, и венец.
Свершилось: нет больше Пирана в живых,
Развеялся след его дел боевых.
Дружины надежный и верный оплот,
Как часто ее от тяжелых невзгод
Спасал он, своей головы не щадя.
Достойнее не было в мире вождя!
Он будет, представ пред великим судом,
Причислен к благим, нет сомнения в том.

Когда выходил он с Гудерзом на брань,
Заботы отеческой отдал вам дань;
Сказал: „Поклянись, коли в битве паду,
Дружину мою ты не ввергнешь в беду,
Не станешь с ней биться, враждой обуян,
Ей дашь невредимой вернуться в Туран".
Своим обещаньям иранцы верны,
Не ждем вероломства мы с их стороны.
Открыты вам ныне три разных пути.
Подумайте все и которым идти
Решите, не мешкая: сдаться ли вам
В бою победившим иранским войскам;
На родину ль всем устремиться сейчас,
Пути все превратности встретить решась;
Для битвы ль поводья коней натянуть,
Вновь копья в иранскую кровь окунуть.
Решайте, хоть знаем, что все под конец
Свершится лишь так, как захочет творец.
Коль жаждете вы продолженья войны,
То на поле здесь оставаться должны.
Пиран подкрепленья просил у царя;
Тот, ярою жаждою мщенья горя,
Немалое войско построил; давно
В дороге и скоро примчится оно.
Но если родная влечет сторона,
Не будет дорога вам преграждена.
А коль о пощаде царя умолять
Задумали, время не должно терять.
Судьбу свою каждый пусть выберет сам.
Но если сдадитесь иранским бойцам,
От нас, от Пирановых братьев двоих,
Не ждите того же — наш гнев не утих.
Недаром в роду богатырском Висе
Все носят доспехи, воители — все.

Поступим мы, как завещал нам Пиран:
Пустыней помчимся обратно в Туран.
А если нам путь захотят преградить,
Мы станем врагов беспощадно разить!»
Так братья сказали, а ныне внемли
Словам, что воители произнесли:
«Наш вождь, именитый и доблестный муж,
В бою ниспровергнут, унижен. К тому ж
Хосров приближается с войском своим,
Рать наша не выдержит, дрогнет пред ним.
У нас ни казны, ни коней, ни мечей,
Ни военачальника, ни силачей,
Ни сил для борьбы, ни к спасенью пути —
К чему же на верную гибель идти?
Коль пустимся в бегство — Гудерз и Хосров
В погоню пошлют и бойцов, и слонов.
Тогда не спасется никто из мужей,
Отцам не увидеть своих сыновей.
Нам сдаться не стыдно, царю наш ответ:
Пусть рать велика, предводителя нет.
Да нам и не страшен теперь Афрасьяб:
Горсть праха и та не страшнее была б! *»

[*Бегство Леххака и Фершидверда*]

Два витязя, выслушав речи бойцов *,
Душой содрогнувшись от горечи слов,
Поверили в то, что измучена рать,
Невмочь без вождя ей борьбу продолжать.
В тоске распростились с дружиной родной
И в путь устремились далекий, степной.
У каждого ратное знамя в руках,
Отчаянье в сердце и слезы в очах.
И десять им вслед понеслись удальцов,

Искусных наездников, храбрых бойцов.
Меж тем беглецов на пути стерегли
Бойцы верховые иранской земли.
Туранцы спешат скакунов подхлестнуть,
Но им преградили дозорные путь.
Бой вспыхнул, и залиты кровью поля —
Сказал бы ты, в маках багряных земля.
И восемь иранских погибло мужей,
Отважных, воинственных богатырей.
Туранцы же все, кроме братьев двоих,
Убиты — в бою обезглавили их.
Лехxак с Фершидвердом от смерти спаслись
И степью, подобные львам, понеслись.
Тут с вышки иранской дозорного зов
Раздался: «Вы, цвет именитых бойцов,
Внемлите: два витязя вражьей земли
И воинов десять за ними ушли
От мести иранцев. Их встретил дозор,
И так завершился воинственный спор:
Повержены восемь иранцев, а двух
Туранцев несут скакуны во весь дух».
Гудерз-предводитель ответствовал так:
«Те два храбреца — Фершидверд и Лехxак.
Отдать им не терпится мщению дань,
Еще их сердца не насытила брань *.
И если достигнут Турана, тогда
Немало они причинят нам вреда.
Кто хочет у шаха почет заслужить,
Того призываю клинок обнажить
И голову шлемом румийским облечь,
И двух беглецов на погибель обречь».
Но молча внимают иранцы, они
Устали, нет мочи от тяжкой брони.
Один Гостехем отозвался: в боях,

Как лев, наводил он на недругов страх.
«Вождь рати, отмеченный славной судьбой! —
Сказал он,— как шел ты с туранцами в бой,
Мне вверил верховный шатер и кимвал,
Дружину свою возглавлять приказал.
Все славы искали в жестокой войне,
Лишь я оставался один в стороне —
Берег я свой подвиг для этого дня.
Верь, встретит врагов на пути западня!»
И радостью старый Гудерз осиян.
Тревогу забыв, гордо выпрямив стан,
Воскликнул: «О лев, о любимец светил!
Врага, что онагра, не раз ты когтил.
Вперед! Под защитой дарителя благ
Повергнешь и триста таких, как Леххак!»

[*Гостехем преследует Леххака и Фершидверда*]

И вот облачился в броню Гостехем,
Кого ни увидит, прощается с тем.
Дружину покинув, стремительно он
Пустился двум знатным туранцам вдогон.
И страшно за витязя близким: ему
Двоих не осилить в борьбе одному.
Меж тем Афрасьяб, полон тяжких забот,
В подмогу Пирану воителей шлет.
Те ринулись судна морского быстрей
И вскоре достигли Дагуйских степей.
Узнали, что нет уж Пирана в живых,
Что скошено столько вождей боевых,
И тут же в смятенье пустились назад;
В печали, в слезах к Афрасьябу спешат.
Услышал Бижен, что помчался стрелой
Двум недругам вслед Гостехем удалой,

И думает: верно, к Дагуйским степям
Теперь приближается он; как бы там
Свирепый Леххак с Фершидвердом вдвоем,
Напав, не покончили с храбрым вождем.
Седлает Бижен вороного коня,
К Гудерзу летит, что есть мочи гоня.
Как только седого вождя повстречал,
Во гневе, его укоряя, вскричал:
«О витязь, разумно ль из наших мужей
Любого, кто воле покорен твоей,
Без пользы на верную смерть обрекать
И после в их гибели рок упрекать?
Как тигры, несутся по степи сейчас
Те двое туранцев, бежавших от нас.
Знатнее героев не знает Туран,
Грознее не бились Хуман и Пиран.
На двух одному Гостехему напасть —
Не значит ли в битве безвременно пасть?
Победа для нас обернется бедой,
Коль будет сражен богатырь молодой».
Дед, выслушав внука и видя, что он
Лишился покоя, тревогой пронзен,
Постиг, что его справедливы слова.
И тут же дружины иранской глава
Воителей храбрых на подвиг зовет:
Кто хочет, мол, славу снискать и почет,
Вослед Гостехему пускай поспешит
И вместе с отважным врагов сокрушит.
Но муж ни один не ответил на то:
Устали, сражаться не в силах никто.
Бижен восклицает: «Забота моя
Спасти Гостехема, ведь с ним мы друзья!
Других ты охотников сыщешь навряд:
Воители жизнью своей дорожат.

Помчусь на подмогу, товарища жаль!
Нет мочи, мне сердце терзает печаль».
«О юноша,— слышен Гудерза ответ,—
Неопытен ты, горячиться не след.
Победу мы здесь одержали давно ль?
Уйми же тревогу, душевную боль!
Поверь, одолеет твой друг беглецов,
Лишатся они и голов, и венцов*.
Наездника я удалого найду,
Помчится, как яростный лев, и в беду
Не даст он попасть Гостехему: вдвоем
Расправятся витязи с лютым врагом».
Бижен восклицает: «О войска отец,
Муж доблестный, великодушный мудрец!
Живому в беде на подмогу приди,
Пока он с душой разлучится, не жди.
Ведь может погибнуть в бою Гостехем,
Тогда уж ему не поможешь ничем.
Дозволь мне походный кушак затянуть*,
На помощь соратнику двинуться в путь.
А если того не дозволишь, клянусь,
Булатным кинжалом своим заколюсь.
Я гибель его пережить бы не смог.
Молю, не ищи для отказа предлог!»
Ответ был: «Сбирайся же в путь поскорей,
Когда не жалеешь ты жизни своей,
За витязем без передышки скачи.
Не сыт еще битвой? И днем, и в ночи
Терзаешь ты сердце отцу своему,
Знать, нет у тебя состраданья к нему!»
Гудерзу Бижен отдал низкий поклон*
И прочь устремился, душой возрожден,
Воскликнув: «Мне гору смести нипочем,
Не мне отступать перед вражьим мечом!»

[*Бижен догоняет Гостехема*]

Седлает Бижен боевого коня,
Затянут кушак и надета броня.
До Гива дошло, что понесся и он
Вдогон Фершидверду, Леххаку вдогон.
И Гив, на своем быстроногом тотчас
За доблестным витязем следом помчась,
Настиг удальца. За узду ухватив
Коня вороного, так вымолвил Гив:
«О сын мой, не раз я тебя наставлял,
Но ты увещаньям отцовским не внял;
Ни мига покоя не хочешь мне дать.
Куда столь стремительно мчишься опять?
Опомнись, в пучину губительных бед
Меня не ввергай ты на старости лет!
Потомства мне, кроме тебя, не дано,
Отцовское сердце тревоги полно.
Без устали десять уж суток верхом
На поле ты бьешься с заклятым врагом.
Грудь латы натерли, шелом тяготит,
А все еще кровью ты вражьей не сыт.
Творец нам победу помог одержать,
Должны мы покой и веселье вкушать.
Ты ж снова играешь своей головой,
В безумье на меч понадеявшись свой.
Кто жизни бесценной не хочет беречь,
Себя пораженью лишь может обречь.
Что рвешься ты смерти навстречу? В свой час
Настигнет она неминуемо нас.
От дерзкой затеи, во имя творца,
Молю, отступись, полно мучить отца!»
В ответ услыхал он: «Нет, слов не таких,
О мудрый, из уст ожидал я твоих.

Ужели, минувшие дни позабыв,
Отвергнуть захочешь ты чести призыв?
Подобным речам справедливость чужда.
Забыл ты Ладенскую битву, когда
Так много свершил для меня Гостехем? *
На поле сраженья делились мы всем —
И горем, и счастьем. Но если творец
Мне гибель готовит, сам знаешь, отец,—
Конца осторожностью не отдалить.
К чему ж пререканья бесплодные длить?
Пусть гибель грозит мне — тебе все равно
Решенье мое отменить не дано».
«Коль в этом упорствуешь,— вымолвил Гив,—
Мне лучше, невзгоды твои разделив,
В беде и удаче быть рядом с тобой,
Когда разгорится решительный бой».
«Как! — сын восклицает,— троим храбрецам,
Трем славным, высокорожденным бойцам
Нестись двум туранцам напуганным вслед
Столь долгим путем? Не согласен я, нет.
Клянусь Кей-Хосровом, великим царем,
Гудерзом, прославленным богатырем,
Святой Сиавушевой кровью клянусь —
Воротишься ты, я на бой устремлюсь.
Согласья от сына не жди ты в ответ,
Когда налагаешь на подвиг запрет».
Речь выслушав эту, был вынужден Гив
Смириться, отважного благословив:
«Победой твоя да окончится брань,
Сразив ненавистного, духом воспрянь!»
И мчится Бижен Гостехему вдогон,
Страшась, как бы не был соратник сражен.
Меж тем, очутясь перед бурной рекой,
Спешат перебраться на берег другой

Два брата. За час семь фарсангов пути
Промчались, стремясь от погони уйти.
Вот рощи достигли Леххак и Фершид,
В тени благодатной источник журчит,
Манит истомившихся богатырей;
Немало в той роще и птиц и зверей.
Там братья решили устроить привал.
Вот каждый к живительной влаге припал
И, жажды огонь утолив, ощутил *
Нужду в подкрепленье слабеющих сил.
Отрадой душа иль печалью полна,
Но пища всегда человеку нужна...
Охотиться стали, и дичь без числа,
Сраженная стрелами их, полегла.
Костер разгорелся, и вскоре они
Насытились и растянулись в тени,
Почувствовав тяжкой усталости власть,
Не знают, что близится злая напасть.
Леххак-богатырь первым веки смежил,
А бдительный брат его сон сторожил.

[*Битва Гостехема с Леххаком и Фершидвердом*].

Уж за полночь, скрылась за тучей луна *,
Покоится витязь в объятиях сна.
К пристанищу двух беглецов между тем
Приблизился вождь удальцов Гостехем.
Скакун исполина, учуяв коней,
Заржал, полетел урагана быстрей,
И конь резвоногий Леххака сквозь тьму
Неистовым ржаньем ответил ему.
Тут, с места вскочив, устрашенный Фершид
К уснувшему крепко Леххаку спешит,

Взывая: «От сладкого сна пробудись,
С бедою нагрянувшей смело сразись!
Припомни речения древних вождей:
Храбрец, ускользнувший от волчьих когтей,
Приют отыскав, пусть не дремлет и там —
Ведь гонится гибель за ним по пятам.
О сне и покое теперь позабудь,
Не то перережут нам недруги путь».
И вновь беглецы оседлали коней,
Поляну покинули, вихря быстрей.
По степи пустой, пред бедой трепеща,
Летят, озираясь, спасенья ища.
Но вот Гостехем появился вдали,
Один, без соратников, скачет в пыли.
Когда разглядели того удальца,
Душою воспрянули два беглеца
И так меж собой говорят: «Исполин
В погоню за нами несется один;
По ветру его развевается стяг,
То, знать, Гостехем, именитый смельчак.
Нам незачем бегством спасаться, пусть нас
Настигнет он, степью широкою мчась.
Мы сами сразим Гостехема, когда
Не сгубит нас злобного рока вражда».
Сказали и дальше помчались; меж тем
Упорно преследует их Гостехем.
Пространство стремительно преодолев,
Вскричал богатырь, разъярясь точно лев.
Осыпал он витязей тучею стрел.
Когда ж на него Фершидверд налетел,
Мечом его тотчас герой поразил,
И, кровью облившись, тот рухнул без сил.
Так в битве жестокой нашел свой конец
Из рода Висе богатырь-удалец.

Лик брата увидел и понял Леххак:
Вовек уж не будет сражаться смельчак.
Темнеет в глазах, сердце гложет тоска.
Нет брата-соратника, нет вожака!
Воителю жизнь опостылела вдруг;
Тугой тетивой оснащает он лук,
Шлет стрелы в противника меткой рукой,
А слезы горячие льются рекой.
В ответ ему дождь Гостехемовых стрел
Несется. Хоть каждого меток прицел —
По-прежнему неуязвимы стрелки.
Тут пущены в дело стальные клинки.
И вот, изловчившись, в бою, наконец,
Леххака осилил иранский храбрец.
Узду натянул он и что было сил,
С разбега, с размаха врага поразил;
И с плеч голова покатилась, как мяч,
Човганом подброшенный. Плачь иль не плачь* —
Таков своевольного рока закон:
Нас вырастив, косит безжалостно он;
Ждешь тьмы непроглядной — а вдруг рассвело,
Ждешь радости — бедствие подстерегло.
Врагов одолевший герой изнемог,
Почти бездыханен и кровью истек,
В седле еле держится, стонет, гоня,
Усталого, полуживого коня.
Вдруг рощу воитель увидел вдали
И к ней поспешил, весь в крови и пыли.
Коня привязав, отыскал он родник
И жадно к живительной влаге приник.
Он пил и Йездана хвалой осыпал
И после, подкошенный болью, упал
В прибрежные травы; там лежа ничком,
Израненный острым булатным клинком,

Взывает: «Молю, милосердный творец,
Бижен ли отважный, другой ли храбрец
Из стана родного на помощь ко мне
Пусть вихрем примчится на быстром коне,
Живым или мертвым с собою возьмет,
До стана иранских бойцов довезет.
Пусть каждый узнает: не дрогнул в бою,
Сдержал я священную клятву свою».
До света стенал, не смыкая очей,
От мук извиваясь, как раненый змей.

[*Бижен находит Гостехема*]

Лишь встал над долиною солнечный лик,
Бижен отдаленной долины достиг,
Объехал тенистую рощу и луг,
Ища, не найдется ль потерянный друг.
И вскоре увидел он издалека
Коня быстроногого без седока;
Узду по земле волочит вороной
И прядает тигром средь шири степной.
Сползло боевое седло скакуна,
Поводья в крови и в крови стремена.
Разнесся, подобный рычанию львов,
Бижена отчаянный, горестный зов:
«О где ты, испытанный друг боевой,
Укрытый от взора густою травой!
Откликнись: какой пред тобою силок *
Раскинул не знающий жалости рок?
Я сломлен и сердце разбито — страшусь,
Не выдержу горести, жизни лишусь».
К ручью поспешил он по конским следам
И видит товарища милого там.
От мук изнывая, лежит он ничком,

Окрашены кровью броня и шелом.
Бижен торопливо с коня соскочил,
Героя в объятья свои заключил,
Слегка приподняв, снял шелом и кафтан;
Страдал Гостехем от зияющих ран,
Лишенных повязок; ужасен их вид,
Должно быть, несчастному гибель грозит.
Смертельная бледность покрыла чело —
Немало ведь крови из ран утекло.
И слезы Бижена струятся рекой,
Твердит он, терзаемый тяжкой тоской:
«О доблестный, великодушный мой друг!
Напрасны усилья, ты гибнешь от мук.
Мне должно бы раньше сюда доскакать,
Скорее на поле тебя отыскать,
В час трудный тебе пособить, исполин,—
Ведь ты с Ахриманом сражался один.
Добился теперь своего супостат
И тешится, радостью злобной объят».
Плач друга услыша, воитель вздохнул
И с тяжким усильем уста разомкнул:
«Мой верный товарищ, не плачь, не вздыхай,
Себя, неповинного, не упрекай.
Мне горе твое горше смерти моей.
Покрой же мне голову вновь поскорей,
О средстве подумай, мне верность храня,
К царю Кей-Хосрову доставить меня.
О если бы только я счастья достиг
Вновь свидеться с добрым владыкой владык!
Не дрогнув, я встретил бы гибель затем:
В земле нам уснуть предначертано всем.
О мудрый, умершим того не считай.
Кто гибнет со славой за милый свой край.
А недругов павших, которым творец

Рукою моей уготовил конец,
К седлу приторочь и Хосрову доставь,
Иль здесь именитых мечом обезглавь
И головы их и доспехи тотчас
Иранцам доставь: пусть услышат рассказ
О гибели вражьей. Пусть ведает шах,
Что я не напрасно повергнут во прах,
Что смело с судьбою в борьбу я вступал,
В бою не с позором — со славою пал».
Затем указал, где Турана бойцы,
Принявшие смерть от него беглецы,
И тут потерял он сознание вдруг.
Бижен зарыдал, сердце стиснул испуг.
Пригнав скакуна, сняв попону с него*,
Он ложе для друга постлал своего,
Поспешно рубаху свою изорвал
И раны кровавые перевязал.
Вскочив на коня, устремился в слезах
На холм; от печали темнеет в глазах.
Вгляделся и нескольких он вдалеке
Туранцев увидел. Во гневе, тоске,
За жизнь удальца дорогого страшась,
За ними в погоню пустился тотчас;
Из них, помертвевших, лишившихся сил,
Он двух закаленным булатом сразил.
Сорвал сыромятную петлю с луки
И, молниеносным движеньем руки
Метнув ее, третьего петлей поймал,
Но пленнику этому жизнь даровал,
Помощником сделав. Помчались вдвоем
Туда, где Леххак с Фершидвердом-вождем
В бою полегли. Доскакали, глядят:
В крови рядом с братом поверженный брат.
Поодаль, своих седоков лишены,

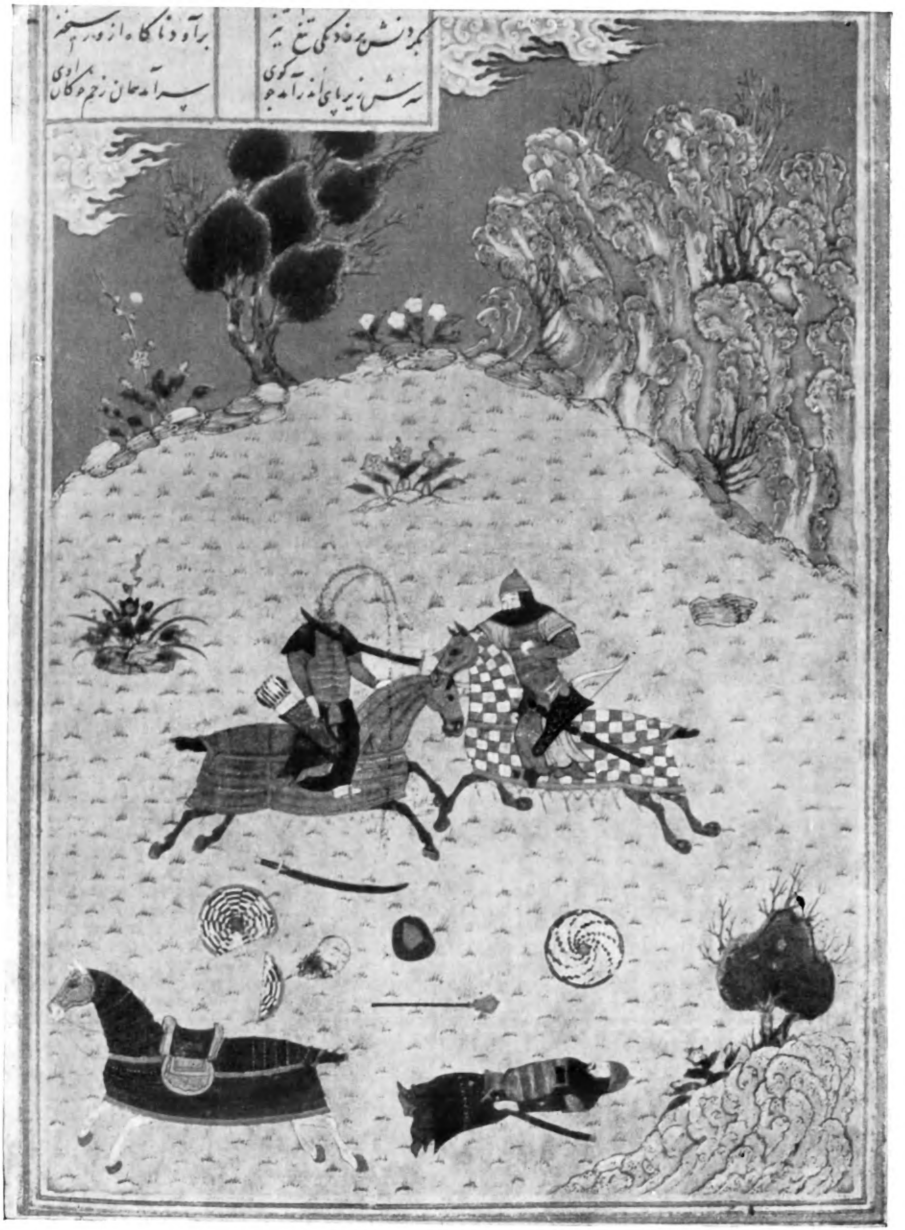
Пасутся ретивые их скакуны.
Герой победил, как везде побеждал!
И честь победителю витязь воздал.
Туранцу он сесть на коня повелел.
Взвалили чету окровавленных тел
На спину другого коня и затем
Туда понеслись, где лежал Гостехем.
Над другом склонившись, его подхватил
Бижен, пред туранцем в седло усадил,
Везти повелев осторожно его,
И тронул потом скакуна своего.
И ночью и днем продвигаясь вперед,
Товарищу витязь хвалу воздает,
Его уповая доставить живым,
Но жгучей тревогой он втайне палим.

[*Кей-Хосров хоронит Пирана и туранских вождей и казнит Горуй-Зереха*]

Дня нового девять часов пронеслось,
И вот уже солнце в зенит поднялось.
Увидели воины царственный лик —
Дружине явился владыка владык.
Навстречу венчанному, спешась, пришли
Мужи-исполины иранской земли;
И слышит владыка хвалений слова:
«О царь-миродержец, мудрейших глава!
Ты — силою слон, а душой — Джебраил *,
Щедрей, чем весенняя туча и Нил».
Воителям царь отвечает хвалой *:
«Край славится вашей семьей удалой!»
В седле оставался великий Хосров,
А мимо скакали ряды удальцов.
И строй замыкая, неслись позади
Достойный Гудерз и другие вожди —

Битва Гудерза с Пираном

Рукопись хранится в библиотеке дворца Гюлестан (Тегеран)



Битва Гостехема с Леххаком и Фершидвердом

Рукопись хранится в библиотеке Королевского азиатского общества (Лондон)

Все десять воинственных богатырей;
Со славой они к властелину царей
Вернулись в кровавых доспехах своих*;
За седлами — головы недругов злых.
Лишь только Хосрова Гудерз увидал,
Он спешился, ниц пред владыкою пал.
И жаркую слышит хвалу властелин
Из уст предводителя славных дружин.
Услышал рассказ венценосный Хосров
О подвигах неустрашимых бойцов.
И вот уже Гив, жаждой мести горя,
Горуя поверг перед троном царя.
Увидя убийцу, венчанный Хосров
Вздохнул тяжело; пред владыкой миров
Колена, покинув седло, преклонил,
Его за победу возблагодарил,
И царского благословенья слова*
Рать слушает, слушает рати глава:
«О витязи храбрые, дух ваш велик!
Вы — пламень, а враг перед вами — тростник.
Гудерзова рода бойцы, за меня
На бой вы летели быстрее огня.
Вы смерти навстречу бестрепетно шли,
Беде и позору Туран обрекли.
Полцарства отдам вам; для храбрых мужей
Не жаль мне, клянусь, и десницы моей».
Взглянув на убитых, увидел Хосров
Средь них предводителя вражьих рядов.
Припомнил тогда опечаленный царь
Благие деянья, свершенные встарь
Пираном, душа состраданьем зажглась,
И слезы кровавые льются из глаз.
«Воистину, думает, рок — что дракон,
Проглотит и тигра могучего он.

Того ни отвага ни мощь не спасут,
Над кем он творит свой безжалостный суд.
Пиран именитый, любовью ведом,
Без устали пекся о благе моем;
Тяжка ему смерть Сиавуша была,
Чинить не хотел он безвинному зла.
Был добр, милосерден, а стал палачом,
Иран обездолил огнем и мечом.
Озлобился, преобразился Пиран,
Коварный его совратил Ахриман.
Советы благие вождю я давал,
Но тщетно безумного увещевал,
Остался он верен злодею-царю.
И вот воздаяние богатырю!
Иначе его я мечтал наградить,
В венце на престол помышлял посадить,
Но наши мечты не берутся в расчет,
Судил, знать, иное вертящийся свод!
Злонравью поддался Пиран на беду,
Он дружбу и мир променял на вражду,
Дал в сердце проникнуть жестокости, сам*
Отраву подлил в животворный бальзам;
Надменно отринул мой дружеский зов,
Советы Гудерза и славных послов;
Собрав свои полчища, вооружась,
Внезапно войною пошел против нас
И многих иранцев сразил, но, увы,
И сам от Гудерзовой пал булавы;
Пожертвовал братьями, сыном, казной,
Оружием, войском, родною страной,
Во имя владыки сам ринулся в бой —
И вот беспощадною скошен судьбой».
Потребовал царь благовоний и трав;
Сок розы и амбру с кафуром смешав,

Душистую к смеси добавил траву
И тело вождя умастил и главу;
Румийской парчою Пиран облачен,
Вражда позабыта, противник прощен*.
Гробница богатая возведена,
Главою небес достигает она.
Ему и другим именитым мужам
Навек опочить предназначено там.
Покоится вождь на престоле, на нем
Богатый кушак, богатырский шелом.
Паденьем наш каждый кончается взлет.
Увы, вероломен вертящийся свод!
Причудам его не бывает конца,
Не могут они не дивить мудреца.
Затем за неслыханный, черный свой грех
Услышал проклятие Горуй-Зерех.
Взирая на злого урода того,
На звероподобные космы его,
С мольбою к Йездану взывает Хосров:
«Всеведущий, мудрый владыка миров!
Должно быть, Кавус пред тобой согрешил,
Тебе неугодное, верно, свершил,
Коль сына его осудил ты во власть
Столь гнусному, злобному диву попасть.
Но ты, о премудрый, благой судия,
Мне дашь отомстить, в это верую я,
Виновнику зла — Афрасьябу-царю.
Поныне я жаждою мщенья горю!»
Велит он Горуя жестоко пытать,
Все вытянуть жилы и плетью хлестать,
Когда же придут истязанья к концу,
Его обезглавить, как будто овцу,
Потом утопить. Восклицает Хосров:
«Да будет и рок Афрасьяба таков!»

(Туранское войско сдается Кей-Хосрову)

Хосров, обозрев победившую рать,
Спешит упованья бойцов увенчать:
Достойнейших щедрой рукой одарил,
Уделами княжьими их оделил.
Гудерзу-вождю во владение дан
Град стольный, прославленный град Исфаган.
И прочие из государевых рук*
Наград удостоились в меру заслуг.
Остатки туранских дружин боевых,
Лишившись вождя, возглавлявшего их,
Задумали сдаться. К Хосрову пришел
От воинов тех умудренный посол,
Сказал: «Нас рабами своими сочти,
Вовек твоего не покинем пути.
Без воли творца волоску не упасть,
Дракону и то не сомкнуть свою пасть.
Сам ведаешь, кто мы, владыка благой,
И что нас идти принуждало на бой.
В убийстве свершенном повинны не мы,
То царь Афрасьяб, духу злобы и тьмы
Поддавшись, царя Сиавуша убил,
Страх божий и стыд пред людьми позабыл.
Мы в горе с того злополучного дня,
Льем жгучие слезы, убийцу кляня.
В Туране, изведавшем столько невзгод,
Не молкнут стенания вдов и сирот.
Отцы — без сынов, сыновья — без отцов...
Народа туранского жребий суров.
Сюда не своею мы волею шли,
Не ради захвата иранской земли;
Губительна с войском Ирана война,
Нам пасти дракона страшнее она.

Помилуй, дозволь обездоленным жить,
Мы станем тебе неустанно служить.
Достойных стоять за тебя, властелин,
Немало мужей среди наших дружин.
Пришли мы, чтоб ниц пред тобою упасть,
Тебе, повинившись, отдаться во власть.
Мы — грешники, ты — повелитель, и твой
Принять приговор мы готовы любой.
Коль в сердце ты злобу таишь против нас,
Вели, как врагов, обезглавить сейчас.
Но жизнь даровав, обретешь в нас друзей,
Во всем покоримся мы воле твоей».
Услышав смиренные эти слова,
Почувствовал жалость Ирана глава.
Туранцам приблизиться он приказал,
И каждый к ногам повелителя пал,
И каждый кровавые слезы струит,
А в сердце щемящая горечь обид.
Тут взоры Хосров к небесам обратил,
Воззвал, прославляя дарителя сил:
«Так вот она, нам угрожавшая рать,
Иран возмечтавшая завоевать,
Губительным ядом его затопить,
Защитников славных его погубить!
Но дерзостных ты покарал, мой творец,
И мощи, и славе их прежней конец!
Надежды к тебе одному обращу,
На свете опоры иной не ищу.
Дошли золотые слова до меня,
Царь некий изрек их, садясь на коня:
„Победа ль мою увенчает борьбу*,
Усну ли навеки в сосновом гробу,
На клочья ли тигры меня раздерут,
Свирепые ль коршуны в поле пожрут —

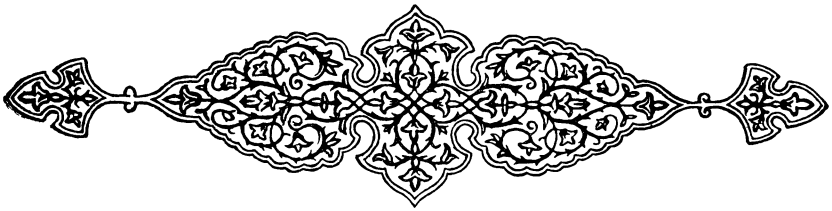
На что б провидение ни обрекло,
Престол я отныне сменю на седло".
За грех вас карает безжалостно рок,
Разумный того отрицать бы не мог.
Но вашу не стану я кровь проливать,
Я вас к примиренью желаю призвать.
Вы все под защитой моей с этих пор,
Забыть обещаю минувший наш спор.
Кто хочет остаться — останется, он
Здесь благо найдет для себя, не урон.
А кто не захочет — к царю своему
Вернется, мешать я не стану ему.
Меня от тяжелых лишений и нужд
Избавил Йездан, а корысти я чужд».
Согреты теплом государевых слов,
Снимают воители шлемы с голов —
Признали владыки победную длань;
Лев, ярости полный, стал кротким, как лань.
Оружье собрать повелел Кей-Хосров —
Мечи, булавы и секиры бойцов.
Из шлемов румийских, из конской брони
Огромную гору воздвигли они,
Ограда вокруг из знамен боевых —
Лиловых и огненных, и голубых.
И все, преклонясь пред Хосровом-царем,
Клянутся: «Доколе на свете живем,
Мы верные, честные слуги твои,
Навек благодарные други твои».
Хосров, справедливый владыка царей,
Пришедших с повинною богатырей
Помиловал, прошлое все им простил
И всех восвояси затем отпустил.

[*Бижен возвращается с Гостехемом*]

Услышали в стане — с вершины кричит
Дозорный: «Пыль встала от конских копыт.
Три тела недвижных несут скакуны,
И двое наездников с ними видны».
Дивятся Ирана бойцы; стар и млад
Все вдаль в нетерпенье великом глядят:
Мол, кто из воителей вражьей страны
Дерзнул воротиться на поле войны?
Но видят — то с луком несется Бижен,
С ним едет туранец, захваченный в плен,
В объятьях держа Гостехема-бойца*;
Конь рядом бежит, два на нем мертвеца —
Леххак с Фершидвердом в крови и в пыли,
И свесились головы их до земли.
Увидя высокий престол и венец,
Склонился до самой земли удалец,
Горячей хвалой величает царя.
Царь молвил, приветствуя богатыря:
«О витязь, которым гордятся мужи!
Куда совершил ты поход, расскажи».
Тогда Кей-Хосрову поведал смельчак,
Как пали враги — Фершидверд и Леххак —
В бою с Гостехемом, как тяжко пред тем
Изранен был ими и сам Гостехем.
Желанье одно у героя того,
И шаху нетрудно исполнить его:
Царя умирающий жаждет узреть,
Не жаль ему будет потом умереть.
Оплакав страдальца печальный удел,
Внести Гостехема Хосров повелел.
Страданье стеснило несчастному грудь,
Казалось, не в силах он даже вздохнуть.

Лишь близость владыки боец ощутил,
С усилием взоры к нему обратил,
От радости плача. Кровавый ручей
Пролился в ответ из царевых очей.
Рыдают и верные слуги царя,
В горниле печали душою горя.
Хосрову бойца именитого жаль,
В сраженьях он был, что каленая сталь.
Потомку Хушенг, Тахмурес и Джемшид*
Оставили средство, что раны целит.
Заветный таинственный тот амулет
Носил, не снимая, Хосров много лет.
Но тут, Гостехема жалея, любя,
Царь снял амулет чудотворный с себя,
Надел на героя с молитвой святой
И к ранам его прикоснулся рукой.
Царь много туранских, индийских врачей,
Китайских, иранских, румийских врачей
Держал у себя для подобного дня,
Познания мудрых в запасе храня.
Заботам врачей он героя вручил
И снова молитву над ним сотворил,
Потом удалился; и долго Хосров,
Простершись, молился владыке миров.
Прошло две недели, и с ложа храбрец
Поднялся, от мук исцелясь наконец.
Предстал пред царем на коне исполин;
Воскликнул, увидя его, властелин:
«Прославим того, кто с небесных высот
Нам, смертным, удачи и радости шлет.
Йездану хвала! Повелитель светил
День счастья утратою не омрачил.
Не знанья врачей, не щедроты владык —
Йездан исцеляет, он мудр и велик».

Он в руку Бижена, его подозвав,
Вложил Гостехемову руку, сказав:
«Творцу ты обязан удачею сей,
Ее не приписывай силе своей.
Он верный оплот от напастей и бед,
Другого у нас избавителя нет.
Ведь он воскресил Гостехема-бойца,
Коль можно и впрямь воскресить мертвеца».
Сказал Гостехему: «Бижена в беде
Познал ты — нет друга вернее нигде.
Он сил не щадил, сострадая, любя,
Тем в мире навеки прославил себя».
Царь щедрой рукой одарил храбрецов,
В Рейбеде семь дней оставался Хосров.
Оттуда во все полетели концы
К вождям и владыкам царевы гонцы:
Мол, вас в боевом снаряжении жду,
На лютого тигра войною пойду...
О том, как прервались Пирановы дни,
Поведав, ты ныне сказ новый начни.
Прозрачною, звонкою россыпью слов
О том расскажи, как венчанный Хосров
Сразил Афрасьяба, настигнув его,
И как ему тяжко далось торжество...
Пока не настиг тебя смертный конец*,
Будь весел, живи беззаботно, певец!



[*ВЕЛИКАЯ ВОЙНА КЕЙ-ХОСРОВА С АФРАСИАБОМ*]

[*Восхваление султана Махмуда*]

Да благословит всемогущий Йездан*
Владыку, которым престол осиян,
Владетеля доблести, славы, казны,
Венца и меча, и доспехов войны!
Хоть стонет казна от царевых щедрот,
Все множится счастье, величье растет.
От моря до моря раскинул он рать,
Весь мир осеняет его благодать.
Уж золота не отыскать в рудниках,
Все роздал десницею щедрою шах.
В сраженьях создатель хранит его сам,
Сокровища вражьи дарит он друзьям.
Казны не жалеет в разгаре пиров,
Себя не жалеет в разгаре боев.
Когда завоевывать земли идет,
Суд страшный, ты скажешь, тогда настает.
Но сыплет ли жемчуг, идет ли войной —
Все думы о доброй лишь славе одной.
В дни мира он щедрого моря щедрей,
В дни битв — солнцеликий он лев меж царей
Зову я в свидетели воду и прах,
И света могучий родник в небесах,

Что нет ему равных меж славных владык —
Столь доблестен он и душою велик.
Когда бы он милостью гнев не смягчал,
То звезды бы гневом своим омрачал.
Герой он и полчищ водитель таких,
Что ветру и то не пробраться меж них.
Семь сотен слонов он за войском ведет,
Йездан с Джебраилом — владыки оплот.
Князья именитые каждой страны
Встречать повелителя данью должны.
Кто дань не заплатит — заплатит страной,
Престолом и княжьим венцом, и казной.
Но каждый покорность готов принести,
Владыке столь славному верность блюсти.
В дни мира, как солнце, он светит стране,
С горой броненосною схож на войне.
О доблестном Абулькасиме молва*
Не молкнет: онагра он вырвет у льва!
Сильнейших, храбрейших воителей в страх
Ввергает Махмуд, закаленный в боях.
Щедроты, как туча, он сыплет с высот*,
Им, славным, гордится кружащийся свод.
Лик лунный венчая звездою своей,
Да здравствует он до скончания дней!
Земля да вовек не расстанется с ним!
Прославился он правосудьем своим,
Мужами совета, пирами, казной
И войском, и силою духа стальной.
В стране водворил он порядок и лад;
Отныне дарован ей мудрый уклад,
Который века прославлять будет свет,
Его возглавлять призван Наср-бин-Ахмед*.
Никто не имел из великих царей
Наместника праведней, зорче, мудрей.

А мудрость великим куда как нужна!*
При Насре не ведает горя страна,
Он милостив, чистосердечен и прям,
Привержен Йездану и предан царям.
Под сенью щедрот безграничных его
Плоды соберу я труда своего.
Я песню сложил о годинах былых,
Оправил преданья правдивые в стих.
Я чаял: динары, величье, почет
Мне труд мой на старости лет принесет.
Мне грезился царь, чья раскрыта рука,
Чья щедрость не знает ключа и замка,
Собою престол украшающий царь*,
Величьем души поражающий царь,
Чья мощь укрепляла бы веру и трон,
Кем был бы кеянский венец озарен,
Кто шел бы стезей непрерывных побед,
Чья мудрость на все находила б ответ,
Чья мысль освещала бы разуму путь,
Познав бытия сокровенную суть,
Кто б мирных людей ограждал от невзгод
И только в Йездане искал бы оплот.
В мечтаньях таких шестьдесят пять годов
Я прожил, изведав лишь горечь трудов.
Да, пять протекло сверх шестидесяти,
И скоро уж время в могилу сойти*.
Лик, прежде румяный, стал бледен и хмур*
И мускус волос обратился в кафур,
Согнулся от старости стройный мой стан,
Глаза пеленой застилает туман.
В те дни, как минуло мне пятьдесят семь*,
Прощался я с юностью, грустен и нем.
И свыше тогда мне послышался зов,
Избавивший душу мою от оков:

«Искатели славы на этой земле,
Все те, кто взывал к Феридуну во мгле!
Второй Феридун появился, и он
Стал новым кумиром племен и времен,
Весь мир покорил добротою своей,
Вознесся главой над царями царей.
Блистательный след он оставит, и род
Того властелина вовек не умрет!»
С тех пор, как я вещий тот зов услыхал,
Другим голосам и внимать я не стал.
Да будет же мною прославлен Махмуд!
Ему подарю завершенный свой труд.
Я верю, венчанный любимец побед
Мне станет опорой на старости лет.
Молю об одном всеблагого творца:
Продлить мои годы, пока до конца
Сложу свою книгу. Тогда я царю
Творенье, узревшее свет, подарю.
А там пусть возьмет мое тело земля
И дух воспарит в неземные поля.
Владыка он праведный, мудрый; расцвесть
При нем обещают и разум, и честь.
Он в Хинде царит и в Туране царит,
Он в Чинской земле и в Иране царит.
Достойный любви, во владеньях своих
Не слышит он горьких укоров людских.
Повергнет он кличем воинственным в страх
И чудище в море, и тигра в горах.
Я верю, меня от лишений спасет,
Меж знатных меня высоко вознесет
Махмуд, чье сияние спорит с лучом,
Врагов повергающий грозным мечом.
Да будет престол его вечен, всегда
Над ним да сияет благая звезда!

Беспечно он сыплет дары на пирах,
Ему все равно — что динары, что прах.
Кто мог бы воспеть его? Как ни смела,
Бледнеет пред ликом владыки хвала.
Он выше ему возносимых похвал,
Светлей и венец Моштери не сиял*.
Великому в дар я творенье несу,
Которым себя от забвенья спасу.
Рассыплются стройных дворцов кирпичи,
Разрушат их ливни и солнца лучи,
Но замок из песен, воздвигнутый мной,
Не тронут ни вихри, ни грозы, ни зной.
За веком над книгою век протечет,
И каждый, кто мудр, эту книгу прочтет,
Прочтет и помянет владыку добром.
Сиять ему вечно на троне своем!
Своими делами владыка воспет,
С земли не сотрется их благостный след.
Воспеть недостойный царя самого,
Восславлю я прах под ногами его.
Да будет звезда миродержца ясна,
Счастливые миру неся времена!
И пусть для него не увянет вовек
Живительной радости вешний побег!
Доколе небесный вращается свод*,
Доколе в нем движется звезд хоровод*,—
Да правит землей величавый герой,
Увенчанный вечною славой герой!
Да будет от бедствий и зол огражден,
Любовью народною вознагражден!
Теперь я продолжу поэму свою,
Деянья минувших времен воспою,
И должно мне словом творить волшебство* —
Достойно Хосрова воспеть торжество,

Рубинами яркими песнь расцветить,
Колдуя, на камне тюльпаны взрастить.
Есть замысел, нового сказа душа —
Я сказа парчу расстелю, не спеша.
Учитель не нужен тому, кто не слеп:
Взирая на круговращенье судеб,
Ты сам убедишься — дни жизни таят
То счастья усладу, то горести яд.
Тот бьется в лишеньях, нуждою тесним,
Весь век неразлучно страдание с ним,
А этот вкушает лишь сахар и мед,
В богатстве и в холе, и в неге живет.
И сердце во власти все новых обид,
И нас переменчивый жребий дивит;
Его произвола умом не обнять:
Возносит и в прах повергает опять.
Хоть розы цветущие радуют глаз,
Терзают несчетные тернии нас.
Едва шестьдесят отсчитаешь годов,
С мирской суетой будь расстаться готов.
Где те, что шагнули за семьдесят лет?
Немного их видел изменчивый свет,
А те, что шагнули, томимы тоской —
Ведь впору заплакать от жизни такой!
Попался бы рыбою в крепкую сеть, —
И то бы надежда была уцелеть.
Но кто же из смертных хоть раз отвратил
Творца повеленье, решенье светил?*
Конец и владык настигает; и тот,
Кто мудр и усерден, из мира уйдет,
Уйдет, но потомству оставит свой труд,
Благие деянья вовек не умрут.
Пусть будет тебе поученьем Хосров,
Чья слава не меркнет с теченьем веков!

Оружье и знанье он в дело пустил,
И деду за гибель отца отомстил,
Но жизни мгновенной и сам не сберег —
Сломил и Хосрова безжалостный рок.
Таков уж неверного мира закон!
Не будь же заботой весь век удручен.

[*Кей-Хосров и Афрасиаб собирают войска*]

Гудерза с Пираном окончился бой,
И царь-победитель для брани другой
К себе отовсюду дружины зовет,
Несметную рать собирает в поход.
Послышался трубный пронзительный рев,
И в степь повезли вереницу шатров.
В пыль цвета индиго весь мир погружен,
Сапфирный престол на слона водружен.
Воссел на престол повелитель в венце,
Степь гулом наполнилась, гул во дворце.
На поле широком уж негде ступить,
И в городе негде главу преклонить.
Когда повелитель в броне, на слоне*
Ударил в кимвал, призывая к войне,—
Воистину все венценосцы земли,
Как слуги, пред ним преклониться б могли:
Ведя удальцов именитых, таков
Был в царском величье своем Кей-Хосров.
А те, что страны охранять рубежи
Им посланы были, герои-мужи —
Отважный Лохрасп и Эшкеш-исполин*,
Что сладил бы с чудищем водных глубин,
А также Ростем, благородный герой,
Прославленный мудростью вождь боевой,
И все, что искусно мечами разят,
Приказ получили вернуться назад.

Страница из Лондонской рукописи
(начало сказа «Великая война Кей-Хосрова с Афрасиабом»)

Для ратников клады свои отомкнул,
Родителя с грустью не раз помянул,
Потом из дружины избрал Кей-Хосров
Испытанных, красноречивых послов.
Те вскачь повелителю каждой земли
Послание на пехлеви повезли:
«Хосров венценосный, воссев на слона,
В литавры ударил: да грянет война!
Стремясь Афрасьябовы рати разбить,
Должны вы и сон и покой позабыть».
Покорность явили вожди, услыхав
Веленье Хосрова, владыки держав.
Клич ратный гремит, оглашая поля,
В волненье пришла, словно море, земля.
И витязи — каждый с дружиной своей —
Примчались на зов изо всех областей.
Когда собралась необъятная рать,
Готовая с недругом битву начать,
Ряды боевые объехал Хосров,
Для брани, как должно, расставил бойцов.
Избрал тридцать тысяч мужей боевых,
Разящих мечом удальцов верховых,
Бесстрашно, безудержно рвущихся в бой;
Их в сердце дружины поставил с собой.
Трех витязей выбрал в подмогу себе
Испытанных, бдительных, стойких в борьбе.
То были: Ростем, грозный лев боевой,
Гудерз, умудренный годами герой,
И златообутый, со стягом Каве,
Тус гордый, чье место у войск во главе
На левом крыле. За воинственным шли
Вожди, властелины Парсийской земли*
С дружинами: славный герой Менушан,
В венце золотом именитый Хузан;

А дальше — Ареш, исполинов гроза,
За ним Гуран-шах, властелинов краса:
Тот царствует мудро в Хузийском краю,
Со счастьем всегда неразлучный в бою,
А этот — наследник Керманских владык,
Он в битве с врагом отступать не привык.
Себбах благородный, Йемена глава,
Иредж, обладающий доблестью льва,
Что вотчиной землю Кабула зовет,
Правителем праведным, мудрым слывет.
Шеммах, повелитель сурийцев,— готов
Он тут же напасть на заклятых врагов.
Отважно разящий Карен-исполин*,
Противников бич, сокрушитель дружин,
Величия, славы и мощи пример;
Его родовое владенье — Давер*.
Мужей умудренных, исполненных сил,
Чей род к Кей-Кобаду царю восходил,
На том же крыле поместили, где Тус
Главенствует; их поведет Делафруз.
Потомки Гудерзовы — им нипочем
И черную тучу развеять мечом;
Под стать и вожди молодым удальцам:
Сын Гива Бижен и бесстрашный Роххам.
Горгин, по веленью владыки царей,
Возглавил иранцев, чья родина Рей.
А те, кто Зереспа звал предком своим*,
Кем древний священный огонь был храним,
Неслись позади, замыкая войска,
И каждый копьем задевал облака.
Ростему царь правое вверил крыло,
Что натиск любой отразить бы смогло;
И всех, чье отечество — Забулистан,
Чей родич — прославленный витязь Дестан,

С Ростемом поставил на правом краю,
Ища только славной победы в бою.
Идущая слева дружина равна
Встающему солнцу в созвездье Овна.
Пред нею — Гудерз, чей родитель Гошвад;
Шейдуш и Хеджир, и отважный Ферхад*.
А дальше вели боевые ряды
Мужи Ардебиля, герои Барды.
Царь, слева в готовность войска приведя,
Их вверил заботам Гудерза-вождя.
Пред войском слоны вереницею шли,
Бронею одетые башни несли;
В тех башнях скрывались на гибель врагов
Не сотни, а тысячи метких стрелков;
И всадников триста за каждым слоном,
Мужей, закаленных в огне боевом.
Багдадских воителей, рвущихся в бой,
Вел сын Шаворана Зенге за собой.
Мужам, чье оружие — лук-самострел,
Из Керха дружинникам царь повелел
Идти пред слонами; с гранитной стеной,
Хотя бы в два миля была толщиной*,
Они б совладали, отваги полны;
Никто б не сломил их на поле войны.
А дальше строй воинов пеших идет,
И каждый копье в девять рашей несет*.
У каждого — гильский спасительный щит,
И в сердце у каждого ярость кипит.
Вновь далее воинов пеших ряды,
Чьи копья губительны, стрелы тверды.
С колчанами полными лучники вслед
Несутся — искатели битв и побед,
В блистании панцирей, шлемов, забрал —
Хавера бойцы, их владыка избрал.

Вот рать Фериборза, вся — доблесть и мощь;
Бойцов тридцать тысяч прославленный вождь
Возглавил; с ним князь Дехестана Тохар,
Чья сила грозна, смертоносен удар,
Чьих прадедов ряд не терялся во тьме —
Свой род возводил он к герою Дешме.
Дружину несчетную вывел Нестух* —
Повсюду гремел о воинственном слух.
Немало готовых к войне храбрецов
Прислала и Степь Копьеносных Бойцов.
Захир — тех воителей храбрых глава,
Под силу отнять ему серну у льва.
Стоящий за войском Нестуха, с горой
Был сходен тот грозный, воинственный строй.
Из Рума, из дальней Берберии рать —
Бойцов тридцать тысяч ты б мог насчитать,
И пеших, и конных, отважных в бою*;
Хосров поместил их на левом краю;
Их вождь — полный доблести Кешверсетан,
Немало прислал храбрецов Хорасан,
Их в бой Менучехр, сын Ареша, ведет —
Искателей славы надежный оплот.
Вот сын Герухана, чей предок Кобад*,
Слонов повергатель, крушитель преград,—
Владыка Фируз, украшенье дружин,
Рожденный на свет для вожденья дружин;
Примкнул он к войскам Менучехра-вождя,
Герчийскую рать за собою ведя;
Воители Кафа — тех вздыбленных круч —
С секирами, с копьями — каждый могуч.
Еще тридцать тысяч отважных мужей*,
Чьи древние предки — владыки царей —
Благой Феридун и прославленный Джем;
Им все ненавистны, чей предок Задшем*;

И радостью светлой сердца озарив,
Стал их предводителем доблестный Гив.
А дальше Аве, чья земля — Семенган,
С ним что ни боец, то храбрец, великан*;
За конницей Гива построил он рать,
Чтоб с тыла ее от врага защищать.
Царь к правому краю направил потом
Бойцов десять тысяч, разящих мечом.
Еще повелел он другим десяти
За доблестным Гивом на битву идти.
Примчался разящий булатом Берте,
С ним горцы, природные воины те,
Что славятся доблестью,— грозная рать,
Готовая Гиву в бою помогать.
Из них тридцать тысяч владыка избрал,
Им место на левом крыле указал.
Отвага кипит в их сердцах молодых,
И стал Зеваре предводителем их.
А далее — десятитысячный строй
Прославленных воинов, рвущихся в бой,
Кареном возглавленных, грозным бойцом,
Знатнейшим средь войска того храбрецом.
Приказано им вдоль рядов разъезжать,
Звать в битву врагов, их коней повергать.
И сын Гождехема, герой Гостехем,
Карену в подмогу был послан затем.
Сын Туса, везя громозвучный кимвал,
Войска объезжая, за тем наблюдал,
Чтоб злые не смели, нарушив запрет*,
Народу чинить притесненья и вред,
Чтоб был каждый воин доволен и сыт,
Народ не терпел бы от войска обид;
Что нужно в походе, то все у царя
Просил он, от имени войск говоря.

Царь выставил сторожевые посты*,
Что спящих будили в часы темноты;
Хранил он единство рядов боевых,
На каждой вершине держал часовых,
Лазутчиков слал наблюдать за врагом,
От них узнавал, что творилось кругом.
В горах ли, в пустыне ли встав на привал,
Дружины без устали обозревал.
И далее двигались грозной стеной*
Бойцы, помышляя о брани одной.
А буйволы вслед колесницы везли,—
Не видно под ними ни пяди земли.
Чтоб люд не страдал на пути у дружин,
Запасы обильные вез властелин.
Так войско построив, велик и могуч,
Венец Кеянидов вознес он до туч.
И каждый, будь сердцем он добр иль суров,
Исполнился жаждой кровавых боев.

[*Афрасиаб узнает о гибели Пирана и о походе Кей-Хосрова*]

Турана глава, не тревожим никем,
За городом Чачем царил между тем.
Собрал он оружье, доспехи войны.
Вновь тысячи ратников снаряжены.
Вконец разоряя возделанный край,
И жатву полей, и садов урожай —
Все воинский стан расхищал, пожирал;
Народ обездоленный смерти желал.
В Бейкенте тогда пребывал властелин
Меж родичей знатных. И Чин, и Мачин
Прислали войска под началом вождей,
Отважных, воинственных богатырей.
Войсками несчетными стан наводнен,

Уж негде ступить средь шатров и знамен.
Туранский, богатый познаньями царь
В том граде решил поселиться, что встарь
Воздвиг Феридун; храм священный Огня
Там мудрый возвел, веру предков храня,
И в дар Зенд-Авесте богатства принес*.
Тот град с пехлевийским названьем Кондоз
По-новому ныне Бейкентом зовем.
Мы в смутное, тяжкое время живем...
Покинуть Кондоз Афрасьяб не спешил —
Ведь он Феридуновым правнуком был.
Стан ратный владыки таков, что с высот,
Дивясь, созерцает его небосвод.
Вот ставка в завесах китайской парчи,
Пред ней часовые и днем и в ночи.
В богатом, из тигровой шкуры, шатре,
Как было еще при Пешенге-царе*,
Торжественно высится трон золотой,
Алмазным сиянием весь залитой.
На нем восседает Турана глава,—
Венец на челе и в руке булава.
У входа в шатер властелина страны
Знамена несчетные водружены.
Шатры там раскинули все, кто близки
Царю, кто его возглавляет полки:
И брат, и родной повелителя сын,
И пришлый, искусный в бою исполин.
Владыка в поход собирался идти,
На помощь Пирану войска повести,
Но утро тому положило конец.
Из стана Пиранова мчится гонец,
За раненым раненый тянется; прах
На головы сыплют, и каждый в слезах.
Поведали про небывалое зло,

Что войско иранское им принесло;
Как бились Леххак, Фершидверд и Пиран,
И сотни других, защищавших Туран;
Какие удары на поле войны
Войскам Афрасьябовым нанесены;
Как недругам в помощь привел Кей-Хосров
Бесчисленных неустрашимых бойцов
И как, вожака боевого лишась,
Дружина в смятенье Хосрову сдалась.
Царь обмер, поник от известья того.
Сказал бы, рассудок покинул его.
И снова в сознанье придя, наконец,
Престол он покинул, сорвал свой венец.
Рыданья и стоны наполнили стан,
У воинов лица желтей, чем шафран.
Меж тем из шатра удалили чужих;
Всех родичей, всех приближенных своих
Туда Афрасьяб безутешный зовет;
Кричит, в исступлении волосы рвет,
Взывая: «Пал доблестный витязь Руин,
Очей моих светоч, любимый мой сын!
Хуман, Фершидверд и Леххак, словно львы
Губившие недругов, пали, увы!
Нет братьев моих, нет моих сыновей
И нет предводителя рати моей!»
И долго не молк раздирающий стон
Владыки, всех павших оплакивал он.
В тоске, не сдержав обжигающих слез,
Он клятвы священной слова произнес:
«Йезданом клянусь, не хочу я венца,
Ни трона не надобно мне, ни дворца.
Престол мне — седло, а венец — мой шелом,
Шелк сменится сталью, чинара — копьем.
Отныне с весельем и негой прощусь,

От жизни достойной владык отрешусь.
Хосрову-царю за сраженных мужей,
Великих и доблестных богатырей,
Жестоко отмщу я. Да сгинет, умрет
Царя Сиавуша проклятого род!»
Твердя в исступленье такие слова,
Тем временем слышит Турана глава,
Что шахская рать у Джейхуна уже —
Громадой раскинулась на рубеже.
Царь войско созвав, неутешно стенал,
О смерти Пирановой напоминал,
Оплакал Руина, красу храбрецов,
Фершида, Леххака и прочих бойцов;
Потом возгласил он: «Туранцы, война
У нас на пороге, теперь не до сна!
Нагрянула грозно иранская рать,
Не время раздумывать и выжидать,
Час ринуться в битву, кровь вражью пролить,
С Ростемом и Гивом оружье скрестить*.
Я скорбью о смерти Пирана палим,
Враждою к владыке Ирана палим!»
Рыдая, стеная под бременем бед,
Турана мужи возглашают в ответ:
«Погибли Пиран, Фершидверд и Руин*.
Им равный рождался ль на свет исполин?
В нас жаждою мщенья сердца зажжены,
Тебе, о владыка, мы рабски верны.
Мы все обещаем пойти за тобой —
И ратник, и муж, вознесенный судьбой.
Пусть в море кровавом потонет весь край,
Пусть будем растерзаны на поле — знай,
Врагу не сдадимся. Погибнет Хосров,
Когда нам поможет владыка миров!»
Душою воспрянув при этих словах,

Забыл Афрасьяб колебанья и страх.
Пылая враждою, влекомый войной,
Воителей всех оделил он казной;
Степные пригнать повелел табуны —
Конями воители одарены.
Избрав десять тысяч отважных бойцов,
Могучих, готовых к боям удальцов,
К Джейхуну послал их владыка, в челнах
Дозор им нести повелел на волнах,
Чтоб недруг внезапно во мраке ночном
Не ринулся к стану, объятому сном.
На север, на запад, на юг, на восток
Послал он дозоры, все сделал, что мог.
И все ж Афрасьяба за злые дела
По воле всевышнего гибель ждала.
Глубокою ночью держал он совет
С мужами седыми, видавшими свет.
Гадая, судя, позабыли про сон,
И дело со всех рассмотревши сторон,
Решили, не видя иного пути:
Царь должен с бойцами Джейхун перейти.
Страшась наступления вражеских сил,
Он войско свое пополам разделил.
Призвал к себе старшего сына потом,
И вот уж царевич стоит пред отцом;
Во всем Карахан походил на отца —
Рассудком, осанкой, чертами лица.
Доверясь отваге его и уму,
Полрати владыка доверил ему,
Чтоб стал он в тылу у отца, в Бухаре,
Оплотом, подобным гранитной горе,
Чтоб слал непрерывно оружье, войска,
Чтоб не иссякала припасов река.
Покинул Бейкент предводитель, и вот

Он войско на берег Джейхуна ведет.
Все занято ратью — и склоны, и степь,
Челнов потянулась бескрайная цепь.
Их тысячу в реку спустили, семь дней
Должна переправа свершаться по ней.
Клич грянул, и счета уж нету челнам
С бойцами, подобными львам и слонам*.
Войска переправил в пустыню Аму
Владыка Турана, потом и ему
За ними последовать время пришло.
Стремление к битве властителя жгло;
Окрест рассылает лазутчиков он,
Тех выбрав, кто ловок, в войне искушен.
О странах, лежащих у войск на пути,
Все вызнать велит, обо всем донести.
Вернулись бойцы, и такие слова
Услышал дружины туранской глава:
«Чтоб вдоволь доставить для рати твоей
Еды, снаряженья, кормов для коней,
Есть путь вдоль Гилянского моря: сочны
Там пастбища, области населены.
Другая дорога к Джейхуну: с едой,
С оружьем суда поплывут к нам водой.
А посередине песчаный простор, —
Стан можно разбить, твой поставить шатер».
Царь выслушал это, и духом тотчас
Воспрянул, величьем своим возгордясь;
Знал много и опыту лишь своему
Он верил, наставник не нужен ему.
Рать выстроил; передовые посты
Расставил — от вражьих набегов щиты,—
И голову войск, как издревле велось,
И оба крыла, и военный обоз.
А в сердце дружины разящих мечом

Сто тысяч построил, сам стал их вождем
Воинственный царь, венценосный герой.
Был истинно царственным воинский строй!
Край левый возглавил Пешенг, царский сын*,
Бесстрашный, как лев, предводитель дружин;
В том войске по силе, отваге, уму
Воителей не было равных ему;
Свет солнца он славой своей затмевал,
Отец не Пешенгом, Шиде его звал*.
У тигра могучей рукой на скаку
Хвост вырвать под силу тому ездоку.
Разящему острым железным копьем,
И гору ему сокрушить нипочем.
Ему под начало сто тысяч даны
Мужей, закаленных в горниле войны.
Царь также Джехена на левом краю*
Поставил, желая удачи в бою.
Дал этому сыну сто тысяч бойцов,
Искусных в бою верховых удальцов.
Еще Кехейле поручил он войска
И сыну Илака, чья слава громка;
Пусть крепким оплотом Пешенга стоят,
Хотя бы посыпался каменный град!
Воинственный внук Афрасьяба-царя,
Что льва растерзал бы, отвагой горя,
Возглавил дружину на правом крыле
Такую, что солнце исчезло во мгле.
Халлоха, Тераза и Куза сыны
Испытаны в битвах, отваги полны;
Возглавил их пятый властителя сын,
Прославленный доблестью вождь-исполин.
Грозою мужей был он прозван: мечом*
И скалы ему сокрушать нипочем.
Вслед мощный Демур и герой Джереджас,

Джехену-вождю в подкрепление мчась,
Ведут тридцать тысяч мужей-храбрецов,
Каленым булатом разящих бойцов;
В боях им защита Пешенгова мощь,
Нестух, прогремевший отвагой,— их вождь;
За ним Агрирес, муж с могучей рукой,
На поле сраженья кровь льющий рекой,
Ведет тридцать тысяч туркмен удалых,
Губительны луки и палицы их.
Избрал Афрасьяб среди войска потом
Еще сорок тысяч разящих мечом;
Та грозная рать под начало дана
Вождю Герсивезу, в ком сила слона;
А также доверил ему властелин
Слонов боевых — подкрепленье дружин.
Затем десять тысяч избрав ездоков,
Неистово рвущихся в бой смельчаков,
Велит им нежданно набеги свершать,
Без устали, порознь иранскую рать
Тревожить, то здесь нападая, то там,
Ущерб нанося то и дело врагам.
Надвинулась ночь; путь слонам прегражден.
К восходу был воинский тыл обращен,
К полудню же строй обращен головной —
Так вождь приказал, закаленный войной.

[*Кей-Хосров узнает о походе Афрасиаба*]

Вернулись гонцы с донесеньем. Из слов
Разведчиков зорких узнал Кей-Хосров,
Что царь Афрасьяб, в жажде яростных сеч,
Успел уж бурливый Джейхун пересечь,
И с ним, наводняя просторы земли,
Несчетные грозные рати пришли.
Об этих вестях повелитель царей

Поведал собранию богатырей,
И выбрав достойнейших, лучших из них,
Мужей именитых, бойцов удалых,
Таких, кто немало невзгод испытал,
Их в Балх с Гостехемом отважным послал.
Эшкешу-вождю повелел он затем
Бойцов и слонов двинуть к городу Зем,
Чтоб недруги с тыла, с туранской земли
На тигров иранских напасть не могли.
Ударили в гулкую бронзу, и вот
Бойцы на конях выступают в поход.
Царь шел, не спеша, осторожность явив;
Вождь мудрый в решениях не тороплив.
Достигнув пустыни, он рать задержал
И ратный порядок обдумывать стал.
В Хорезме назначил стоянку войскам:
Простор, для боев подобающий, там.
Налево река, справа град Дехестан,
Напротив — владыки туранского стан,
Пески между ними. И стали затем
С владыкою Гив и Гудерз, и Ростем
Осматривать поле грядущих боев.
Все тропы разведать успел Кей-Хосров.
Известья о вражьих войсках услыхав,
Встревожился мудрый владыка держав:
Их много — что воин, то доблестный муж,
И с ними слоны боевые к тому ж.
Царь выкопать ров приказал и посты
Расставить; с приходом ночной темноты
До края водою наполнили ров,
А тропы и подступы все Кей-Хосров
Стальными шипами усыпать велел;
Движенью врага здесь положен предел.
Вот солнцем, вступившим в созвездье Овна,

Земля пробужденная озарена.
Туранскую рать Афрасьяб оглядел,
Построил в ряды и трубить повелел.
Грохочут кимвалы и клики звучат,
Туранцы — в железе шеломов и лат.
В железном покрове земля; небосклон
Как будто бы в панцирь стальной облачен.
Три ночи, три дня выжидают войска,
На битву смельчак не зовет смельчака.
Недвижны обеих дружин удальцы,
И пешие и верховые бойцы.
В двух царских шатрах звездочеты сидят *,
В таблицы свои неотступно глядят,
Ища астролябией тайну светил —
Рок властный кому одоленье судил?
Но небо в молчанье сражения ждет,
И тщетно терзает свой ум звездочет.

[*Пешенг приходит к отцу своему Афрасиабу*]

На утро четвертое с первым лучом
Пешенг именитый предстал пред отцом:
«О славный владыка,— взывает к нему,—
Величия равного нет твоему!
Ты — первый меж всех властелинов, с тобой
Ни месяц, ни солнце не вышли б на бой.
Железная глыба и та потекла б,
Расплавясь при имени Афрасиаб.
Земля не снесет твоих полчищ напор,
Поспорит и с солнцем твой царский убор.
С тобой не тягался никто из вождей,
Лишь этот безродный твой внук-лиходей.
Не ты ль Сиавуша, как сына, берег;
Так нежно любить лишь родитель бы мог!
Тобою хранимый, он бед не знавал,

Ты ветру дохнуть на него не давал.
Тебе опостылел он после того,
Как вызнал ты умысел черный его.
Не будь он в ту пору казнен — перешел
К нему б, несомненно, твой царский престол.
Поверь: и тому, кто пришел к нам войной*,
Недолго вкушать блага жизни земной!
Ты милость явил и взрастил наглеца,
Его не казнил, как злодея-отца.
Когда ж возмужал он, окреп, осмелел
И сам для державного сана созрел —
Что птица, унесся на родину он,
Как будто бы дедом и не был взращен.
Как был он обласкан Пираном, сей муж
Неправедный, неблагодарный к тому ж!
Забыл он, исполненный ярой вражды,
Пирана заботы, любовь и труды.
Щадил его долго, но злобой палим*,
Не выдержал все же, расправился с ним.
Теперь из Ирана он войско привел,
Войной на венчанного деда пошел.
Престола не ищет, не жаждет казны,
Ни кони ему, ни войска не нужны,
Нужна кровожадному родичей кровь,
Про это все вновь он толкует и вновь.
Властитель, которого славит молва!
Сам, верно, мои подтвердишь ты слова:
Войскам звездочет не поможет ни в чем,
Победу бойцы добывают мечом.
Воители правого края, за мной
Идущие, только и грезят войной.
Мне ров — не преграда; стрелою шелом*
Любому иранцу сколю я с челом;
Не мчаться уж ни одному на коне,

Коль ринуться в битву дозволишь ты мне!»
И слышит царевич владыки ответ:
«О сын мой, поверь, горячиться не след.
Все чистая правда, что мне ты сказал,
Я слушать бы слов неправдивых не стал.
Но вспомни о доле Пирана-вождя:
Благою стезей неуклонно идя,
Он в сердце порока и зла не таил,
Лишь правды и чести поборником был;
Что слон боевой, неустанен и рьян;
Лик ясный, как солнце, душа — океан.
Хуман, его брат, несравненный смельчак,
Два брата других — Фершидверд и Леххак
И с ними сто тысяч бойцов верховых,
Чьих подвигов не перечесть боевых,
Пылая отвагой, мечами звеня,
Умчались, в тревоге оставив меня.
И что ж? Не вернулись, в бою полегли,
Их кровь напоила глубины земли.
Пойми же, пал духом сегодня Туран,
Из витязей каждый тоской обуян;
О смерти Пирана твердят день и ночь,
Им слышать об Афрасиабе невмочь.
Не лучше ли выждать — ты сам рассуди —
Пока именитые наши вожди,
Иранское войско вблизи разглядев,
Очнутся, забудут и горесть и гнев.
Тогда-то и смогут иранцы узнать,
Как доблестна наша несметная рать.
Теперь же в сраженье вступать нам не след,
Оно не сулит долгожданных побед.
Не лучше ль мечи в поединке скрестить
И кровью противника прах оросить?»
«О царь,— Афрасьябу Пешенг отвечал,—

Коль путь к одоленью такой ты избрал,
То первым я в бой устремиться готов.
Ездок, недоступный для вражьих клинков,
Еще не видал я в боях смельчака,
Кто мне запылил бы коня хоть слегка.
Сразиться я жажду с Хосровом-царем,
С овеянным славою новым царем.
Пусть выйдет померяться силой в бою —
Почувствует грозную хватку мою;
И будет окончен воинственный спор,
Познает Иран пораженья позор.
А если нагрянет противник другой —
Сражу и его богатырской рукой!»
«С тобою, о неискушенный,— в ответ
Он слышит,— Хосров не сразится, о нет!
Лишь мне одному с ним схватиться под стать
С ним вместе и славу его растоптать.
Коль примет мой вызов — двух ратей ряды
Спасутся от битвы, избегнут беды».
«О муж умудренный,— ответил Шиде,—
Ты счастье знавал, ты бывал и в беде.
Взрастил пятерых сыновей ты. К чему
Идти в поединок тебе самому!
Сулит нам твой замысел множество бед,
Осудит его и боец, и мобед».

[*Послание Афрасиаба Кей-Хосрову*]

Сказал Афрасьяб: «О мой доблестный сын,
Вовек да не ведаешь бед и кручин!
Коль биться с Хосровом решился — иди,
Не зная сомнений, без страха в груди.
Да будет создатель защитой тебе!
Врага обреки злополучной судьбе!

Отправься к Хосрову с посланьем моим,
Скажи: стал, как видно, мир божий другим,
Коль умысел в сердце взлелеяв дурной,
Внук кровный идет против деда войной.
Так, верно, всевышний творец повелел,
Чтоб бранью наполнился мира предел.
Казнен Сиавуш не безвинно: ведь он
Советчиком злым был с пути совращен.
Пусть я виноват. В чем повинны, скажи,
Пиран, Фершидверд и другие мужи?
За что их на седлах твоих скакунов
В крови волокли, что убитых слонов?
Коль ты утверждаешь, что я нечестив,
Что праотец мой — омерзительный див,
Припомни — из рода ты сам моего
И, значит, поносишь себя самого.
Гудерз и Кавус пусть воюют со мной,
Тебе ж не пристало — ты внук мой родной.
Поверь, не утратил воинственный пыл
И мир не поэтому я предложил.
Рать наша несметна, как в море песок.
Когда повелю я — мой каждый ездок
Незыблемых Кангских утесов гранит
Расплавит, в бурливый поток обратит,
Да только небесного гнева страшусь:
Когда столько крови пролить я решусь,
Дам столько снести неповинных голов —
Суд правый всевышнего будет суров.
Коль миром не хочешь окончить наш спор
Затем, что тебя устрашает позор,
С тобой договор заключу я, лишь дай
Мне клятву и свято ее соблюдай.
Тебе завершить помогу я войну
С почетом и войско сберечь, и казну.

Коль смерть Сиавуша клянешься забыть,
Клянусь Сиавуша тебе заменить,
А братьями будут Джехен и Шиде,
Чья мощь и гранит уподобит воде.
Вернуть я иранские земли готов,
Оттуда своих уведу я бойцов.
А если заботишься ты о казне —
Знай, клад извлеку я, доставшийся мне
В наследье от славных Задшемовых дней.
Престолы, уборы, оружье, коней,
От ратных шеломов до княжьих венцов —
Что хочешь, пришлю для твоих удальцов.
Родню и опору найдешь ты в царе
И в брате, царевиче-богатыре.
Два войска от битвы избавим, и мир
Нас рядом усадит за дружеский пир.
Но если нечистому духу во власть
Ты, дерзостный, впрямь не боишься попасть,
Докажешь, отвергнув разумный совет,
Что кровопролития жаждешь и нет
Желаний иных в твоем сердце,— я жду,
Зови в поединок, не медля приду.
Сразимся, коль это единственный путь
Дать нашим дружинам от битв отдохнуть.
Паду я — ты будешь земли властелин,
Тебе присягнут мое войско и сын.
Но если падешь от моей ты руки —
Твои невредимы пребудут полки;
Клянусь, не лишу их защиты своей,
Почет и доверие встретят вождей.
Но если невмочь тебе биться со мной,
Драконом седым, закаленным войной,
Подумай о доблестном сыне моем —
Достойного встретишь противника в нем.

Не сыщешь другого такого бойца—
Сын в битве заменит седого отца.
Увидим, кого предпочтет небосвод,
Кому он победный венец ниспошлет.
А если сражаться не хочешь и с ним
И рвешься душою к сраженьям иным,
Пусть этою ночью войска отдохнут;
Когда же венцы на вершинах сверкнут,
Сильнейших мы выберем богатырей*,
На бой с булавами идущих мужей;
Пусть недруга жизнь обрывает храбрец
И поле войны заливает багрец.
С зарею второй, лишь петух пропоет,
К сраженью гудящий кимвал призовет,
В подмогу и прочие витязи тут
Примчатся и крови потоки прольют.
В день третий, поднявшись громадой сплошной,
Все войско пойдет в наступленье стеной.
Когда от взывающих к разуму слов*
Душой не смягчится упрямый Хосров,—
Зови его биться один на один,
Укрывшись от взоров, вдали от дружин».
Царя восхваляя, ушел удалец*,
В тоске и тревоге льет слезы отец.
Советников в путь четверых он зовет,
Знававших немало удач и невзгод.
И тысяча всадников едет вослед,
Борьбой закаленных питомцев побед.
Их знамя завидевши издали, с гор
Навстречу примчался иранский дозор.
И тотчас туранцы из первых рядов,
Где много неопытных было бойцов,
С дозором схватились, вождя не спросясь,
И в стычке напрасная кровь пролилась.

Они нападают все злей, и урон
Немалый иранцам уже нанесен.
Меж тем подоспел к месту битвы Шиде;
Иранских дозорных он видит в беде
И с сердцем стесненным, досадой объят,
Туранских бойцов отзывает назад.
Дозорных окликнул он: «Вам говорю,
Гонца по уставу пошлите к царю
С известьем: Шиде, мол, с открытой душой
Везет для владыки посланье с собой;
Письмо Афрасьяб, царь Турана, прислал,
Дед внуку — владыке Ирана прислал».
Помчался наездник, и вскоре ввели
Его к властелину иранской земли.
Царь слышит: «Из вражьего стана пришел
С дружиной и стягом высокий посол;
Себя называет Шиде, говоря:
Мне должно предстать перед взором царя».
Смутился владыка от этих речей,
И хлынули слезы ручьем из очей.
«Шиде,— прошептал он,— мой дядя родной,
Осанкой, повадкою схожий со мной».
Кругом оглянувшись, велит он бойцу
Карену, из рода Каве удальцу:
«Ступай и радушно посланца от нас
Приветствуй и выслушай царский наказ».
Пред взором Карена — туранский отряд,
На знамени черном алмазы горят.
Вождю он хвалу передал от царя,
А также от каждого богатыря.
Был разумом светлым Шиде наделен,
Приветливым словом ответил и он.
Им речь Афрасьябова передана:
Иль мир и покой, иль вражда и война.

И выслушав речь златоуста-посла,
Которая к миру иранцев звала,
Вернулся Карен и Хосрову сказал:
«Луч мудрости в этом призыве сиял».

[*Ответ Кей-Хосрова Афрасиабу*]

Внимает Карена словам Кей-Хосров,
А в памяти прошлое; грустен, суров,
Он козни врага своего разгадал
И вот что послу Афрасьяба сказал:
«С войсками Джейхун перешел Афрасьяб,
А ныне в том кается, духом ослаб.
Льет слезы, но дерзкие речи твердит,
А в сердце моем — горечь кровных обид.
Старается старый меня запугать,
Внушить, будто больше числом его рать.
Забыл, что усилия смертных не впрок,
Когда настигает карающий рок.
На бой самому с Афрасьябом идти —
Другого теперь я не вижу пути.
Пылая враждою, булатом грозя,
Нагряну, бездействовать дольше нельзя!»
Мудрейшие витязи все, как один,
Сказали: «Негоже сие, властелин!
Припомни природу владыки того:
Он видит и в снах лишь одно колдовство.
Неистовой злобой, как встарь, обуян,
В ход пустит он чары, коварство, обман.
Он вместо себя в поединок Шиде
Пошлет, на него уповая в беде.
Тот рвется безудержно, яростно в бой,
Чтоб нас обездолить, расправясь с тобой.
На дерзость горячностью не отвечай,

Венца и державы себя не лишай!
Вступить в поединок смертельный решась,
В печаль и тревогу повергнешь ты нас.
Погибнет Шиде от меча твоего —
Туранцы утратят бойца одного.
Но если — того да не будет вовек! —
Ты пал бы, разгрома б наш край не избег,
В живых не остаться из нас никому,
Не выстоять городу ни одному.
Ведь после тебя уж не будет царя,
Что встал бы на мщение, гневом горя.
Твой дед — престарелый седой властелин,
Его и Туран почитает, и Чин.
Он молит простить совершенное зло,
Лишь наше упорство его бы могло
Заставить сражаться. Сулит он затем
Казну, что оставили Тур и Задшем,
Немало престолов, уборов, венцов,
Оружья, коней, золотых поясов
Тебе, властелину Ирана, вручить,
Чтоб тем от несчастий себя оградить.
Он земли исконные наши вернет,
Оттуда дружины свои уведет.
Не лучше ль с победой покинуть нам стан,
О прошлом забыв, возвратиться в Иран!»
Так все — стар и млад — говорили царю.
И только великому богатырю
Ростему невмочь супостата простить,
За смерть Сиавуша он жаждет отмстить.
Безмолвствуя, губы кусает Хосров,
Дивясь, негодуя, глядит на бойцов
И так говорит, наконец: «Избегать
Сражений тебе ли, иранская рать?
Грозила бы гибель Ирану, когда б*

Оставлен был нами в живых Афрасьяб!
Врагам отомстить мы давали обет,
Его преступить нам сегодня не след.
Что скажем тогда Кей-Кавусу и впредь
Как сможем венчанному в очи смотреть!
Забыли, как Тур, возлюбивший порок,
Иреджа мучительной смерти обрек?
Забыли, как — низменной алчности раб —
Владыку Новзера убил Афрасьяб,
Как был им казнен без вины Сиавуш,
Исполненный доблести праведный муж?
Туранец коварный примчался сюда,
На битву зовет меня — что за беда!
В смущенье такое вас что привело?
Бледнеете — что устрашить вас могло?
Поистине вы удивили меня,
Чей гнев разгорается день ото дня!
Досель из героев иранских дружин
Пред недругом не отступал ни один.
Не думал увидеть средь наших рядов
Бойца, что с броней разлучиться готов
И бегством себя на бесчестье обречь*,
Услыша врага вероломного речь!»
Ответом Хосрова бойцы смущены;
Исполнясь сознаньем невольной вины,
Твердят в оправданье: «Мы, слуги, любя,
От бед остеречь порывались тебя,
Хоть знаем — печешься о славе одной,
Радеешь о нашей державе родной.
Ужели, о доблестный наш властелин,
Захочешь бесчестья иранских дружин?
Ведь скажут: нет витязей в войске твоем,
Способных померяться силой с врагом.
На поле сраженья — огромная рать,

Но некому, кроме царя, воевать.
О нет, не решишься ты, мудрый Хосров,
Покрыть нас позором навеки веков!»
На это владыка сказал им в ответ:
«Мужи, в чьих речениях разума свет!
Царя Афрасьяба и то бы не счел
Соперником равным царевич-посол.
Дал, знайте, доспехи отец ему в дар,
Снабженные силою дьявольских чар.
Не сможете, как ни разите мечом,
Пробить исполина броню и шелом.
А конь его род свой от дива ведет,
Примчится, как буря, как лев нападет.
На ком не почиет творца благодать,
Тот в битве не сможет с Шиде совладать.
К тому же не выйдет он с вами на бой:
Тем царственный род он унизил бы свой.
Он внук Феридуна, Кобада я внук,
И знатностью рода, и силою рук
Равны мы. Но сына оплачет, клянусь,
Мой враг, как оплакивал сына Кавус!»
И все исполины иранской земли
Царю восхищения дань принесли.
Карена к Шиде посылает Хосров,
Решителен царский ответ и суров:
«Чем дальше — распутать сей узел трудней.
Устал я от стольких бесплодных речей.
Не станет воитель откладывать бой,
Коль он — богатырь, закаленный борьбой.
Не надо ни благ мне твоих, ни страны,
Мы все ведь на этой земле не вечны.
Хочу, чтоб владыка небесных светил
Судом поединка наш спор рассудил.
Клянусь я вселенной, великим творцом

И славного шаха Кавуса венцом —
Вас так же мгновенно мой скосит клинок,
Как с дерева буря уносит листок.
Богатства сулишь — злодеяний былых
И козней плоды. Что в дарах мне твоих!
Кто веры исполнен, в чьем сердце Йездан, —
Улыбкой удачи всегда осиян.
Я сам завладею казною твоей,
Престолом, столицей, страною твоей.
Примчался Пешенг звать на битву меня,
С ним войско, на нем боевая броня.
Задам ему пир, он увидит мой меч,
Узнает, как головы сносятся с плеч.
Не вижу я в наших рядах никого,
Кто мог бы ответить на вызов его.
Быть на поле мне, да Шиде, да мечу.
Царевича я сокрушу, растопчу!
Свою торжествуя победу над ним.
И жаждою мести одной одержим,
Громады-войска двину с разных сторон,
И кровью бойцов будет прах обагрен.
А там и сильнейшие богатыри
Нагрянут. Беды не избегнешь, смотри!
Речь эту окончив, Пешенгу скажи:
Воитель, которым гордятся мужи!
Сюда за победой, за честью ты шел —
Капкан, уготованный местью, нашел.
Не весть от царя Афрасьяба ты вез —
Навстречу погибели конь тебя нес.
То воля Йездана тебя привела
Сюда, где беда роковая ждала.
Я кару готовлю тебе оттого,
Что вы Сиавуша, отца моего,
Зарезали зверски, как режут овец.

Как плакал Кавус — твой заплачет отец!»
Туда устремился Карен от царя,
Где знамя чернело, в алмазах горя,
И все, что из уст Кей-Хосрова слыхал,
От слова до слова послу передал.
Вернулся Шиде к Афрасьябу потом,
Встревоженный, сердце палимо огнем.
Все то, что ему Кей-Хосров говорил,
Шиде слово в слово отцу повторил.
Ответом таким Афрасьяб удручен
И тяжко вздыхает: припомнился сон,
Что видел однажды в былые года,
Но в тайне глубокой хранил он всегда.
И замерло сердце, взор царский погас;
Почуяв, что близится гибели час,
Сказал он: «Здесь, на поле завтра в бою
Меж мертвых пути не сыскать муравью.
О сын мой, на битву с зарей не ходи,
Два дня ты сражаться еще погоди.
Меня эта битва безмерно страшит,
С душой мое тело она разлучит».
Ответ был: «Турана и Чина глава,
К чему безнадежные эти слова!
Лишь солнце сияющий стяг вознесет
И станет алмазным фиалковый свод,
Гнедого, не мешкая, вскачь я пущу,
Хосрова-царя в черный прах обращу!»

[*Битва Кей-Хосрова*
с Шиде — Пешенгом]

Лучом озарился небесный шатер,
Как яхонт, земной засветился простор,
И юный, воинственный, полный огня,

Шиде оседлал вихревого коня;
В стальную броню облачившись потом,
Надвинул на голову царский шелом.
Вслед знамя наездник туранский везет.
Как тигр, исполин устремился вперед
И вскоре иранского стана достиг.
К Хосрову гонец поскакал в тот же миг
С известьем: «Примчался туранский герой;
Сжимая булат, пламенея враждой,
Кричит он, скача меж двух стройных шеренг:
«Скажите царю, что явился Пешенг!»
Смеется Хосров, облачается он
В доспехи, сверкающий стяг вознесен
Роххама, Гудерзова сына, рукой:
В румийском шеломе царь едет на бой.
Бойцы зарыдали, тревожась о нем,
И в муках, как будто палимы огнем,
Взывают: «О доблестный наш государь,
Бронею железною грудь не мытарь!
Дарован тебе повелителя сан,
Тебе ли для битв опоясывать стан!
Прах кровом да будет злодею тому!
Вовеки добра да не будет ему!»
Приветствовал витязей царства глава
И после сказал им такие слова:
«Всем, войско ведущим, таков мой наказ:
Никто пусть не двинется с места из вас!
Роххамова знака вам следует ждать,
До времени в битву не должно вступать.
Лишь солнце взойдет высоко над землей —
Узнаете, чем наш окончился бой.
Когда суждено быть поверженным мне,
Вам будет Ростем предводитель в войне.
Один только он вам спасенье сулит,

Все беды и горести он исцелит.
Коль войско идет за подобным вождем,
Добиться победы ему нипочем.
Отбросьте печаль, словно бремя оков!
Ведь брани жестокий обычай таков:
То беды она, то победы несет,
Тому — унижение, этому — взлет».
И вот уже тронул владыка царей
Коня вороного, и вихря быстрей
Пыль черную в скачке взметая до туч,
К Шиде устремился, суров и могуч.
Шиде, на царя молодого взглянув,
Лицом омрачившись и тяжко вздохнув,
Сказал: «Узнаю, Сиавуша ты сын,
То был досточтимый, благой властелин*.
Ты внук властелина туранской страны,
Который главой вознесен до луны.
По чести скажу я: не ждал, что таков
Владыка Ирана, венчанный Хосров.
Когда бы доступен был чувствам благим,
Сражаться не стал бы ты с дядей своим.
Но если решился сражаться — пойдем,
Поляну подальше от взоров найдем,
Чтоб воинам нашей борьбы не видать,
Чтоб помощи нам ниоткуда не ждать».
На это Хосрова ответ был таков:
«Отвагой в бою затмевающий львов!
Того, кто царем Афрасьябом убит;
Я сын, не забывший жестоких обид.
Сюда устремился отмщенья искать,
Не трона, не обогащенья искать.
Меня, не иного ты богатыря,
В бой вызвал, примчавшись сюда от царя,—
Я вышел, другого послать ведь не мог,

Твое же достоинство этим сберег!
Так выбери место сражения сам.
За помощью мы не прибегнем к бойцам,
И тот, кто осилит врага своего*,
Пусть жизнь сохранит знаменосцу его».
Вот оба несутся, как будто летят
На праздник; две рати вослед им глядят.
Равнина для битвы пригодна была,
Граница Хорезма по ней пролегла.
Бесплодная степь — ни воды, ни травы,
Ее обходили и тигры, и львы,
Добычи там даже орел не искал —
Пустыня меж серыми глыбами скал.
Избрали поляну широкую там,
И начали битву жестокую там
С неистовством изголодавшихся львов,
Что, логова бросив, выходят на лов.
Уже поднимается солнце в зенит,
Копье о копье ударяясь, звенит.
Изломаны копий стальных острия,
И льется на панцири пот в три ручья.
Румийскою палицей, острым мечом
Воители долго сражались потом.
Пыль черною тучей над ними висит,
А все ни один еще битвой не сыт.
Вдруг хлынули слезы у богатыря;
Почувствовав грозную силу царя,
Постиг, что почиет на том благодать
И впору над долей своей зарыдать.
От жажды скакун боевой изнемог,
И с каждым мгновеньем слабеет седок.
Подумал он тут: «Поединок прерву
И пешим сразиться врага призову:
Продлим до победы, мол, битву с тобой,

Хоть коркою пот нас кровавый покрой!
Не сможет он, как ни желал бы, принять
Мой вызов: бой пеший царям не под стать.
Уловкой такой отвращу я беду,
Иначе к чудовищу в пасть попаду».
Сказал он: «Под силу любому, о шах,
Сражаться булатом, держась в стременах!
Бороться не лучше ли пешими нам.
12340 Подобно двум лютым сцепившимся львам?»
Под хитросплетением сказанных слов
Что крылось, тотчас догадался Хосров.
Подумал он: «Если дракон этот злой,
Венчанных властителей внук удалой*,
Сейчас надо мной перевес обретет —
Он гибели многих мужей обречет*.
Иранских воителей ввергну в беду,
Коль пеший на битву с врагом не пойду».
«Отказом ответь,— умоляет Роххам,—
12350 В бой пешим идти не пристало царям,
Достойно ли это властителя, взвесь.
Ведь столько отважных воителей здесь.
Коль надо сойти с боевого коня —
Я витязь Гошвадова рода, меня
Пошли с ним сразиться один на один,
Но сам не сражайся, о мой властелин!»
«Муж добрый и доблестный! — молвит ему
Хосров.— Увещанью поверь моему.
Пешенг, внук владыки Пешенга, с тобой,
12360 Ты сколько ни звал бы, не выйдет на бой.
Да с ним и не справиться силе твоей,
Нет равных ему меж туранских вождей.
Поборемся мы, два воинственных льва,
За это меня не осудит молва».
Толмач, между тем, молодому Шиде

Твердит: «Не бросайся навстречу беде!
Уйти с поля битвы разумней всего,
Тебе не осилить героя сего.
Бежать и от недруга жизнь уберечь
Мудрей, чем себя на погибель обречь».
Ответил Шиде своему толмачу:
«О доблести вражьей молчать не хочу.
С тех пор, как я в панцирь и шлем облачен
И гласом молвы до небес вознесен,
В боях не встречался мне витязь такой,
С душой столь отважной, столь тяжкой рукой.
Но если на подвиг зовет меня честь,
Я бегству могилу готов предпочесть.
Увы, человек не указчик судьбе,
Хотя б победил он дракона в борьбе!
Когда суждено от руки его пасть,
Никто отвести не сумеет напасть.
Я понял, откуда та сила и стать —
Йездана почиет на нем благодать.
И все же, быть может, я в пешем бою
Осилю и кровь супостата пролью».
Пешенгу сказал повелитель владык:
«О витязь, чей род именит и велик!
В бой пешим, сомнения нет, ни один
Доселе еще не вступал властелин.
Но если желанье твое таково,
Клянусь, не отвергну, исполню его».

[*Гибель Шиде от руки Кей-Хосрова*]

Сложив с головы свой венец золотой,
Спустился с коня властелин молодой,
Роххаму ретивого передает
И молнией грозной стремится вперед.

Тогда и Шиде, повергающий львов,
С седлом разлучился, он биться готов.
Схватились, подобно слонам боевым,
От крови стал прах на поляне сырым.
Почуя, как хватка владыки сильна,
Поняв, что Изедом та сила дана,
Шиде от врага попытался уйти,
Чтоб жизнь уберечь и надежду спасти.
В тот помысел тайный владыка проник*,
Свое над врагом превосходство постиг,
Сгреб левой за шею, за плечи другой*,
На землю повергнув могучей рукой,
Хребет, как тростинку, ему перебил
И в нем не оставил непорванных жил.
Из ножен извлекши булатный клинок,
Царь мертвому недругу сердце рассек,
На нем изрубил и броню, и шелом*,
Но скорбью невольной объятый потом,
Главу свою прахом посыпал, сказав
Рохxаму: «Крутой и неистовый нрав
Был дан супостату, и все же над ним
Могу ль не заплакать — над дядей родным.
Воздайте же почести богатырю,
Гробницу воздвигните словно царю*.
Кафуром и амброй, и соками роз
Ему умастив волны темных волос,
Наденьте венец и алмазную цепь,
И благоуханьем наполните склеп».
Туранский толмач различает вдали:
Подняв бездыханным, в крови и в пыли,
В стан вражий несут молодого царя,
Гремевшего доблестью богатыря.
Взмолился толмач: «Свой исполни обет,
О шах, почитающий правды завет!

Царевичу был я ничтожным слугой,
Не витязь я, не именитый герой.
Помилуй, в родной отпусти меня стан,
Да благословит твою душу Йездан!»
Ответ был: «Ступай, обо всем расскажи,
Пусть правду услышат и дед и мужи».
Туранцы терзаются думой одной:
Шиде возвратится ли в стан свой родной?
Вдруг видят: летит без шелома толмач,
И слышится издали горестный плач.
Но вот он приблизился, заговорил,
Владыке Турана всю правду открыл.
В отчаянье смерть повелитель зовет,
Седины, кафура белее, он рвет,
Рыдает и сыплет на голову прах.
Сбегаются витязи, в горе, в слезах;
Владыке в лицо лишь успев заглянуть,
С разодранным воротом бьют себя в грудь.
Стан воплем таким огласился тогда,
Что дрогнуло солнце, померкла звезда.
Вскричал Афрасьяб: «Позабуду о сне,
Отныне все думы мои о войне!
Горюйте со мною о сыне моем!
Пусть каждый клянется, горюя о нем:
Меч ножен моих не коснется дотоль,
Дотоль не утихнет сердечная боль,
Доколе, плечо подпирая плечом,
Иран не разрушим, дотла не сожжем!
Нет, стыд неизвестен тому из людей*,
Чье сердце не ранено скорбью моей,
Кто слез о моем луноликом не льет,
О юноше статном, как тополь у вод,—
Я с дивом сравню нечестивца того,
Ему не людское дано естество!»

Так царь говорил, не смолкал его плач,—
Печали такой не излечит и врач!
Мужи именитые словом таким
Царю отвечали, склонясь перед ним:
«Йездан твои горести да облегчит,
Сердца зложелателей да омрачит!
О смерти Шиде неутешно скорбя,
Клянемся мы ринуться в бой за тебя,
Клянемся бойцов жаждой мести зажечь —
Посыплются головы недругов с плеч.
Ведь новую к старой добавил вражде
Хосров, не одной нас обрекший беде».
Все горькой утратою удручены,
Во гневе торопят начало войны.

[*Сражение иранцев с туранцами*]

Лишь солнце в созвездье Тельца поднялось
И пение птичье в степи разнеслось*,
В поход призывая, пред царским шатром
Кимвальный и трубный послышался гром.
Джехен десять тысяч повел удальцов,
Испытанных, неустрашимых бойцов.
Тогда, повинуясь Ирана главе,
Карен именитый, потомок Каве,
Джехену навстречу повел силачей —
Рать с гору, числом в десять тысяч мечей.
За ним Гостехем, сын Новзера, вперед
Своих удальцов закаленных ведет.
И к небу столбы темной пыли взвились,
Степь полнится войском, знаменами — высь.
Глядит Афрасьяб, недвижим и суров*,
На битву, за нею следит и Хосров.
Бой длился, пока не облек небеса

Мрак ночи; уж поля не видят глаза.
В бою победил ратоборец Карен,
Познал поражение храбрый Джехен.
Лишь встал над горою лик ясный луны*,
Туранцы покинули поле войны.
И рад Кей-Хосров, молодой властелин,
Победе отважных иранских дружин.
Готовятся к битве грядущей всю ночь,
О пище и сне мысль отогнана прочь.
Вот солнце в созвездии Рака зажглось,
На поле движение войск началось,
И полные неукротимой вражды,
Две грозные рати сомкнули ряды.
Владыка Ирана с одним из мужей,
Верхом удалясь от дружины своей,
Коня удержал и спустился с седла,
И рвется из сердца Йездану хвала.
Смиренно простершись, воззвал он в слезах:
«О ты, что извечно царишь в небесах!
Узри с высоты: много пролил я слез,
Немало страданий и горестей снес.
Ты страждущих светоч, кровь вражью пролей,
Да будет возмездьем настигнут злодей!»
И с сердцем израненным царь молодой,
К Задшемову роду пылая враждой,
Вновь войско возглавил, блеснул над челом
Венец благодатный. Клич грянул, как гром,
Вой трубный раздался, забили в кимвал,
И гонг оглушительный к битве призвал.
Вот стали туранцы стеной наступать,
Их грозная, неисчислимая рать
Лишь с морем безбрежным сравниться могла б;
Джехен перед войском и царь Афрасьяб.
Идет против цепи бескрайная цепь,

Не с места ли сдвинулись горы и степь?
От пыли, от тучи стремительных стрел
Сверкающий диск в небесах почернел.
Клич бранный, труб медных пронзительный вой,
Стук палиц немолкнущий — грохот такой
Железо расплавит, расплющит гранит,
Льва в чаще, акулу в волнах устрашит,
Сердца и у тигров бы разорвались!
Равнина бурлит, гулом полнится высь.
Сказал бы, над миром дух властвует злой
Иль небо в сраженье вступило с землей*.
Везде столкновения ратных громад,
И клики воителей грозно гремят.
На поле кровавые груды голов,
Рук, ног отсеченных — злой смерти улов.
Земля под напором копыт — все равно,
Что кровью пропитанное полотно.
Но вот Афрасьябовых войск смельчаки
Рванулись, как в бурных волнах челноки,
Навстречу колонне слонов боевых,
Что лучников в башнях везли броневых.
Уж видом одним устрашали они.
Задумав пробить эту стену брони,
С мечами и копьями вражьи войска
Несутся, но встретил их издалека
Дождь стрел из бойниц, и воинственный крик
Поднялся над полем, неистов и дик.
От пыли, взметенной слонами в тот час,
Свет солнца над полем сраженья погас.
Завидя иранцев бесчисленный строй,
Казавшийся необозримой горой,
Взывает к своим удальцам Афрасьяб:
«Что медлите! Сдвинуться с места пора б!
Средину иранского войска, грозны,

Броней смертоносной укрыли слоны,—
На них вы напасть не пытайтесь. Сквозь мглу
По правому, левому бейте крылу!»
Направо — Джехен, закаленный в боях,
С другими вождями повел на конях
Бойцов десять тысяч, разящих копьем,
Безудержных в яростном рвенье своем*.
А войско Товорга громадой пошло,
Чтоб левое смять, опрокинуть крыло.
Несутся, день в ночь обращая. Хосров,
Увидя тот натиск туранских бойцов,
Дружине большой под началом вождей*
Страны Семенганской — бесстрашных мужей —
Велит, чтоб нагрянула слева она,
Подобная солнцу в созвездье Овна.
Бойцов десять тысяч; посмотришь — любой
В броне, с бычьеглавой большой булавой.
Вождя подзывает сурийского шах,
И слышит веленье такое Шеммах:
«О вождь, избери десять тысяч бойцов
Иранской земли, молодых удальцов —
Вперед пусть несутся, склонясь на луку,
Нежданно сражая врагов на скаку!»
И вот уж два войска огромных сошлись,
Сказал бы, они воедино слились.
Слонов отвести повелел властелин,
Очищено поле для схватки дружин.
Скрестясь, зазвенели стальные мечи,
И хлынули крови багряной ручьи.
Припомнив бушующий, яростный Нил,
Ты с Нилом бы поле сраженья сравнил —
Так пыль заклубилась с обеих сторон.
В сверкающий панцирь Хосров облачен;
С ним войск середину Ростем-великан

Возглавил, а также отважный Хузан*.
Литавр и кимвалов разносится зов.
Тус рядом с владыкой, глава удальцов;
С ним стяг кавеянский, светлее зари,
И златообутые богатыри,
Которых желание мести вело;
Владыка им левое вверил крыло;
На правом — Ростем, обуянный враждой,
С ним брат Зеваре, исполин молодой,
А также Гудерз, предводитель вождей;
Немало других именитых мужей —
Зересп, Менушан удалой в том числе*—
К Ростему примкнули на правом крыле.
Тут бой разразился, неистовый бой!
С тех пор уж не видели битвы такой.
Разносятся, ратных кимвалов шумней,
Наездников клики и ржанье коней.
Расколота, скажешь, грудь каменных гор,
От всадников мчащихся вздыблен простор.
Убитых и раненых груды везде,
Нет счета бойцам, обреченным беде.
Так много злосчастных повержено там,
Что кони ступают по мертвым телам*.
Здесь — труп обезглавленный, там — голова,
Здесь дротик сверкает, а там — булава.
Сквозь мглу пробиваясь, как солнца лучи,
Средь пыли булатные блещут мечи.
Ты скажешь, кровавая туча, промчась,
Над полем сраженья дождем пролилась,
И кровь заливает рекой огневой
Безглавых и павших во прах головой.
На левом крыле пал могучий Фертус —
Сразил Фериборз, чей родитель Кавус.
На правом же смял Кехейлу, словно вихрь,

Могучий, как сотня слонов, Менучихр.
Вдруг ветер поднялся и тучи сгустил,
Свет ясного солнца от взоров укрыл;
Как будто всю землю окутала ночь,
Бойцам уж друг друга увидеть невмочь.
Рассеялись тучи — вновь клики гремят,
Владыка Турана смятеньем объят.
Войска перед ним разных стран и племен,
Колышется множество ратных знамен,
От них небосвод и багрян, и лилов,
Пестреют доспехи вождей и бойцов.
Меж тем Герсивез, опасавшийся бед,
Решил устремиться властителю вслед.
Сначала послал он отборную рать,
Чтоб справа удары врагов отражать.
На левое рати туранской крыло
Другое могучее войско пришло —
Наездников строй в сорок тысяч числом
Отважных, искусно разящих мечом;
И сам предводитель вслед войску тому
К венчанному брату спешит своему.
Тот, брата увидя, воспрянул душой,
И новые полчища двинул он в бой.
И стрелы пернатые хлынули так,
Что на поле битвы надвинулся мрак.
От взоров уж солнечный прячется лик,
День с ночью торопят свидания миг.
И тут Герсивез, устрашенный злодей,
Воззвал, перед братом представ: «Из мужей
Кому в эту пору под силу война?
Равнина в крови, высь от пыли темна.
Ночь близится, войско свое отведи,
Нет мочи воителям, их пощади!
Пойми, безрассудно войну продолжать,

Когда обращаются воины вспять».
Но эти слова не смирили царя;
По-прежнему лютою злобой горя,
Вперед он рванулся, коня горячит,
Как буря, со знаменем черным летит.
Увидя, что несколько славных бойцов*
Поверг он, спешит на подмогу Хосров,
С собой лишь немногих наездников взяв.
Столкнулись владыки враждебных держав;
Джехен с Герсивезом к ним ринулись тут*
И в единоборство вступить не дают
С противником грозным царю своему,
Его увлекают в пустыню Аму.
Спасая владыку — исчадие зла*—
На бой устремляется Истекейла,
Исполненный непримиримой вражды,—
В сраженьях он тверже гранитной гряды,—
С ним вместе свирепый боец Шахейла
И в битвах испытанный Борзевейла.
Но тут Кей-Хосров, венценосный герой,
На недругов двинулся грозной горой.
Не выстоял Истекейла и, копьем
Пронзенный, упал пред иранским царем.
Тогда Шахейла у бойцов на глазах
Ударил копьем Кей-Хосрова, но страх
Неведом владыке; не дрогнув, пред ним
Все так же он высится, жив, невредим.
Стал яростно вновь нападать супостат.
Тут царь обнажил закаленный булат,
И, ужас внушая туранским бойцам,
Ударом рассек Шахейлу пополам.
Увидя, какую отвагу и мощь
Являет Ирана владетельный вождь,
Прочь кинулся в ужасе Борзевейла:

Смерть будто во тьме его грозно гнала.
Пред шахом не в силах враги устоять,
Один за другим обращаются вспять.
Невмочь Афрасьябу, мучительный стыд,
Что смерти страшней, злое сердце когтит.
Бегущую рать предводитель-беглец
Увидел и чувствует — близок конец*,
Грозит ему черный бесславный удел;
И все же к иранцам воззвать повелел:
«Отважны вы лишь под прикрытием тьмы,
Но биться во тьме не намерены мы.
Пусть ветер помог вам, нагнав облака,
И вам улыбается счастье пока,
Но завтра победа за нами, клянусь,
Мы вскинем победное знамя, клянусь!
Мы кровью затопим всю степь, как водой,
И солнце сквозь пыль замерцает звездой!*»
Двух станов бойцы разошлись по шатрам,
Готовые к новым жестоким боям.

[*Бегство Афрасиаба*]

Лишь тьма опустилась на землю с высот
И путь свой полночный свершил небосвод,
Владыка Турана велел снарядить
Обоз и доспехами войско снабдить.
В дозор десять тысяч, готовых к войне,
Послал он: и люди, и кони в броне.
Такую к бойцам обращает он речь:
«Я воды Джейхуна решил пересечь.
За мною вослед поспешите к челнам
И вы, по речным поплывите волнам».
С владыкой во мраке несутся войска;
Аму перешли, позади и река*.

И стан обезлюдел: в степи и в горах
Нет воинов, пусто в туранских шатрах.
Когда озарились просторы земли,
Иранцы, примчась, вражьих войск не нашли.
Царь слышит отрадную весть: «От войны
Избавлен ты, недруги побеждены.
Противник твой скрылся, мы в стане его
Не встретили воина ни одного».
Пал наземь, исполненный счастья, Хосров;
Хвалу воздавая владыке миров,
Взывает: «Бессмертный творец бытия,
Создатель, наставник, благой судия!
Ты силу мне дал, ниспослал благодать,
Помог с недостойным врагом совладать.
Молю: от людей отлучи палача,
Пусть мается, дни в смертном страхе влача!»
Встал щит золотой, и в лазури небес
Мрак ночи угрюмой растаял, исчез.
И, полон величья, на царский престол
В венце лучезарном владыка взошел.
Звучат славословья: «Да блещет твой трон,
Да будет он счастьем навек озарен!
Всего у нас вдосталь — исчезнувший враг
Оставил несметное множество благ».
И каждый боец лишь о том сожалел,
Что с войском, с кимвалом и стягом успел
Уйти невредимым венчанный злодей
От жаждущих мести иранских вождей.
Но их успокоил мудрец-властелин:
«Отважные витязи славных дружин!
Хоть недруг в сраженье кровавом не пал,
Но с поля сраженья бесславно бежал.
Удачу послал нам даритель побед,
И власть от него, и величия свет.

От сердца хвалою почтите его,
Без устали благодарите его!
Один на несчастие им осужден,
Из праха другой на престол возведен.
Напрасны вопросы и спор ни к чему,
Владыка он, раб не указчик ему.
Здесь, на поле битвы пробудем пять дней,
На утро шестое, лишь в блеске лучей
Восстанет Хормоз, мы вдогон полетим*.
Врагу не укрыться, ему отомстим!»
Шлет войско на поле сраженья Хосров
На поиски павших иранских бойцов.
Омыли простертых в крови и пыли
И, как подобало, потом погребли.

[*Кей-Хосров пишет Кей-Кавусу победное послание*]

Велит Кей-Хосров подозвать мудреца,
С пергаментом, мускусом, амброй писца;
И пишет посланье о ходе войны
Кавусу, седому владыке страны.
Сперва прозвучала Йездану хвала,—
Ко благу ведет он, хранит он от зла!—
И сказано дальше: «О ты, что, стеня,
Трепещешь, как добрый отец, за меня!
Величье твое да не знает границ,
Враги пред тобой да повергнутся ниц!
Дошел я до града степного Фарьяб,
В три ночи три битвы нам дал Афрасьяб.
И в снах мудрецам не случалось видать
Числом Афрасьябовой равную рать.
Тебе посылаю три сотни голов
Поверженных нами знатнейших бойцов,

Прославленных неустрашимых вождей,
И братьев царя, и его сыновей.
И двести воителей схваченных шлю —
Сто тигров осилил бы каждый в бою!
В Хорезмской степи протекала война,
И небом победа была нам дана.
Враг скрылся, вослед мое войско спешит.
Увидим, что жребий всевластный решит!»
Посланье скрепила из амбры печать*,
Песками пустыни гонцу его мчать.
Воскликнул Кавус, эту выслушав весть:
«Пусть век вам сопутствуют слава и честь!»

[*Афрасиаб прибывает в Канг*]

Турана глава, с поля битвы бежав *,
Джейхун переплыл и умчался стремглав.
Достиг Карахановых ратных шатров,
Ему о печальном исходе боев
Поведал и долго рыдал перед ним,
Единственным спасшимся сыном своим,
О сыне погибшем, о знатных мужах,
О родичах — доблестных, славных вождях.
Стенанья такие неслись к небесам,
Что впору и львиным пролиться слезам.
Царь ждал, не хотел Бухару покидать,
Все думал в Иран двинуть сызнова рать.
Скликает он тех, что остались в живых,
Мужей именитых, вождей боевых;
И без промедленья представ пред царем,
Они, наделенные ясным умом,
Сказали, надеясь его убедить:
«Владыка, невмочь нам сражение длить!

Сердца кровоточат и жребий суров,
Храбрейшие пали средь наших рядов.
Из ста—двадцати не осталось в живых,
Мы сердцем скорбим безутешно о них.
Своих очагов нам покинутых жаль,
И душу терзает о близких печаль.
Веленью, о царь, твоему покорясь,
Мы здесь у Джейхуна сражались не раз.
Сам знаешь, какое постигло нас зло,
Твое безрассудство его навлекло.
Коль мудрую в сердце решимость найдешь,
Ты к Чачу отсюда войска поведешь;
Вняв сердцем совету, что дали вожди,
Оставишь и Гользериюн позади,
Спеша в Бехештканге укрыть свою рать—
Там можно и действовать, и выжидать».
Беседу окончили, так порешив,
И слова никто не сказал супротив.
Все двинулись к Гользериюну-реке,
И слезы льет каждый, в досаде, в тоске.
Царь в лове три дня утешенья искал,
Он с соколом или с гепардом скакал.
Туда вслед за тем повелел он идти*,
Не делая долгих привалов в пути,
Где город, похожий на рай, возведен,
Весь точно из злата и мускуса он.
Царь там и раскинул свой стан, веселясь,
Как будто опасность уже пронеслась.
Опять удалось венценосцу собрать
Огромную многоплеменную рать.
Лазутчикам велено рыскать кругом,
А сам с удальцами и ночью и днем
Пирует без устали царь Афрасьяб:
Вино, благовония, песни, робаб...

Так жил, выжидая, что рок ниспошлет
И тайны какие на свет извлечет.

[*Кей-Хосров переправляется через Джейхун*]

Покой он утратил, узнав, что Хосров
Джейхун пересек во главе удальцов.
Свершив переправу, Ирана глава
Шлет письма окрест, в них такие слова:
«Тревогой свои не томите сердца,
За нас неустанно молите творца!»
Он щедрой рукой бедняков одарил,
Слуг верных достойно отблагодарил,
И после пришел к Согдиану Хосров —
В ту землю, что стала пристанищем сов;
Из пепла им поднята, возрождена,
Осыпана златом и эта страна.
Везде, где раскинет становище он,
Спешат властелины к нему на поклон.
В ту пору от ловких лазутчиков шах
Известье услышал о вражьих бойцах:
Мол, к ним Какуле, возглавляющий рать,
Примкнул; удальцы его тиграм под стать;
Потомок воинственный Тура-царя,
В бой рвется он, жаждою мщенья горя.
Строй грозный, воинственный к Чачу пришел,
Готовый к борьбе за иранский престол,
А в степь понеслись боевые ряды
С Товоргом, исполненным лютой вражды.
Приказано каждой дружине разить
Бойцов Кей-Хосрова, им путь преградить.
Но не был той вестью владыка смущен,
Тревогу смирил силой разума он.
Прислали войска Ардебиль и Барда,

Ирана глава повелел им тогда
Воинственным строем пройти перед ним,
И смотр учинил он рядам боевым.
Промчались они, Гостехем во главе —
При взгляде на витязя вспомнишь о льве.
Нимруза бойцов обозрел он потом,
Что шли за Ростемом, великим вождем.
Обеим дружинам велит Кей-Хосров,
С собой захватив запасных скакунов,
Помчаться и вынуть из ножен мечи,
На недруга разом нагрянуть в ночи.
И двинул в пустыню бойцов Гостехем,
С другими же к Чачу понесся Ростем.
Уж в Согде провел больше месяца шах,
Любовь и почтение множа в сердцах.
Он времени благоприятного ждал
Для битвы: доспехи и злато раздал
И всех, кто был опытом ратным богат,
Постигших законы боев и засад,
Собрал на подмогу. От этих вестей
Тревогой охвачен туранский злодей.
Дружин снаряженье окончив, Хосров
В решительный бой устремиться готов.
Он рать из Кушана и Согда повел
Такую, что мир в изумленье пришел.
Лишь слуха туранцев достигла молва
О том, что в походе Ирана глава,
Они устремились к стенам крепостей.
Наполнились шумом просторы степей.
Приказ Кей-Хосрова услышала рать —
Как должно с противником впредь поступать:
«Сдадутся дружины туранской земли,
Раскаются в битвах, что с нами вели,
Явите тогда милосердие им,

Не дайте свершиться деяниям злым.
Но если по-прежнему к мести стремясь,
Сражаться они захотят против нас —
Дозволено недругов кровь проливать,
Селенья и грады огню предавать».
И грома грозней клики грянули тут —
Хосрова бойцы в наступленье идут.
На стены твердынь, где Турана мужи
Засели, напали Ирана мужи.
И пали под натиском ярым бойцов
Твердыни — нет больше высоких дворцов!
Присвоили все, чем владел супостат,
Ему ни рабов не оставив, ни стад,
Ни злата. На сотни фарсангов вокруг
Все выжжено — град и селенье, и луг.
Вот Гользериюна владыка достиг;
И землю ему показал проводник,
Манящую прелестью вешних садов.
Пестреют луга и холмы от цветов,
Тень вязов, тьма дичи — прекрасный, как рай,
Достоин великих тот радостный край!
Царь выслал дозоры, расставил посты,
Чтоб враг не нагрянул в часы темноты*.
У звонко журчащего в роще ручья
Раскинут шатер венценосца-вождя.
На трон светозарный взошел властелин
И с ним предводители царских дружин.
Так шумно они пировали всю ночь,
Что мертвым покоиться было невмочь.
А царь Афрасьяб, сидя в Канге своем,
И темною ночью, и солнечным днем
Твердит искушенным в сраженьях мужам,
Воинственным и прозорливым вождям:
«Уж враг моего изголовья достиг,

В покое могу ль оставаться хоть миг?»
Ему исполины ответили так:
«Коль скоро вплотную приблизился враг,
Исход лишь один остается — война.
Сдаваться позорно, рать наша сильна».
Сказали и встали, и двинулись прочь,
Готовились к битве грядущей всю ночь.

[*Вторая битва войска Кей-Хосрова с войском Афрасиаба*]

С зарею, лишь первый петух прокричал,
Зов труб и литавр у ворот зазвучал.
Рать вышла из города — снова в пути,
Букашке меж воинов не проползти!
Громадой, подобной горе Бисотун,
Те полчища двинулись в Гользериюн.
Три дня и три ночи без отдыха шли,
Гул медный наполнил просторы земли.
Уж на семь фарсангов растянута цепь.
Скажи, саранчею наполнена степь,
Иль буря простор взволновала морской.
С четвертой зарею раскинулся строй:
Царь в сердце дружины и витязи с ним*,
Известные ратным искусством своим.
На правом крыле был Джехен, царский сын,
Вздымавший до солнца копье исполин.
На левом крыле, неприступен и горд,
Стоял с удальцами своими Коборд.
В тылу Герсивез, полный лютой вражды,
Войска ограждал от нежданной беды.
А в сердце иранских дружин Кей-Хосров
Встал мощным утесом, опорой рядов.
На левом крыле — Менучихр; даже лев*
Пред ним отступил бы, в бою оробев.

Гудерз именитый и Тус, и Хузан,
И славный отвагой боец Менушан.
Горгин, сын Милада, бесстрашный Шейдуш,
Роххам и Хеджир, полный доблести муж,
Идут с Фериборзом — им велено встать
На правом. Могучая, дружная рать!
А Гив, на кого уповали вожди,
Сын храбрый Гудерза, стоял позади.
Вся степь — что железо от тысяч подков,
А реку окрасила кровь смельчаков.
Пыль черною тучей окутала высь,
От гула кимвалов хребты затряслись.
И заколебалась земля, будто ей
Нести уж невмочь столько ратных мужей,
И звезд омрачился сияющий взор.
Сказал бы, весь мир — из эбена шатер.
Сплошь грудами мертвых растерзанных тел
Завален широкого поля предел.
Не счесть обезглавленных богатырей,
И топчут убитых копыта коней.
Редеют дружины с обеих сторон,
И каждый, кто здравым умом наделен,
Подумал, что если продлится такой
Неистовый, опустошительный бой,
Из витязей целым никто не уйдет,
Расколется, рухнет и сам небосвод!
Секиры о шлемы так гулко стучат,
Что души с телами расстаться хотят.
Увидя, что час наступивший суров,
В печали владыка Ирана Хосров
Покинул свои боевые ряды
И молит о предотвращенье беды
Творца, чья не знает границ благодать,
Чью мудрость людскому уму не объять:

«Не будь на моей стороне правота,
Не будь я безвинною жертвой — тогда,
Клянусь, о победе над недругом я
Не стал бы молить, о благой судия!»
Пал ниц и во прахе он долго лежал,
И плач его горестный степь оглашал.
Вдруг яростный вихрь налетел, заревев,
Ломать стал он ветви зеленых дерев,
И пылью, взметенной над полем войны,
Туранские воины ослеплены.
Кто вспять побежит, устрашенный врагом,
Того Афрасьяб беспощадным клинком
Велит обезглавить всем прочим на страх,
Чтоб стал злополучному саваном прах.
Немало туранцев попало в полон.
Но день догорел, и померк небосклон,
Земля облачается в черный покров,
И оба царя отзывают бойцов.
Костры загорелись среди темноты.
Расставлены сторожевые посты.
Нет счета туранцам; от гор до реки —
Шеломы и панцири, и кушаки.
Готовится к новой борьбе Афрасьяб:
Скорее заря над горами взошла б,
Чтоб склоны и степи лучом позлатить,
Весь мир в бадахшанский рубин обратить,
Скорей бы разжечь бранный пламень опять
И двинуть на рать разъяренную рать!..
Но видно иным был небес приговор,
Напрасен с небесною волею спор.

[*Афрасиаб укрывается в Бехештканге*]

Нависшая ночь эфиопа черней,
Шлет весть Гостехем властелину царей:

«Пусть твой не настанет вовеки закат!
С победою мы воротились назад.
Дозоров не встретили мы верховых*,
Вкруг стана не встретили мы часовых,
Мы к стану, невидимы, подобрались,
Средь ночи к туранцам в шатры ворвались.
Едва пробудившись, те ринулись в бой;
Кто палицей бился, а кто булавой.
Но к утру совсем обезлюдел их стан,
Остался из витязей лишь Карахан.
Степь — головы сплошь и тела без голов,
Пыль черная — вот их могильный покров».
Посланец другой, лишь рассвет заблистал,
Отрадную весть о Ростеме примчал:
«В пути о ночном нападенье узнав,
Мы степью в подмогу помчались стремглав;
Вослед за Ростемом, великим вождем,
Скакали без устали ночью и днем
И стана достигли. Лишь новый рассвет
Забрезжил предвестием новых побед,
В бой вышел Могучий, свой лук оснастив
И голову шлемом от стрел защитив.
Едва тетиву отпустил великан —
Был ранен стрелою его Карахан*.
И дальше летит, жаждой мести горя,
Ростем; обо всем известит он царя».
Над станом иранцев гул радости встал.
Туранцев глава лишь о том услыхал,
Созвал всех воителей верных своих,
Седлать повелел скакунов огневых.
Вдруг вестник примчался к властителю вскачь,
Не в силах сдержать он стенанья и плач:
«Твой сын Карахан еле спасся, назад
Он мчится и воинов с ним шестьдесят.

В Туран углубились Ростема войска,
Их столько, что скрылась от взоров река».
И держит владыка с мужами совет:
«Пути, кроме битвы, теперь уже нет.
Ведь если врасплох нас застигнет Ростем,
Печальный конец уготован нам всем.
Он думает: мы, предаваясь боям,
Не знаем, что он подбирается к нам.
Мы ж сами к Ростему нагрянем в ночи,
И кровью равнину затопят мечи.
Примчится сюда и увидит Хосров*
Наш стан опустевшим, лишенным бойцов».
Воители дали согласье, и вот
Решительно вождь многохитростный тот,
Оставив обоз, не жалея о нем,
В путь двинулся, скоростью споря с огнем,
Пыль мглою покрыла равнины простор.
Примчавшийся вихрем иранский дозор
Пришел в изумленье, увидя в тиши
Шатры лишь одни и в шатрах ни души.
И понял владыка иранской страны*,
Зачем Афрасьяб скрылся с поля войны:
Услышал он, где Гостехем и Ростем,
В путь вышел, гонимый известием тем.
Лишь умысел вражий постиг Кей-Хосров,
Быстрейшего выбрав из быстрых гонцов,
Ему повелел бездорожьем скакать,
Ростему такие слова передать:
«Увел Афрасьяб свое войско — с тобой,
Как видно, вступить порывается в бой.
Так бодрствуй, готовься и ночью, и днем
Разить булавою, булатом, копьем!»
Достигнув Ростемовых ратных шатров,
Посланец увидел: стан к битве готов.

Бойцы, на плечо занеся булавы,
Стоят в ожиданье велений главы.
Наказ Кей-Хосрова гонец повторил,
Наказ, что победу и счастье сулил.
А царь той порою, устроив привал,
Воителей к отдохновенью призвал.
Добычу всю в дар получили бойцы:
Шатры, снаряженье, престолы, венцы.
Погибших велел подобрать Кей-Хосров;
Омыв, облачив их в могильный покров
И почести им по заслугам воздав,
В земле схоронили, как учит устав.
Вновь строится войско, обоз нагружен,
Помчались владыке Турана вдогон.
А тот приближается к стану меж тем,
Надеясь, что сну предается Ростем,
Мечтая: средь ночи я вдруг нападу
Ростема с дружиною ввергну в беду.
Но видя дозоры во мраке ночном,
Вняв ржанью коней на просторе степном,
Дивится Могучему царь Афрасьяб,
Он близок к отчаянью, духом ослаб.
Воители в седлах сидят, чуть дыша,
Уж с телом расстаться готова душа.
Ростем, быстрорукий герой,— впереди,
С могучею ратью Хосров — позади.
И вот Афрасьяб приближенных призвал,
О тайных тревогах своих рассказал.
«Какой,— вопросил он,— дадите совет?»
И слышит мужей умудренных ответ:
«Что рвешься ты в битву сквозь столько преград?
Сокровищам счета не знает твой град.
Четыре фарсанга земли в ширину
Он занял и восемь фарсангов в длину.

А выси такой не видали и в снах,
Орла не приметишь на древних стенах.
С них глянешь — на двадцать фарсангов кругом
Коня различишь с меченосцем-врагом.
Там вдосталь припасов, там царский дворец*,
Богатство и власть, и престол, и венец;
И ширь водоемов: едва ли стрела
От края до края домчаться б могла.
Душою воспрянь супостату назло!
Людей в этом граде несметно число.
Сияньем своим озаряет он край—
Недаром зовется он именем «Рай».
Воистину райский приют возвели
Умельцы из Рума и Хиндской земли.
Ужели стремишься ты к брани одной?
Припомни, окончится путь наш земной».
Услышав от витязей эти слова,
Забыл опасенья Турана глава;
С бойцами, со всем снаряжением в град
Вступил он, решенью разумному рад.
Невиданной город дивит красотой,
Ни пяди земли разоренной, пустой.
Воссел Афрасьяб среди светлых хором,
Воздвигнутых встарь полновластным царем*;
Он двери для царских приемов раскрыл,
Рать золотом и серебром одарил.
С войсками окрест посылает вождей,
Им стать приказав во главе областей.
Дозорным велит на высоты взойти,
Стеречь от враждебных набегов пути.
Потом, вкруг себя усадив мудрецов,
Призвал он главу искушенных писцов.

[*Послание Афрасиаба фагфуру Чина*]

Турана глава приступает к письму
Властителю Чина; стократно ему
Хваленья воздав, продолжает: «Мне, знать,
Начертано роком весь век воевать!
Я внука убить не решился, взрастил,
А мне в воздаянье он жизнь омрачил.
Как друга, тебя на подмогу я жду,
Я верю, мы вместе осилим беду.
Коль сам не придешь — подкрепленье пришли
Для битвы с владыкой иранской земли».
Посол Афрасьяба с письмом в тот же миг
Умчался и к вечеру Чина достиг.
Посланца фагфур обласкал, ободрил*,
С почетом в отрадный чертог водворил.
А царь Афрасьяб в ратном стане своем
Метался, расставшись с покоем и сном.
Велел камнеметы на каждой стене
Воздвигнуть, готовя твердыню к войне.
Умы мастерам повелел изощрить —
Придумать как глыбы на стены втащить.
В стенах крепостных разместились войска.
Умельцы, прибывшие издалека —
Из Рума, по воле владыки того,
Явили усердие и мастерство,
И были орудьями грозной войны
Те стены высокие оснащены.
Доспехи, пращи, носорожьи щиты
На них в изобилье увидел бы ты.
Велел пятизубцы сковать кузнецам,
Чтоб их остриями туранским бойцам
Противников неумолимо пронзать,
Коль приступом крепость задумают взять,
Их видом одним устрашать удальцов,

От крепости вспять обращать удальцов.
Усердно туранской земли властелин
Заботился о снаряженье дружин.
Щиты из Китая, шеломы, броню,
И луки, и стрелы — бойцу и коню
Все нужное — роздал, всего же щедрей
Дарами осыпал он богатырей.
Потом успокоен, к защите готов,
Воссел меж своих именитых бойцов.
Певицы, подобные нежным пери,
На ченгах играли с зари до зари.
Царь только и тешился ночью и днем
Пленительным пеньем да пенным вином.
Без счета сокровища он расточал
И сердце заботою не отягчал.
Так две лишь недели он смог пировать*.
Кто ведал, кому суждено ликовать!
Судьбы не избегнуть, так будь же и ты
Беспечен и весел, не знай маяты.

[*Кей-Хосров осаждает Бехештканг*]

До града дойдя, слыша трели певцов
И рокот струны, усмехнулся Хосров.
Вдоль стен величавых проносится он,
Дивится причудам превратных времен
И мыслит: «Воистину этот оплот
Прекрасен, как неба лазоревый свод,
И тот, кто отрадный сей кров воздвигал,
Его не для ярых боев воздвигал.
А ныне под ним затаился, увы,
Злодей, Сиавуша лишивший главы»
«О витязь!— Ростему сказал он потом —
Сам видишь ты, ясным владея умом,

Как милостив к нам вседержитель благой,
Он шлет нам победы одну за другой.
Турана владыка — над злыми глава*,
Злой злее со старостью, учит молва.
Тот царь недостойный, погрязший во зле,
Преступней которого нет на земле,
В твердыне укрыться от нас принужден,
Но там не найдет избавления он.
До света мне должно молитвы творить,
Йездана за милости благодарить.
Да славится вечный владыка светил,
Дарйтель победы, отваги и сил!»
Твердыни той стены с одной стороны
Горами от недругов защищены,
С другой,— опоясаны лентой речной,
Что радует сердце прохладной волной.
Фарсангов на семь под войсками поля*;
От множества всадников стонет земля*.
Верховный шатер среди степи разбит,
На подступе каждом дружина стоит.
Раскинулся справа от ставки царя
Стан ратный забульского богатыря.
Тус слева и с ним Фериборз, царский сын,—
С кимвалом и стягом вожди двух дружин.
Рать выстроил рядом, шатер свой разбив,
Сын храбрый Гудерза, воинственный Гив.
Вот ночь опустилась на воинский стан,
И грянули клики, взгремел барабан.
Гул меди со всех раздается сторон.
Сказал бы, весь мир оглушен, устрашен.
Лишь солнце избавило небо от мглы,
Прорвав одеяние цвета смолы,—
Воссел на коня вороного Хосров;
Объехав ряды закаленных бойцов,

Сказал он Ростему: «О вождь из вождей!
Славнейший меж доблестных богатырей!
Царю Афрасьябу — хочу уповать —
Владыкой отныне и в снах не бывать.
Живой или мертвый, не минет он рук
Карателей грозных, Йездановых слуг.
Вновь скликнет, я думаю, полчища он —
Для этого недруг довольно силен.
Из страха пойдут боевые ряды,
Не ради побед, не во имя вражды.
Нам путь преградить ему должно, пока
К нему не пришли на подмогу войска.
Сметем, сокрушим этот грозный оплот,
И камни, и глину река унесет.
Недаром царит в нем смятение, он,
Поверь, будет нами в пустырь обращен.
Прошли для бойцов наших тяжкие дни,
Покой и отраду вкусили они.
Ведь если в стенах укрывается рать,
Она уж не может врагу угрожать.
Припомним владыки Кавуса слова,
Их мудрая правда поныне жива:
Ни пылью забвенья, ни ржавчиной лет
Такая вражда не покроется, нет!
Подобна зеленому древу она,
Кто мстит за владыку, тем смерть не страшна.
Хотя б миновали десятки годов,
Не смолкнет возмездия праведный зов.
Месть кровная переживает отца,
Сын верный ее доведет до конца».
Герои, Хосрова-царя восхвалив,
Достойным и праведным провозгласив,
Сказали: «Отмсти за отца своего,
Да будет уделом твоим торжество!»

[*Джехен прибывает к Кей-Хосрову с посланием от Афрасиаба*]

Наутро, лишь солнце, взойдя над горой,
На небе свой светоч зажгло золотой,
С тревогой прислушался царь Кей-Хосров:
Доносятся клики туранских бойцов.
И вдруг растворились твердыни врата,
И тайна иранцам открылась тогда.
Покинув убежище каменных стен,
На быстром коне выезжает Джехен,
С ним десять достойных туранских мужей,
Прославленных мудростью светлой своей.
Достигли становища, спешась, идут
И, встав перед царскою ставкою, ждут.
Предстал саларбар пред владыкой своим*:
Мол, прибыл Джехен, десять витязей с ним.
И вот, облачен одеяньем владык,
В венце, озаряющем благостный лик,
Воссел Кей-Хосров на кеянский престол;
Посла Менушан к нему тотчас подвел.
Ручьи пролились из Джехеновых глаз,
Властителя он созерцает, дивясь,
Потом с головы своей княжий венец
С почтеньем сложил именитый гонец.
И витязи все за Джехеном вослед,
Склонившись, царю возглашают привет.
«О царь,— произносит посланец,— всегда
Будь счастлив, тебя да минует беда!
Я славлю победу твою, властелин,
Пусть недруг твой стонет во власти кручин!
И ты, торжествуя, создателя славь
И нашей страной беспрепятственно правь.
Я верю, наш край оживет, расцветет

От мудрых деяний твоих и щедрот.
Слова Афрасьяба тебе передам,
Коль будешь к моим благосклонен речам».
Лишь только посла отзвучали слова,
Скамью золотую Ирана глава
Ему указал, и, воссев на скамью,
Посол-миротворец речь начал свою:
«К тебе я примчался, поведать спеша,
Что тяжко скорбит Афрасьяба душа,
Рыдая, игралище тяжких невзгод,
Такое тебе он воззвание шлет:
„Йездану хвалу возношу я в сей миг
За то, что величья ты, внук мой, достиг.
К Кобаду твой род стороною одной
Восходит и к Туру — другой стороной.
Недаром твой род именит и велик,
Главой выше всех вознесен ты владык.
И соколов стаи в седых облаках,
И чудища грозные в бурных реках —
На страже престола владыки царей;
Ты радуешь всех — и людей, и зверей.
Князья венценосные каждой страны,
Подобно рабам, пред тобой склонены.
Дивлюсь я, за что злонамеренный див
Терзает меня, душу в сеть залучив!
Любовь меня к свету и правде вела,
Но стал я добычей порока и зла:
Был мною казнен без вины Сиавуш,
Великий, исполненный доблести муж.
Своим злодеянием я удручен,
Страдаю, отринув и пищу и сон.
Не я — лютый див обезглавил его,
Страх божий из сердца изгнав моего.
Настал его срок, так судил, видно, рок,

Я горько обманут, мой жребий жесток.
Весь мир тебя мудрым владыкой зовет,
Ты добрых надежда, правдивых оплот.
Припомни, как много больших городов
Со множеством башен, дворцов и садов
Разрушено в этой кровавой войне,—
А все за погибшего мстите вы мне.
Припомни бесчисленных богатырей,
Подобных чудовищам водных зыбей,
Которым в бою суждено было пасть;
Не саван достался им — хищника пасть.
Уж крова нигде несожженного нет,
Селения неразоренного нет.
Ужели мы память оставим в веках
О битвах одних да кровавых клинках?
Но помни, что будет суд божий суров,
И нас покарает владыка миров.
Ужели поныне, исполнен вражды,
Ни мига покоя не ведаешь ты?
Задумайся о предстоящей судьбе,
Откроется горькая правда тебе.
Я — в крепости, ты — среди поля, и все ж
Ты жажду сражения в сердце несешь.
Ведь стольный мой град — что спасительный рай*,
Опора ему — весь богатый мой край;
Обильно поля насыщают его,
Мужи-храбрецы защищают его.
Здесь войско мое и казна, и дворец,
Здесь перстень мой царский, престол и венец.
Уж лету конец, увядают цветы
И прежней не видно в степях пестроты.
Зима впереди. Долго ль выдержит рать?
Ведь руки к булату начнут примерзать.
Злой ветер дохнет, складки туч шевеля,

И, словно гранит, затвердеет земля,
Пришлют подкрепленье мне с разных сторон —
Ты роком враждебным на смерть обречен.
Надеешься, верно, что в этой войне
Тебе суждено одоленье, не мне,
Но рок все изменит, и тщетным твой труд
Окажется, жатву другие пожнут.
Обрушить задумал ты на землю твердь,
В Туран принести разоренье и смерть,
Снести поголовно всем головы с плеч,
Меня же, настигнув, полону обречь.
Того, знай, вовеки тебе не свершить,
Ведь несокрушимого не сокрушить!
Величьем был дед мой Задшем знаменит,
А предки мои — Феридун и Джемшид.
Мне знанье дано, мне дана благодать
И, словно Сорушу, дано мне летать.
Коль в этом бою не достигну побед,
Я знаю, что делать, не нужен совет.
По воле Йездановой скроюсь в ночи
Меж звезд, проливающих с неба лучи.
Отдам тебе край и венец мой, и стяг,
А сам устремлюсь я за реку Кимак.
В Гангдеже далеком засяду, и там
Меня не достать ни тебе, ни бойцам.
Когда же настанет мой час воевать,
На старости лет двину грозную рать,
И снова тебя стану звать я на бой,
Закон и обычай отстаивать свой.
Но если изгонишь из сердца вражду —
С любовью тебя в свои земли введу,
С алмазами, златом раскрою ларцы.
Ты царские все кушаки и венцы —
Наследье Иреджа и Тура — себе

Возьми, позабудь о кровавой борьбе!
Не жаль ни Мачина, ни Чинской земли,
Желания сердца сполна утоли.
Отдам Хорасан и Мекранский весь край*,
Удачу свою и моею считай.
Дорогой, где шествовал царь Кей-Кавус,
Послать тебе войско большое клянусь.
Богат станет каждый твой воин простой,
Престол обретешь и венец золотой.
Клянусь под началом твоим воевать,
В собрании каждом царем называть.
Итак, поразмыслив сперва обо всем,
Меня извести о решенье своем.
Но если, упорствуя, злобой палим,
В бой рвешься по-прежнему с дедом своим,—
Посла отпусти, выводи удальцов!
Как тигр, я с тобою схватиться готов''».

[*Ответ Кей-Хосрова Джехену*]

Дослушав воззванье посланца того,
Хосров усмехнулся, взглянул на него
И так отвечает: «Искатель венца!
Я выслушал слово твое до конца.
Хвалу воздаешь мне. Надеюсь, и впредь
О царстве моем будет слава греметь.
А ныне запомни, что я говорю
В ответ на посланье Турана царю:
Меня восхваляешь, сулишь торжество —
Да, верю, дождусь торжества своего.
Твердишь ты, что взыскан я щедро творцом —
Владыка, в невиданном счастье своем
Вознесшийся выше всех в мире владык,
Чье радостно сердце, чей жребий велик

И светлою правдою дух осиян,—
Да, это воистину дал мне Йездан!
Я знаю, ты вкрадчив и сладкоречив,
На деле ж коварен, жесток, нечестив.
Чьи помыслы чисты, светла голова,
У тех не расходятся с делом слова.
Сам царь Феридун стать не мог бы звездой,
Укрыться от глаз под землей иль водой,
А ты говоришь: вознесусь как звезда.
Как видно, ты вовсе лишился стыда!
Свой дух осквернил ты стряпней колдовской,
Звенит твоя речь побрякушкой пустой.
Сокрыта за нею коварная ложь,
Разумного ею в обман не введешь.
Погиб Сиавуш, и тебе не под стать,
Отца умертвив, сыну лесть расточать.
Над матерью чистой моею не ты ль
Глумился, повергнув несчастную в пыль?*
Еще не успел я родиться на свет,
Как ты уж обрек меня тысяче бед.
И каждый из тех, кто у трона стоял,
Твое злодеянье в душе проклинал.
Они восклицали: «Не слыхивал мир,
Чтоб царь иль прославленный вождь, иль везир
Обрек свою дочь на мучения сам,
Свирепым своим приказав палачам
Плетьми избивать беспощадно ее,
Чтоб мертвым извергнуть ей чадо свое.
Пиран на подмогу тогда подоспел,
Разрушить тот замысел черный сумел.
Небесный, знать, так повелел судия,
Чтоб спасся и в мире возвысился я.
Он злобу твою от меня отвратил,
Для доли великой сберег, защитил.

Припомни, какой меня доле обрек,
Когда я родился, как был ты жесток —
Послал меня в горную глушь, к пастухам,
Велев, словно зверя, растить меня там.
Так длилось пока, возмужав средь нужды,
Пираном я выручен был из беды.
Меня пожелал ты узнать, разглядеть —
Достоин ли царским престолом владеть,
И если достоин властителем быть,
Меня, как отца моего, погубить.
Но правый Йездан оковал мне уста —
Ты скажешь, постигла меня немота.
Меня боязливым и глупым ты счел,
И грозную длань от меня ты отвел.
Погиб от руки твоей царь Сиавуш,
Корысти и злобы не ведавший муж,
Мечтавший приют обрести у тебя.
Душой справедливость и мир возлюбя
И помня о клятве священной своей,
Деянье, достойное славных мужей,
Свершил он: отверг и венец и престол,
В твой стан, под начало твое перешел,
Покинул державу отца своего,
Чтоб только не счел ты коварным его,
Но, видно, стерпеть тебе было невмочь
Царевича доблесть, величье и мощь.
Ты низкую злобу в себе распалил,
Достойного, чистого мужа убил.
Рожденный для славы, престола, венца,
Он пал, обезглавленный, словно овца.
Твой род со времен Менучихра-царя
Вершит беззакония, злобой горя.
Тур алчный начало вражде положил —
С венчанным родителем в распрю вступил;

Свирепствуют внуки, подобно ему,
И совести наперекор и уму.
Новзера венчанного ты умертвил,
Хоть внуком царя, царским сыном он был.
Затем Агрирес, младший брат твой родной*,
Приверженный сердцем лишь правде одной,
Тобой, палачом, был на казнь обречен —
Ты, знать, не от мужа, от беса рожден!
Чтоб все злодеянья твои перечесть,
Пришлось бы им счет нескончаемый весть.
Ты будто бы адского древа побег,
На землю попавший, а не человек!
Еще ты сказал, что злокозненный див
Смутил тебя, с правой стези совратив.
Зоххак и Джемшид говорили в те дни,
Когда от добра отвернулись они,
О том же: „Попали, мол, к дьяволу в сеть,
И к добрым делам неспособны мы впредь!“
И все же настигло возмездие их,
Поддавшихся злу, от рождения злых.
Рок тяжкие беды готовит тому,
Кто светоча правды не видит сквозь тьму.
А сколько отважных, исполненных сил
В Пешене Пиран беспощадно скосил!
Рекою лилась кровь Гудерзовых чад,—
Но кровь проливать ты, безжалостный, рад,
И вскоре привел ты опять за собой
Несчетные тысячи рвущихся в бой.
Раскинув становище в степи Аму,
Пешенга ты к стану послал моему,
Чтоб голову мне беспощадно отсечь,
Мой край разорить, города мои сжечь.
Но мне вседержитель великий помог,
Тебя ж посрамил и несчастью обрек.

Сказал ты, что слышать отрадно тебе
О царстве моем, о счастливой судьбе.
Но мыслью к твоим возвращаясь делам,
Как в это поверю, подумай ты сам!
Отныне до судного дня только меч —
Посредник меж нами, не мирная речь.
Войска снаряжу, не жалея казны
При добрых знамениях звезд и луны.
Йездану мольбы вознесу в тишине,
Иного не надо наставника мне.
Он, правый, поможет мне зло извести,
Даст правде и щедрости пышно цвести,
Поможет мне к лучшему мир изменить,
Бесчестия плевелы искоренить.
Все это ты деду скажи моему,
Довольно от битв уклоняться ему!»
Речь кончил Хосров. Дал Джехену он в дар
Корону с убором, горящим как жар.
Вернулся Джехен и, увидев отца,
Сначала ту речь повторил до конца.
Ответом таким Афрасьяб разъярен;
Исполненный жаждою мщения, он
Бойцам своим роздал немало казны,
Оружие, панцири — все для войны.

[*Третья битва войска Кей-Хосрова с войском Афрасиаба и взятие Бехештканга*]

Земля пробудилась в рассветном огне,
Подобная белой слоновьей спине.
Построил дружину свою Афрасьяб;
О сне и помыслить она не могла б!
Призывы кимвала окрест разнеслись,
Степь словно в броне, тьмой окутана высь.

Коня своего оседлал до зари
Владыка, которого чтили цари.
Твердыню со всех объезжая сторон,
Ход битвы грядущей обдумывал он.
Поставил с одной стороны Кей-Хосров
Ростема с дружиной забульских бойцов,
С другой — Гостехема, чья мощь велика,
А с третьей—Гудерза седого войска.
С четвертой же — сам он, любимец побед,
Слоны с ним, литавры и воинства цвет.
Твердыня враждебная окружена,
Доспехами бранными рать снабжена.
Велит вслед за тем предводитель бойцов
Глубокий вкруг крепости выкопать ров.
Умельцы на зов Кей-Хосрова спешат.—
Все те, что владеют искусством осад,
Чья родина Хинд, или Чин, или Рум,
Чей опыт велик, проницателен ум;
Они, вкруг твердыни носясь день и ночь,
Усердно искали, чем делу помочь.
Ров выкопан был в два копья глубиной,
Пред ним протянулся воинственный строй,
Чтоб вражья дружина напасть не могла
В тот час, как на землю опустится мгла.
Строитель, что тайны осады постиг,
У входов по сотне таранов воздвиг,
Еще камнеметов по двести. Едва
Покажется вражья вверху голова,
Нацелится тотчас в нее камнемет
И вдруг смертоносным дождем обольет.
Румийцы — с колчанами, полными стрел,
У каждого в меткой руке самострел.
Велит Кей-Хосров на двух сотнях слонов
К твердыне доставить побольше столбов,

Подкопы под стены оплота того
Прорыть и столбы подвести под него;
Их нефтью облить он приказ отдает —
Тут ратная хитрость им пущена в ход:
Нетронутой кажется крепость на вид,
На деле ж — на шаткой опоре стоит.
Вдруг хлынет на стены град стрел и камней,
И лица врагов станут мела бледней;
Им сверху принять вражьих палиц грозу,
А сваи древесные вспыхнут внизу.
Напасть приготовились с разных сторон,
Как учит осад и вторжений закон.
Потом удалился владыка земли
И перед всевышним простерся в пыли;
Томясь, извиваясь подобно змее,
В стремлении к мести, мольбу судие
Вознес: «Ты надежд утоление шлешь,
В час тяжкой беды избавление шлешь.
Моя правота ведь известна тебе,
Не дай потерпеть пораженье в борьбе!
С престола низвергни царя-колдуна,
Да будет мне радость отмщенья дана!»
Так сердце излив пред владыкой миров,
Грудь белую в панцирь облек Кей-Хосров;
Затянуты крепко кушак и броня,
И в битву он мчится быстрее огня;
Идти в наступленье приказ отдает,
И бой закипает у каждых ворот.
Столбы подожгли по веленью вождя,
И стрелы посыпались чаще дождя.
От дыма, от гула пращей в этот миг
Померк в небесах солнца ясного лик.
Тараны гремят, все окутала мгла,
Степь точно индиго, а небо — смола,—

Такой облекла его пыль пеленой;
Сказал бы, что борются солнце с луной.
Рев трубный слоновий и клики мужей*,
И взмахи булав, и сверканье мечей.
Вот нефтью облитые сваи зажглись,
По воле творца, как дрова, занялись.
И башня, сказал бы ты, вдруг затряслась,
Горою невиданной с места снялась,
И вот уже, рухнув, простерты в пыли,
Бойцы, что на башне дозоры несли.
Попавшим жестокому жребию в сеть
Не жить, не видать света белого впредь!
Иранцев ликующий клич загремел,
Пред башнею рухнувшей бой зашумел,
И в крепость искатели славных побед
Тотчас ворвались за Могучим вослед.
Как только о том Афрасьяб услыхал,
К Джехену он и к Герсивезу воззвал:
«Мужей не печалит твердыни разгром,
Храбрец огражден закаленным мечом!
За землю свою, за возлюбленных чад,
За кров, достоянье, за светлый свой град
Сразимся, кольчугу с кольчугой скрепим,
Страну зложелателю не отдадим!»
К пролому рванулась туранская рать —
Громада, которой конца не видать.
Как тигры, схватились, смешались, слились,
И ярые клики окрест разнеслись.
Туранцы, что листья осины, дрожат,
Смятеньем и ужасом каждый объят.
И тут повелел Кей-Хосров удальцам —
Ростему и прочим могучим бойцам,
Чтоб пешими те устремились в пролом,
За ними строй храбрых, разящих копьем,

За теми вослед на конях силачи,
Несущие луки, секиры, мечи.
Коль станут теснить копьеносцев — тотчас
Им всадники помощь окажут, примчась.
И войско на войско огромной горой
Надвинулось, грянул губительный бой.
В твердыню, смелей разъярившихся львов,
Мгновенно проникли ряды удальцов
С Ростемом-вождем. Черный вражеский стяг
Поверг он, чтоб дрогнул, отчаялся враг,
Иранских дружин стяг лиловый вознес,
Стяг царственный, львиноголовый вознес.
Над полем гремит торжествующий крик
Во славу победы владыки владык.
Немало туранских бойцов полегло,
Удача от них отвратила чело.
В тот час пораженья туранцев из них
Забульский герой заарканил двоих;
Трон ими держался дотоле, но в плен
Попали теперь Герсивез и Джехен.
Злой жребий настиг исполинов: один
Был брат Афрасьяба, другой — его сын.
Тут ринулась вражеский град разрушать
Горящая жаждою мщения рать.
Жгут, режут и грабят, не зная преград,
Рыданья и вопли повсюду звучат.
И старцы, и жены с детьми там и тут,
Спасенья ища, от иранцев бегут.
Немало в том бегстве ногами слонов
Затоптано женщин, младенцев, юнцов.
Покинув и землю, и ратный свой стан,
В отчаянье, в горе бежит весь Туран.
Кровавые реки текут из очей;
Все плачут над горькою долей своей.

Лишились и жен и детей, и казны,
Гонимы, изранены, удручены.

[*Бегство Афрасиаба из Канга*]

Вступил во дворец Афрасьяб, омрачась,
Потоки кровавые пролил из глаз.
На башню поднявшись, родной весь предел
И ратное поле, и град оглядел,
И видит: две трети бойцов полегли,
А прочие в бегстве спасенье нашли.
Наездников клики, рыдания жен*.
Ступает с кимвалом грохочущим слон.
Здесь мертвых холмы громоздятся, а там
Живой брошен под ноги лютым слонам.
Царь видит, куда бы ни кинул он взгляд,
Огонь, разрушение, гибель и ад.
Таков наших дней быстротечных закон:
Один торжествует, другой побежден.
Увидел владыка Турана разгром,
Дружине его учиненный врагом,
И думает: «Горе! Мой дух изнемог.
Так вот что судил мне безжалостный рок!
Утратил я братьев, сынов и страну,
Престол и кушак, и венец, и казну.
Давно я провидел — наступит сей день,
Мне станет желанна могильная сень».
В печали глубокой он с башни сошел
И так говорил, оставляя престол:
«Кто знает, дозволит ли жребий опять,
Воссев на тебе, мир и счастье вкушать!»
Покинул владыка родимый предел,
Смятенною птицею прочь улетел*.
Прорытый в минувшие дни, под землей

Был ход во дворце у него потайной.
И даже никто из охраны его
Не видел подземного хода того.
Две сотни избрав именитых мужей,
Царь с ними бежал из твердыни своей
И скрылся в пустыне. Была вся страна
Тем бегством таинственным изумлена.
Нигде беглеца отыскать не смогли:
Сказал бы ты, скрылся он с лика земли.
Противника счастье низвергнув во прах,
Вступает в чертог победителем шах;
Воссев на туранский сверкающий трон,
Бойцов разослал во все стороны он*.
Прошли всю страну от конца до конца,
Но тщетно искали они беглеца.
Допрошены были попавшие в плен
Туранцы-вожди Герсивез и Джехен;
Мол, как повелитель их скрылся, и где
Убежище смог отыскать он в беде?
Не смог ни Джехен, ни злодей Герсивез
Ответить: бесследно венчанный исчез.
От шаха услышало войско тогда:
«Коль бегство — единственный выход,— беда
Владыке! Удел его — честь схоронить,
И жизнь его впору со смертью сравнить».

[*Кей-Хосров дарует помилование близким Афрасиаба*]

Царь, выбрав из храброй дружины своей
Прославленных мудростью знатных мужей,
Сказал им: «Весь век вам счастливыми быть!
Мне дайте обет справедливыми быть.
Вам ключ от казны нечестивца теперь

Вверяю. Казной завладейте, но дверь
В заветный покой не дерзайте открыть,
Ваш долг—от вторжений его оградить.
Нам должно щадить Афрасьябовых жен,
Пускай тишину не встревожит их стон».
Он стражей приставил к несчетным стадам
И вольно пасущимся вкруг табунам.
И как подобает царям поступал,
Родных побежденного не притеснял.
Поступки Хосрова иранцев дивят,
С досадой они меж собой говорят:
«Воистину странно ведет себя шах:
Подумал бы ты, у отца он в гостях.
Как видно, им вовсе теперь позабыт
Родитель, что так беспощадно убит.
Забыл, как по знойной дороге, в пыли
За косы страдалицу-мать волокли,
Как сам молоком он овечьим в горах
Вспоен был, достойный величия шах.
Зачем, словно хищник, чьи когти остры,
Он всех не сгубил здесь до этой поры!
Зачем не поверг Афрасьяба чертог,
Родных не казнил, их палаты не сжег!»
Как только услышал венчанный Хосров
О ропоте им недовольных бойцов,
Немедля созвал он знатнейших мужей,
Наставил их речью разумной своей:
«Нам ярость и пламя не след раздувать,
Не следует волю безумью давать.
Должны мы хранить и в разгаре побед
Добра, справедливости, чести завет.
Не вечно мы все в этом мире живем,
Так пусть поминают нас только добром!
Ведь может небесный разгневанный свод

Любого низвергнуть в пучину невзгод».
Затем пожелал повелитель земли,
Чтоб царских затворниц к нему привели.
Иранцы тотчас понеслись во дворец*,
Старинной вражды не изгнав из сердец.
Теперь — в том уверены были они —
Окончатся жен Афрасьябовых дни.
Готовы уж смерти несчастных обречь,
Отнять достоянье, чертоги поджечь.
Рыдания тут до царя донеслись:
«О царь справедливый и мудрый, смягчись!
Припомни, что вытерпеть нам привелось,
Избавь же от новых страданий и слез!
К властителю старшая входит жена,
И дочери с нею; рыдает она.
За каждой — по сотне рабынь молодых,
Сверкают алмазы в венцах золотых;
Подходят к владыке, чей страшен им гнев,
И низко опущены головы дев.
У каждой жаровня и с амброй сосуд*,
Они благовония пряные жгут.
Любуясь, сказал бы ты: звезды сошли
С небесных высот на просторы земли!
К престолу владычица жен подошла
И с жаром владыке хвалу воздала.
Приблизились также, лицом разгорясь,
Красавицы — ими гордился б Тераз!
И плакать безудержно стали они,
Ведь множество бед испытали они.
О том, кто с младенчества в холе возрос,
Но в бедствия впал, не помыслишь без слез.
Начавши с хвалебных, приветственных слов,
Воззвала царица: «О добрый Хосров!
Что было б за счастье, подумай о том,

Когда бы Турану не стал ты врагом,
Сюда для веселого пира пришел,
Как вестник желанного мира пришел,
В краю, что сегодня владыки лишен,
Воссел бы с отрадой на дедовский трон,
Когда б Сиавуша злодей не сразил.
Но знать, такова была воля светил!
Я знаю, того, что свершил лиходей,
Не сможешь простить до скончания дней.
Как больно мне душу терзало и жгло *
Безвинному им причиненное зло,
Как много кровавых я слез пролила —
То знает творец да полночная мгла.
Я тщетно звала, чтоб путем шел другим,
Безумец не внял увещаньям благим.
И вот что постигло его под конец!
Утратил державу, престол и венец,
Блуждает, и сон потеряв и покой —
Смерть лучше мучительной жизни такой!
А сын мой Джехен, твой, о доблестный шах,
Прославленный родич томится в цепях.
Ты с нами, безвинными, так поступи,
Как должно царю: пожалей, не губи!
Тебе присягаем мы, низко склонясь,
Нет в мире владыки другого для нас.
За грех Афрасьяба, царя-колдуна
Не мсти нам, не наша ведь это вина.
Лить кровь беззащитных, громить, убивать
Владыкам, подобным тебе, не под стать.
Не всем ли покинуть сей мир суждено,—
На имя твое да не ляжет пятно!
Не то устыдишься, когда приведут
Тебя к властелину вселенной на суд».
Внимает с глубокою жалостью шах

Красавицам. В изнеможенье, в слезах,
Они умоляют; печаль их томит,
От слез пожелтели тюльпаны ланит *.
Внимают мужи, каждый тронут из них,
Все жен и детей вспоминают своих.
И слышит Хосров, повелитель царей,
Мольбу предводителей-богатырей;
Они уповают, что жен Кей-Хосров
Помилует ради владыки миров.
И царь справедливый сказал им в ответ:
«Каких для себя не желал бы я бед,
Таких и другим я чинить не хочу.
Хоть жаждет душа отомстить палачу,
Но вспомнив как тот венценосный злодей
Глумился над матерью бедной моей,
Горю состраданьем: обиды такой
Своей нанести не могу я рукой».
Затворницам скорбным ответствовал царь:
«В чертоги вернитесь, живите, как встарь.
Отныне да будет ваш радостен дух,
Жестокая речь да не ранит ваш слух!
Я чужд вероломству и злобе, меня
Страшиться не должно вам с этого дня.
Коль ближнему зла пожелал человек,
Он тем самому сократил себе век.
Живите покойно под сенью дворца,
Вручите себя попеченью творца!»

[*Кей-Хосров поучает иранцев*]

Воителей скликнув, им царства глава
Сказал в назиданье такие слова:
«Да славится победоносный наш трон *,
Да будет победой всегда озарен!

Ваш ныне от края до края Туран,
Здесь дом ваш, такой же родной, как Иран.
Пусть ваши сердца распростятся с враждой,
Врагов покорите своей добротой.
И так мы немало им бед принесли,
Здесь нет не пропитанной кровью земли.
Не требуя слов благодарности, вам
Я всю боевую добычу раздам.
Всю землю иранскую обогащу,
И золотом, и серебром насыщу.
Творите добро, чтоб покончить со злом,
На холод ответьте весенним теплом.
Довольно вам души людские губить,
Безвинные головы полно рубить!
Обид не чините, ворвавшись к тому,
Кто дочь и жену укрывает в дому.
Страшись нанести беззащитным изъян —
Того не простит правосудный Йездан.
Лежачего бить недостойно в борьбе,
Жестокий вредит самому же себе.
Не жги городов: если их пощадишь,
Ты в друга врага своего обратишь.
К тому ж не достойно великих вождей
Крушить беспощадно творенья людей».
Хранилища рати туранской Хосров
Раскрыл для своих именитых бойцов,
И кроме казны Афрасьяба-царя,
Все роздал он, каждому щедро даря
Оружье, динары, престолы, венцы;
Несчетные блага собрали бойцы.
К царю-победителю издалека
Туранские шли непрерывно войска.

[Победное послание
Кей-Хосрова Кей-Кавусу]

Писцу подойти повелел своему *,
Сказал, что сказать надлежало ему.
В начале письма воздавалась хвала
Тому, кто народы избавил от зла,
Кто счастья звезду над землею зажег,
А злых чародеев на гибель обрек.
Он мудр и могуществен, и справедлив,
И внятен ему угнетенных призыв.
Царь дальше писал: «Много видевший Кей!
Под сенью святой благодати твоей
Мы заняли крепость врага; навсегда
Померкла удач его бранных звезда.
У Гользериюна большое число *
Туранцев повержено: там полегло
В одном лишь бою сорок тысяч бойцов,
Разящих стальной булавой удальцов.
Вихрь яростный после того налетел,
Корчуя дубы, зашумел, заревел
И в воду несчетные сбросил войска,
Которым победа казалась близка.
Хоть так многочислен строй недругов был,
Их сотни наш каждый боец уложил.
Тогда в Бехештканг неприятель бежал,
Убежищем тесную крепость избрал.
Мы взяли ее: за твердыню сию
Мужей тридцать тысяч погибло в бою.
Злодеем был царь Афрасьяб, оттого
Покинули счастье и мудрость его.
Того, чьи войска наводняли весь край,
Исчез даже след, в страхе скрылся он, знай.
Надеюсь и впредь этой вести под стать

Одни донесенья победные слать».
Письмо золотою печатью скрепил
И, счастьем сияя, посланцу вручил.
С мужами потом пировал до зари
Под пенье красавиц, подобных пери...
Шло время, и вот наступила весна,
И красок, и благоуханья полна.
Равнины в зеленый атлас облеклись,
Вся в тучках — пестрей шкуры барсовой высь.
Онагры и серны в просторе степном
Резвятся. В утехах день мчится за днем.
Охота с борзыми идет дотемна,
А за полночь — песни и реки вина.
С онаграми мог бы сравниться в тот год
На пастбищах тучных откормленный скот.
Телята, и те словно тигры сильны,
А статью и легкостью сернам равны.
Разведчиков царь во все стороны шлет,
О замыслах вражьих от них узнает.

[Кей-Хосров узнает о походе Афрасиаба с войском фагфура]

Меж тем из Хотенской и Чинской земли
Об Афрасиабе известья пришли:
«Наполнился шумом и грохотом Чин,
С Тураном в союзе его властелин.
До Гульзериюна раскинули стан,
И полчища те возглавляет хакан.
Нет счета казне, драгоценным камням,
Рабам и украшенным пышно коням,
Что в дар Афрасьябу царь Чина прислал,
Верховным его властелином признал.
Шесть тысяч верблюжьих прислал ему нош.

С казною Пирана — все золото сплошь.
Немало добра из Хотена пришло,
И войск снаряженных несметно число».
Лишь только известия те донеслись
До ратных вождей, что Хосрову сдались,—
Покинули шаха, затеяли вновь
Меч брани поднять, лить иранскую кровь.
Рать вывел несчетную царь Афрасьяб —
Любую дружину осилить могла б!
Земле, ты сказал бы, невмочь ее несть,
Ее и звезде с небосвода не счесть.
То грозное войско ведя за собой,
Помчался он — звать Кей-Хосрова на бой.
Лишь царь о вторжении том услыхал,
Окрест он дозоры свои разослал.
Оставлены в Канге Горгин и Ферхад *
С Гудерзом-вождем, чей родитель Гошвад.
На страже им быть, не снимая постов,
И править разумно велит Кей-Хосров.
Он учит Гудерза: «О войске своем
Заботься усердно и ночью и днем.
Туранцев, коль словом единым хотя б
Напомнят, что сердцу их мил Афрасьяб,
Сурово карай в этот час боевой,
Безжалостно вешай их вниз головой!
Зато безобидным обид не чини,
Пекись о бойцах и казну сохрани».
Забили в литавры пред царским шатром,
Кимвальный и трубный разносится гром.
Царь двинул могучую, стройную рать —
Такую и солнцу возглавить под стать!
Покинули Канг и помчались туда,
Где стан свой раскинула вражья орда.
Уж на два фарсанга к врагу подошли,

И войску сказал повелитель земли:
«Очей до зари не смыкайте, покой
Опасен для рати военной порой».
Расставил он сторожевые посты,
Их сам объезжает в часы темноты.
Там, к битве грядущей готовясь, семь дней
Стоял он с огромною ратью своей.
На утро́ восьмое дозорный, примчась,
Сказал: «Надвигается недруг на нас!»
Царь войско построил на поле войны,
Светила дивились ему с вышины!
И без промедленья Турана глава
Рать выстроил также. Такие слова
Сказал он мужам: «С нетерпением жду
Развязки — как будто на праздник иду.
Я встарь во дворце видел гордые сны,
Томился, коль день проводил без войны.
А ныне, скитаясь, усталый беглец,
Во гневе, в тоске тороплю я конец.
Хосрову ль меня победить суждено,
Мне ль новую участь изведать дано —
Не знаю, но с ним в поединок вступлю,
Повергну его иль себя погублю!»
Ему отвечали на то мудрецы,
И родичи близкие, и пришлецы:
«Задумав такое, к чему собирать
Несметную, многоплеменную рать?
Туранцы и чинцы, чужой и родной
С тобою все к цели стремятся одной.
Мы клятвы своей не преступим; любя
Мы головы рады сложить за тебя.
Не жаль ради жизни бесценной твоей
Пожертвовать тысячей тысяч мужей —
Лишь пало б на долю тебе торжество.

Живем мы величьем венца твоего».
Над полем воинственный клич загремел,
От гула земной содрогнулся предел.
Стал черен, как смоль, солнца диск золотой,
И звезды сверкнули средь пыли густой.

[*Послание Афрасиаба Кей-Хосрову*]

Турана глава, из дружины своей
Двух выбрав испытанных, мудрых мужей,
Шлет с ними посланье: «О шах, позади
Ты много оставил фарсангов пути, —
Их тысячу, верно, враждой обуян,
До Канга прошел ты, покинув Иран.
Два войска, под стать саранче, собрались,
И степь наводняя, и горную высь.
От чинской страны до туранской страны
Бушует кровавое море войны.
Когда бы та кровь, что досель пролилась,
По воле творца воедино стеклась,
Возникло бы новое море-Кользом,
И полчища наши исчезли бы в нем.
Что хочешь, отдам — и войска, и казну,
Туранский венец и престол, и страну,
Отдам и бесследно исчезну. Ключа
Мне нет к избавлению, кроме меча.
Брань кончим. Твой дед я родной; Феридун —
Мой предок, тот мудрый, венчанный колдун.
Коль жаждешь за гибель отца отомстить,
Меня ненавидя, не хочешь простить —
Знай, был Сиавуш виноват предо мной,
Мне сердце изранил своею виной.
Таков был, к тому ж, провидения суд —
То благо, то горе нам звезды несут...

Давно не вступал я в воинственный спор,
Уж лет шестьдесят миновало с тех пор.
Прошу я, о внук мой, Ирана глава,
Владеющий хваткой могучего льва:
Ты место в укромном назначь уголке,
От преданных нам удальцов вдалеке;
Не должно им видеть властителей бой,
Один на один мы сразимся с тобой.
Коль чудище сетью из вод извлечешь,—
Меня в поединке на смерть обречешь,—
Моим ты сородичам злобно не мсти,
Все помыслы черные прочь отмети.
А если паду я от длани твоей —
Йезданом клянусь, из иранских мужей
Познать ни единому боли не дам,
И ветру дохнуть на них в поле не дам».
Когда от посланцев ту речь услыхал,
Царь сыну Дестана Ростему сказал:
«Коварный туранец, храбрясь и кичась,
Ужель не провидит падения час?
О битве твердя, сам навстречу беде
Спешит он — знать, рвется в могилу к Шиде.
Пешенга он сын, Феридун ему дед*,
С ним битва меня не унизит, о нет»!
«Владыка, — на то отвечал исполин,—
Вовек да не знаешь забот и кручин!
Негоже сражаться царю самому,
Хотя бы Пешенг бросил вызов ему.
Твой недруг взывает: не трогай мой край,
На войско, на родичей не нападай.
Но вспомни, от моря до моря твой строй
Ждет боя последнего этой порой.
Йездан повелел тебе деду отмстить,
Не должен ты в сердце сомненья растить.

Двинь грозное войско в сраженье, о шах,
Не думай о вражьих коварных речах!»

[*Четвертая битва иранцев с туранцами*]

Услышав могучего мужа слова,
Решенье меняет Ирана глава *;
Сказал он в ответ молодому послу:
«В бой рвется со мною приверженный злу!
Он столько ж любви Сиавушу являл,
Вел сладкие речи, но зло замышлял.
Иди, от меня Афрасьябу скажи *:
Стыд — участь приверженцев кривды и лжи.
Коль схватки возжаждал, найдешь ты иных
Противников в наших рядах боевых.
Ростем среди нас и воинственный Гив,
Что с тигром сразился бы, не отступив.
Когда в поединок ты думал вступить,
Зачем было мощную рать приводить?
День черный твой близок. Зовешь меня в бой
Напрасно, не стану сражаться с тобой!»
Сказал бы ты, буря умчала гонца;
Что слышал, сначала он все до конца
Царю передал. Афрасьяб, омрачась,
Откладывал долго сражения час.
Шах первым повел наступленье, тогда
В бой двинулась волей-неволей орда.
Враг медлит, но рвутся иранцы вперед,
И степь обращается в водоворот.
По шлемам и панцирям стрелы стучат—
Ты скажешь, из тучи посыпался град *.
С рассвета, доколе закат запылал,
От крови был прах под копытами ал.

Войска разлучила лишь темная ночь,
Когда уж глазам стало видеть невмочь.
В свой стан воротился любимец побед,
Чью мудрость и мужество славил весь свет.
Речь с Тусом заводит: «Знай, нынешний бой
Врага не утешил; вновь споря с судьбой,
Захочет он ночью нагрянуть на нас,
Излить накопившейся злобы запас».
Велел на пути у туранцев Хосров
Глубокий, губительный выкопать ров;
Костры повелел в эту ночь потушить
И всех колокольчиков звон заглушить.
Бойцов самых смелых, исполненных сил,
Избрав, он Ростему вести поручил.
Другую построив могучую рать,
Велел ей немедленно в путь выступать;
Над нею поставил он Туса главой,
И в горы помчался воинственный строй;
Туда и Хосров двинул войско затем,
В степь вывел дружину могучий Ростем;
Ему надлежит вслед за Тусом уйти
В засаду, обходные выбрав пути.
«Не должен,— сказал он,— дозорный ничей
Ни факелов жечь по ночам, ни свечей.
На нас коль ударит во мраке ночном
Владыка Турана — мы биться начнем,
Его из засад обойдем с двух сторон,
На гибель он будет тогда обречен.
Мы здесь его сдавим в смертельных тисках,
А с тыла нагрянет с дружиною шах».

[*Ночное нападение войска Афрасиаба на стан Кей-Хосрова*]

Как только хребет темной ночи ослаб,
Задумал на шаха напасть Афрасьяб.
Созвав на совет вожаков боевых,
Владыка напомнил о битвах былых:
«Страшусь, как бы верх надо мною не взял,
Мой внук злонамеренный,— так он сказал.—
Теперь, знать, Ирана бойцы разбрелись
По склонам и долам, и сну предались.
Страх вырвав из сердца, занесши мечи,
На них совершим нападенье в ночи!
Коль сможем со славою их одолеть,
Своею державою будем владеть.
А если нам счастье изменит — тогда
Усилья напрасны, нагрянет беда».
Решили готовиться к битве ночной,
Вновь заняты мысли одною войной.
Полсотни он тысяч избрал удальцов,
Искусных и славолюбивых бойцов.
Лазутчиков после призвал он к себе
Отважных, испытанных в тайной борьбе.
Вот к ставке иранской направил свой шаг
Лазутчиков тех искушенный вожак.
Ни стражей, ни окриков их; погружен
Весь стан в темноту и молчанье, и сон.
Не звякнет булат, не блеснет огонек,
Что близко враги — никому невдомек.
«О царь,— воротившись, доносит храбрец,—
Не бодрствует там ни единый боец.
То ль все после пира мертвецки пьяны,
То ль жизни внезапно они лишены.
Дозорных не видно, и не защищен
Никем беззаботных воителей сон».

Лишь эти слова Афрасьяб услыхал,
Свет радости в сердце его засиял.
Воссел на коня и построил он рать;
Все в крепкой броне, все готовы скакать.
И вот уже хлынуло войско рекой,
В бой рвутся мужи, позабыли покой.
Но мчатся бесшумно, в рядах ни речей
Не слышно, ни звона булав и мечей.
И вот уж они пред верховным шатром.
Раздался трубы оглушительный гром,
Призывы кимвалов окрест разнеслись,
И черное знамя взвивается ввысь.
Клич грянул, строй воинов передовых
Летит, горяча скакунов боевых.
Но первые в ров повалились ряды,
А прочие ринулись прочь от беды.
Пыль вздыбив, с бойцами Ростем прискакал,
И на поле сумрак пугающий пал.
С другой стороны Тус с Гудерзом, и Гив
Несутся, степь громом литавр огласив.
Владыка под стягом Каве; от клинков
Бесчисленных, скажешь ты, воздух лилов.
— Коли! Бей! Руби! — всюду клики слышны.
Без памяти люди, без сил скакуны.
Два моря кровавых в волненье пришли,
И в пурпур оделись просторы земли.
В броне меченосцы вперед понеслись —
Их столько, что горы вокруг затряслись.
Для тех, кто от смерти стремился уйти,
Убежища нет, нет для бегства пути
Средь множества тел неподвижных, немых.
Из сотни бойцов нет десятка в живых.
Иранцы ликуют; услышав о том,
Владыка Турана льет слезы ручьем.

Рыдает и рать, видя горе царя,
В горниле печали душою горя,
Сказал он: «Коль рока немилостив суд,
Ни мощь, ни умение нас не спасут.
Врагу не добыча, а жизни нужны,
Так ринемся снова на поле войны!
Добудем Иреджа державный венец
Иль в битве кровавой найдем свой конец!»
Клич бранный у ставок обеих взгремел,
Рев труб оглашает равнины предел.
На версты раскинулся строй. За мечи,
За копья схватились бойцы-силачи.
За черною пылью небес не видать,
Несется за ратью огромная рать:
Сказал бы, на море, под пологом мглы,
Свирепствует буря, вздымая валы.
Сплошь залиты кровью равнины и склон,
Диск солнца со сводом небес разлучен.
Лик неба в смоле, будто в мире уж ночь,
И дольше бойцам защищаться невмочь.
Вдруг грянула буря, которой сильней
Не знала земля с незапамятных дней;
Прах черный над полем войны подняла,
Весь мир пред туранцами тьмой облекла;
С ног падают, шлемы с голов их летят,
Смятением их повелитель объят.
Уж кровью людскою вся степь залита,
Прах, кровью пропитанный,— яшме чета.
Герои Турана, которым в былом
Охота на тигров была нипочем,
В боренье с судьбою остались без сил,
Вихрь буйный с конями бойцов уносил.
Увидя, что стану иранских бойцов
Вновь служит удача, владыка Хосров

Вперед устремился с кимвалом своим,
Гив, Тус и Гудерз, и Ростем вслед за ним.
Напали Ростем и Хосров с двух сторон,
И кличем воинственным мир потрясен.
Пыль небо окутала, тучею встав,
Дождь хлынул — дождь копий, мечей и булав.
Все поле завалено грудами тел *,
Ты скажешь, лик древней земли помертвел.
Не воздух, а цвета индиго шатер,
И кровью затоплен равнины простор,
И кажется небо орлиным крылом
От стрел оперенных. С угрюмым челом
К враждебному знамени взор обратил
Владыка Турана, и стяг опустил.
В смятенье покинул он войска ряды,
Взяв знатных с собой, ускакал от беды;
Лишь тысяча родичей с ним и вождей,
Готовых к борьбе, закаленных мужей.
Помчался глухим бездорожьем степным,
Измучил иранцев погоней за ним.
Ища Афрасьяба средь вражьих бойцов,
Домчался до сердца дружин Кей-Хосров.
Но недруга тщетно окрест он искал,
В безвестную даль Афрасьяб ускакал.
Заметили также туранцы тогда,
Что стяг его черный исчез без следа.
Пришлось о содеянном зле потужить,
К ногам Кей-Хосрова оружье сложить.
Помиловал их, обласкал властелин,
Вдали разместил от иранских дружин.
Велит он воздвигнуть престол золотой,
Шатер разукрасить китайской тафтой,
Вина принести, музыкантов призвать;
С собою вождей усадил пировать,

И так их до самой зари веселил,
Что впору бы мертвым восстать из могил.
Мрак ночи прогнав, величаво взошел *
Диск солнца на свой бирюзовый престол.
Свершил омовенье владыка держав,
И место затем для молений избрав
Глухое, от взора людского вдали,
Чтоб слышать и звери его не могли,
С рассвета, пока на полночный престол
Сияющий месяц в венце не взошел,
За счастье — ниспосланный дар — Кей-Хосров
Хвалу возносил властелину миров.
Поклонов земных он немало отбил
И долго он слезы горючие лил;
Потом воротился и вновь на престол,
Весельем и счастьем сияя, взошел.
Покинули в поле врагов, а своих *
Спешат подобрать — мертвецов и живых.
Гробницы средь поля потом возвели,
С почетом иранских бойцов погребли.
Добычей, у недруга взятой в бою,
Хосров оделяет дружину свою,
И вдосталь доспехами наделена,
Пускается в путь к Бехештканту она.

[*Посольство фагфура к Кей-Хосрову*]

О том, что владыку туранской земли
Постигло, известья до Чина дошли.
И тут содрогнулись фагфур и хакан,
Тревогою каждый за власть обуян;
Задумались, как бы грозу отвести.
«Зря вместе с Тураном решились идти! —
Промолвил фагфур.— Афрасьяб уж на дне,

Господства ему не видать и во сне.
И наша не стала бы доля горька!
Мы слали ему и казну, и войска,—
Досталось одно лишь раскаянье нам,
Грозит разорение нашим краям.
Побольше пошлем драгоценных даров,
Быть может, помилует нас Кей-Хосров».
Послов умудренных избравши тотчас,
Владыка им дал подобавший наказ.
Все лучшее в Чине, дивившее свет,—
Нетронутый жемчуг и груды монет —
Он шаху в надежде прощения шлет,
И вот уж послы выступают в поход;
Не медля в пути, неустанно неслись,
От Чина до Канга в семь дней добрались.
И царь-победитель им милость явил,
Почет подобавший воздав, усадил
И все привезенные принял дары —
Рабынь и динары, парчу и ковры.
«Владыка ваш,— так он послам говорит,—
Пусть верность обетам своим сохранит.
Царю Афрасьябу под пологом тьмы
Не даст он приюта, надеемся мы».
Посланники, вихрем обратно помчась,
Фагфуру доставили царский наказ.
Лишь это веленье фагфур услыхал,
Известье в ночи к Афрасьябу послал:
«Забудь о Хотене, о Чинской земле,
Пора пожалеть о содеянном зле!
На горе сошел ты с благого пути,
От кары суровой тебе не уйти».

[*Афрасиаб переправляется через Зерех-море*]

И тут обо всех злодеяньях своих
Царь вспомнил и горько раскаялся в них,
Забыл о величье, за жизнь устрашась,
Глухим бездорожьем, пустынею мчась.
Невзгод и лишений хоть тяжек был груз,
Добрался беглец до горы Эсперуз.
Врагов опасаясь, ни мига не спал,
Охотясь в пути, насыщенья искал.
Уж тело кушак ему до крови стер.
Но вот перед взором Зереха простор,
И сколько он с берега вдаль ни глядел,
Не виден был водной равнины предел.
Тут стража судов Афрасьяб подозвал,
Корабль оснастить для него приказал.
«Знатнейший в Хотене и Чине! — в ответ
Слова раздаются,— согбен я и сед,
Уж семьдесят восемь я прожил годов,
Но здесь переправу свершивших судов
Не видел». Упорствуя, молвит беглец:
«Блажен, кто в воде обретет свой конец,
А не от булата врага своего —
Не станут глумиться над телом его».
Вот на воду знатные люди страны
Спускают для Афрасиаба челны.
В Гангдеж устремились его паруса:
Пошлют ему благо иль зло небеса?
Там пищу вкусил и покойно уснул,
От странствий и бранных тревог отдохнул.
«Здесь,— молвит он,— радостно мы заживем,
Забудем о времени горьком былом.
Вновь, верю я, вспыхнет удачи звезда,
Я через Зерех переправлюсь тогда.

Падет от меча моего супостат,
Свой в мире введу я обычай и лад».
Дошло до Хосрова известье о том,
Что старец уж замыслом новым влеком.
Могучему царь говорит: «Одолел
Наш враг Зерех-море, в Гангдеже засел.
Сбылись чародея угрозы—ему
Под силу и небу грозить самому.
Свершив переправу на быстрых челнах,
Все наши усилья развеял он в прах.
Мне с дедом беседовать только мечом!
Брань длится, и я не забыл ни о чем.
Исполнится мщенья священный обет,
Мне в этом поможет даритель побед.
Все дальше вперед поведу я полки,
До самого берега Кимак-реки.
Коль Чин и Мачин покорит моя рать,
Не стану я время в Мекране терять.
Зерех перейду я — надеюсь и тут
Мне счастье в борьбе небеса ниспошлют.
Хотя б затянулся надолго поход,
От рук моих лютый злодей не уйдет.
Немало со мною вы тягот несли
Вдали от цветущей родимой земли.
Но разве не лучше все муки стерпеть,
Чем недругу родиной дать завладеть!
И быль сохранится на веки веков
О нашей отваге, о бегстве врагов».
Той речью воители удручены,
Их брови нахмурены, лица мрачны:
«Полгода неведомым морем идти,
И грозы, и вихри встречая в пути!
Кто знает, достигнем ли цели хотя б.
О сколько нам бед причинил Афрасьяб!

На суше под силу любая напасть,
Но море для нас — что драконова пасть».
Такие тревоги томили бойцов.
Наслушавшись полных сомнения слов,
К мужам обратился Ростем: «Главари,
В боях закаленные богатыри!
Так много затратив и сил, и трудов,
Ужель не пожнем благодатных плодов?
К тому же напомню, наш царь молодой
Рожден под счастливой, победной звездой.
Пока от Ирана поход он свершил
До Канга — везде победителем был,
Любую преграду умел одолеть.
Так было доныне, так будет и впредь!»
И снова воители держат совет,
И новый, достойный готовят ответ.
Знатнейшие встали из богатырей,
Что славились мудростью зрелой своей,
Сказали: «Мы слуги и други царя;
Покорны и земли ему, и моря.
Мы все для служенья царю рождены,
Мы будем ему неизменно верны».

[*Кей-Хосров посылает пленников и добычу Кей-Кавусу*]

И радостно выслушав эти слова,
Мужей величает Ирана глава.
Богатства из дедовских кладов извлек,
Замками, печатями он пренебрег.
Вот многие тысячи запряжены*
Больших колесниц — в них доспехи войны.
И скоро уже за верблюдом верблюд,
Навьючены тяжкой поклажей, пойдут:
Алмазами, золотом и серебром,

Парчой драгоценной и прочим добром.
Приказано, прежде чем встанет заря,
Затворницам Афрасиаба-царя —
Из близкой его или дальней родни,
Будь дочери или рабыни они,—
Всем быть наготове: в походных шатрах
Их в град повезут, где царит Кавус-шах.
Сто родичей царских, знатнейших мужей,
Турана воинственных богатырей,
Сраженных постигшей владыку бедой —
И брат Афрасьяба, и сын молодой
Царем победившим захвачены в плен;
В железных цепях Герсивез и Джехен.
По тысяче чинских, туранских бойцов
В заложники взяты. Потом Кей-Хосров,
Бойцов десять тысяч в дружину собрав
И Гиву ее под начало отдав,
Велит именитому богатырю
На родину мчаться — к Кавусу-царю.
Затем, по желанью царя-мудреца,
С пергаментом, с амброй призвали писца —
Узорчатым, благоуханным письмом
Поведать о битве недавней с врагом.
Перо свое амброй смочив и смолой,
Вначале Йездана почтил он хвалой:
«Он счастье дарит и напасти нам шлет,
Им создано время, земля, небосвод,
Песок и моря, где вода солона,—
Все сущее, от мураша до слона;
Шлет жизнь он и смерть, невозможного нет
Для мощи его, ею держится свет;
Тот счастлив, кого он с любовью растит,
И рока угроза того не страшит.
Царь, миру покой подаривший! Тебя

Да благословит он лелея, любя.
О мудрый, дошел я до крепости той,
Где недруг обрел вожделенный покой.
Там власть ему снова была вручена,
И войско ждало его там, и казна —
Едва ее сорок слонов увезли;
И долго враги продержаться смогли.
Как их одолели мы, град сокрушив,
Про это подробно поведает Гив.
Главу пред Йезданом всевластным склоня,
И денно и нощно моли за меня!
Я Чин и Мачин покорил, и в Мекран
Сегодня мне путь указует Йездан.
За море Зерех переправлю войска.
Йезданова мне да поможет рука!»
И приготовления все завершив,
В путь без промедления выступил Гив.
Простилась дружина с покоем и сном,
Как буря, несется и ночью, и днем.
Кавус венценосный, узнав той порой,
Что близко уже именитый герой,
Спешит и войска, и верховную знать
Торжественным строем навстречу послать.
Вот Гив в окружении богатырей
С седла соскочил у дворцовых дверей.
К престолу владыки его подвели,
Владыку он славит, склонясь до земли.
Улыбкою встретив его, обласкав,
Спросил о мужах повелитель держав
И в добром ли здравии царь молодой,
Что сходен с сияющей в небе звездой.
Услышав рассказ об отваге бойцов,
О том, что в боях победил Кей-Хосров,
Царь дряхлый, ты скажешь, вновь юношей стал.

Вот громко послание чтец прочитал;
Узнав о вестях, что оно принесло,
Собрание все в изумленье пришло.
Покинул престол повелитель-отец,
Сложил с головы драгоценный венец,
От всех удалясь, пав смиренно во прах,
Восславил того, кто царит в небесах;
И в царский чертог возвращается он,
И вновь пред мужами восходит на трон.
На пир к властелину певцы собрались*,
Знатнейшие люди Ирана сошлись,
Воссели и слушают Гива рассказ
Про все, что видал он, про царский наказ.
Доколе полуночный час не настал
Расспрашивал царь и ответам внимал.
Пир кончен, умолкло звучанье речей,
Расходятся гости при свете свечей.
Лишь тьму засверкавшие копья зари
Прогнали, вновь славные богатыри
На зов громогласный кимвала сошлись,
У трона царя во дворце собрались.
По зову властителя Гив подошел,
С ним рядом воссел на кеянский престол.
В чертог боевую добычу внесли,
Плененных воителей знатных ввели.
Вот жены, что были дотоль без вины,
Страдать в заточении обречены,
Джехен с Герсивезом — в оковах они.
Когда Герсивез, Сиавушевы дни
Злодейски прервавший, предстал пред царем,
Царь проклял его в правом гневе своем.
Пред взором владыки сын царский Джехен,
Чьей участью ныне стал горестный плен.
Заложников, пленников всех увидал,

И каждому царь по заслугам воздал.
Один вверен слугам, а стражам другой,
И всех, наконец, увели чередой.
Ведут Афрасьябовых жен, дочерей,
Взирает на них с состраданием Кей;
В покоях дворцовых назначил им жить,
Приставил рабынь им усердно служить.
Богатства, что отнял в войне у врага,—
Динары, нетронутые жемчуга —
Все роздал достойным, и те вознесли*
Хваленья владыке иранской земли.
Рабов и рабынь подарил он мужам
И ратникам, и родовитым вождям.
Отвел для Джехена достойный приют;
И служат, и яства ему подают.
В глухом подземелье темница была,
Ей жутью под стать лишь гробница была.
Досталась она Герсивезу: жесток
В своих приговорах карающий рок!
Блажен повелитель со щедрой рукой,
В чьем сердце лишь мир и добро, и покой.
Он помнит, что жизнь не навеки дана,
Неправедных не увенчает она.
Ведь схож подчинивший свой разум страстям
С врачом, что искал у безумца бальзам.
Как должно, деяния те завершив,
Потом из чертога чужих удалив,
Писца призывает владыка; остро,
Подобно алмазу, дебира перо.
Посланье написано каждой земле
И каждому князю с венцом на челе:
«Туран покорился: единой тропой
Лань с тигром прошествуют на водопой».
Динарами он бедняков оделил,

Придворных своих и рабов одарил.
Четырнадцать дней у дворцовых ворот
Ступить было негде — толпился народ
Средь груды даров. На пятнадцатый шах
Мужей созывает; с весельем в сердцах,
Пируют они под свирельный напев,
Любуясь цветами и плясками дев.
Рекой искрометные вина лились.
Семь дней в пированье таком пронеслись,
В день месяца первый для Гива готов
Дар щедрый: парчовый, в рубинах покров,
Немало сапфировых чаш для вина,
Шеломы и панцири, и стремена,
Рабыни в серьгах, ослепляющих взор,
Престол и венец, и алмазный убор,
Немало одежд и ковров дорогих,
Тончайших духов и сокровищ других.
И Гив на призыв властелина пришел,
С ним рядом воссел на кеянский престол.
Сокровища эти ему поднесли,
И славит он шаха, склонясь до земли.

[*Ответ Кей-Кавуса на послание Кей-Хосрова*]

Владыка писца призывает, и тот
С пергаментом, с мускусом, с амброй идет.
Написан ответ: «За победу твою
Творцу неустанно хвалу воздаю.
Твой путь, славословий достойный, всегда
Счастливая пусть озаряет звезда!
Злодей, что отрады не ведал иной,
Как мир истязать грабежом и войной,
Изведал позор поражения; он
Скитаться по свету тобой обречен.

Лишь шепотом речь о нем смеют вести*,
То имя презренное произнести.
Немало безжалостный тот человек
Свершил злодеяний за долгий свой век.
Потомка венчанного древних владык —
Новзера казнил он, неистов и дик.
Он братоубийца, губитель царей,
Навек опозоренный злобой своей.
Не дай ему снова окрепнуть, в Туран
С войсками вернуться, и в Чин, и в Мекран.
О если б избавил ты мир от него
И дал нам увидеть добра торжество!
Да будет Йездан, указующий путь,
Защитой тебе! Победителем будь,
Смой с лика земного злодейство, с пути
Неправедных и нечестивых смети!
В бореньях за правду будь счастлив, герой,
Мир новый по милости божьей построй!
Счастливую встречу пусть рок нам пошлет,
И кровью пусть сердце врага изойдет!
Паду перед тем, кто царит в небесах,
Кто нам и надежду дарует, и страх,
Моля, чтоб вернулся ты, счастлив и горд,
Злодеев сломив, в добродетели тверд.
Тебе да пошлет одоленье творец!
Да будут твоими престол и венец!»
Печатью скрепили посланье, и в путь
Пускается Гив, не дает отдохнуть
Коню. Отсчитавши немало часов,
До Канга домчался, где ждал Кей-Хосров.
Приветствовал шаха, посланье вручив;
Речь деда затем передал ему Гив.
От слов Кей-Кавуса Хосров просиял,
Певцов, виночерпиев тотчас призвал.

Рекою вино в честь победы лилось.
Лишь солнце четвертого дня поднялось,
Бойцам прочитал он Кавуса наказ*
И ратные роздал доспехи тотчас.
Был края главою назначен затем
Сын шаха Новзера, герой Гостехем.
Из Канга победно направившись в Чин,
Все страны в пути покорил властелин.
Ни мига в бездействии он не дремал,
Дозоров ни ночью, ни днем не снимал.
Отцовского града достиг падишах*;
Отца вспоминая в тоске и слезах,
Туда, где текла Сиавушева кровь,
С рыданьями все возвращался и вновь
Твердил он: «Клянусь, убиенный отец,
Коль помощь подаст правосудный творец,
Отмщу я безвинную гибель твою,
Здесь кровь Афрасьяба, как воду, пролью!»
Воссел он потом на престол свой опять
И душу творцу продолжал изливать.

[*Посольства Кей-Хосрова к владыкам Чина и Мекрана*]

Царь выбрал послов среди рати своей —
Разумных и красноречивых мужей —
И в Чин их послал, где владычил хакан,
А также к фагфуру и в дальний Мекран
С наказом: «Коль мыслей полны вы благих,
Раскаялись в черных деяньях своих —
Припасы для рати моей привезти
Должны вы и встретить меня на пути.
А тем, кто предстать перед ликом моим
Не хочет,—тем низким, строптивым и злым,

Я головы острым мечом отрублю,
Дотла их чертоги сожгу, разгромлю».
Помчались послы к властелинам земель,
И вот уже каждым достигнута цель —
Предстали они пред владыками стран.
Объятые страхом, фагфур и хакан
И Чина владыки другие послам
Сказали, дав волю хвалебным словам:
«Вот шаху ответ наш: мы — слуги, путем,
Которым укажешь, покорно пойдем.
Дороги, где должно героям твоим
Проследовать, все обозрим, обновим
И все привезем, что велишь привезти,—
Корма и другое, что нужно в пути.
Здесь каждый властитель разумный твердит:
Коль нас победитель в пути пощадит,
Не жаль нам на радостях для бедняков
Ни снеди, ни золота, ни медяков».
И с сердцем спокойным, послов одаря,
К себе возвращаются оба царя.
Но в граде Мекране царева посла
Иная, не добрая встреча ждала.
Вошел он, послание передает
С наказом владыке Мекрана, но тот
Посла оскорбил дерзкой речью своей,
В тревогу повергнув собранье мужей:
«Владыке Ирана скажи: не ликуй,
Победу заранее не торжествуй!
Я время сияньем побед озарил,
Величьем державным весь свет озарил.
Стране моей, вспомни, луч первый свой шлет
Светило, взошедшее на небосвод.
Даны мне богатства и власть, и полки,
И мудрость, и доблесть, и сила руки.

Знай, волен ты путь через край мой держать —
В том зверю и то ведь нельзя отказать.
Проследуй один, коль охота пришла,—
В дороге не станем чинить тебе зла.
Но если ты с войском намерен прийти,
То нет тебе в нашу державу пути.
Тебя не впущу в мой наследственный край,
И шагу ступить здесь не сможешь ты, знай.
Победою не насладиться тебе,
Не взять тебе верх надо мною в борьбе!»
Узнав об ответе таком от послов,
Оттуда увел свое войско Хосров.
В Хотен устремился с дружиной своей
Земель покоритель, властитель царей.
Моля о пощаде, хваленья творя,
Фагфур и хакан вышли встретить царя,
За три перехода от чинской земли
Встречали, и витязи с ними пришли.
Дороги подобны ладони; средь гор
И долов как будто разостлан ковер.
Повсюду в пути изобилье кормов,
И снедь, и цветы для веселых пиров*.
Приблизилась к стольному городу рать;
Его уж успели для встречи убрать.
Увешаны стены блестящей парчой,
Дождь льется шафрановый и золотой.
Обласкан фагфур, успокоен и вот
К себе во дворец Кей-Хосрова зовет:
«Склонюсь пред тобою усердным слугой,
Коль чести меня удостоишь такой.
Весь мир осенив благодатью своей,
Ты счастьем своим осчастливил друзей.
Хоть кров мой тебя недостоин, ты все ж
Дороге, быть может, его предпочтешь».

Вот в замок ҕагҕура владыка вошел,
Воссел на блистающий царский престол.
Сто тысяч динаров китайских велит
Фагфур принести — ими шах оделит
Народ по обряду; пред ним склонены
И царь, и знатнейшие люди страны.
Три месяца в Чине гостил Кей-Хосров
В кругу именитых иранских бойцов.
И с каждой зарею, склонясь перед ним,
Фагфур его радует даром иным.
Царь с войском в Мекран устремился затем,
А в Чине с дружиной остался Ростем.

[*Битва Кей-Хосрова с владыкой Мекрана*]

Вот царь близ Мекрана с дружиной своей,
И шлет он с одним из мудрейших мужей
Владыке Мекрана такие слова:
«Быть должен разумным державы глава.
Припомни, как шел я дорогой побед;
Не речи хмельные ты слышишь, не бред.
Венцом моим гордым весь мир озарен,
Немало голов именитых мой трон
Видал у подножья. Готовь же пути,
Припасы готовь и дворец расцвети!
Раскаешься, коль не доставишь ты снедь —
Не станут воители голод терпеть.
Я каждого должен насытить, не то
Люд грабить начнут, их не сдержит никто,
Голодных и я усмирить не смогу;
В бой ринутся яро — и горе врагу!
Когда не придешь ты к согласью со мной,
Большого побоища станешь виной,
И твой обратится в развалины край.

Со львами моими не сладишь ты, знай!»
Помчался посол и доставил он весть,
Но вести не внемлет отвергнувший честь.
Заносчивый царь лишь услышал наказ,
Взъярился, как будто в уме помрачась.
Спешит он бойцов отовсюду собрать,
Построив на поле сражения рать,
Гонцу говорит: «Возвращайся назад,
Пусть наши услышит слова супостат:
Была тебе в битвах удача дана,
Но эти, по счастью, прошли времена.
А ныне ты хватку узнаешь мою,
Кто истинный муж — испытаешь в бою».
Владыку Мекрана покинул посол,
И край весь в движенье, в волненье пришел.
Мекрана земля от хребта до хребта
Бушующим морем бойцов залита.
Царь вывел две сотни слонов боевых,
На поле уж негде ступить из-за них.
Степь шумом и ржанием конским полна,
С дороги, сказал бы ты, сбилась луна.
Хосрову доносят дозорные: «Знай,
Пыль тучей Мекранский окутала край.
Простор наводнили знамена, слоны,
Уж взору они за два миля видны».
Царь выстроил войско, за рядом шел ряд,
У каждого — и булава, и булат.
Расставил своих часовых и Мекран,
Всю ночь объезжали дозорные стан.
Воитель Тохар, щит иранских дружин,
Сметающий рати в боях исполин
Схватился с дозорным вождем, разъярен,
Как лев или буйством охваченный слон.
Рассеченный надвое пал супостат,

И страхом владыка Мекрана объят.
И вот против рати построена рать*,
От пыли взметенной небес не видать.
Тус доблестный сердце дружин возглавлял.
Литавры гремели, звал к битве кимвал.
Каве ослепительный стяг впереди,
Обутые в злато мужи позади.
Стрел дождь не стихающий высь наводнил*,
Земля обратилась в бушующий Нил.
Владыка Мекрана пал на поле том,
Настигнутый вражеским острым копьем.
Спросили царя: «Обезглавить велишь?»
Ответ был: «Подумав, того не свершишь.
Кто ж царскую голову рубит? Лишь тот,
Кто род свой от злобного беса ведет.
В гробницу, достойную славных царей,
Внесите — пусть мирно покоится в ней.
Его обнажать не должны вы притом;
Как был он сражен, в снаряженье своем,
Пусть мирно почиет, укрытый парчой,—
Владыкам конец подобает такой».
В бою полегло десять тысяч мужей,
Воинственных всадников, богатырей;
Четырнадцать сотен и сорок — в полон
Попали; весь стан удручен, устрашен.
Все стало добычей Ирана — слоны
И ставка, и трон, и богатства казны.
Иранские разбогатели бойцы,
Знатнейшим достались престолы, венцы.
Тут ринулась победоносная рать
Мекранскую землю громить, разорять.
Пылают дома, всюду стоны и смерть*.
Ты скажешь, небесная рушится твердь.
Плач женщин над степью и городом встал,

Немало страданий им жребий послал *.
Мужей повергали на месте, в полон
Безжалостно брали с младенцами жен.
Но гнев повелителя вскоре утих,
И ратников прочь отозвал он своих,
А также Эшкешу-вождю повелел,
Чтоб буйству бойцов положил он предел;
Грабеж и побоище длить им не дал,
От многих жестокостей их удержал.
И мирные люди мекранской земли
Владыку молить о пощаде пришли:
«Несчастные, мы что ни день без вины
Страдать от насилия обречены.
О царь, не топи невиновных в крови,
Свою нам державную милость яви!»
Раздался призыв у царева шатра:
«Внемлите, о витязи, зову добра!
Коль впредь я услышу обиженных стон,
Коль тотчас не будет грабеж прекращен,
Злодеев, страх божий забывших, я сам
Булатным мечом рассеку пополам!»
Год целый в Мекране Хосров пребывал,
Туда отовсюду умельцев созвал.
Весною, когда запестрела земля,
И зеленью нежной оделись поля,
И вновь возродился пленяющий взор
Садов и лугов многоцветный убор,
Эшкеш услыхал от владыки : «Мне в путь
Пора, ты в Мекране правителем будь.
К одной справедливости только стремись,
Насилья чуждайся и зла сторонись!»
И после пустынею войско повел,
Грядущие тяготы легкими счел.
Так было угодно владыке миров,

Чтоб степи бесплодной не видел Хосров.
Высь землю дождем благодатным поит,
И маки цветут, и цветет шенбелид.
Корма для бойцов и коней запасли,
Их буйволы на колеснице везли.
И облачно небо, и почва влажна,
И травы — отменное ложе для сна.

[*Кей-Хосров переправляется через Зерех-море*]

Достигли воители моря Зерех;
На отдыхе каждый снял бранный доспех.
С собой из Мекрана и Чина Хосров
Вез ладивших ловко челны мастеров.
Немало они положили труда,
И на воду вскоре спустили суда.
Бойцам пропитанье для года пути
Велел Кей-Хосров на судах запасти.
Владыка, собравшийся в трудный поход,
От всех вдалеке слезы жаркие льет.
Смиренно склонившись, творцу своему
Возносит хваленья, взывает к нему:
«Великий создатель, владыка миров!
Ты в силах сорвать с каждой тайны покров,
Ты звезд повелитель и суши, и вод,
Тобой, вседержитель, храним небосвод.
Меня ты от гибели оборони,
И рать, и престол для меня сохрани.
Зерехское море коварства полно,
Немало сердец истерзало оно;
Полгода плыви — не всколышет челна,
Как будто бы ложе для мирного сна;
Когда ж начинается месяц седьмой,
То с севера вихрь налетает шальной,

Кормило у кормчего рвет он из рук,
Ветрила, глядишь, опрокинуты вдруг,
И к бездне, зовущейся «Львиная пасть»,
Уносится судно стихиям во власть.
Но шахских бойцов пощадил ураган,
От гибели злой защитил их Йездан.
Дивятся бойцы, озираясь кругом,
И каждый царю указует перстом
На чудища моря: вот львы, вот быки,
Которым даны носорожьи клыки.
Вот люди, чьих глаз из-за косм не видать,
Обросшие шерстью, овечьей под стать;
А эти с рогами, растут из груди
Их ноги, а руки у них позади.
Вот тигр с головою онагра проплыл,
А вот полурыба, полукрокодил;
Еще с головою кабаньей баран;
Сплошь тварями теми кишел океан.
На чудищ пловец указует пловцу.
Признательны все за спасенье творцу:
По милости щедрой владыки миров
В пути не изведали буйства ветров.
Семь месяцев длится безоблачный путь,
Тишь на море, вихри не думают дуть.
На сушу выходит благой властелин,
Пред взором просторы бескрайних равнин.
Простерся, творцу славословье творя,
Касается праха лик светлый царя.
И вот уж на берег желанный челны
С великой поспешностью извлечены.
Пустыней бредут, хоть пути нелегки,
Зыбучие преодолели пески.
Край, Чин им напомнивший, видят они,
Наречия слышат, мекранским сродни.

Там вождь венценосный устроил привал,
Корма и припасы для рати собрал
И Гива оставил тем краем владеть
С наказом: «Будь счастлив, будь милостив впредь!
Виновному карой и то не грожу,
Казной и державою не дорожу.
Ни в чем не нуждаюсь, угроз не страшусь,
Отныне душою к творцу обращусь».
Он мужа избрал, украшавшего рать,
Умевшего речи держать и внимать;
К владыкам послал его с вестью такой:
«Коль дорог вам мир и желанен покой,
Явитесь ко мне, опасенья забыв!»
И все поспешили на этот призыв*
Как верные слуги царя. Ни один*
Веленья его не отверг властелин.
С дарами у трона предстали, склонясь,
И доблестный вождь и владетельный князь.
Их так обласкал повелитель благой,
Что каждый до солнца вознесся главой.
Затем о Гангдеже расспрашивать стал:
На троне ведь там Афрасьяб восседал.
И кто-то сказал Кей-Хосрову в ответ:
«Ни моря, ни гор на пути твоем нет.
Сумел переплыть через водный простор *
И с войском в Гангдеже засел он с тех пор.
Отсюда, о доблестный, как ни считай*,
Не больше, чем за сто фарсангов тот край».
Доволен услышанным царь Кей-Хосров,
Он снова без устали мчаться готов;
Дарами осыпал знатнейших людей,
С почетом велит подавать им коней.
И вот уж дозволено всем отъезжать,
И время в поход на Гангдеж выступать.

[*Прибытие Кей-Хосрова в Гангдеж*]

Царь войско построил, казной оделил,
Йездана — подателя благ — восхвалил,
Сказал: «Никому не чините вреда,
Не то не избегнете божья суда.
Я в град поведу вас, где вы без вины
Букашки обидеть и то не должны».
И вот уж Гангдеж пред венчанным вождем.
И хлынули жаркие слезы ручьем.
Покинув седло, до земли преклонен,
Возносит хвалу вседержителю он,
Взывая: «О правый, благой судия!
Твой раб, преисполнен смирением я.
Все, чем я владею,— царей благодать,
Отвага и сила, держава и рать —
Тобой мне дарованы. Ты, мой творец,
Дал ныне увидеть мне отчий дворец;
До неба не ты ли, о праведный бог,
Воздвигнуть его Сиавушу помог?
С тех пор, как злодей умертвил мудреца,
Везде обливаются кровью сердца».
И плачут бойцы перед крепостью той
О славном царе, что жестокой рукой
Был схвачен и тайно казнен без вины
В день черный, посеявший семя войны.
Меж тем к Афрасьябу известья дошли,
Что с войском своим покоритель земли
Сумел переправиться через Зерех;
Но вести тревожные скрыл он от всех.
Покинув мужей, темной ночью один
В смятенье туранский бежал властелин.
Вступает в Гангдеж победитель Хосров,
С печалью на отчий взирает он кров.

Не град — воплощение рая, цветник
Пред взорами, благоухая, возник.
Куда ни посмотришь — лужайки, ручьи,
В садах — гиацинты, в ветвях — соловьи.
«Достойная память о славном! — твердят
Бойцы,— здесь немало познаем отрад».
По воле царя прозорливого рать
Тотчас понеслась Афрасьяба искать.
С собою испытанных взяв вожаков,
Искали в саду, во дворце, средь лугов,
Повсюду, подобно безумным, мечась;
За часом в блужданиях следовал час.
Исчез повелитель туранской земли,
Но многих его приближенных нашли.
Казнили немало безвинных людей,
Но спасся от кары венчанный злодей.
Год целый в Гангдеже провел Кей-Хосров,
Пируя меж славных своих удальцов.
Невмочь им покинуть сияющий край,
Пленяющий взоры, цветущий как рай.
Там все чаровало, живило, влекло.
Любуется шах, и на сердце светло.
Однажды к владыке иранской земли
Его исполины толпою пришли,
Сказали: «Блаженствуя в этих местах,
Ужели забыл об Иране, о шах?
Нам душу тревожит злодей Афрасьяб;
Страшимся, охота ему не пришла б
Джейхун пересечь. Кей-Кавус одряхлел,
Уж царский ему не по силам удел.
В бой вновь поведет Афрасьяба вражда,
Кто будет защитой Ирану тогда?
Венцом завладеет, и прахом пойдут
Усилья и жертвы, и тяжкий наш труд».

На это сказал повелитель в ответ:
«Ко благу направлен ваш мудрый совет»*.
Созвал он Гангдежа верховную знать*,
Чтоб ей пережитое все рассказать.
Достойным воздав по заслугам почет,
Мудрейшего выбрав, наказ он дает:
«Здесь властвуй! Ведя к процветанию край,
Будь зорок, о недруге не забывай».
Все роздал богатства, что были при нем;
Конями и золотом, и серебром,
И многих венцами к тому ж одарил,
Ту землю неслыханно обогатил.

[*Возвращение Кей-Хосрова из Гангдежа в Сиавушгорд*]

В ту пору, как утренний петел поет,
Забили в кимвал у дворцовых ворот.
И вот уже войско Хосрова за ним
Несется в поход по дорогам степным.
Из всех областей, что лежат на пути,
Спешат в изобилье навстречу везти
Припасы для рати, корма для коней,
Покорствуя воле владыки царей.
Куда ни пришли бы — почтенье бойцам;
Сказал бы ты, шумное торжище там.
В долину ль придут иль к подножью горы —
И горы и долы им сыплют дары.
Когда же к царю приходили князья,
Приветствуя, щедрую дань принося,—
В ответ их владыка дарил и ласкал,
Себя провожать не велев, отпускал.
Дружину ведя и верховную знать,
Гив доблестный вышел Хосрова встречать.

Всем щедрую милость явил Кей-Хосров,
Почет оказал по обряду отцов.
Царь, выйдя на берег, суда обозрел,
Для плаванья их оснастить повелел.
У моря четырнадцать дней проведя,
Рассказами Гива дивил он, твердя:
«Гангдежа не видев, жаль мир покидать!
Знай, должно Гангдеж и тебе повидать».
Труды двухнедельные завершены,
И вот уж в дорогу готовы челны.
Велит Кей-Хосров закаленным гребцам,
Испытанным в деле морском храбрецам
У весел воссесть, паруса натянуть;
И морем безбрежным вновь двинулись в путь.
Отрадно при ветре попутном идти,
Не год, семь лишь месяцев были в пути.
Стихия пловцам не чинила вреда,
Ничьей и полы не коснулась вода.
Как только с дружиною суши достиг,
Пал ниц, торжествуя, владыка владык,
И, не отрывая от праха лица,
Возблагодарил и восславил творца.
Одеждой и пищей обильной Хосров
И кормчих своих оделил, и гребцов.
И всех, кто усилий в труде не жалел,
Динарами он наградить повелел.
И дальше летит он простором степным,
И землю дивит он величьем своим.
Эшкеш-богатырь, услыхав эту весть,
Спешит ему войско навстречу привесть.
Увидел царя и, расставшись с седлом,
Сгибается витязь в поклоне земном.
На диво расцвечен, украшен Мекран,
Весь праздничным светом огней осиян.

Повсюду без умолку струны поют —
Ты скажешь, весь город — играющий руд.
Стены ни одной без парчи, без ковра,
Дождь сахара льется и дождь серебра.
И каждый мекранский вельможа, и князь,
И витязь прославленный каждый, склонясь,
Хвалу возглашали владыке земли,
Дары победителю щедро несли.
Сокровища лучшие этой страны
Эшкешем властителю принесены.
И взял, что душа пожелала, Хосров.
Затем одного из мужей-мудрецов
Избрав, на мекранский наследный престол
С дарами и благословеньем возвел.
Покинув Мекран, повелитель владык
С вождями иранскими Чина достиг.
Сын Заля Ростем вышел шаха встречать,
С ним гордая, победоносная рать.
И вот Кей-Хосров показался вдали,
Над ним балдахин златотканый несли.
И спешась, навстречу Ростем поспешил;
Владыка в объятья его заключил,
Поведал о плаванье дальнем своем
В погоне за скрывшимся злым колдуном.
Семь дней у Ростема гостил властелин,
И вот покидает он Чин и Мачин,
Фагфуру с хаканом правленье вручив,
Сердца их с тревогой былой разлучив,
Немало услышав хвалений от них,
Дав много даров и советов благих.
В Исфенд-Хормоз месяц, в день пятый — день Орд *
Вступил он с дружиною в Сиавушгорд.
Вновь видит он город отцовский, и вновь
Слез хлынул поток, к сердцу хлынула кровь.

Туда, где Горуй, духом черный как бес,
И проклятый всеми людьми Герсивез
На казнь обрекли Сиавуша-царя,
Пришел Кей-Хосров, жаждой мести горя.
На голову в горести сыплет он прах,
И грудь, и лицо раздирает в слезах.
С владыкой Ростем слезы жаркие льет,
Горуя и прочих злодеев клянет.
«Отец мой! — воззвал властелин молодой,—
Народу в залог я оставлен тобой.
Уснуть не давал ярой мести, о ней
Клянусь не забыть до скончания дней.
Уж власть Афрасьябова мной сметена,
А ныне в погоню, не ведая сна,
Пущусь я, убийцу в тиски залучу
И мир пред глазами его омрачу!»
Наследье отца повелел показать,
Тот клад, о котором поведала мать;
Он щедро динары бойцам раздавал,
С мужами четырнадцать дней пировал.
Ростему две сотни вручил кошелей,
Порадовал Гива наградой своей.
Что в граде отцовском владыка, меж тем
Узнал в Бехештканге герой Гостехем,
И радостно мчится навстречу, а с ним
Иранские витязи с войском большим.
Вождь издали царский завидел венец,
И пешим прошел он немалый конец,
Владыке почет воздавая, и рать
Царя-правдолюбца пришла величать.
Приветствует царь исполина тепло,
Велит ему тотчас вернуться в седло,
И рядом прославленных два седока
Несутся, сияя, — с рукою рука.

Оттуда им путь к Бехештканту лежит,
Царь милости войску без счета дарит.
Зеленой смоковнице верность равна,
Плоды за плодами приносит она.
Дни быстро проходят в охоте, в пирах,
Различья не видно — где воин, где шах.
И знатные люди туранской страны
Щедротами не были обделены.
Царь темною ночью и солнечным днем
Искал Афрасьяба, ждал вести о нем.
Не ведал никто, где Турана глава,
Давно о нем смолкла на свете молва.
Царь ночью свершил омовенье, взята*
Им в руки священная Зенд-Авеста.
И горько всю ночь пред небесным творцом
Он плакал, к земле припадая лицом,
Взывая: «В печали покорный твой раб,
Не зная, где скрылся злодей Афрасьяб!
В степях и горах, средь ущелий и скал
Волшебника злого я тщетно искал.
Заветы твои преступил лиходей,
Вовеки людьми не считал он людей.
В дни царства его много пролито слез,
Немало голов неповинных он снес.
Готовый служить неизменно тебе*,
Мольбу возношу я смиренно тебе.
Мне к цели желанной указывай путь
И в праведной мести наставником будь!
Хоть слуха нет в мире о нем с давних пор —
Что скрыто от нас, различает твой взор.
Когда ж ты к нему благосклонен, то я
Молю об одном, о благой судия;
Ты с жаждою мести мой дух разлучи,
Меня всепрощению ты научи».

Душой после жаркой мольбы возрожден *,
Владыка на свой возвращается трон.
Так свой приведя к завершенью поход,
Покойно провел в Бехештканге он год.

[*Возвращение Кей-Хосрова в Иран*]

Продлилась разлука с Кавусом-царем,
И шах Кей-Хосров стосковался о нем.
От края кашгарского до моря Чин *
Удел Гостехему вручил властелин,
Ему под начало рать мощную дал;
«Разумно и бдительно правь! — наказал,—
И в Чин, и в пределы Мекранской земли
С посланьями всюду гонцов разошли.
Ищи Афрасьяба затерянный след,
Быть может, избавим от изверга свет».
И в путь выступает владыка держав,
Обильную дань с покоренных собрав:
Все то, что мекранские земли родят*;
Из Чина — невольниц, пленяющих взгляд,
В уборах богатых, а также рабов,
Ретивых, с уздой золотой скакунов,
Сосуды для мускуса и камфары,
Шелка и динары, парчу и ковры.
Нет счета сокровищам собранным, их
Везут сорок тысяч быков упряжных.
И люди твердят: «Столь обильную дань
Еще не дарила властителям брань!»
Два дня и две ночи пришлось бы скакать,
Чтоб всю обозреть необъятную рать.
Еще не снялся со становища тыл —
Ряд первый уж вновь на стоянку вступил.
И вскоре владыка, любимец удач,

Воссел на престол в славном городе Чач.
С неделю прославленный в Согде царил*;
Там всех добротою своей покорил.
Весь край наводнили царевы войска;
Путь долог, но вот Бухара уж близка.
Неделю проводит там в пиршествах он;
И новой одеждой затем облачен,
В раздумье о прошлом, главу преклоня,
Вступает с молитвой в храм вечный Огня:
В том городе стольном воздвиг его встарь
Тур, сын Феридуна, прославленный царь.
И золотом, и серебром оделив
Мобедов, алмазы в огонь опустив,
Хосров продолжает свой дальний поход,
Веселый и бодрый несется вперед.
Джейхун переплыв, Балх увидеть он рад —
Превратностей много изведавший град.
Там месяц провел венценосный Хосров*,
И вот уже двинуться дальше готов.
И в городе каждом он рать оставлял,
И городом доблестный вождь управлял.
Везде, где царю предстояло пройти *,
Все дивно цвело и сияло в пути.
Талкана достиг он, вступает в Мервруд,
Свирель запевает и вторит ей руд.
Оттуда идет к Нишапуру; и там
Готова достойная встреча бойцам.
Украсился град, слышен рокот струны,
И чаши вином искрометным полны.
Шафран рассыпают и амброй кропят,
Везде под ногами динары горят.
Всех бедных, беспомощных в городе том
И тех, кто свой хлеб добывает трудом,
Царь щедрой рукой принялся одарять —

Раскрыл кошелей пять десятков и пять.
В начале недели он двинулся в Рей*,
Пирами в пути услаждая мужей;
Там люд одарял две недели подряд,
На третью повел свое войско в Багдад.
И к Парсу направясь, с известьем Хосров
К Кавусу-царю посылает гонцов.

[*Прибытие Кей-Хосрова к деду*]

Обрадован вестью желанной Кавус,
Сказал бы, что сбросил он старости груз.
В китайском убранстве дворец, водружен
В царевом чертоге сверкающий трон.
На улицах, торжищах и площадях
Все радует взоры. Готовится шах,
С ним градов иранских верховная знать
С почетом царя молодого принять.
Весь мир будто золотом заткан, и ввысь
Победные арки везде вознеслись,
Обильно прольется на головы с них
Дождь мускуса, перлов, каменьев цветных.
Вот град покидает прославленный Кей
В кругу именитых достойных мужей.
Лишь издали деда владыка узнал,
Коня вороного вперед он погнал,
И вот уже спешился, к деду приник,
Тот юноше очи целует и лик,
И хлынули жаркие слезы рекой —
Ведь оба в разлуке томились тоской.
За встречу создателя благодаря,
Приветствует дед молодого царя:
«Будь вечно благою звездою ведом!
Блистай, озаренный державным венцом!

С Джемшидовых лет, с Феридуновых лет
Властитель такой не рождался на свет.
Не видело солнце владыки мудрей,
В боях предводителя зорче, храбрей.
Ты рвения не ослаблял ни на миг,
Весь мир исходил, все земное постиг.
Восстань Сиавуш из могилы сейчас —
Тобой любовался б, величью учась.
Молю об одном — чтоб продлился твой век,
Чтоб гибели недруг твой злой не избег».
И слышит: «Ведом я твоею звездой,
Ты— древо величья, я — отпрыск лишь твой».
Кей отдал веленье, и ярко горя*,
Посыпался дождь золотой на царя.
Алмазов, каменьев цветных не сочтешь,
Подножье престола засыпано сплошь.
Велит венценосный столы накрывать,
Гостей именитых на мир созывать.
Палата в саду светозарная, в ней
Пируют владыки меж знатных мужей.
Хосров о диковинах всех рассказал,
Которых дотоле никто не видал.
О море поведав, Гангдеж помянул,
И каждый из витязей тяжко вздохнул,
Услышав про дивный, цветущий как сад,
Царем Сиавушем построенный град.
Дивится рассказам его Кей-Кавус,
И молвит: «Тебе я внимая, учусь.
Не слыхивал мир о таких чудесах*,
Подобный доселе не царствовал шах.
Как нов этот месяц, так повесть нова;
Век новый — и новый у царства глава.
Отныне звук имени славного нов:
Тот скажет «отвага», кто скажет «Хосров».

Готовый для пира чертог засиял;
Дев юных румянец алее, чем лал.
Семь дней — разливанное море вина
В чертогах Кавуса. Раскрыта казна,
На радостях царь не жалеет казны,
Труды и лишенья вознаграждены.
С Хосровом поход совершившим мужам,
С кем счастье и горе делил пополам,
Героям той грозной и славной поры
Кавус раздает дорогие дары.
Герои довольны, и вот уже им
Пора разъезжаться по землям своим.
Тут ратников начал одаривать он,
И каждый был мздой годовой награжден.
Дед с внуком мужей отпустили, потом
С советником мудрым воссели втроем.
Царю Кей-Кавусу сказал Кей-Хосров:
«Наставит нас только владыка миров!
Немало блуждал я средь гор и степей,
Год странствовал морем с дружиной своей,
Но сколько ни плыл, сколько сушей ни шел,
Следов Афрасьяба нигде не нашел.
Коль снова нежданно с огромной ордой
На Канг нападет он — с лихою бедой
Спознаемся, всем нам настанет конец.
Спасение да ниспошлет нам творец!»
Речь выслушав эту, задумался дед,
И слышит Хосров старца мудрый совет:
«Пусть каждый возьмет запасного коня,
И тотчас мы двинемся к храму Огня.
Свершим омовенье, как должно тому,
Кто верит в Йездана и служит ему.
Простершись пред неугасимым Огнем,
Безмолвно моленья творцу вознесем,

И к цели заветной бессмертный творец,
Я верю, укажет нам путь, наконец».
И вот уже сели они на коней*,
И к храму Огня мчатся вихря быстрей.
Вошли в одеяниях белых; в сердцах
Слились воедино надежда и страх.
Как только огонь увидали они,
Душой запылав, зарыдали они,
Льют слезы, Йездану мольбы вознося,
О помощи, о наставленье прося;
Подносят алмазы святому жрецу;
Дарителю сил, всеблагому творцу
Хваленья твердят Кей-Хосрова уста,
И златом засыпана Зенд-Авеста.
Текли в неустанных молениях дни.
Не огнепоклонники были они,
Но пламень для них был святым алтарем,
Восторг, умиление черпали в нем.
Пусть втайне сомненьем твой дух обуян,
Ты все ж убедишься, что вечен Йездан...
Так месяц с мужами иранской земли
В Азерабадгане цари провели.

[*Пленение Афрасиаба потомком Феридуна Хумом*]

Меж тем Афрасьяба был горек удел,
Он, в страхе скитаясь, не спал и не ел.
И смерть ужасает, и жизнь ни к чему,
Опасности чудятся всюду ему.
Он долго искал, где главу преклонить,
Себя от погибели оборонить.
В безлюдной глуши, в сердце горной гряды,
Встающей поодаль от града Барды,

Пещера таилась меж каменных круч,
А рядом плескался немолкнущий ключ.
Ни сокол в ту дикую высь не взлетал,
Ни зверь за добычею не забредал.
Пещера цела по сии времена,
«Норой Афрасьяба» зовется она.
В ней скрылся скиталец, за жизнь устрашась*;
Там пищи убогой припрятал запас,
Устроил убежище и для коня;
Там дни он влачил, горький жребий кляня,
Упреками совести черной томим —
Свершенное зло тяготело над ним.
Пролившему царскую кровь без вины
Не царствовать, дни уж его сочтены!
Столь славный, могучий владетель дружин,
Гордившийся светлой звездой властелин
Кровь пролил и кровной вражды не избег.
Блажен, кто убийцею не был вовек!
Под кровом укромным, за ближней горой
Жил муж добродетельный тою порой.
Род знатный и древний его восходил
К царю Феридуну; Хосрова он чтил.
В горах, вдалеке от селений людских
Молился он, чужд наслаждений мирских.
Была власяница одеждой его.
И Хумом отшельника звали того.
Однажды бессонной полуночью он*
Услышал донесшийся издали стон.
Прислушавшись, Хум различает слова:
«О славный владыка, великих глава!
Под властью твоей были Чин и Туран,
Клялись тебе в верности множество стран,
Теперь лишь пещерой владеешь сырой.
Где витязи, где твой воинственный строй!

Где бранная доблесть и слава твоя,
Престол и венец, и держава твоя!
Тебе ль прозябать в душном мраке норы,
Жизнь вверив защите гранитной горы!»
Туранских услышав звучание слов,
Хум с места вскочил и покинул свой кров,
Подумав: «Ужели нашел себе тут
Коварный владыка Турана приют»?
В догадке своей утвердился. И вот
В убежище тайное ищет он вход;
Его отыскал и в пещеру вступил,
Во тьму, где беглец притаившийся жил.
Сорвав с власяницы своей бечеву,
С туранцем, подобно свирепому льву,
Схватился; в борьбе победителем став*
И недругу накрепко руки связав,
Его за собою с немалым трудом*
Влача, без оглядки пустился бегом.
Воистину, есть подивиться чему!
Кто носит венец властелина, тому
Скажи: отрекись от корысти, радей
О доброй лишь славе, о чести своей*.
Злодей и в пещере не смог обрести
Спасенье, не смог от возмездья уйти.

[*Афрасиаб ускользает из рук Хума*]

Когда Афрасьяба сбил праведный с ног
И связанным прочь от пещеры повлек,
Взмолился туранец: «Святой мой отец,
Прославленный праведной жизнью мудрец!
Я скорбный жилец подземелья сего.
Что хочешь ты? Принял меня за кого?»
«Меня не обманешь!— он слышит в ответ,—

Злодейством своим ужасаешь ты свет.
Ты — царь недостойный, что брата убил,
Йездана священный зовет преступил.
Тобой Агрирес и Новзер казнены,
И царь Сиавуш, гордость нашей страны.
Когда бы не пролил ты крови владык,
Тебя бы удел беглеца не постиг».
«О муж-победитель,— туранец воззвал,—
Ужели безгрешных ты в мире знавал!
То воля всевластного рока была,
Чтоб стал я источником горя и зла.
С Йездановой волей бы спорить не стал
И тот, кто дракона в борьбе растоптал.
Меня пощади, я несчастен и сир,
Хоть с виду безжалостный лютый вампир.
Я — внук Феридуна, благого царя,
От пут изнемог, в тяжких муках горя.
Меня ты влачишь, позабыв о стыде,—
Ответишь Йездану на страшном суде!»
Но Хум отвечает: «Бесчестный злодей!
Час близок погибели жалкой твоей.
И все речи твои — что в саду сорняки,
Твой жребий во власти царевой руки».
И все ж милосердие в нем говорит,
Он пленника путы ослабить спешит.
А царь вероломный, едва убедясь,
Что Хума он жалобой тронул, тотчас
Из рук его вырвался, прянул к реке
И, бросившись в воду, исчез вдалеке.
А мимо в то время Гудерз-исполин,
С ним Гив и вожди меченосных дружин,
К царю направляясь, скакали толпой.
Вождь, взоры к реке устремив, пред собой
Вдруг Хума увидел; с арканом в руке

Отшельник по берегу бродит в тоске,
Растерянно глядя на водную ширь.
Подумал в ту пору Гудерз-богатырь:
«Сей набожный муж, вдоль речных берегов
Бродящий, должно быть, окончил свой лов.
Не чудище ль он вместо рыбы в волнах
Узрел, на беднягу нагнавшее страх?»
Окликнул он Хума: «Отшельник святой!
Что здесь приключилось? Мне тайну открой.
Что ищешь ты взором в глубинах речных?
Должно быть, омыться задумал ты в них?»
«О муж именитый!— в ответ на вопрос
Он слышит, — узнай, что со мною стряслось.
На горной вершине, вдали от людей
Я бодрствовал в хижине тихой своей,
Молился, пред вечным Йезданом склонен,
Всю ночь не касался очей моих сон.
В ту пору, как птиц просыпается хор,
Услышал я горестный плач среди гор.
И тут словно было мне вдруг внушено,
Что вырвать мне корень вражды суждено.
Та жалоба — в этом уверился я —
Царя Афрасьяба и больше ничья.
Ущелья и кручи я все обошел
И вскоре царя-лиходея нашел.
В пещере простертый, злосчастный беглец
Оплакивал горько престол и венец;
Вскочил, но уж вырваться не удалось,
Как будто он к камню пещеры прирос.
Так руки ему бечевою своей
Связал я, что брызнула кровь из ногтей.
С горы волоча за собой, побежал,
А пленник, как баба, стонал и визжал.
Обетам его и молениям вняв,

Ослабил я путы, но, клятву поправ,
Близ мест этих вдруг ускользнул он из рук;
Ищу его ныне, сгорая от мук.
Здесь, в водах Хенджеста, он прячется. Я
Открыл тебе все, ничего не тая».
Ту выслушав повесть, дружины глава
Пророчества древнего вспомнил слова
И двинулся к храму Огня, одержим
Одною лишь думой, стремленьем одним.
Вначале пред вечным огнем преклонен,
Стал жарко молиться создателю он,
Окончил молитву и все, что узнал
От Хума, властителям он рассказал.
И с храмом расставшись, вскочив на коней,
Помчались они урагана быстрей.

[*Кей-Кавус и Кей-Хосров прибывают к Хуму*]

Царь с внуком несется, исполненный дум,
И вот пред очами властителей Хум.
Отшельник, как только царей увидал,
Хваления им по заслугам воздал.
И благословенье владыки миров
Призвали на старца Кавус и Хосров.
Муж набожный внемлет Кавусу-царю:
«Йездана пречистого благодарю—
Он дал мне тебя лицезреть, наконец,
Святой, преисполненный веры мудрец!»
И Хум отвечает: «Владыка, наш край
Сиянием правды весь век озаряй!
Царя молодого да светит звезда!
А недруга злого да встретит беда!
Узнав, что в Кангдеж повелитель вступил,

Здесь, в горной глуши я мольбы возносил
Творцу — да пошлет он царю благодать,
Даст миру под сенью его процветать!
Душою воспрянув от вести благой,
Я славил творца неумолчной хвалой,
И тайну открыл мне, объятому сном,
Соруш, низлетевший во мраке ночном.
Молясь, услыхал я пронзительный стон,
Едва доносился из пропасти он.
Оплакивал кто-то родную страну,
Престол и венец, и войска, и казну.
На поиски я устремился с тугой,
Служившею мне кушаком бечевой.
И царь Афрасьяб моим взорам предстал,
В глубокой пещере беглец обитал.
Скрутив ему руки из всех своих сил,
Бежал я, врага по земле волочил.
Но путы ослабил я, сердцем смягчась*,
И вырвался он на свободу тотчас;
В волнах притаился, исчезли следы.
Мир должно избавить от этой беды!
Коль рок нечестивца помиловал вновь,
Погубит его к Герсивезу любовь.
Сюда, о великий владыка земли,
В цепях Герсивеза доставить вели
И кожей воловьей стянуть ему грудь,
Чтоб было невмочь ему вольно вздохнуть.
Услышит беглец брата жалобный стон,
И тотчас покинет убежище он».
Царь стражам веление отдал тотчас.
Мечами булатными вооружась*,
Они Герсивеза в оковах ведут —
Того, чей навет был причиною смут.
И вот палачу венценосец велит

Схватить его, жалость отбросив и стыд,
И в кожу воловью зашить ему грудь,
Да так, чтоб не мог он свободно вздохнуть.
И пленник стенаний не смог удержать,
К создателю стал о спасенье взывать.
Зов брата услышав, поняв, что бедой
Постигнут он, всплыл Афрасьяб над водой.
Последние силы напрягши, плывет,
Встал на ноги, в дно упираясь, и вот
Он пленника видит, объятый тоской.
Смерть слаще была б горькой встречи такой!
Смятенным, беспомощным видя царя,
Воззвал Герсивез, в тяжких муках горя:
«Ужель суждено мне узреть твой конец,
Могучих глава, именитых венец!
О где ж величавый обряд и устав,
Казна и престол властелина держав!
Где ясный твой разум и сила руки,
Где верные богатыри, смельчаки!
Давно ль наводил ты на недругов страх
И чашу давно ль осушал на пирах?
А ныне ты ищешь приюта в воде,
Напрасно взывая к померкшей звезде!»
И горько тогда Афрасьяб зарыдал,
Кровавые слезы с водою смешал
И брату ответствовал так своему:
«Я долго скитался по свету всему
И все же от грозной судьбы не ушел.
О горе, постигнут я злейшим из зол!
Терзаясь, на братние муки гляжу
И жизнью бесценною не дорожу:
Ведь в пасти дракона — герой, исполин,
Державного рода прославленный сын!»

[*Второе пленение Афрасиаба и гибель его*]

Так царь сокрушался о доле вождя;
Меж тем, неусыпно за ними следя,
От братьев стенающих невдалеке
Хум прятался в зарослях на островке.
Пригнувшись, подобный свирепому льву,
В аркан обращенную им бечеву
Закинул он — петля мелькнула едва,
И царская в петле уже голова!
Бессилен, с сознанием вдруг разлучен,
На берег беглец из воды извлечен.
И вот Афрасьяб, не один Герсивез,
Пред шахами; Хум же, как ветер, исчез.
С мечом обнаженным, разгневан, суров,
К врагу устремился венчанный Хосров.
И сон свой пророческий, виденный встарь,
Припомнил Турана низверженный царь.
Он жалобно к внуку воззвал своему*:
«О мстительный, губишь ты деда к чему?»
Но слышит в ответ: «Ненавистный злодей,
Ты только хулу заслужил меж людей!
Припомни, как брат от руки твоей пал,
Хоть много он славных побед одержал*.
Новзеру, которого миру Иредж
Оставил наследником, голову с плеч
Булатным клинком беспощадно ты снес,
Весь мир затопил ты потоками слез!
Тягчайшее из злодеяний к тому ж
Свершил ты: прославленный царь Сиавуш
Тобой был зарезан, подобно овце.
Ты, видно, забыл о небесном творце!
Почто не страшился ты кары, когда

Отца моего убивал без стыда?
Раскайся же ныне в злодействе былом,
За зло да воздастся преступнику злом!»
Ответ был: «Что сталось, то сталось. Внемли
Мольбе моей ныне, владыка земли.
Как хочешь, казни, но сперва повидать
Дозволь мне твою именитую мать».
«Коль мать мою любишь,— владыка сказал,—
Почто ты в утробе меня истязал*?
Безвинный отец, неродившийся сын
От злобы твоей не ушли. Властелин
Тобой обезглавлен, о ком до сих пор
Стенает престол, плачет царский убор.
Расплаты теперь не избегнешь ты, нет!
Карает тебя правосудный Изед».
Индийским мечом обезглавил его,
Во прахе с презреньем оставил его.
Седин белизну заливает багрец.
Брат мыслит: «И мой наступает конец!»
Владыки верховного трон опустел,
И счастью и жизни положен предел.
Чуждайтесь, о юноши, зла! Навлекло
Беду на злодея свершенное зло.
Знай, каждый, кто черное дело свершит,
Возмездья сурового не избежит.
Коль царь благодатью творца осенен,
Карает одним заточением он —
Ведь казнями срам на себя навлечет,
Возмездьем настигнет его небосвод.
Бехраму гневливому в оные дни*
Мудрец говорил: без вины не казни!
Будь милостив к людям, душой не черствей,
Тогда не лишишься державы своей.
В ладу с добродетелью мудрою будь —

Таков венценосцам указанный путь...
Ввести Герсивеза велит, побледнев,
Властитель, а в сердце и горесть и гнев.
Влекут полоненного богатыря;
В оковах предстал он пред взором царя
Средь множества стражей, среди палачей,
Как дерзостный, закоренелый злодей,
Стоит пред владыкою, черен лицом,
И слезы кровавые льются ручьем.
Преступнику, неумолим и суров,
Напомнил тогда о ноже Кей-Хосров,
Срубившем главу Сиавушеву с плеч,—
Так Сельмом и Туром сражен был Иредж.
Во гневе Хосров подал знак палачу,
Тот, руку мгновенно занесши к мечу,
Туранца-вождя разрубил пополам,
И ужас невольный сжал сердце мужам.
К двум трупам — подобию рухнувших гор —
Прикован воителя каждого взор.

[*Возвращение Кей-Кавуса и Кей-Хосрова в Парс*]

По воле Йездана желанья сбылись,
Царь снова во храме Огня. Полились
В огонь золотые потоки, затем
Почтен был хвалою священный Земзем*.
Молились Йездану всю ночь, до зари
Владыка и славные богатыри.
Зереспом, хранителем царской казны,
Богатые храму дары вручены.
Досталось мобедам немало добра:
Покровов и золота, и серебра.
И всех, обездоленных в городе том,
И тех, кто свой хлеб добывает трудом,

Шах радостный щедрой рукой одарил,
Весь край он сияньем щедрот озарил.
Воссел властелин на державный престол;
Всем двери раскрыты — покой он обрел.
Посланья во все полетели концы,
С известьем желанным помчались гонцы
К Востоку и Западу — к каждой земле,
Где блещет у князя венец на челе:
«Избавился мир от напасти лихой,
Повержен злодей Кей-Хосрова рукой».
В Йездановой милости черпая мощь,
Творил только доброе царственный вождь.
В нем дух Сиавуша, благого отца,
Воскрес; покорил он людские сердца;
Теряя дарам раздаваемым счет,
И слуг оделил, и простой весь народ.
И после того, именитых мужей
Собрав, говорит им владыка царей:
«С собою возьмите детей и супруг,
Из стен городских выходите на луг;
И яства доставив туда и певцов,
Пируйте!» Пирует и сам Кей-Хосров.
И вместе с владыкой пришла пировать
Тех мест благодатных верховная знать,
Чей родоначальник — великий Зересп,
В чертог ослепительный — Азергошесп*.
За чашей, под струнный чарующий звон
Сидят сорок дней, славя шаха и трон.
И после, лишь месяц блеснул молодой,
Как юного шаха венец золотой,
Все двинулись к Парсу, веселья полны,
Избавясь от бедствий и тягот войны.
На каждой стоянке к царю на поклон
Спешили приверженцы с разных сторон.

Мошну за мошной властелин истощал,
Достойных и праведных обогащал.

[*Смерть Кей-Кавуса*]

Кавус, обретя долгожданный покой,
Восславил Йездана хвалою такой:
«О ты, чью премудрость объять нам нельзя!
Тобой нам указана правды стезя*.
Меня ты осыпал дарами, возвел
На сей осиянный величьем престол.
Тобой мне высокая слава дана,
В сраженьях удача и мощь, и казна.
Молил я тебя: да отыщется муж,
Которым отмщен будет царь Сиавуш.
Ты внука послал мне — отраду очей,
Поднявшего стяг правой мести моей;
Весь мир покорил он. И мудр, и велик,
Затмил он прославленных древних владык.
На свете живу полтораста уж лет,
Кафур, а не мускус — волос моих цвет.
Стан-тополь согнулся от ноши годов,
И жизнь я покинуть без дрожи готов».
Недолго он здравствовал после того,
Осталось лишь имя одно от него.
С зарей пробудясь, средь печальных бойцов*,
Воссел у подножья престола Хосров.
Приблизились, пешие, скорби полны,
Знатнейшие люди иранской страны.
Все в черном и синем. Четырнадцать дней
Оплакивал каждый владыку царей.
Гробницу — высокий дворец — возвели,
На десять арканов он выше земли*.
Владыку тончайшей румийской тафтой,

Впитавшею амбру, кафур и алой,
Окутали слуги, и вот обращен
Бальзамом в нетленную мумию он.
Из кости слоновой престол под царем,
Из мускуса темный венец над челом.
С владыкой усопшим простился Хосров,
И двери закрыли на крепкий засов.
Кавуса никто уж не видел с тех пор;
Почил, позабыв и войну, и раздор.
Таков нашей жизни извечный закон.
Мудрец, этой мыслью не будь удручен!
От смертных тисков не уйдет ни мудрец,
Ни грозный, закованный в латы боец.
Ты будь хоть Зердоштом иль царства главой*,
В конце — лишь кирпич под твоей головой.
Одежду и кров сменят саван и прах*.
Воистину рок — беспощадный твой враг!
Вдали от престола, утех и пиров
В печали провел сорок дней Кей-Хосров.
А в день сорок первый на царский престол
Владыка в венце светозарном взошел,
Созвал во дворец именитых своих
Воителей в княжьих венцах золотых.
Алмазами все осыпают царя,
С восторгом ему славословья творя.
Счастливым восшествием озарена,
Властителя благословляет страна.
Прошло шестьдесят после этого лет,
Хосрову-царю покорился весь свет.

[*Кей-Хосров освобождает Джехена и передает ему туранское царство*]

Хосров пожелал, чтоб захваченный в плен
С почетом к нему был доставлен Джехен.

За сыном царя Афрасьяба тотчас
Пошли, выполняя владыки приказ.
В оковах застали его, и тогда
Заботливо, не причиняя вреда,
Оковы разбили. Волненьем объят,
Вступил он под своды царевых палат.
Увидя владыку, смущен, ослеплен,
Смиренно земной ему отдал поклон,
И к сердцу прихлынула крови волна,
И вот из очей уже струится она.
И долго он слезы еще проливал,
Царевич разумный, достойный похвал.
На лик его кроткий владыка взглянул
И, скорбью исполненный, тяжко вздохнул.
Лицо от любви запылало огнем —
То кровь материнская вспыхнула в нем.
В слезах вспомянул он о прежней поре,
Об Афрасиабе, великом царе:
«Когда бы он руки в крови не омыл,
Заветов Йездановых не преступил —
Навек не утратил бы трон и страну,
Багрянец не брызнул бы на седину,
Всегда бы я звал властелином его,
Был верным и любящим сыном его.
Увы, злодеяние — древо беды,
На нем ядовитые зреют плоды».
И видит Джехен: черный день миновал,
Спасенье владыка ему даровал.
Мужей, растворивших темницу его,
И великодушье врага своего
Он славит: «О царь, до скончания лет
Весь мир ослепляй ярким блеском побед.
Что радостней повиновенья тебе?
Нет чести превыше служенья тебе.

На верность тебе присягаю, любя,
Клянусь, где бы ни был я, жить для тебя.
Стезю укажи мне, пойду я по ней,
Покорный лишь воле державной твоей».
И встал, просияв от Джехеновых слов,
И рядом, по правую руку Хосров
Его на престол усадив, превознес:
«Ты мужем достойным и мудрым возрос.
Отныне покой и блаженство вкушай,
Тебе я отдам во владение край.
О Тура потомок, с любовью верну
Тебе венценосного предка страну!
Ты род от царя Феридуна ведешь,
Пешенга ты внук, уповаю — пойдешь
Стезею благой, не преступишь моих,
О родич мой кровный, заветов благих!
Земную тщету ни во что ты не ставь,
Страною разумно и праведно правь.
А если подружится кривда с тобой —
Отцовскою будешь постигнут судьбой.
Отец твой в злодействе не ведал преград,
За то и погиб он, низринувшись в ад.
Достоин был кары: жесток, словно див,
Царил, благочестья закон позабыв,
На смерть без вины Сиавуша обрек.
Настичь, наконец, я преступника смог.
В борьбе помогли мне отвага и честь,
И вот совершилась желанная месть.
Как птице, ему я главу отрубил,
И пал он во прах без дыханья, без сил,
И с жизнью, и с царством расстался навек,
Зарделся от крови седин его снег.
И некому было заплакать о нем
Затем, что неправедным шел он путем.

Припомни Зохака и Тура — царей
С душой кровожадной, царей-палачей.
Свирепым Зохаком казнен был Джемшид,
А Туром Иредж венценосный убит.
Но правою жаждою мщенья горя,
По воле Йездана, два славных царя
Тиранов настигли. Отважен и юн,
Аркан богатырский метнул Феридун*,
Схватил и с высокого трона совлек
И доле суровой злодея обрек,
Гвоздями в ущелье бездонном прибил,
Ущелье гранитной скалой завалил.
Избавился мир от владыки того,
От злобы неистовой, дикой его.
Поздней Менучехр, воплощенная честь,
За деда, Иреджа, поднялся на месть.
Он в Чин устремился, покинув Иран,
И яростью правой, святой обуян,
По воле Йездана, дарителя сил,
Свирепого Тура с главой разлучил.
Таков уж Йездана завет и закон,
Чтоб каждому, кем невиновный казнен,
С плеч голову злую без страха снесли,
Преступное сердце в земле погребли.
Не следуй за ними! Запомни: злодей
Не встретишь вовек состраданья людей».
Ответил Джехен Кей-Хосрову: «Внемли,
О царь справедливый, владыка земли!
Готов я смиренно склониться главой,
Готов я признать твою власть над собой.
Но всех твоих слуг я бедней, не даны
Мне царский престол и богатства казны.
Коль землю Турана мне вверишь,— любя,
Век буду Йездана молить за тебя.

Всю дань ежегодно клянусь тебе слать,
Которую в силах я буду собрать.
И дальний свершу я с охотою путь,
Чтоб снова на царственный лик твой взглянуть.
Примчась, пред тобою покорно паду,
Твой гордый престол и благую звезду
Почтив непритворной и жаркой хвалой,
Пролью на пути твоем амбру, алой
И землю китайской тафтой устелю.
Теперь об одном, о владыка, молю:
Затворниц тоскующих — жен, дочерей,
Сестер — вместе с прочей роднею моей,
Верни мне, в Туран отпусти их со мной.
Сей милости щедрой меня удостой».
На эти слова натерпевшийся бед
Услышал царя благосклонный ответ.
Царь мудрого кличет дебира, и тот
С пергаментом, мускусом, амброй идет.
И царский обычай блюдя, на атлас
Писец переносит державный указ.
Ту землю, что Туру венчанному встарь
Вручил Феридун, добродетельный царь,
Джехену Хосров возвратил и при сем
Добавил: «Будь праведным, добрым царем!
О бедных и слабых усердно пекись,
Владенья свои расширять не стремись».
Велит своему казначею Хосров:
«Корону неси да побольше даров!»
И тотчас доставил дары казначей:
Венец и коня, и одежду вождей.
Минуло Джехену грозившее зло,
И царским венцом озарилось чело.
Сестер его кровных, а также других,
Джехеновой помощи ждавших родных,

К нему отпустили по воле царя,
Им радостью светлой сердца озаря.
И девам достойные сана дары
Вручая — уборы, короны, ковры,—
Вернуться с Джехеном под милый им кров
Дозволил с напутствием добрым Хосров.
И после дебиру — письмен знатоку —
Посланье велит написать на шелку
Зовет Гостехема на родину: тут
Тебя по заслугам, мол, почести ждут.
Страной управленье Джехену вручи
И без промедленья обратно скачи...
С зарею, лишь крик петуха прозвучал,
У двери Джехеновой грянул кимвал.
Вскочив на коня, караван свой вести
Готов он; ликует, пирует в пути.
Достигнув Турана, избрал он посла
Благого, чья мудрость известна была.
«Скачи к Гостехему,— велит,— пред вождем
Склонившись, поведай ему обо всем».
Посол, выполняя владыки приказ,
Как буря, вперед устремился тотчас.
Поведал, лишь ставки верховной достиг,
Что едет Джехен от владыки владык.
И двинулась в путь именитая рать
С вождем Гостехемом Джехена встречать.
Вся в праздничном, ярком убранстве страна,
Наполнились чаши, рокочет струна.
Джехен очутился в столице своей
И видит: по древним обрядам царей
Увешаны стены блестящей парчой,
И льется на улицы дождь золотой.
На трон Афрасьяба взошел он. Кипит
Веселье повсюду, и сон позабыт.

Четырнадцать дней с Гостехемом делил
Веселье ; богато его одарил,
И в путь провожает он богатыря;
Хранилища древние все отворя,
Сокровищ немало вручает ему,
Промолвив: «Нет равных тебе по уму,
О витязь! Дары к властелину помчи,
С Йездановым благословеньем вручи.
Скажи: ты — владыка, мы — слуги твои,
Навек почитатели, други твои».
И слышит от витязя: «Горя не знай,
Слух рокотом руда весь век услаждай!»
Пируют опять, тесным кругом воссев,
Любуются пляской пленительных дев.
Лишь двинул рассвет свое войско и прочь
Скользнула в сапфировой мантии ночь*,
В час добрый вскочил на коня исполин,
Новзера прославленный доблестью сын;
Покинув туранскую землю, в Иран
Помчался к Хосрову, властителю стран.
Слух этот лишь только до Туса дошел,
Навстречу он царское войско повел.
С ним все исполины иранской земли.
Венец его княжий завидя вдали,
Все спешились, и Гостехем, подойдя,
Хваленья воздав, обнял Туса-вождя,
И прочие витязи следом спешат,
Отважного каждый приветствовать рад.
Вновь в седла вскочили и мчатся вперед,
С той скачкой сравнится лишь молний полет.
И вот уж столицы, где правил Хосров,
Оплот именитых, надежда бойцов,
Достиг Гостехем, несравненный храбрец.
Поспешно вступает он в шахский дворец.

Лишь только предстал ему царственный лик,
Простерся, устами к престолу приник.
Вождя-победителя шах величал
И радостно, долго в объятьях сжимал.
С собой на престол усадив, вопрошать
Он стал про туранскую землю и рать,
Спросил о Джехене и слышит в ответ:
«Везу от него я и дань, и привет.
В его помышлениях ты лишь один,
Он служит усердно тебе, властелин».
Царь кличет: «Эй, отрок, столы накрывай,
Полнее кувшины вином наливай!»
Насытился яствами всякий, а там
Черед наступил отличиться певцам.
И звонкая песнь величала царя,
Пока над землею не встала заря.
Когда ж над вселенною диск золотой
Поднялся и мир разлучил с темнотой,
Доставить сполна Гостехем поспешил
Дары, что Джехен для владыки вручил.
И вот приношенья пред шахом лежат.
Он, бросив едва на сокровища взгляд,
Их роздал иранцам, потом на престол
В кеянском венце величаво взошел.

[*Кей-Хосров охладевает к жизни*]

И стал размышлять повелитель владык
Над тем, что свершилось, чего он достиг:
«Мне страны покорности дань принесли
От Рума до Чина и хиндской земли —
И горные все, и степные края.
Над сушей и водами властвую я,
Везде — от восточных до западных стран —

Помог мне злодеев повергнуть Йездан,
От гнета и страха избавить людей.
Век долгий прошел над главою моей.
Склонился создатель к моленьям моим,
Утешен я праведным мщеньем моим.
Но страхом невольным душа смущена:
К нечистому в сеть не попала б она,
Как Джем и Зохак, совращенные встарь,
Как Сельм или Тур, чуждый жалости царь.
К иранцу мой род стороною одной
Восходит, к туранцу — другой стороной:
Кавуса я внук и того колдуна,
Царя Афрасьяба, чья совесть черна.
Страшусь я: с пути благочестья сойду
И душу в безмерную ввергну беду.
Сиянье отнимет Йездан у чела,
Я стану приверженцем кривды и зла.
Как сменятся розы лица желтизной*
И кости, истлев, станут перстью земной —
Останется от моего бытия
Одна только слава худая моя,
А душу отринет, не впустит Йездан
В чертог, что небесным лучом осиян.
Другому оставлю всевластье мое,
Столь дивно блиставшее счастье мое.
Пожну от своих долголетних трудов*
Лишь тернии вместо цветов и плодов.
За то, что добро променял на порок,
На вечный позор обречет меня рок.
Я мир и отраду земле даровал,
За гибель отца кровопийце воздал —
Был кары достоин волшебник тот злой,
Расставшийся с праведной божьей стезей!
И каждая мне покорялась страна,

Была ли пустынна иль населена.
Подвластен мне каждой земли властелин,
Носящий венец предводитель дружин.
За счастье и мощь, и победу свою
Я славить создателя не устаю.
Хотел бы я, взысканный щедро творцом,
В расцвете предстать пред небесным отцом;
Быть может, он душу мою пред собой
Узрев непорочной и верной рабой,
Ей светлого рая откроет врата.
Что трон и корона?— Земная тщета!
Кто больше меня бранной славы стяжал
И чашу веселья кто чаще держал?
И благо и зло на земле я постиг,
И явное видел, и в тайны проник.
Лишь к смерти лежит пред родившимся путь,
Будь пахарем он иль владыкою будь».
И стражу приказано: «С этого дня
Ответствуй желающим видеть меня
Отказом. В обратный их путь отправляй,
При сем доброту и учтивость являй».
И царский кушак свой у всех на виду
Он сбросил и скрылся, рыдая, в саду.
Светильником разума к богу ведом,
Святое свершил омовенье; потом
Себя облачив в белоснежный покров,
Надеждою дух укрепив, Кей-Хосров
В обитель молений вступает в слезах,
К Йездану взывает, повергшись во прах:
«О ты, что и душу, и плоть сотворил,
Стихии создавший и сонмы светил!
Меж злом и добром указуя мне грань,
Моим провожатым недремлющим стань.
Служить тебе стану, доколе я жив,

Лишь добрым деяниям дни посвятив.
Молю я, мои прегрешенья прости,
Не дай мне усталому сбиться с пути.
В ловушку гордыни попасть я страшусь*,
Как древле Джемшид и Зохак, и Кавус.
Грозящее зло помоги отвратить,
Не дай Ахриману мне душу смутить,
Безгрешной и чистой ее сбереги,
В приют непорочных вступить помоги».
Неделю молился и ночью, и днем,
Душою витая в пределе ином.
К началу второй Кей-Хосров изнемог,
Покинув молельню, вернулся в чертог,
И снова, душой просветленный, взошел
На свой лучезарный наследный престол.

[*Витязи допытываются*
о причинах поступков Кей-Хосрова]

Поступками царскими изумлены
Вожди боевые иранской страны,
Различные строят догадки, томясь
Тревогой, пред царскою дверью столпясь.
Когда на престол повелитель воссел,
Он тотчас везиру двора повелел
Завесу над входом дворцовым поднять,
Впустить возглавляющих славную рать.
И руки в поклоне скрестив на груди*,
Приблизились к трону герои-вожди,
Привет и хвалу возгласили царю
И тайные думы открыли царю:
«О шах, о мудрец, о великий герой,
Всех выше владык вознесенный главой!
Тебе венценосца подобного нет,

Даруешь ты солнцу и месяцу свет.
Владетель искусный меча и коня,
Радетель нетленного храма Огня,
Покоя чуждаешься, рьяно трудясь,
Трудов не страшась и казной не гордясь.
Мы, слуги, печемся о благе твоем,
Все помыслы только тебе отдаем.
Тебе ведь никто уж давно не грозит,
Твой недруг неправедный в землю зарыт.
Нет меры твоим неустанным трудам*,
Их сладостным, их благодатным плодам.
Царишь ты над каждой земною страной,
Войсками владеешь, владеешь казной.
Так что же могло тебе душу смутить,
Владыка, и думы твои омрачить?
Не время тебе унывать, тосковать,
А время отраду вкушать, ликовать.
Быть может, тебя мы, Ирана мужи,
Невольной виной прогневили? — Скажи,
Упав на колени, горя от стыда,
Мы станем молить о прощенье тогда.
Ты нам, повелитель, всю правду открой:
Быть может, соперник грозит тебе злой?
Таков уж удел венценосных владык*:
Коль хочешь могуществен быть и велик,
Пред битвами не отступай, над челом
Пусть блещет всегда богатырский щелом!
Поведай, какою заботой томим,
За помощью к слугам прибегни своим».
На то отвечал им владыка: «О нет,
Раздоров давно уж не ведает свет*.
Меня ни один не преследует враг,
Земных не терял я сокровищ и благ.
Как прежде, доволен я ратью родной.

Из вас не виновен никто предо мной.
С тех пор как врагам за отца отомстил,
Я правды и веры закон утвердил.
Не сыщешь, объехав земной весь простор,
Ни пяди, где перстень мой власть не простер.
Меч в ножны вложите! Звенящий фиал
Наполним напитком, что пламенно ал.
И пусть не смертельные стрелы свистят,
А лютни поют со свирелями в лад!
Неделю я в жарких моленьях провел,
В смиренных, благих размышленьях провел.
У неба я милости щедрой прошу*.
Желанье заветное в сердце ношу.
Его вам открою. Дав мудрый совет,
Мне в душу прольете отраду и свет.
Без устали славьте творца своего!
Он счастье вам дал, даровал торжество,
Вам силу для битв и побед ниспослал
И путь к одолению нам указал.
Отныне забудьте заботу и страх,
Веселье да светится в ваших сердцах!
Чья сила восстать против рока могла б?
Равны перед ним и владыка, и раб*,
И старых, и юных он косит в свой срок,
То милостив к нам, то суров и жесток».
Покинув дворец властелина страны,
Герои встревожены, удручены.
Везиру двора Кей-Хосров повелел,
Чтоб тот перед входом дворцовым воссел.
Отныне вступить к властелину в чертог
Никто — ни чужой, ни родной — уж не смог.
И царь, лишь окутала мир темнота,
Отверз для молитвы горячей уста.
Взывал он к создателю мира: «О ты,

Кто выше всего — и самой высоты!
Когда я покину обитель сию,
Молю, упокой мою душу в раю,
Ее призови с этой скорбной земли,
В обители праведных душ посели».

[*Иранцы призывают Заля и Ростема*]

Неделя прошла, но царя не видать;
Тревога объяла иранскую рать.
И вот на совет собрались мудрецы,
Покрытые славой герои, бойцы.
Меж ними Новзера венчанного сын —
Воинственный Тус и Гудерз-исполин.
Шла речь о неправде и правде, о тех
Владыках, чьей жизни сопутствовал грех,
О верных Йездану владыках других,
Творивших добро, умудренных, благих.
Услышал тут Гив от Гудерза: «Храбрец,
Всегда почитавший престол и венец!
Немало ты отдал Ирану трудов,
Не раз покидал ты и близких, и кров.
Над краем угроза нависла опять,
Ее не должны мы ничтожной считать.
Спеши верхового отправить в Кабул.
И сам отправляйся немедля в Забул.
Ростема и Заля скорей извести:
Отринул Йездана и сбился с пути
Владыка — для витязей двери закрыл,
Должно быть, он с дивом союз заключил.
Я долго властителя увещевал,
К нему, для его же спасенья, взывал.
Все выслушал, но без ответа слова
Оставил; в тумане его голова.

Страшимся, не сетью ли дива, как встарь
Кавус легковерный, опутан наш царь.
Средь наших прославленных богатырей
Всех старше и опытней вы, и мудрей.
Пусть вам на подмогу Каннудж и Кабул,
Май дальний и Мерг, и цветущий Забул —
Край каждый, будь близок он или далек,
Направит мобедов, чей разум высок.
С почтенным собранием тех мудрецов
Спешите в Иран, ибо царь Кей-Хосров
И лик свой, и помыслы прячет давно.
Здесь каждое сердце тревоги полно.
Знать, эту напасть одолеть одному
Дестанову только под силу уму».
Исполнил Гудерза веление Гив;
Мужи поспешили к нему на призыв;
И с горечью в сердце покинув Иран,
Поспешно он двинулся с ними в Систан.
Пред Залем и славным Ростемом представ,
О том, что постигло владыку держав,
О горестных днях, что Ирану грозят,
Воитель поведал, печалью объят.
И как повелел ему войска глава,
Ростему сказал он такие слова:
«Кабульских созвав и забульских жрецов,
Седых звездочетов, благих мудрецов,
В путь выступи с ними». Ростем и Дестан,
Собрав мудрецов, устремились в Иран.
Вновь длились неделю моленья царя.
На утро восьмое, лишь встала заря,
Он дверь саларбару открыть повелел,
На трон свой блистающий снова воссел.
Мобеды и богатыри подошли
К престолу владыки иранской земли,

Пред ним неподвижно, безмолвно стоят,
В душе опасенья и горечь таят.
Своих почитателей царь обласкал,
Места подобавшие всем указал;
Но те не садятся, их лица бледны,
И руки в безмолвной мольбе скрещены.
Но вот отворились уста для речей:
«О праведный царь, повелитель царей!
Могучий, владеешь ты всем меж Луной
И Рыбой, что мир подпирает земной.
Тебе, чья душа благодатью полна*,
Провидеть грядущее сила дана.
Поведай же слугам твоим: отчего
Ты нас лицезренья лишил своего?
Прикажешь — осушим глубины морей,
Прах мускусом станет по воле твоей,
Гранитные горы, и те сокрушим,
Всех недругов грозным мечом устрашим.
А если в казне наступила нужда,
Легко поправима и эта беда.
Мы все только стражи царевой казны,
К тебе мы любви, состраданья полны».
Хосрова ответная речь раздалась:
«Не мыслю отринуть, о витязи, вас.
Но я не о войске и не о казне
Печалюсь, нужда в них неведома мне.
Желание в сердце одно берегу*,
Из сердца исторгнуть его не могу.
Ночами, пока не забрезжит рассвет,
Молюсь я, меня да услышит Изед!
И если мольба донесется к нему,
Я с тайны своей покрывало сниму.
Ступайте же, радостью дух озаря,
И впредь не тревожьтесь о доле царя!»

В печали ушли исполины, воздав
Почет и хвалу властелину держав.

[*Кей-Хосров видит во сне Соруша*]

Мужей отпустив, опустить повелел
Завесу владыка. Пред нею воссел
Его саларбар; одержимый тоской*,
Стенает он, слезы струятся рекой.
Вновь пал пред всевышним владыкой миров
И путь указать ему просит Хосров,
Взывая: «Пречистый создатель светил!
Ты правдой и милостью мир осветил.
Что проку мне царством земным обладать,
Когда не снискал я твою благодать!
Творил и добро я, грехи мне прости*,
И душу в обитель безгрешных впусти!»
Провел пять недель в неустанных мольбах
На милость творца уповающий шах.
Однажды он долго томился без сна,
И вот светозарная встала луна,
И сон ему веки смежил в тишине,
Но бодрствует дух его чистый. Во сне
Соруша он видит; пред взором предстал
И шаху такие слова прошептал:
«Немало уборов и царских венцов
Уже износил ты, счастливый Хосров,
И ныне задумал расстаться с землей.
Узнай же, исполнится замысел твой.
Из мира земного в свой светлый дворец*
Тебя призывает всевышний творец.
Оставив обитель мирской суеты,
Из пасти драконовой вырвался ты.
Готовься к разделу сокровищ своих,

Да станут они достояньем других!
Всех бедных в зажиточных ты обрати,
Слуг верных наградами обогати.
Пусть каждый, тебе посвящавший труды,
Пожнет в изобилье усердья плоды.
Достойных дарами утешь и казной,
К концу приближается век твой земной.
Такого царя возведи на престол,
Чтоб даже мураш в нем защиту обрел.
Лохрасп добродетелью той озарен*,
Ему передай ты корону и трон.
Ни мига не медли с разделом добра,
В дорогу тебе собираться пора.
Тебя вознесет милосердный Йездан
В тот край, что бессмертья лучом осиян».
И много другого в тот памятный час
Услышал Хосров, несказанно дивясь.
Но вон он проснулся в холодном поту
И видит вокруг лишь одну темноту.
Простертый в слезах пред небесным творцом,
Воззвал он, к земле припадая лицом:
«О нет, не промедлю я! Слава тебе
Создатель — к моей снизошел ты мольбе!»
Вернулся в чертог и восходит на трон,
Одеждою новой, простой облачен.
Ни цепи, ни царских подвесок на нем,
Венец не сияет над ясным челом.

[*Заль увещевает Кей-Хосрова*]

Неделя шестая настала, и Заль
С Ростемом примчался; гнетет их печаль.
Услышав об их приближенье, спешат
Навстречу мужи, каждый горем объят.

Завидя Ростема, главу храбрецов
И Заля седого, и тех мудрецов,
Коней подхлестнули, несутся вперед
Мужи, от Зереспа ведущие род.
И вот уж они пред вождями, бледны*,
Безмерной тревогою удручены;
И горькие жалобы их раздались:
«С пути совратил, знать, Хосрова Иблис!*
Толпятся бойцы перед царским дворцом,
Но шаха не видят ни ночью ни днем.
В неделю лишь раз открывается дверь,
И нас допускают к владыке. Теперь,
О витязи, знайте, Хосров уж не тот,
Что ранее, радостью лик не цветет.
Увял кипарис, долу никнет глава,
Лик, прежде румяный, желтей, чем айва.
Не ведаем мы, отчего он поблек:
Злой глаз ли на шаха несчастье навлек,
Померкла ли шахского счастья беда,
Грозит ли иранскому краю беда».
Речь мудрую Заль, отвечая, повел*:
«Должно быть, царю опостылел престол.
Порою здоровье сменяет недуг,
Веселье в печаль обращается вдруг.
Не должно грустить и тревожиться так —
С тревогой в душе поселяется мрак.
Мы станем властителя увещевать,
Быть может, звезда его вспыхнет опять».
Все вместе вперед устремились потом,
И вот уж они перед царским дворцом.
Завесу подняв, открывают им вход
И всем воздают по заслугам почет.
Вслед Залю Могучий вступает под кров,
И Тус, и Гудерз, предводитель бойцов,

Отважный Бижен, Гостехем и Горгин
И прочие витязи славных дружин.
Лишь голос Ростема услышал в дверях
И Заля увидел вошедшего шах,
В раздумье сидевший, навстречу им встал*,
И стан распрямился, вновь тополем стал.
Из града Забула седых мудрецов,
Каннуджа, Денбера, Кабула жрецов
Встречает приветом и ласкою Кей,
Сажает согласно уставу царей;
А также собранью иранских бойцов
Места указал по заслугам Хосров.
И слышит он Заля хвалу и привет:
«Печалей не знай до скончания лет!
Со дней Менучихра, с Кобадовых дней
Всех помню я славных, могучих царей.
И Зов, сын Техмаспа, и царь Кей-Кавус*—
Все славились в мире, я всеми горжусь.
Как сын, был мне дорог и царь Сиавуш —
Великий, прославленный доблестью муж.
Но не был, поверь, ни один из владык,
Подобно тебе, умудрен и велик.
И впредь столь же мудро державою правь,
Ее пуще прежнего в мире прославь!
Ты мир обошел, верен правде одной,
С победою в край воротился родной.
Шел каждый владыка к тебе на поклон,
Недуг не один был тобой исцелен.
Но вести худые дошли до меня,
И в путь я собрался, не медля ни дня.
Созвал звездочетов — почтенных мужей*,
Прославленных мудростью светлой своей;
С собою таблицы индийские взяв,
Явились из дальних и ближних держав,

Таких, как Денбер, Май, и Мерг, и Каннудж.
Рассеет, быть может, их знания луч
Мрак тайны: поймут, отчего Кей-Хосров
К Ирану немилостив стал и суров.
Припомни, чем крепок властителя трон,—
Тремя лишь опорами держится он:
Бойцами, казной, неустанным трудом;
Не должно царю помышлять о другом*.
Долг высший наш помнить творца своего,
И ночью и днем славословить его.
Рабам он от мук избавление шлет,
От немощей злых исцеление шлет.
Для бедных, к тому ж, не скупись на дары,
Пусть будут даяния наши щедры.
И вновь воссияет в душе твоей свет,
И разум окрепнет — ограда от бед!»

[*Ответ Кей-Хосрова Залю*]

Речь витязя выслушав, царства глава
В ответ изрекает такие слова:
«О старец, ты славен души чистотой,
Исполнена речь твоя правдой святой.
Со дня Менучихра до этих времен
Твой помысел каждый добру посвящен.
А сын, что послали тебе небеса,—
Опора владык, именитых краса.
Не он ли царя Сиавуша взрастил,
Для блага наставил его, просветил?
Завидя Ростема могучую стать,
Без боя не раз устрашенная рать
Бежала, спасенья не чая найти,
И луки и стрелы бросая в пути.
Он верной защитой был дедам моим,

Не раз помогал им советом благим.
Не счесть мне и благодеяний твоих,
Хотя бы весь век говорил я о них.
Кто б мог по заслугам хваленье тебе
Воздать? Похвала — оскорбленье тебе.
О витязь, меня вопрошаешь о том,
Закрыл отчего я дворцовый прием,
Мужей обижая. Причину того
Поведаю, не утаив ничего.
Желание в сердце вселил мне Изед,
И мне опостылел с тех пор белый свет.
Без сна пять недель преклоненный стою,
И денно и нощно моля судию
Грехи, многогрешному, мне отпустить,
Дух мрачный надежды лучом осветить,
К спасению благословенной стезей
Вести, разлучив с этой бренной землей,—
Да не уподоблюсь владыкам былым,
Что сердце смутить дали помыслам злым!
Даровано все мне, о чем я мечтал,
И час собираться в дорогу настал.
Я нынче уснул на рассвете, и весть
Мне свыше Соруш соизволил принесть:
Пора, мол, создатель зовет тебя в путь,
Печаль и бессонные ночи забудь!
Державным трудам и заботам конец —
Престол покидаю, слагаю венец».
Мужи содрогнулись при этих словах,
У каждого в сердце — унынье и страх.
Приблизился к ним и вздохнул тяжело
Дестан; возмущение грудь ему жгло.
И слышат от мудрого богатыря
Иранцы: «Знать, разум покинул царя.
С тех пор как кушак боевой повязал,

Служить я престолу иранскому стал:
Ни разу доныне из Кеев благих
Никто не высказывал мыслей таких.
И ведомо вам: от него самого
Еще мы досель не слыхали того,
Что ныне твердит он. Знать, мерзостный див
Смутил его, с божьей стези совратив.
Не мыслил о том из владык ни один —
Ни царь Феридун, ни Хушенг-властелин.
Все это царю я скажу напрямик,
Хотя бы конец меня смертный постиг».
«Ты прав,— отвечают иранцы,— речей
Таких не держал ни один из царей.
Знай, все, что ни скажешь, ты скажешь от нас.
О если бы душу владыки ты спас!»

[*Заль укоряет Кей-Хосрова*]

Приблизившись снова к престолу, Дестан
Промолвил: «Ты честью, о царь, осиян.
Мне, старцу, немало видавшему, вняв,
Совет мой отвергни, когда я неправ.
Хоть истину трудно бывает снести,
Но злу не она ль заграждает пути?
При людях правдивую выслушав речь,
Не должен ты в сердце обиду беречь.
О царь, на туранской земле ты рожден,
Там вырос, водою Турана вспоен.
Ты внук Афрасьяба, владыки того,
Что веровал только в одно колдовство,
А дед твой второй — Кей-Кавус-властелин,
Чей лик исчертила сеть мрачных морщин.
Был царский его необъятен удел,
И Западом он и Востоком владел,

Но вздумал в небесные дали взлететь,
Созвездий бесчисленных рой обозреть.
Советом его образумить хотел,
Но в этом, владыка, я не преуспел;
Как ныне, суровую речь перед ним
Держал, но ушел, тяжкой болью томим.
Взлетевши, безумец низвергся без сил;
Йездан милосердный его пощадил.
Но он и тогда не восславил творца;
Смятенье и злоба терзали слепца.
Ты ратников вел сотню тысяч — любой
В броне, с бычьеглавой стальной булавой;
Сражался, как лев, и отвага дала
Плоды — Хорезмийская степь расцвела.
Но вздумал ты пешим схватиться потом
С Пешенгом, воинственным богатырем.
Он жаждал тебя ниспровергнуть — тогда б
С войсками ворвался в Иран Афрасьяб
Смерть сеять, младенцев и жен похищать.
И некому было бы их защищать.
Тебя сохранил милосердный Йездан;
Его благодатью святой осиян,
На поле сражения ты победил
Злодея того, что Йездана не чтил.
Казалось, до мирной, счастливой поры
Мы дожили, ждут нас дары и пиры.
И что ж? Стала доля Ирана трудней*,
Угроза несчастья нависла над ней.
Решась на стезю заблуждений шагнуть,
Покинул ты честный и праведный путь.
Но этим создателю не угодишь,
А только себе самому повредишь.
Коль станешь ты действовать так, ни один
Не будет привержен тебе исполин.

Сам позже раскаешься в этих речах,
Веленье дивов отвергни, о шах!
Не то с благодатью, разгневан, суров,
Тебя разлучит повелитель миров.
Ты в муках стыда станешь сердцем гореть
И зваться не будешь владыкою впредь.
К Йездану пречистому сердцем прильнуть
Спеши, к избавленью укажет он путь.
Коль зов мой отринешь, поверя в обман,
Которым опутал тебя Ахриман,—
Утратишь престол и венец, и почет,
Злой рок посрамленью тебя обречет.
Пусть разум тебя ограждает от зла!
Да будет душа твоя вечно светла!»
Дестан умолкает, печалью томим*,
Речь витязи держат один за другим:
«Готовы мы старца слова подтвердить,
Негоже нам правду от шаха таить».

[*Ответ Кей-Хосрова и раскаяние Заля*]

Сперва омрачился, услыша слова,
Что вымолвил витязей славных глава,
Но после, подумав, сказал Кей-Хосров:
«О мудрый, проживший немало веков!
Будь ныне суровый ответ мною дан,
Того б не одобрил всевышний Йездан;
Боль в сердце Ростемово я б заронил
И тем бы Ирану изъян причинил.
Ростемовых подвигов не сосчитать,
Казной никакою за них не воздать.
Он грудью в сраженьях меня защищал,
Покоя и сна супостатов лишал.
Ответом неласковым не огорчу,

Сказать тебе доброе слово хочу.
Все слушайте, знатные люди страны,
Что счастьем и славою одарены!
Речь Заля седого, главы мудрецов,
Я выслушал здесь, пред собраньем бойцов.
Но в том поклянусь вам Йезданом самим,
Что мерзок мне див и не знаюсь я с ним.
К создателю мира мой дух устремлен,
Молитвой святой от скорбей исцелен.
Мне разум — броня от соблазнов и зла*.
Душа, что как прежде чиста и светла,
Рай светлый узрела». И далее шах
Речь держит: «О Заль, будь воздержан в словах!
Сказал ты: из тех, кто в Туране рожден,
Никто добродетелью не награжден.
Но вспомни: я сын Сиавуша-царя,
Разумным и праведным слыл он не зря*.
Кавус-миродержец — мой царственный дед,
Чью доблесть и знания славит весь свет.
А дед мой другой Афрасьяб — властелин,
Пред кем трепетал не один исполин.
При нем и пройти вдоль Джейхуна-реки
Не смели Ирана бойцы-смельчаки.
Он внук Феридуна, Пешенга он сын —
За предков стыдиться не вижу причин.
Ты шаху Кавусу поставил в вину,
Что создал ковчег и взлетел в вышину.
За рвение к славе, стремление ввысь
Царя не кори, на него не гневись!
Жестоко за гибель отца я отмстил,
Я светочем счастья весь мир осветил*.
Сразил я виновника распрей и зла,
Чья длань угнетение миру несла;
О нем даже память исчезла во мгле*,

И незачем дольше мне жить на земле.
Когда вспоминаю с печалью о тех,
Что некогда впали в нечестье и грех,
Я хитрым соблазнам поддаться страшусь,
Как древле венчанный Джемшид и Кавус,
Иль стать ненавистным, как Тур и Зохак,
Что мир злодеяньями ввергли во мрак.
Страшусь я, когда мои дни догорят,
Душа и моя не попала бы в ад.
Корил ты еще, что с Пешенгом на бой
Я рвался, как чудище бездны морской.
Но в стане моем я не знал никого,
Кто смог бы пойти против мужа того
И в единоборстве его победить,—
Пришлось самому в поединок вступить.
И в полдень и в полночь я пять уж недель*
Молюсь, и молений единая цель —
Чтоб вышний творец мою душу унес
Из этой обители горя и слез.
И рать и престол опостылели мне,
Душой устремляюсь к блаженной стране.
Сказал ты, о благословенный Дестан,
Что к хитрому диву попался в капкан,
Путь правды покинул, предавшись ему,
И сердце мое погрузилось во тьму.
Нет, зло я отринул, добро возлюбя*,
Гнев божий навлечь не хочу на себя!»
И дрогнуло сердце Дестана тогда,
И очи застлались туманом стыда.
Охвачен раскаяньем жгучим, в слезах,
Вскочил он, воскликнув: «О набожный шах!
За гнев безрассудный плачу я стыдом,
Ты, правый и мудрый, Йезданом ведом.
Сурово слугу своего не виня,

Прости; знать, нечистый попутал меня!
Несчетные годы на свете я жил,
И многим властителям верно служил;
Того, что ты просишь, еще ни один
Досель у творца не просил властелин.
Владыка, отмеченный славной судьбой*,
Не в силах душа разлучиться с тобой!»
Услышал седого Дестана слова
И сердцем смягчился державы глава.
Как друг, его за руку с жаром схватил
И рядом с собой на престол усадил.
Был верностью движим глава мудрецов,
И это постиг солнцеликий Хосров.

[*Поучение Кей-Хосрова иранцам*]

Заль-Зеру велит Кей-Хосров: «Потрудись,
И дня не теряя, за дело возьмись.
Тус, Гив, именитый Гудерз и Ростем,
И прочие витязи! Должно вам всем
Везти на степной необъятный простор
И царское знамя, и царский шатер.
Бойцов и слонов под знамена вождей
Собрав по обычаю праздничных дней,
Раскиньте под сводом небес голубых
Все наши шатры, сколько б ни было их».
Внял речи Хосрова Ростем-богатырь,
И вот уж в степную привольную ширь,
Покорные воле владыки земли,
Стан ратный раскинуть иранцы пришли.
Несчетных шатров и знамен пестрота
Заполнила степь от хребта до хребта,
И радугой, одолевающей мрак,
Сверкает Каве ослепительный стяг.

От царского справа — Дестана шатер,
Стяг черный над ним свою сень распростер*.
А слева Ростем, славный муж-великан,
С бойцами Кабула раскинул свой стан,
Знаменами ярко шатры расцветив.
Поодаль — Гудерз именитый и Гив,
Бижен, Гостехем и Хоррад, и Горгин,
И прочие витязи царских дружин.
Владыка на трон ослепительный свой
Воссел с бычьеглавой большой булавой.
С ним рядом Дестан, величавее льва,
И мощный, как слон, исполинов глава.
Все взоры к властителю устремлены*:
Мол, что уготовил он войску страны?
Владыка Ирана тогда возгласил:
«О витязи славные, полные сил!
Владеющий разумом знает о том,
Что бренно, непрочно все в мире земном.
Не лучше ли полному силы уйти*—
Беда безоружному в дальнем пути!
Но в шкуре пока еще туша быка:
Ждет кара ль, награда ль — не знаю пока.
Живите на свете, Йездана страшась,
Не должно о нем забывать ни на час.
Стремительно краткий наш век протечет,
Ведется часам и мгновениям счет.
С Хушенговых до Кей-Кавусовых дней
Прошла вереница великих царей —
Не спасся никто, все исчезли во мгле,
Живет только слава о них на земле.
Страх божий забывшие были средь них,
Покаяться в грешных деяньях своих
Пришлось им; не менее грешен и слаб
И я, вседержителя трепетный раб.

Немало изведав трудов и забот
И зная, что смерть всех родившихся ждет,
С плеч тяготы жизни я сбросить хочу,
В нездешние дали душою лечу.
Обрел я все то, что так долго искал,
И ныне от ноши державной устал.
Усердие слуг моих верных ценя,
Их всем одарю я, что есть у меня.
Кто честен и набожен — стану о том
Молиться, склонясь пред небесным творцом.
В награду за доблесть иранским бойцам
Доспехи, оружие, злато раздам,
А каждому знатному богатырю
Я землю и княжий венец подарю.
Рабов и рабынь, и казну, и стада
Собрав, сосчитать повелю, и тогда
Раздам достоянье. Мне время пришло
Из тьмы устремиться туда, где светло.
А вы веселитесь неделю подряд,
Пусть клики веселья повсюду гремят!
Молитесь о том, чтоб покинул я свет,
Избегнув земных искушений и бед».
Речь кончил иранской державы глава.
Дивятся, услышав такие слова,
Иранцы; в раздумье промолвил один:
«Как видно, в безумие впал властелин.
Кто знает, что ждет государя сего,
Что будет с венцом и престолом его?»
Рядами бойцы мчатся с разных сторон,
От войска чернеют равнина и склон.
Трубы рокотание, ржанье коней,
И пир богатырский все жарче, шумней.
Неделя в веселье таком пронеслась,
Пируют, от тяжких забот отрешась.

[*Заветы Кей-Хосрова Гудерзу*]

На утро восьмое Хосров на престол
Без царских серег, без короны взошел.
Достойных спеша пред концом одарить,
Дверь к первому кладу велит отворить.
Богатства несчетные клада того
Гудерзу вручил он, наставив его
Такими словами: «Вокруг осмотрись,
Наш край укрепить и украсить стремись,
Не все ведь сокровища нам собирать,
Пора подойдет, их разумно истрать.
Увидя строенья, что бранной порой
Разрушены ратью своей иль чужой,
Заезжий, лежащий в развалинах дом,
Ветшающий мост иль пустой водоем,
Увидя бездомных сирот или вдов,
Что свой износили последний покров,
Иль тех, что по старости впали в беду,
Но силятся спрятать от взоров нужду,—
Богатства на свет извлеки и тотчас
Раздай их, превратностей рока страшась.
Внемли завещанью о кладе втором*:
Его „Бадаверд“ называют, и в нем*
Алмазы несчетные. Для городов,
Разгромленных, ставших убежищем львов,
Для храмов, что служек давно лишены
И тем в запустение приведены,
Для всех, кого с детства безжалостный рок
Увечью иль бедности горькой обрек,
Еще для колодцев, что в ветхость пришли,—
Короче, для блага иранской земли
Истрать, не скупясь, тот невиданный клад.
Помысли о смерти, ведь годы летят.

Название третьего клада — „Арус“,
Копил его в городе Тусе Кавус*».
И царь завещал: «Пусть сокровищем тем
Отныне владеют Дестан и Ростем».
Свои одеянья велев перечесть,
Ростему-вождю оказал ими честь*.
Доспехи воинственных богатырей
С убором богатым, достойным царей,
Вручил Гостехему. В дар Тусу даны
Породистых, резвых коней табуны.
Гудерзу из замков прекрасных своих
Дал выбрать любые, с садами при них.
Оружье свое и немало притом
Сокровищ, добытых тяжелым трудом,
Отважному Гиву владыка вручил,
Как стал ему жребий державный немил.
Немало дано Фериборзу наград —
Кольчуг, и румийских шеломов, и лат;
Немало ему и земель, и шатров,
И пастбищ, и стад подарил Кей-Хосров.
Нить перлов, затмившую блеск Моштери,
Два перстня с рубинами, ярче зари,
С начертанным именем царским на них,
Известных в Иране и в странах других,
Бижену вручил повелитель держав,
Творить только благо ему завещав.
Потом возгласил он: «Я чувствую, срок
Свершенья желаний моих недалек.
Просите какого хотите добра:
Собранью уже расходиться пора».
Плач витязей встал до небесных высот,
Печаль о властителе сердце им жжет.
Все в горе взывают: «О царь, наш отец,
Кому оставляешь наследный венец!»

[Заль просит у Кей-Хосрова княжескую грамоту для Ростема]

Заль мудрый, владыки слова услыхав,
Пал в ноги ему и почтительно, встав,
Сказал: «От тебя, повелитель страны,
Мы наши желанья таить не должны.
Ты знаешь, как рьяно Ирану служил
Могучий и подвигов сколько свершил.
Ты помнишь, как жаждою битв обуян,
Походом отправившись в Мазендеран,
Был дивами в цепи закован Кавус,
С ним храбрый Гудерз и воинственный Тус.
Про это услышав, душой омрачась,
Могучий им вслед устремился тотчас.
Навстречу ему — то колдунья, то лев,
Драконы и дивы; но всех одолев,
Один, сквозь пустыню и мрак, великан
Примчался к властителю в Мазендеран.
Он Белому Диву утробу рассек,
Авлада и Бида на гибель обрек.
Когда разлучал он Сендже с головой,
Всю землю потряс злого чудища вой.
Сохраба, которому равного нет*,
Сразил он, ища для Кавуса побед,
И сына оплакивал, горем убит,
С ним плакали солнце и месяц навзрыд.
Но если бы все перечислил дела*
Ростемовы — речь моя вечно б текла.
Что мыслишь в наследье оставить ему,
Когда охладел ты к венцу своему?»
Ответ был: «Так много свершил твой Ростем
Во славу Ирана, что подвигам тем
Счет знает один лишь создатель благой,

Дарующий радость и мир, и покой.
Деянья героя не сгинут во мгле,
Подобных ему не сыскать на земле!»
Дебира зовет повелитель, и тот
С пергаментом, с мускусом, с амброй идет.
И вот, по веленью владыки владык,
Хосрова, что праведен, мудр и велик,
Начертан указ: «Великан-сипехбед,
Прославленный множеством бранных побед,
Отныне зовется верховным вождем
И первым меж витязей богатырем.
И отдан Нимруз во владенье ему,
Великому, славному мужу тому».
Скрепил эту грамоту перстень царя,
Сказал он, ее исполину даря:
«О витязь, вовеки печалей не знай!
Хранимый тобой, да украсится край!»
Прибывших из градов различных и стран
С таблицами, как повелел им Дестан,
Гадателям также достались дары,
И были награды по-царски щедры.

[*Кей-Хосров вручает княжескую грамоту Гиву*]

Встав с места, потом умудренный Гудерз*
Уста для правдивых речений отверз:
«О царь, не видал я на свете досель
Достойней тебя властелина земель!
Со дней Менучихра, с Кобадовых дней
До дней процветанья державы твоей
Владыкам служил я, им верность храня,
Не знал ни единого праздного дня.
Чад семьдесят восемь имел я родных,

В живых только восемь осталось из них.
Гив, сын мой отважный, в Туране семь лет*
Скитался во власти лишений и бед.
Онагр ему пищей служил средь степей,
Одеждою — шкуры убитых зверей.
В дни бедствий Ирана ты видел, мой шах,
Как Гив отличался в жестоких боях.
Ты властью пресытился — так для него
Я благоволения жду твоего».
«Да, тысячекратная Гиву хвала!—
Ответ был.— Его несравненны дела.
Да будет злой недруг его посрамлен!
Хранимый Йезданом, да здравствует он!
В награду любой из уделов избрав,
И сам да пребудешь ты счастлив и здрав!»
Был Гиву град Кум во владение дан,
А также прославленный град Исфаган.
И амброй указ начертать на шелку
Велит венценосный письмен знатоку.
Печатью державной указ освящен
И с благословением царским вручен:
«Пусть милостив будет к Гудерзу творец,
Врагов да постигнет злосчастный конец!
О витязи, чествуйте Гива-бойца,
Победам его да не будет конца!*
Хочу, чтоб из вас его каждый берег,
Как мною оставленный добрый залог.
С любовью во всем повинуйтесь ему
И верьте Гудерзу, вождю своему!»
Хвалою в ответ величают царя
Сородичи славного богатыря.

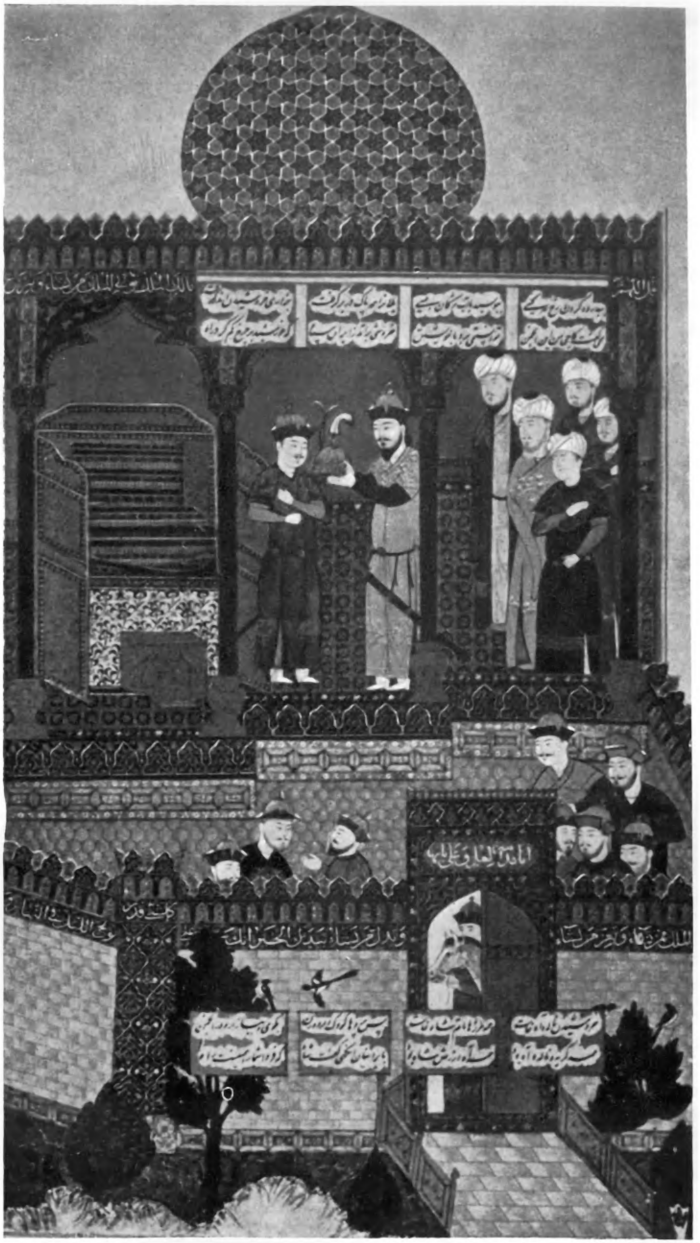
[*Кей-Хосров вручает княжескую грамоту Тусу*]

Гудерз возвратился на место, и встал
Тус-витязь; властителю в ноги он пал
С такими словами: «Молю, чтоб избег
Ты глаза дурного, был счастлив весь век!
Я — внук Феридуна. Столетья назад
Из Хамаверана явился Кобад*.
С тех пор затянул я свой ратный кушак,
И отдан Ирану был каждый мой шаг.
В горах Хемавена истлела на мне
Одежда. И днем я и ночью в броне;
У войск во главе, жаждой мести горя,
Сражался за павшего жертвой царя.
Был в пасти драконьей — в Ладене. Нигде
Дружину свою не бросал я в беде.
Закован был в Хамаверане Кавус —
С ним рядом томился закованный Тус.
Стране беспорочно служил я, блюдя*
Священный обет боевого вождя.
От власти устав и пресытясь казной,
Ты хочешь покинуть мир бренный, земной;
Грехи и заслуги припомнив, велишь
Где править, какою землей наделишь?»
Хосров отвечает: «Не все ты свои
Походы назвал, перечислил бои.
И впредь оставайся у войск во главе,
Вождь златообутый со стягом Каве.
Тебе во владенье даю Хорассан,
Покоем и радостью будь осиян!»
При витязях всех был начертан тотчас
На гладком пергаменте царский указ.
Скрепил ее царства иранского знак.
Цепь Тусу вручая и княжий кушак,

Хосров завещает: «В сердцах у людей
Лишь добрые чувства, о доблестный, сей!»

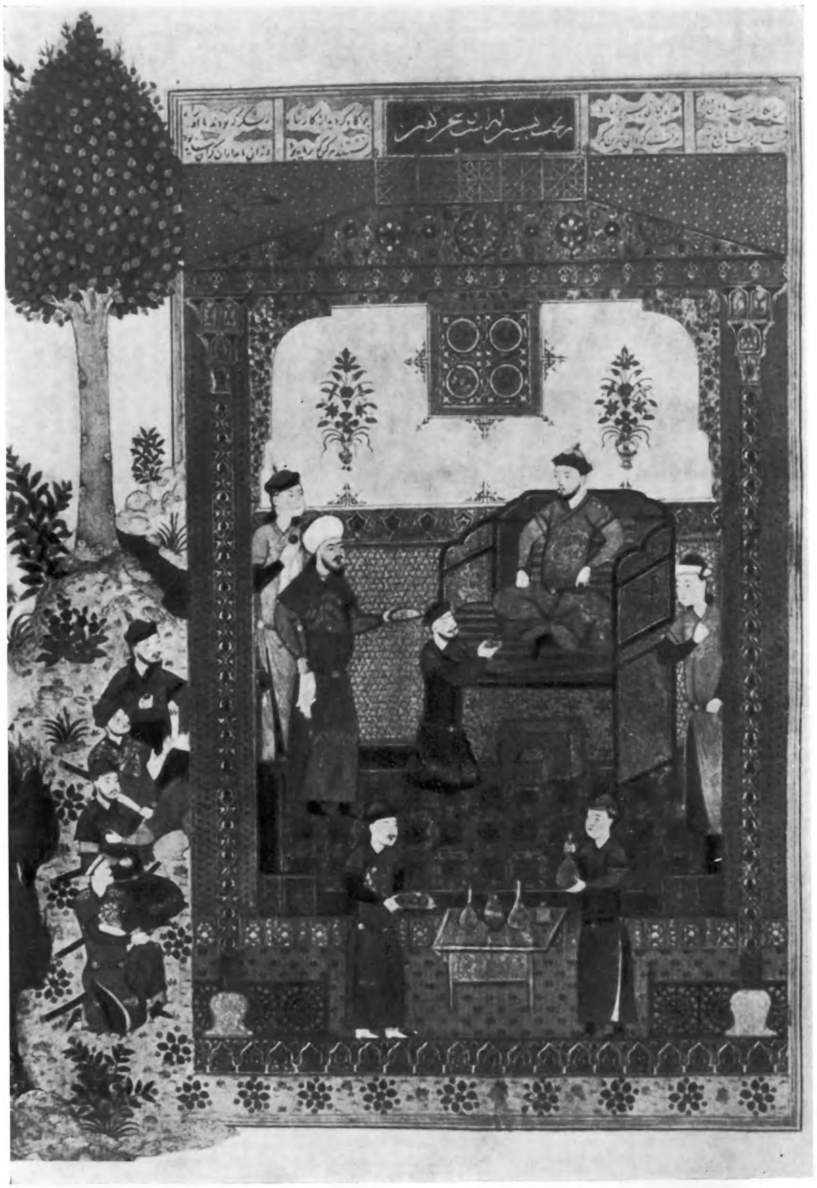
[*Кей-Хосров передает царствование Лохраспу*]

Раздаче уделов конец подошел,
И снова владыка воссел на престол.
Не названо имя Лохраспа одно.
Меж славных имен не звучало оно,
Бижену Хосров привести повелел
Лохраспа, венец принести повелел.
Увидя, что витязь явился на зов,
Встал с трона и обнял его Кей-Хосров;
Покинув престол, что сиял белизной,
Сложив с головы свой венец вырезной,
Лохраспу их вверил и благословил
На царство и так при мужах возгласил:
«Отныне землей кеянидов владей,
Всей властвуй отныне землею моей,
Наследником стань всех сокровищ моих.
Добыл я трудами немалыми их.
Одна справедливость отраду дарит,
Так пусть правосудье твой разум творит!
Чтоб царству и счастью вовек не стареть,
С нечистым не знайся ни ныне, ни впредь.
Не должно внушать своим подданным страх,
Будь мудр, осмотрителен, сдержан в речах».
Иранцам сказал: «Под звездою его
Познайте блаженство, покой, торжество!»
Той речью воители удивлены,
Как тигры свирепые разъярены.
Что кроется здесь никому невдомек.
Лохрасп — их глава! Кто подумать бы мог?
Встал Заль, от лица именитых мужей



Кей-Хосров венчает на царство Лохраспа

Рукопись хранится в библиотеке Королевского азиатского общества (Лондон)



Лохраспу сообщают об исчезновении Кей-Хосрова
Рукопись хранится в библиотеке дворца Гюлестан (Тегеран)

Сказал, не скрывая досады своей:
«О царь, что могло твою душу смутить?
Иль хочешь ты в золото пыль обратить?
Была бы душа черным прахом взята
Того, кто свои осквернил бы уста,
Лохраспа владыкою провозгласив.
Неправедный мы отвергаем призыв.
К Зереспу он нищим пришел, ничего*
С ним не было, кроме коня одного.
Ты войско и стяг, и броню ему дал
И в землю аланов сражаться послал.
Он воин безвестный, безродный. О шах,
Не слыхивал я о подобных царях!
Ужель ты меж стольких князей не нашел
Достойных воссесть на кеянский престол?»
Нет мочи молчать и другим храбрецам.
Все, вторя Дестановым гневным речам,
Кричат, стали яростью взоры гореть:
«На битву с врагом не поднимемся впредь!
Слуг верных ты более в нас не найдешь,
Коль ныне Лохраспа на трон возведешь!»
«Не гневайся,— выслушав Заля слова,
Ему отвечает Ирана глава,—
Ведь кто восстает против истины, тот
Огня не осилит, лишь дыма глотнет.
Творец не потерпит неправых речей,
За них он сурово карает людей*.
Создатель — о том подобало бы знать —
Тогда лишь дарует царю благодать,
Когда на стезе добродетели он
И скромен, и здравым умом наделен*.
Таков повелитель, что мною вам дан;
Нет мужа достойней, свидетель Йездан!
Пешина он внук и Авзерда он сын*.

С душою открытой добру властелин.
Творца почитая, от злых колдунов
Он землю спасет. Станет молод и нов
Весь мир от премудрости светлой его,
Он честным и сына взрастит своего.
Ему, как царю, возгласите привет*,
Разумный и добрый примите совет!
А пренебрежете советом моим —
Развеются ваши заслуги, как дым.
Нарушите также Йезданов наказ,
Постигнут бедой будет каждый из вас».
Заль, это услышав, пронзенный стыдом,
До самой земли преклонился, потом
Горсть праха набрав, к ней уста приложил,
Лохраспа владыкою провозгласил.
Сказал он царю: «Да не ведаешь зла!
Да будет душа твоя вечно светла!
Но кроме тебя, кто же знал, что ведет
Лохрасп от властителей древних свой род.
С тропы, мне указанной, впредь не сверну,
Я прахом поклялся — прости мне вину!»
И вот уж приветствуют вождь за вождем
Лохраспа и сыплют алмазы дождем.
С престолом наследным простился Хосров*,
Затем возгласил пред собраньем бойцов:
«Земную покину юдоль и о вас
Мольбы вознесу, пред Йезданом склонясь».
И витязя каждого к сердцу прижав,
Прощается с ним повелитель держав;
В час горький разлуки, объятый тоской,
Вздыхает, стенает, льет слезы рекой:
«Когда бы за тот благодатный порог,
О други, ступить вместе с вами я мог!»
С пути сбилось солнце, во тьме небосвод

И вопль над толпой удрученной встает.
И в граде несется из каждых дверей
Плач женщин-затворниц и малых детей.
В жилищах, на улицах и площадях
День скорби: с народом прощается шах.
Ирана мужам Кей-Хосров говорит*:
«Не всем ли сей путь совершить предстоит?
Утешьтесь, друзья, восхваляйте творца,
Весельем свои оживляйте сердца!
Я, с миром простясь, ни о чем не тужу:
Ведь добрую славу снискав, ухожу.
Отверг я земную тщету, и Соруш
Мне путь указал в царство праведных душ».
К владыке скакун вороной подведен,
Послышался витязей горестный стон.
И вот уж владыка пускается в путь,
В раздумье главу опустивши на грудь.

[*Кей-Хосров прощается с женами*]

Лелеял Хосров юных жен четырех,
От взоров чужих неусыпно берег.
Призвал из гарема, им тайну открыл,
Прощаясь, такие слова говорил:
«Мир бренный оставлю и в горной стране
Воспряну, не надо грустить обо мне.
Я козни коварного рока стерпеть
Не в силах, меня не увидите впредь.
Готов к судие пресвятому уйти,
И нет для возврата на землю пути».
Сознанья лишились красавицы вдруг,
Их жалость пронзила, сразил их испуг.
Очнулись и стали ланиты терзать,
Срывать украшенья и волосы рвать,

И горькие слезы в отчаяньи лить,
И шаха в тоске неизбывной молить:
«Уходишь — возьми же с собою и нас,
Будь нашим спасителем в горестный час!»
Но мудрый владыка сказал им в ответ:
«Настанет ваш срок — и покинете свет.
Цветок не один уж главою поник:
Где сестры Джемшида, владыки владык!
Где дочь Афрасьяба, что жизнь мне дала,
По водам Джейхуна в Иран приплыла!
Где дева, чье имя звездою горит,
Дочь Тура, прекрасная Махаферид!*
В земле опочили, а души в аду,
Быть может, иль, может быть, в райском саду?
Царица в короне, в шеломе герой —
Все скошены будут урочной порой.
К добру устремляйтесь — вот счастья стезя,
Занять добродетель чужую нельзя.
Крепитесь, чтоб горестью не омрачить
Мне сердце и тяжкий мой путь облегчить».
Хосров, прослезившись, Лохраспа призвал,
Ему свои думы поведав, сказал:
«Защитой красавицам будь: мои дни,
Что розы в садах, украшали они.
Пусть в тех же чертогах, доколе ты жив,
Пребудут, весь прежний уклад сохранив.
Увидя меня с Сиавушем вдвоем —
Твоих повелителей, сына с отцом,—
Пусть горьким не будешь стыдом обуян,
Когда призовет твою душу Йездан!»
«Жен стану беречь пуще ока,— в ответ
Клянется Лохрасп,— твой исполню завет».
Кушак для пути затянув потесней,
Стал царь обходить именитых мужей

С такими словами: «Вернитесь домой,
Стерпите уход предначертанный мой!
В мир бренный не верьте; хоть ласков на вид,
Он умысел вражеский в сердце таит.
Ключ радости — честь, не забудьте о том.
Меня поминайте вы только добром.
Пусть каждый в своем веселится дому:
Коль смерть неизбежна, грустить ни к чему!»
Знатнейшие люди иранской земли,
Склонившись, властителя превознесли:
«Доколь наш черед не настанет уйти,
Мы волю твою будем свято блюсти»!

[*Исчезновение Кей-Хосрова*]

Лохраспу Хосров повелел: «Воротись,
Уже наступает мой час, торопись!
Воссядь на престоле с венцом на челе,
Чтоб сеять одно лишь добро на земле.
В счастливые, полные радости дни
Не знайся с гордынею, алчность гони!
Живи, к справедливости, к чести стремясь.
Так должен ты жить каждый миг, каждый час,
Как будто ответить пора подошла
За все совершенные в жизни дела».
Лохрасп до земли пред владыкой своим
Склонился, глубокой печалью томим,
И слышит: «Прощай, не сбивайся с пути,
Все помыслы только добру посвяти!»
Хосрову-царю устремились вослед
Ирана герои, питомцы побед:
Сын Сама — Дестан, именитый Ростем,
Гив славный с Биженом, Гудерз, Гостехем,
Седьмой — Фериборз, чей родитель Кавус,

А витязь восьмой — полный доблести Тус.
За ними всей рати иранской ряды
Шли степью к подножию горной гряды
Семь дней до того, как в тени отдохнуть,
Устам воспаленным дать влаги глотнуть.
Иранцы рыдают, печали полны,
Владыки решением поражены.
Твердит себе каждый из мудрых вождей:
«Досель не слыхали подобных речей!»
Лишь солнце над горным хребтом поднялось,
Несметное множество люда сошлось.
Стеная и плача, за шахом идет
Томимый тоскою иранский народ.
Край горный наполнили стоны, дрожит
От них даже круч неприступных гранит.
И каждый взывает: «О наш властелин,
Что сталось, во власти каких ты кручин?
Когда опостылело войско тебе,
Когда охладел ты к державной судьбе,—
О том возвести, но из края сего
Зачем уходить, обездолив его?
Вовек не слетал к Феридуну Соруш*.
Что ум твой затмило, о доблестный муж?
Мы чтим благодать векового Огня,—
Готовы упасть под копыта коня,
Чтоб только с тобой устремиться во храм
И руки с мольбою воздеть к небесам —
Над нами да сжалится правый Йездан,
Вновь правдой да будет твой дух осиян!»
Стенаньями теми Хосров удручен,
К себе подзывает разумнейших он
И так говорит: «Лишь о благе здесь речь,
И горьким слезам, право, незачем течь.
Вам должно создателя благодарить

И радости светом сердца озарить.
Разлукою полно свой дух сокрушать,
Поверьте, мы встретимся скоро опять!»
Вождям он сказал: «Без царя своего
Вернитесь из горного края сего.
Пустынный, мучительный путь впереди,
Ни трав, ни воды, сколько вдаль ни гляди.
С песками такими дано совладать*
Лишь тем, кого божья ведет благодать.
Вы следовать дальше за мной не должны,
Да будут сердца ваши света полны!»
Но вняли веленью владыки царей
Лишь трое из доблестных богатырей:
Гудерз престарелый, Ростем и Дестан —
Им разум высокий недаром был дан.
А князь Фериборз, чей родитель Кавус,
И Гив, и Бижен с Гостехемом, и Тус
Шли вслед неотступно весь день и всю ночь,
И стало от жажды палящей невмочь.
Но вот увидали прохладный родник,
И там, по веленью владыки владык,
Присели — воды долгожданной испить
И отдыхом силы свои подкрепить.
Владыка сказал исполинам потом:
«Мы здесь, у ручья, эту ночь проведем.
Беседуя, вспомним былые года,
Ведь больше не свидеться нам никогда.
Лишь солнечный стяг, пламенея, взлетит
И в жидкое золото синь обратит,
Со мною расстаться должны вы тотчас,
Соруша знакомый мне слышится глас.
Я вырвать скорей свое сердце решусь,
Чем путь свой пройти до конца устрашусь».
Как только покрылась земля темнотой,

Склонился прославленный Кей над водой;
Омывшись прозрачною влагой сперва,
Авесты святой произносит слова
И после вождей именитых зовет:
«Простимся, час вечной разлуки грядет.
Лишь копья зари заблестят в вышине,
Уйду и предстану вам только во сне.
В песках пусть и вас не застанет восход,
Хотя бы кропила вас амбра с высот.
С гор буря примчится, которой в пути
Под силу и мощные кедры смести.
Надвинутся тучи, посыплется снег,
Домой не найти вам дороги вовек».

[*Гибель богатырей в снегу*]

Печален иранских героев привал,
Во мраке их тягостный сон оковал.
Когда ж пробудились при свете зари,
Царя не увидели богатыри,
Пустились на поиски, долго в песках
Блуждали, все ждали — отыщется шах;
Но тщетно — исчез Кей-Хосров без следа,
Мужи словно впали в безумье тогда!
От горя изныв, от скитаний устав,
Всю степь исходив и царя не сыскав,
Сгорая от жажды, вернулись они
К ручью и уселись в прохладной тени.
И все поминали в печали царя,
Один за другим величали царя.
Тогда Фериборз им напомнил о том,
Что велено было царем-мудрецом.
Но отклика эти слова не нашли,
В ответ исполины иранской земли

Сказали: «Вокруг и тепло и светло,
Устали мы, степью брести тяжело.
Сперва подкрепимся едою и сном
И здесь, у ручья, до утра отдохнем».
Мужи отдыхают, ключ звонко журчит,
О шахе пропавшем беседа звучит:
«Не вспомнит того ни один человек,
Как долог бы ни был им прожитый век,
Чтоб скрылся от взоров его падишах —
Не слыхивал мир о таких чудесах.
Жаль шаха! Был мудр и душою велик.
Где сила, где стать, где сияющий лик!
Ужели при жизни он на небо взят?
Такие слова мудреца насмешат.
Тут скрыто иное, тут все неспроста,
Да нам осквернять не пристало уста».
Но доблестный Гив именитым в ответ
Промолвил: «Доселе не слыхивал свет
О более добром и щедром царе,
К тому же прославленном богатыре.
Как яростный слон, нападал он в боях,
Как месяц венчанный, сиял на пирах».
Умолкли и, пищи добытой вкусив,
Уснули, усталые веки смежив.
Вдруг мраком покрылась небес синева
И вихрь заревел с дикой яростью льва.
Снег пал пеленою, уж скрылись под ней
И копья взнесенные богатырей.
Наружу пробиться пытались они,
Но тщетно под снегом метались они.
Простерлись недвижно, оставшись без сил*,
И с милой душою их рок разлучил.
И только воронка над каждым бойцом
Осталась, как память о бедствии том.

На горные кручи вернувшись, меж тем
Их ждали Гудерз и Дестан, и Ростем.
В рыданьях и стонах три дня протекло;
Когда же четвертого солнце взошло,
Сказали: «Доколе средь каменных глыб
Нам ждать? Уж бойцы возвратиться могли б.
Пусть шах со своей разлучился страной,
Невидимым став, словно ветер степной,
Но что же постигло родных удальцов?
Иль их не заставил вернуться Хосров?»
Семь дней оставались на склонах крутых,
И вот охватило отчаянье их.
Оплакали каждого богатыря,
Душою в горниле печали горя.
Вновь слезы Гудерз обездоленный льет,
Ланиты терзает и волосы рвет,
Твердя: «Небывалое, страшное зло
Потомство Кавусово мне принесло.
Где внуки мои, где сыны-удальцы —
Строй витязей славных, носивших венцы?
За смерть Сиавушеву мстя, полегли,
Весь род мой сметен беспощадно с земли!
Последние скрылись теперь без следа —
Кого постигала такая беда!»
Но древнюю мудрость напомнил Дестан:
«Приемли все то, что дарует Йездан.
Быть может, назад суждено им прийти,
Лишь только откроются снова пути.
Нам дольше в горах оставаться не след,
Погибнем от голода — пищи ведь нет.
Пошлем во все стороны наших бойцов,
Быть может, разыщут они храбрецов».
Рыдая, спускались мужи с крутизны,
Утратами горькими удручены:

Кто плакал о чадах, а кто о друзьях,
И каждым оплакан был праведный шах.
Чистейших, чей жребий земной был высок.
И тех не щадит переменчивый рок!
Из праха возносит он ввысь одного,
Другого свергает с престола его,
Не рад ничему, не скорбя ни о чем
В величии невозмутимом своем.
Владыки, герои — о где же они?
Но думы бесплодные эти гони!

[*Лохрасп узнает об исчезновении Кей-Хосрова*]

Узнав о судьбе властелина царей,
О гибели доблестных богатырей,
Созвал именитых Лохрасп и взошел
В венце золотом на высокий престол.
Приветливым взором державы глава*
Окинул собранье, такие слова
К нему обращает: «О воинства цвет!
Все слышали вы Кей-Хосрова завет.
Кто станет противиться власти моей*—
Преступит наказ властелина царей.
По мне, Кей-Хосровом указанный путь
Священен, с него не дерзну я свернуть.
Кто против завета царей восстает*,
Грех на душу перед Йезданом берет.
А вы, завещанию верность храня,
Владыкой своим признаете ль меня?
Чтоб вы ни ответили, да или нет,—
Прямой на слова мои дайте ответ».
Ему отвечает сын Сама Дестан:
«Хосров даровал тебе царственный сан.

Клялся я исполнить владыки завет,
Могу ли нарушить священный обет?
Ты — царь, не отринем служенья тебе,
Не выйдем из повиновенья тебе.
И я, и Ростем, и бойцы — за тебя,
Все будем стоять, почитая, любя.
А кто помышленьям предастся другим,
Тот зваться не может разумным, благим».
Речь выслушав мудрого мужа того,
В объятья Лохрасп заключает его,
Сказав: «Воздаю вам обоим хвалу,
Достойным, готовым противиться злу.
За тем вас, должно быть, и создал творец,
Чтоб горестям вы положили конец.
Нимруз Кей-Хосровом вам отдан во власть,
Но нашей земли не одну эту часть
Считайте своей — всей владейте страной,
И жизнью моей, и душой, и казной!»
Гудерзу сказал он: «О ты, кем мужи
Гордятся, что в сердце таишь ты, скажи?»
Гудерз отвечает: «Я ныне один.
Где Гив, где Бижен, где Бехрам-исполин!
Обету я все ж не могу изменить*
И верность тебе я готов сохранить.
С присягой Дестана сливаю свою*,
Иного в душе ничего не таю».
Тогда и другие, склонясь до земли,
Присягу Лохраспу-царю принесли;
И радостью полон, душой обновлен,
Внимает хвалениям витязей он.
День лучший из дней пожелал он избрать
Чтоб царской короной чело увенчать;
И месяца Мехра дождавшись, как встарь*
Мудрец Феридун, добродетельный царь,

День Мехра избрал, когда солнце во мгле
17480 Меняет свой путь, направляясь к земле.
По-царски украсив дворец и престол,
Он край по стезе процветанья повел.
Таков уж неверного мира закон:
Лишь свергнут один — уж другой вознесен...
С владыкой Хосровом теперь разлучась*,
[49958] 17486 Начну о Лохраспе венчанном рассказ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ

Комментатор предшествующих томов настоящего издания покойный А. А. Стариков снабдил их развернутыми примечаниями. В результате проделанной им большой работы оказалась прокомментированной значительная часть нуждающегося в пояснениях материала по всему тексту «Шахнаме», в том числе и по третьему тому. Поэтому в ряде случаев мы ограничиваемся ссылками, обычно подробными, с цифрой, обозначающей одновременно стих и примечание к нему, иногда указываем только том, где нужные сведения могут быть разысканы с помощью указателей. Для удобства читателей небольшие примечания справочного характера даются здесь повторно. С этой же целью пояснения к географическим названиям — ввиду обилия последних в данном томе — вынесены в указатель. Некоторые пробелы в них неизбежны, поскольку география «Шахнаме» пока изучена недостаточно.

Труд, выполненный нашим предшественником, дал возможность при комментировании третьего тома уделить преимущественное внимание текстологическим моментам.

При работе над этим томом, в значительно большем объеме, чем во втором, для перевода использовалась, кроме основного текста (Вуллерс — Нафиси, Тегеран, 1934, в сокращении В.—Н.), старейшая Лондонская рукопись (в сокращении Л. См. том. I, Вводный очерк, стр. 475—476). Здесь отмечены следующие виды использования указанной рукописи: перевод по варианту Л., перевод отсутствующих в основном тексте стихов, введенных из Л., и, наконец, пропуск в переводе сомнительных стихов основного текста, отсутствующих в Л.

Пометка о пропуске стихов без ссылки на Л. означает, что опущенное место повторяет содержание смежных с ним стихов и является, по мнению переводчика, авторским вариантом, случайно оставшимся в тексте, или позднейшей вставкой. Все пропуски обозначены согласно нумерации В. — Н. с указанием бейта (двустишия) и страницы, выделенных жирным шрифтом.

В комментариях отмечены также те места текста, где при идентичном содержании число стихов в переводе не совпадает с числом стихов в подлиннике.

Пометка «Перестановка бейтов» указывает на то, что в переводе, соответственно особенностям русского стиха и синтаксиса, допущена перестановка смежных бейтов подлинника. Редкие случаи более отдаленных перестановок отмечены особо.

Дословный перевод в комментариях применялся, если при поэтическом переводе оказывались выпавшими какие-либо реалии или когда представляющая интерес идиома подлинника была переведена по общему смыслу.

Как и в прежних томах, на наличие примечания указывает звездочка в конце стихотворной строки. Примечание дается под порядковым номером соответствующего стиха. В отношении транскрипции, сокращения и других моментов оформления см. том. I, стр. 559—560.

Нумерация перевода дана в третьем томе заново, т. е. с первого стиха. В квадратных скобках при первом и последнем стихах перевода даны цифры, отражающие суммарное (по трем томам) количество переведенных строк («полубейтов») поэмы.

1–2982 Сказ о битве Ростема с хаканом Чина — продолжение большого повествования о войнах Ирана с Тураном (см. 2899, 2908 в томе I и 14799 в томе II). Ростем — иногда с заменой эпитетом Могучий — первый среди богатырей Ирана (см. 7092 в томе I).

Хакан Чина — владыка Китая (см. 10272 в томе II).

2 Йездан (Изед) — светлое божество в верованиях древних иранцев (см. 35 в томе I).

7 Дехкан — имеется в виду летописец, хранитель древних преданий (см. 269 и 477 в томе I).

10 Камус — богатырь и предводитель из Кушана (Кешана) — см. том II.

13–14 Они вопрошают друг друга: «Да кто ж
Тот витязь, бойцов повергающий в дрожь?»

Во время поединков, описанных в предшествующем сказе, Ростем не объявлял своего имени. Мотив неузнавания и до этого встречался в «Шахнаме», напр. в сказах о Сохрабе и Форуде (см. том II).

17 Пиран — сын Висе, предводитель туранского войска (см. 8825 в томе II), Хуман — брат Пирана (см. 427 в томе II).

56 Афрасьяб (Афрасиаб) — владыка Турана (см. 8829 в томе I)

92 По варианту Л.

95 Рехш — конь Ростема; ниже иногда именуется «чубарый», что

примерно соответствует авторскому описанию масти коня (см. главу «Ростем ловит Рехша» и 12120 в томе I).

149–150 Дословно: «Сказал ему Хуман: я не наковальня*, в битве я клыками слона не обладаю».

161 Лик пряча, к Ростему несется Хуман. — Причисляемый иранцами к главным виновникам войны Ирана с Тураном, Хуман, естественно, не хочет быть узнанным при переговорах с иранским богатырем. Поэтому он меняет доспехи, прячет лицо и далее называет себя вымышленным именем.

171 Опущены предшествующие два бейта (84 и 86 на стр. 999), их нет и в Л.

178 По варианту Л.

185–188 Отражение варианта Л. с перестановкой бейтов.
Сиавуш — сын владыки Ирана Кей-Кавуса (см. том. II).

189–218 Порядок стихов изменен согласно Л. В тексте В.— Н. стихи 207—218 следуют после стиха 188.

191–194 Перестановка бейтов.
Тур — имя первого владыки Турана (см. 2859 в томе I).

193–195 Герсивез и Горуй (Горуй-Зерех) — братья Афрасиаба (см. 8825 в томе I и 6942 в томе II).

195–203 Перечисляются туранские витязи из рода Висе, участники недавних сражений с Ираном.
О Леххаке и Фершидверде см. 8029, о Гольбаде и Нестихене — 10036 в томе II.

226 Кей-Хосров — владыка Ирана, царствовавший после Кей-Кавуса (см. 11367 в томе II).

227 Шенголь — богатырь и предводитель из Хинда (см. том II).

251–252 Кухкаш (Кухкуш) — так в Л.; по В.—Н.—Кух.

263 Меншур — туранский богатырь и предводитель (см. том. II).

293–294 Бехрам — здесь иранский витязь, сын Гудерза (см. главу «Смерть Бехрама от руки Тежава» в томе II.). Гудерз — сын Гошвада, предводитель иранского войска (см. 3597 в томе I и 323 в томе II).

301 Тигровая шкура — в оригинале *бабр-е бейан* — специальное название боевого одеяния Ростема (см. 11772 в томе I).

323–326 Перестановка бейтов. Див — злой дух, демон (см. 911 в томе I).

325–326 По варианту Л.

327–328 Об отроческих годах Сиавуша, проведенных у Ростема, см. стр. 102—103 в томе II.

330 Дословно: «мир для воителей он делает тесным».

347 Дословно: «тело его — не из железа и бронзы».

357 Коль двину слонов устрашающих в бой...— Многократные упоминания о слонах в тексте «Шахнаме» не случайны. Слоны, обычно доставлявшиеся из Индии, участвовали в сражениях в различные периоды истории Ирана; это мог наблюдать и сам Фирдоуси.

359–360 Введено из Л.

389 Афрасьябова дочь — Ференгис, жена Сиавуша, мать Кей-Хосрова (см. том II).

399 Дестан — второе имя Заля, отца Ростема (см. 4708 в томе I). Фарамарз — сын Ростема (см. 4708 в томе I). Зеваре — брат Ростема (см. 14193 в томе I).

411 Владенья и дочь ему отдал...— Первой женой Сиавуша была дочь Пирана — Джерире (см. том. II).

451 Пильсом — см. главу «Смерть Пильсома от руки Ростема» и 14279 в томе II.

459 Сипехбед (перс.)— предводитель войска.

477 По варианту Л. с пропуском предшествующего бейта (241 на стр. 970).

508 Поговорка с приблизительным значением: «Это не укладывается в голове».

525 Гив — иранский витязь, сын Гудерза (см. 323 в томе II).

Тус — сын владыки Ирана Новзера (см. 9181 в томе I).

556 Руин — см. 6720.

563–566 Перестановка бейтов.

579 Ашкбус (Эшкебус) — богатырь из Кушана (см. том II).

591–594 Этим четырем стихам соответствуют два стиха подлинника.

628 Мобеды — здесь мудрые советники (см. 267 в томе I).

649 Сегзиец *сäкзи* — систанец (о вариантах и происхождении названия Систан см. 5211 в томе I). По-видимому, в обращение *сäкзи* противники Ростема вкладывали презрительный смысл (примерно «дикарь, деревенщина»), что не раз подтвердится в тексте (см. стих 1110 и ниже).

669–670 Дословно: «Пусть из-за пыли, поднимаемой всадниками, и грохота секир * никто не сможет отличить головы от ног».

689 Барман — туранский витязь, сын Висе (см. том I и II).

722–724 Уже встречались в предшествующих томах Роххам, сын Гудерза, Горгин, сын Милада (в комментариях к тому I случайно упомянутый

как его брат) и другие перечисленные здесь иранские витязи (см. в томе I — Фериборз — 12331, Хоррад — 9759, Гостехем — 9181). Бижен, сын Гива, лишь упоминавшийся ранее, в данном томе — одно из основных действующих лиц.

780–781 Поговорка, не раз встречающаяся в тексте, по-видимому, в значении: «еще неизвестно, чем это кончится».

791–818 О событиях, на которые указывает Гудерз, см. главу «Переговоры Пирана с иранским войском» в томе II.

795–796 Введено из Л.

807–810 Этим четырем стихам перевода-толкования соответствуют два стиха подлинника.

824 Фертус — богатырь и предводитель из Чагана (см. том II).

838 Ахриман — в древнеиранской религии олицетворение зла (см. 520 в томе I).

877 Сам — иранский богатырь, отец Заля и дед Ростема (см. 4537 в томе I).

894 Эбеновый — часто встречающееся в тексте образное обозначение черноты: эбен — черное дерево, растущее в Индии.

909–911 Кондор — богатырь из Саклаба; Кехар — богатырь из Гехана (см. том. II).

929–932 Растянулась на версты... — Дословно: на два миля (см. 11384). Перестановка бейтов.

971–972 Введено из Л.

999 Предшествующий бейт (497 на стр. 989) опущен согласно Л.

1009–1010 Введено из Л.

1015–1024 Предшествующий бейт (505 на стр. 989) опущен согласно Л., бейты переставлены местами, последний стих—по варианту Л.

1019–1020 Введено из Л.

1049–1052 Перестановка бейтов.

1082 Бычьеглавая булава — палица, увенчанная изображением головы быка. Впервые была выкована для царя Феридуна (см. стр. 66 в томе I). Впоследствии такие палицы стали аттрибутом иранских богатырей (см. 10874 и 17130 в томе II).

1090 Опущен последующий не совсем ясный бейт (543 на стр. 992). Приблизительное значение его: «Так уж водится в мире, что от кровопролития (на войне)* один страдает, другой благоденствует».

1093–1094 По варианту Л.

1097–1098 Введено из Л.

1103–1104 По варианту Л.

1119 Заль — см. 399.

1117 Предшествующий бейт (553 на стр. 992) опущен согласно Л.

1125 В подлиннике вместо серны — онагр.

1129–1130 Введено из Л.

1167–1168 В подлиннике при этом перечислении разноплеменных войск, сражающихся за Афрасиаба, упомянуты еще пехлевийцы.

1169 По варианту Л.

1189–1192 По варианту Л.

1222 Саве — здесь имя витязя из окружения Камуса Кушанского.

1254 Шенбелид — цветок золотисто-желтого цвета, анемон (см. 9577 в томе II).

1294 Железные цепи, бумажный колпак! — обычай надевания бумажного колпака, как знака позора, до недавнего времени еще бытовал в Иране.

1305–1306 В подлиннике бейт, соответствующий этому двустишию, помещен четырьмя бейтами ниже.

1327 Предшествующий бейт подлинника в переводе помещен ниже (см. стихи 1332—1333).

1349 Чачийские луки — луки, считавшиеся наилучшими, изготовленные в городе Чач (Шаш).

1385–1388 Перестановка бейтов.

1434 В степи еще лань не поймав, не дари!—Поговорка, или ставший крылатым стих Фирдоуси.

1509–1518 Здесь допущена перестановка отдельных строк (в бейтах 751 и 755 на стр. 1004).

1537 Ривниз — здесь сын Кей-Кавуса (см. стр. 440—446 и прим. 11721 в томе II).

1538 Шиз — эбен (см. 894).

1584 По варианту Л.

1593 Кеянские кубки — см. прим. 4619.

1602 Лал — род рубина.

1636 Пулад — здесь имя туранского витязя (см. том II).

1729 Кейван — см. 3379.

1749 Фарсанг (фарсах) — расстояние, равное примерно шести километрам (см. 389 в томе II).

1751–1752 Введено из Л.

1759–1762 Перестановка бейтов.

1769 Кавус (Кей-Кавус) — владыка Ирана, царствовавший после Кей-Кобада (см. 577 и 1104 в томе I).

1777–1778 По варианту Л.

1781 Динар — золотая монера (см. 5214 в томе I).

1795 Кто ведал, что синдский колдун соберет...— синдский—здесь эпитет, а не указание на происхождение Афрасиаба. По-видимому, Синд считался страной самых искусных колдунов.

1843 Дословно: «моими рабами стали земля и время» (*зămин-о зăман* — словосочетание, неоднократно встречающееся в тексте).

1851–1854 Перестановка бейтов.

1917 По варианту Л.

1993–2419 В переводе, как и в тексте В.—Н., битвы Ростема с Кафуром и далее с Пуладвендом не выделены в отдельные сказы. В рамках того же сказания о битве Ростема с хаканом продолжается рассказ о событиях после гибели последнего.

2010 Бидад — несправедливость, угнетение; здесь название города, очевидно, легендарного.

2014 Кафур — здесь имя собственное; часто встречается в тексте в своем прямом значении — камфора — или как образное обозначение белизны.

2023 Хеджир — иранский витязь, сын Гудерза (см. 488 в томе II).

2025 Предшествующий бейт (**1007** на стр. **1020**) опущен согласно Л.

2086 Феридун — владыка Ирана, правивший после Зохака (см. 2321 в томе I).

2125–2127 Здесь обращает на себя внимание некоторое сюжетное противоречие с началом эпизода, где противниками Ростема выступает войско людоедов. Причина этого, возможно,—засоренность текста интерполяциями (см. «От переводчика»).

2180 Шейдуш — иранский витязь, сын Гудерза (см. том I и II).

2219 Предшествующий бейт (**1105** на стр. **1025**) опущен согласно Л.

2224 Руд — струнный музыкальный инструмент.

2267–2270 Перестановка бейтов.

2287 Шиде — см. 11673.

2296 Керкуй — здесь упоминается в числе союзников Турана, недавно павших в бою с Ростемом. В томе I назван Керкуй, убитый Ростемом в Мазендеране.

2303 По варианту Л.

2388 По варианту Л.

2396 Горазе — иранский витязь (см. том. I и II).

2424 Дебир — ученый писец.

2427 Пуладвенд (далее в этом эпизоде встречается и в сокращенной форме Пулад) — вассал или союзник Афрасиаба. Наименование «див», не раз прилагаемое к нему и к подвластным ему воинам, здесь, возможно, следует понимать в переносном смысле, как характеристику чужеземцев или иноверцев, отличающихся силой и свирепостью. Данный эпизод в целом носит более реалистический характер, нежели последующее повествование об Акван-диве, где преобладают сказочно-символические элементы.

2429–2434 Эти шесть стихов, так же как ниже стихи 2437 — 2442, сомнительны, в Л. они отсутствуют.

2441 Предшествующий бейт (**1220** на стр. **1032**) опущен согласно Л.

2506–2508 Об именах и событиях, здесь упоминаемых, см. главу «Поход Кей-Кавуса в Мазендеран», прим. 11575 и 12029 в томе I.

2520 Ченг *чанг*—струнный музыкальный инструмент, бытует и теперь, в частности, в республиках Средней Азии. Робаб — струнный музыкальный инструмент, сохранился в Таджикской ССР, а также в Афганистане и Индии.

2523 Джемшид *Джамшид* (встречается и в сокращенной форме *Джам*)— владыка Ирана, царствовавший после Тахмуреса (см. 815 в томе I). Зохак — владыка, отнявший престол у Джемшида, впоследствии свергнутый Феридуном (см. 982 в томе I).

2527 Брахман — высшее духовное лицо в Индии.

2566 Кавеянский стяг — государственное знамя древнего Ирана (см. «Сказ о Зохаке и кузнеце Каве» и 1770 в томе I).

2598 Онагр — дикий осел (см. 14069 в томе I).

2623 Предшествующий бейт (**1314** на стр. **1037**) опущен согласно Л.

2638 Гершасп — иранский богатырь (см. 4537 в томе I).

2648–2666 Изменен порядок бейтов.

2685 Предшествующий бейт (**1345** на стр. **1039**) опущен.

2692 В подлиннике вариант поговорки, уже встречавшейся выше (см. 508). Дословно: «Этому ручью нет пути для поворота».

2703 Предшествующие пять бейтов (**1356—1360** на стр. **1040**) опущены согласно Л.

2706 Последующий бейт (**1363** на стр. **1040**) опущен.

2709 Предшествующий бейт (**1356** на стр. **1040**) опущен согласно Л.

2727 Ему на туранском наречье совет...— В оригинале: б е т о р к и б и а м у з... В тексте «Шахнаме», в результате позднейшего перео-

смысления, постоянно чередуются и смешиваются понятия: язык туранцев и тюркский — *торки* (так же как понятия Туран и земля тюрок *туркан*) (см. в томе I Вводный очерк, стр. 565—566). Этим же, по-видимому, объясняется и появление в тексте имен тюрко-монгольского происхождения, например, имя Карахан в приложении к сыну Афрасиаба.

2745 Предшествующий бейт (1384 на стр. 1041) опущен согласно Л.

2749–2752 Этим четырем стихам соответствуют шесть стихов подлинника.

2838 По варианту Л.

2858 Дословно: «Серебро, золото и новые (нетронутые) одежды».

2868 Последующие два бейта опущены согласно Л.

2915 Ферхад — иранский витязь (см. том I и II).

2950 На лад пехлевийский... В подлиннике *пәхлавәни*-соруд, т. е. «песнь пехлевийская (или богатырская)». Об употреблении этих понятий в «Шахнаме» см. 5838 в томе II. Дастаны—сказы, былины.

2975 Был долог рассказ о хакане, зато...— В оригинале упомянут не хакан, а Камус. Если это не описка, то можно предположить, что Фирдоуси рассматривал все повествование, начиная со «Сказа о битве Ростема с Камусом», как один сказ; деление же, принятое в современных изданиях (а за ними и в данном переводе), по-видимому, произведено при позднейшей переписке текста. Это предположение подтверждается также отсутствием в начале повествования о хакане обычного у Фирдоуси развернутого вступления.

2979–2980 Дословно: «Сердце мое обрадовано Пуладвендом (т. е. сказом о Пуладвенде), которым я прибавил к цепи стальное звено». Здесь игра слов, основанная на значении имени «Пулад» — «булат, сталь».

2983–3376 Сказ о битве Ростема с Акван-дивом.— Текст этого сказа особенно изобилует позднейшими вставками. Нарицательное значение имени Акван в его древнеперсидском варианте—злой дух.

2989 По варианту Л.

3019–3020 По варианту Л.

Борзин — здесь имя иранского витязя (см. том I и II).

3041 Предшествующие двадцать семь бейтов (32—58 на стр. 1051—1052) опущены в переводе как явная интерполяция, их нет и в Л. Дело в том, что в начале сказа (см. стихи 3019—3022) по варианту Л. в числе витязей, присутствовавших при дворе Кей-Хосрова, упоминается также и Ростем. Поэтому отпадает необходимость описа-

ния отправки к Ростему гонца с царским посланием, прибытия Ростема на зов царя и т. д. В варианте основного текста в указанных строках имя Ростема отсутствует. Это обстоятельство и могло послужить поводом для интерполяции.

3091 Здесь в переводе выпала строка: «В изголовье положил тополевое седло (*зин-е хäдäнг*)».

3092 На камне попону его расстелил.—В подлиннике нет прямого указания на то, что Ростем уснул на камне, каменной глыбе, однако это уточнение в переводе будет оправдано далее (см. следующее примечание).

3097 В подлиннике: *зäмин герд бобрид-о бäрдаштäш*, т. е. «землю вокруг взрыл и поднял его». Здесь камень, на котором поднят в воздух и затем брошен в море Ростем, еще остается в подтексте, но далее прямо говорится о камне Аквана, оказавшемся в море (см. стихи 4209—4212). Отметим, кстати, наличие упомянутого камня на всех миниатюрах, посвященных этому сюжету, включая и представленную в данном издании.

3123 Но что бы ему ни сказал — супротив
Поступит обману приверженный див.

По народным иранским поверьям, одно из свойств дива — поступать наперекор любой просьбе человека.

3134 Соруш — небесный вестник в пантеоне зороастризма (см. 533 в томе I).

3145 Предшествующий бейт (110 на стр. 1055) опущен согласно Л.

3217–3218 Этому двустишию соответствуют два бейта подлинника.

3265 Этот бейт в подлиннике помещен четырьмя стихами ниже.

3336 По варианту Л.

3377–6030 Сказ о Бижене и Мениже—один из наиболее популярных романтических сказов поэмы. Упоминания о его героях весьма часты в персидской поэзии.

3379 Тир — планета Меркурий. Бехрам — планета Марс. Кейван — планета Сатурн.

3398 Дословно: «У солнца ослабели руки и ноги», т. е. оно оцепенело, обессилело.

3422 Харут — в иранской мифологии ангел, изгнанный из рая и заточенный в подземелье в Вавилоне. В классической персидской поэзии — символ очарования.

3461–3464 Перестановка бейтов.

3469 Блестящая чаша.— В оригинале: чаша из яхонта (*йакут*) или украшенная яхонтами.

3473 Гошвад — иранский богатырь (см. 3595 в томе I).

3476 Шапур — иранский богатырь (см. том I и II).

3507 Семь стран — здесь употреблено в смысле всех обитаемых стран земли (см. 632 в томе I).

3590 Милад — иранский витязь, отец Горгина; в комментариях к тому I случайно упомянут как сын Горгина.

3591 В дорогу и соколов взяли, и псов.— Слову «псы» в подлиннике соответствует *йуз*, с основным значением гепард (особая порода леопардов, приручавшихся для охоты). Судя по некоторым контекстам, *йуз* в поэме употребляется также в значении «собака».

3595–3598 Перестановка бейтов. Тахмурес — владыка Ирана, царствовавший после Хушенга (см. 715 в томе I).

3605–3608 Перестановка бейтов.

3607–3608 Этому двустишию соответствуют два бейта подлинника.

3651–3656 Этим шести стихам перевода соответствуют восемь стихов оригинала, при этом два бейта переставлены местами.

3672 Новзер — владыка Ирана, царствовавший после своего отца Менучехра (см. 8668 в томе I). Гождехем — иранский витязь (см. 490 в томе II).

3692 Пери (перс.; сохранено ударение подлинника) — мифическое существо (см. 1384 в томе I).

3729 Несколько неожиданное здесь появление казначея, по-видимому, объясняется тем, что наличие свиты у Бижена — общепринятое у знатных витязей — могло быть и не оговорено при описании его выступления в поход.

3733–3736 Перестановка бейтов. Хомай—мифическая птица (см. том I).

3741–3744 Перестановка бейтов.

3745–3748 Введено из Л.

3763–3766 Перестановка бейтов (с пропуском бейта 194 на стр. 1076).

3876 Дословно: «и (либо) виселица была впереди, и (либо) кафедра (*мембар*)»— поговорка, неоднократно встречающаяся в тексте поэмы.

3931–3936 Перестановка бейтов.

4029–4032 Перестановка бейтов.

4127–4130 Перестановка бейтов.

4137–4140 Перестановка бейтов.

4209–4212 Тот камень Аквана, который Йездан...— С точки зрения грамматики персидского языка здесь возможно и другое толкование, а именно: «тот камень, который Акван исторг из глубокого моря владыки вселенной». Эрженг.— В предшествующем тексте встречались три персонажа с именем Эрженга: мазендеранский див, убитый Ростемом; туранский витязь, павший от руки Бижена, и, наконец, сын Зереха, погибший в поединке с Тусом,—но нет упоминания об Эрженге, томившемся под камнем. Очевидно, речь идет о каком-то предании, не отраженном в поэме.

4263–4266 Этим четырем стихам перевода соответствуют шесть стихов подлинника.

4295 Выводят Гошвадова чудо-коня...— конь этот, унаследованный Гивом от деда, по своему сверхъестественному долголетию сродни Бехзаду — скакуну Сиавуша — и другим мифическим коням, фигурирующим в «Шахнаме».

4376 Симорг — мифическая птица (см. 4786 в томе I).

4484 Новруз — день весеннего равноденствия, праздник весны и нового года, наиболее почитаемый день персидского календаря.

4521–4527 Фервердин, Хормоз— см. 4924—4937.

4530 И чашу затем повелю я подать...— здесь и ниже речь идет о волшебной чаше царя Джемшида *джам-е джам*, многократно воспетой в персидской поэзии и фольклоре. Отметим, что в самом сказе о царствовании Джемшида (см. том I) эта чаша не упоминается.

4568 Семь поднебесных держав — см. прим. 3507.

4569–4576 Этим четырем двустишиям соответствуют пять бейтов подлинника.

4572 Нахид — планета Венера.

4575 Рыба — см. 375 в томе II.

4581–4584 Перестановка бейтов.

4597 Предшествующий бейт (615 на стр. 1100) опущен.

4608 Последующий бейт (622 на стр. 1101) опущен согласно Л.

4619 Кеи—кеяниды, легендарная династия иранских царей (см. 577 в томе I и Вводный очерк стр. 521, там же).

4639 Предшествующий бейт (640 на стр. 1102) опущен согласно Л.

4661–4664 Перестановка бейтов.

4702 Дословно: «От крови (льющейся) с ресниц, ступни мои подобны тигровой шкуре».

4703–4704 Введено из Л.

4735–4736 Введено из Л.

4741–7442 Введено из Л.

4761 В тексте «Шахнаме» нередки упоминания о храмах Огня; по Фирдоуси, они возводились везде, где правили иранские цари, — от древнего Кондоза, где такой храм был построен еще Феридуном (см. 11499—11502), до Азерабадгана с его очагами вечного пламени горной смолы (нефти). Перед нами, по-видимому, один из анахронизмов поэмы, поскольку описываемые события происходят задолго до распространения зороастризма, с которым связаны исторически существовавшие храмы Огня. Наиболее известное из них — святилище Азергошеспа (см. в тсме 1) — посвящено было касте воинов. Развалины этого храма сохранились на месте древнего Шиза (Ганзака) близ озера Урмия (Иранский Азербайджан).

4777–4778 Введено из Л.

4781–4786 Эти стихи сомнительны, в Л. они отсутствуют.

4789–4794 Этим шести стихам перевода соответствуют четыре стиха подлинника, при перестановке бейтов.

4809 Предшествующий бейт (619 на стр. 1106) опущен.

4825–4828 Перестановка бейтов.

4829 Предшествующий бейт (730 на стр. 1107) опущен.

4847–4848 Здесь описанию пира, как и в Л., уделены лишь два стиха вместо четырех стихов текста В.— Н.

4863 Предшествующий бейт (748 на стр. 1108) опущен согласно Л.

4897 Два предшествующих бейта (760 и 767 на стр. 1109) опущены согласно Л.

4899 Предшествующий бейт (769 на стр. 1109) опущен.

4913–4917 Этим четырем стихам соответствуют два стиха подлинника.

4924–4937 Здесь перечислены имена мифологических божеств-гениев, в том числе шестеро из семи главных божеств, по именам которых названы первые семь дней каждого месяца: Хормоз (Ахурамазда) — бог всемогущий и всезнающий—и гении: благих помыслов и познания — Бехмен; правды и нравственного совершенства — Ордебехешт; процветания державы — Шехрир (Шехривер); любви и плодородия — Исфенд-Хормоз; дружбы и самопожертвования — Хордад (в Л. упомянут еще и покровитель родительских чувств Мордад, именем которого назван 7-й день каждого месяца). Кроме того, каждый из перечисленных гениев покровительствует какой-либо области материального мира, напр., Ордебехешт — огню, Шехривер — золоту и другим полезным ископаемым, Хордад — земледелию и т. д. Каждому из них присвоено также в качестве эмблемы особое растение. Эти же имена (кроме Хормоза) соответственно носят месяцы солнечного года: 11-й, 2-й, 7-й, 12-й, 3-й

и 5-й. Имена остальных упомянутых в тексте гениев связываются либо с планетами, либо также с месяцами и днями: имя Бехрама носит планета Марс, имя Тира — Меркурий, а также 4-й месяц года и 13-й день каждого месяца; Дей — 10-й месяц года, 8-й, 15-й и 23-й день каждого месяца; Фервердин — 1-й месяц года (март-апрель) и 19-й день каждого месяца; Азер — 9-й месяц года и 8-й день каждого месяца; Абан — 8-й месяц года и 10-й день каждого месяца. В Л. перечисленные имена расположены в несколько иной последовательности, а Фервердин, Бехрам и Тир не упомянуты вовсе.

4931–4934 Перестановка бейтов.

4949–4952 Перестановка бейтов.

4969–4972 Этим четырем стихам соответствуют два стиха подлинника.

4984 Переставлены местами два бейта (811 и 814 на стр. 1112).

5043 ...Ликованья полны * сердца, словно в светлую пору весны...— В переводе отражено прямое значение слова «новбехар» — ранняя весна. Известны также великолепные дворцы в древнем Балхе, носившие это название. Таким образом, возможно и другое толкование: «радостно распахнуты двери Новбехара».

Предшествующий бейт (939 на стр. 1113) опущен, и в переводе отражен вариант Л.

5164 Зенге — иранский витязь из Шаворана. В предшествующих томах было неясно, является ли Шаворан именем отца Зенге или названием местности. Судя по контекстам (см. стихи 9673—9674), правильно последнее.

5167 Эшкеш — иранский витязь из рода Каве (см. том I и II).

5451–5454 Перестановка бейтов.

5463–5466 Перестановка бейтов.

5615–5618 Перестановка бейтов.

5653–5654 Введено из Л.

5707–5710 Перестановка бейтов.

5787 Дословно: «Тыл войска — (словно) гора Бисотун». (Об этой горе см. 8293 в томе I).

6039–11079 Сказ о двенадцати поединках. — Данному заголовку в подлиннике соответствует «Дастан-е дäваздäх рох», что обычно толкуют как «Сказ о двенадцати воителях» или, как во французском переводе Моля, богатырях, подразумевая иранских богатырей. Однако, кроме данного контекста, другие случаи употребления слова «*рох*» в указанном предполагаемом значении собственно неизвестны. Предлагаемое толкование устраняет про-

тиворечие между заголовком (если толковать слово *рох* как богатырь) и текстом: ведь сражались не двенадцать, а одиннадцать иранских богатырей, поединков же состоялось двенадцать. Дело в том, что один из иранских богатырей — Бижен вступал в единоборство дважды: в первый раз с Хуманом, по его вызову, во второй — с Руином, согласно условию, заключенному между Пираном и Гудерзом об одиннадцати одновременных поединках. При этом первый поединок окончился так же, как и остальные, победой иранского богатыря и гибелью его противника (см. главу «Бижен выходит на битву с Хуманом» и последующую).

6039 По варианту Л.

6057 По варианту Л.

6093 Менучехр — владыка Ирана, царствовавший после Феридуна (см. 4618 в томе I).

6152 По варианту Л.

6265 Дословно: «Ферамарзу вручи венец и перстень».

6272 Лохрасп (авест. Aurvadaspa) — иранский витязь, как выяснится ниже, царского происхождения.

6360 Иредж — младший сын Феридуна (см. 2870 в томе I).

6601–6604 Перестановка бейтов.

6687–6690 Перестановка бейтов.

6707 Эндериман и Эрджасп — туранские витязи (см. том II).

6708 По варианту Л.

6717 Сепехром — туранский витязь (см. 4317 в томе II).

6720 Руин — сын Пирана (в комментариях к тому II случайно упомянут как его брат). Нарицательное значение — «бронзовый», в переносном значении — неуязвимый, на чем в оригинале построена игра слов (то же в стихах 9849—9850).

6758 Дословно: «вздымая прах до неба».

6769–6770 Да только забыть он не в силах Пешен,
Свое пораженье под градом Ладен.

В «Шахнаме», как и вообще в классической персидской поэзии, нередко встречается упоминание об этом большом сражении, окончившемся гибелью многих потомков Гудерза (см. стр. 440—447 и прим. 14082 и 15289 в томе II). Хотя с точки зрения грамматики название этой битвы (*джäнг-е пäшäн*) можно перевести и как «битва Пешена» или «битва с Пешеном», по некоторым контекстам толкование Пешен как названия местности более достоверно. От-

метим, что при самом описании указанного сражения не упоминаются ни Ладен, ни Пешен.

6787–6788 Этому двустишию соответствуют два бейта подлинника.

6981–6984 Перестановка бейтов.

7055 Кей-Кобад — владыка Ирана, царствовавший после Гершаспа (см. 10522 в томе I).

7071–7074 Перестановка бейтов.

7260 Броня Сиавуша — см. стихи 10009-10010 в томе II.

7335 Форуд — сын Сиавуша и Джерире, дочери Пирана (см. том II).

7395 Предшествующий бейт (678 на стр. 1175) опущен согласно Л.

7420 Дословно: «Ведь из-за влаги (проливаемой с) ресниц ноги мои (увязли) в глине».

7435–7438 Гив хочет сказать, что надо дождаться идущего на подмогу иранского войска, которое настолько же сильнее туранского, насколько морское чудовище сильнее змеи, а солнце сильнее месяца.

7465–7468 Перестановка бейтов.

7561–7564 Перестановка бейтов.

7593–7597 Перестановка бейтов.

7701–7702 Этому двустишию соответствуют два бейта подлинника.

7735 По варианту Л.

7805 Предшествующий бейт (884 на стр. 1186) опущен согласно Л.

7873–7876 Перестановка бейтов.

7998 Дословно: «Наполнили рот Хеджиру сверкающими яхонтами».

8050 По варианту Л.

8085–8088 Этим четырем стихам соответствуют шесть стихов подлинника.

8101 По варианту Л.

8207–8210 Перестановка бейтов.

8217–8222 Этим шести стихам соответствуют четыре стиха подлинника, с отражением варианта Л.

8229 По варианту Л. Пешин (Кей-Пешин) — один из сыновей Кей-Кобада.

8291–8294 Перестановка бейтов.

8351 Сельм — сын Феридуна, владыки Рума (см. главу «Феридун делит мир между сыновьями» в томе I).

8365–8368 Этим четырем стихам соответствуют два стиха подлинника.

8491–8492 Этому двустишию соответствуют два бейта подлинника.

8747–8750 Перестановка бейтов.

9067 Дословно: «Когда увидит тебя, пусть на нем лопнет кожа».

9125 По варианту Л.

9167 Дословно: «Сцепим кольчугу с кольчугой» (см. также стих 13707)—

образное обозначение решимости сражаться плечом к плечу до победы или смерти.

9247–9250 Перестановка бейтов.

9343 О событиях, упоминаемых здесь, см. стр. 300—304 в томе II.

9365 По варианту Л., дословно: «так как их (сила) против нас недостаточна» (*бäсäнде нист*).

9543–9546 Перестановка бейтов.

9649–9650 Введено из Л.

9658–9679 Из числа богатырей, участвовавших в одиннадцати поединках, некоторые упомянуты выше, кроме того, в предшествующих томах встречались Кохрем (см. в томе II 8943) и Берте (там же, 11717).

9705–9708 Перестановка бейтов.

9709–9712 Перестановка бейтов.

9745 По варианту Л.

9761 Предшествующий бейт (1866 на стр. 1236) опущен согласно Л.

9763 Предшествующий бейт (1868 на стр. 1236) опущен согласно Л.

9795 Два предшествующих бейта (1885 и 1886 на стр. 1237) опущены согласно Л.

9849–9852 Перестановка бейтов.

9858 По варианту Л.

9871 По варианту Л.

9934 По варианту Л.

9993–9996 Этим четырем стихам соответствуют два стиха подлинника.

10005–10008 Перестановка бейтов.

10020 По варианту Л.

10111–10124 Этим четырем стихам соответствуют шесть стихов подлинника.

10133–10136 Перестановка бейтов.

10160 По варианту Л.

10165–10166 Введено из Л.

10195–10200 Перестановка бейтов.

10219–10229 Перестановка бейтов с отражением варианта Л.

10342 Последующий бейт (2159 на стр. 1252) опущен согласно Л.

10343–10347 Этим четырем стихам соответствуют шесть стихов подлинника.

10376 По варианту Л.

10458 По варианту Л.

10469 Предшествующий бейт (2224 на стр. 1255) опущен согласно Л.

10481–10484 Отражение варианта Л. с перестановкой бейтов.

10521 В тексте задолго до упомянутой здесь битвы под Ладеном уже были отражены дружба и взаимная помощь Бижена и Гостехема (см. стр. 105 в томе II).

10559–10562 Этим четырем стихам соответствуют два стиха подлинника.

10571–10582 Введено из Л.

10632 Човган — клюшка для игры в конное поло.

10673–10676 Перестановка бейтов.

10727–10730 Этим четырем стихам соответствуют два стиха подлинника.

10771 Джебраил —небесный вестник у мусульман (см. прим. 445 в томе I).

10773–10776 Перестановка бейтов.

10781–10786 Этим шести стихам перевода соответствует восемь стихов подлинника.

10795 Два предшествующих бейта (2389 и 2390 на стр. 1264) опущены согласно Л.

10833–10836 Перестановка бейтов.

10850 По варианту Л.

10887 Предыдущий бейт (2438 на стр. 1267) опущен согласно Л.

10913–10914 Это двустишие соответствует двум бейтам оригинала.

10943–10948 Перестановка бейтов.

10987–10990 Перестановка бейтов.

11019 Хушенг — владыка Ирана, царствовавший после Кеюмарса (см. 625 в томе I).

11069–11070 Введено из Л.

11071–17486 «Великая война Кей-Хосрова с Афрасиабом»—развязка большого повествования о войнах Ирана с Тураном после гибели Сиавуша (см. 8471 в томе II).

Махмуд — султан Газневидский (см. в томе I Вводный очерк и прим. 385).

11109 Абулькасим — одно из почетных имен Махмуда Газневидского.

11113–11116 Перестановка бейтов.

11124 Наср-бин-Ахмед — младший брат Махмуда Газневидского (см. 457 в томе I).

11127 По варианту Л.

11139–11142 Перестановка бейтов.

11152 По варианту Л.

11153 Предшествующий бейт (42 на стр. 1274) опущен согласно Л.

11157 По варианту Л.

11200 Моштери — планета Юпитер (см. 1931 и 2884 в томе I).

11220 По варианту Л.

11221–11224 Перестановка бейтов.

11227–11245 Порядок бейтов изменен.

11256 По варианту Л.

11281–11284 Дословно: «ударил молотом (камнем) в чашу», то же в стихе 11302. Аналогичное место и прим. к нему см. в томе II (11977).

11289 По варианту Л.

11326–11457 Сохранен порядок стихов оригинала, хотя 11329—11330 явно не на месте: они отрывают Хузийскую и Керманскую дружины от их предводителей — Хузана и Менушана.

11341 Карен — витязь из рода Каве (см. 3594 в томе I).

11344 По варианту Л.

11356 А те, кто Зереспа звал предком... —по-видимому, имеется в виду Зересп, сын Менучехра, от которого вели свой род витязи Азерабадгана (см. также стихи 15832—15833 и прим. 4761).

11368 По варианту Л.

11384 Миль *мил* — башня, вышка; здесь — мера, в основе которой — расстояние между вышками для дымовых сигналов, посредством которых передавались сообщения.

11388 Раш — мера длины, от араш (перс.) — «локоть».

11413–11416 Перестановка бейтов.

11419–11422 Перестановка бейтов.

11427–11430 Перестановка бейтов.

11403 Нестух—иранский витязь (см. тома I и II).

11430 Задшем — дед Афрасиаба (см. 7902 в томе I).

11434 По варианту Л.

11459 Чтоб злые не смели, нарушив запрет...— слову «злые» в подлиннике соответствует: «те, что не почитают Йездана».

11465 Предшествующий бейт подлинника в переводе помещен ниже (см. стихи 11475—11476).

11473 Дословно: «С переплетенными поводьями».

11501 Зенд-Авеста — см. прим. 15268.

11512 Пешенг — здесь владыка Турана, отец Афрасиаба.

11582 По варианту Л.

11587–11590 Перестановка бейтов.

11638 Здесь возможно и другое толкование, при котором наличие слонов и львов при войске следует понимать в буквальном смысле.

11669–11712 Традиционное перечисление дружин с их предводителями в составе туранского войска. Среди них сыновья Афрасиаба Пешенг и Джехен (последний упомянут в томе II).

11673–11674 Шиде — второе имя Пешенга, сына Афрасиаба; нарицательное значение — «светлый, сияющий», на чем и основана игра слов в оригинале.

11681–11682 По варианту Л., вместо трех бейтов В.— Н.

11697 Грозою мужей был он прозван... — В оригинале *гордгир*, настигающий витязей; по источникам, это не прозвище, а имя собственное.

11777–11780 Предшествующий бейт (359 на стр. 1290) опущен.

11803–11806 Перестановка бейтов.

11815 По варианту Л.

11829–11832 Перестановка бейтов.

11973 Предшествующий бейт (456 на стр. 1295) опущен согласно Л.

11983 Предшествующий бейт (465 на стр. 1296) опущен согласно Л.

11987–11990 Перестановка бейтов.

12097–12100 Перестановка бейтов.

12119–12123 Этим четырем стихам с отражением варианта Л. соответствуют шесть стихов В.— Н.

12278 По варианту Л.

12301–12302 Дословно: «а также те, что несут наши стяги,— пусть (их) день не потемнеет (буквально — не станет лиловым)».

12344 Венчанных властителей внук удалой.— В оригинале упомянуты имена этих властителей — Феридун и Пешенг.

12346 По варианту Л.

12405–12406 По варианту Л.

12407 Два предшествующих бейта (679 и 680 на стр. 1307) опущены согласно Л.

12413 По варианту Л.

12420–12421 По варианту Л.

12459–12462 Перестановка бейтов.

12480 И пение птичье в степи разнеслось...— Аналогичное место и прим. к нему см. в томе II (17110).

12493 По варианту Л.

12499 По варианту Л.

12540 По варианту Л.

12571 По варианту Л.

12575–12576 По варианту Л.

12598 По варианту Л.

12609 Зересп — здесь имя иранского витязя из окружения Кей-Хосрова. (В «Шахнаме» упоминаются и другие персонажи, носящие имя Зересп.)

12620 По варианту Л.

12671 По варианту Л.

12679–12682 Перестановка бейтов с отражением варианта Л.

12706 По варианту Л.

12717 И солнце сквозь пыль замерцает звездой. — В оригинале название Сорейя (ар.) — созвездие Плеяд.

12730 Аму перешли, позади и река... — Аму здесь и выше — степь или пустыня перейдя которую войско Афрасиаба переправилось через Джейхун-реку.

12773 Хормоз — здесь солнце.

12803–12806 Кроме прилагаемого толкования с перестановкой бейтов, может быть и другое: «Приложили к посланию печать из мускуса * и после того провели (им) по сухому песку *. «Да будет благословенно это поле сражения!» (сказал Ростем) * Во все года да сопровождает его счастливая звезда!»

12807 Здесь и ниже (см. 13611) в заголовках оригинала—Гангдеж, что противоречит содержанию глав, где речь идет о Канге или о Бехештканге. По-видимому, при переписке эти названия часто смешивались.

12847–12851 В оригинале здесь дважды упоминается *ганг*.

12946 По варианту Л.

12977–12980 Перестановка бейтов.

12987–12990 Перестановка бейтов.

13057–13060 Перестановка бейтов.

13078 По варианту Л.

13099–13100 Введено из Л.

13109 Предшествующий бейт (1029 на стр. 1325) опущен согласно Л.

13161–13164 Перестановка бейтов.

13180 ...Воздвигнутых встарь полновластным царем.— Какой царь имеется здесь в виду — некий предок Афрасиаба или, быть может, Сиавуш — ответ на этот вопрос зависит от того, какую версию о Бехештканге признавать более достоверной (см. «От переводчика» стр. 571).

13201 Фагфур — титул владыки Китая (см. том. II).

13237–13240 Перестановка бейтов.

13255–13258 Перестановка бейтов.

13269–13272 Перестановка бейтов.

13270 Дословно: «От (множества) войск земля схватилась руками за голову».

13333 Саларбар — церемониймейстер.

13409–13412 Перестановка бейтов.

13457 По варианту Л.

13502 О событиях, здесь упоминаемых, см. главу «Пиран освобождает Ференгис» в томе II.

13557 Агрирес — младший брат Афрасиаба, убитый им (см. соответствующую главу и 8825 в томе I).

13687 Предшествующий бейт (1319 на стр. 1339) опущен согласно Л.

13761 По варианту Л.

13782 По варианту Л.

13796 По варианту Л.

13851 Предшествующий бейт (1402 на стр. 1344) опущен согласно Л.

13867 Предшествующие два бейта (1411 на стр. 1344) опущены согласно Л.

13891–13902 Два бейта (1428 и 1429 на стр. 1345) опущены, остальные бейты переставлены.

13918 По варианту Л.

13945 По варианту Л.

13979 Предшествующие шесть бейтов (1471—1476 на стр. 1347) опущены согласно Л.

13991–13994 Перестановка бейтов.

14055 По варианту Л.

14161 По варианту Л.

14176 По варианту Л.

14181 Предшествующий бейт (1577 на стр. 1353) опущен согласно Л.

14200 По варианту Л.

14339 По варианту Л.

14369 По варианту Л.

14383–14384 Этому двустишию соответствуют два бейта подлинника.

14521–14524 Перестановка бейтов.

14603–14606 Перестановка бейтов.

14637 По варианту Л.

14693–14694 Этому двустишию соответствуют два бейта подлинника.

14729 По варианту Л.

14737 Здесь речь идет о Сиавушгерде—городе, возведенном Сиавушем (см. стр. 208 в томе II).

14812 По варианту Л.

14891 Предшествующий бейт (1934 на стр. 1371) опущен согласно Л.

14897 По общему смыслу варианта Л.

14921–14924 Перестановка бейтов.

14924 По варианту Л.

15036 По варианту Л.

15037 Три бейта (2008 и 2010 на стр. 1375) опущены согласно Л.

15047–15050 Перестановка бейтов.

15049 Предшествующий бейт (2017 на стр. 1375) опущен согласно Л.

15124 По варианту Л.

15125–15126 Этому двустишию соответствуют два бейта подлинника.

15217 Исфенд-Хормоз — 12-й месяц солнечного года; Орд — день каждого месяца, по «Шахнаме» пятый, по позднейшим календарным указаниям второй.

15267 ...и взята * им в руки священная Зенд-Авеста.— В слове Авеста допустимы оба ударения: на последнем слоге (как здесь и в оригинале) и на предпоследнем — традиционное для русского произношения. Об этом религиозном своде древних иранцев см. в томе I стр. 461—462.

15279–15282 Перестановка бейтов.

15289 По варианту Л.

15295 По варианту Л.

15321 По варианту Л.

15337 По варианту Л.

15341–15344 Перестановка бейтов.

15355 Предшествующие два бейта (2172 и 2173 на стр. 1383) опущены согласно Л.

15397 Предшествующие два бейта (2195 и 2196 на стр. 1384) опущены согласно Л.

15413–15416 Перестановка бейтов.

15455 Предшествующие два бейта (2226 и 2227 на стр. 1386) опущены согласно Л.

15489 Предшествующий бейт (2244 на стр. 1386) опущен согласно Л.

15509 Предшествующие два бейта (2255 и 2256 на стр. 1387) опущены согласно Л.

15531 Предшествующий бейт (2269 на стр. 1388) опущен согласно Л.

15533–15534 Этому двустишию соответствуют два бейта в подлиннике.

15538 Предшествующий бейт (2276 на стр. 1389) опущен согласно Л.

15663–15664 Этому двустишию соответствуют два бейта подлинника при отражении варианта Л.

15676 Мечами булатными вооружась.— Здесь в оригинале упомянуты еще Гилянские щиты.

15729 Предшествующий бейт опущен согласно Л.

15734 По варианту Л. Здесь снова идет речь об Агриресе (см. прим. 13557).

15752 По варианту Л.

15773 Бехраму гневливому в оные дни...— Возможно и другое толкование, а именно «Сказали гневно мобеды Бехраму», В «Шахнаме»

выступали разные лица с именем Бехрам (см. том I и II). Здесь, по-видимому, имеется в виду некий владыка, носивший это имя.

15800 Земзем — источник близ Мекки (см. 13588 в томе I)

15834 Азергошесп — см. в томе I, а также здесь 4761.

15848 По варианту Л.

15865 По варианту Л.

15872 Аркан *кәмәнд* — см. 13797 в томе I и 11860 в томе II.

15889 Зердошт (Заратустра) — см. том I и II.

15889 Предшествующий бейт (2453 на стр. 1399) опущен согласно Л.

15980–15984 О событиях, упоминаемых здесь, см. главу «Феридун заключает Зохака в оковы» в томе I.

16090 В оригинале вместо сапфира — бирюза.

16157–16160 Перестановка бейтов.

16165–16168 Перестановка бейтов.

16211 Предшествующий бейт (2503 на стр. 1407) опущен.

16231 Предшествующие два бейта (2513 и 2514 на стр. 1407) опущены согласно Л.

16247–16250 Этим четырем стихам соответствуют два стиха подлинника.

16261–16264 Перестановка бейтов.

16268 По варианту Л.

16283 Предшествующий бейт (2535 на стр. 1408) опущен согласно Л.

16294 По варианту Л.

16381–16384 Этим четырем стихам, переведенным по варианту Л., соответствуют десять стихов основного текста.

16397 Предшествующий бейт (2600 на стр. 1412) опущен согласно Л.

16409 По варианту Л.

16417 По варианту Л.

16431–16434 Перестановка бейтов.

16445–16448 Перестановка бейтов.

16471 Предшествующие два бейта (2638 и 2639 на стр. 1414) опущены согласно Л. Однако без пропущенных бейтов, в которых упоминаются также Гудерз и другие иранские витязи, остается несколько неясным, почему здесь идет речь только о потомках Зереспа и кто именно под ними подразумевается (см. прим. 11356).

16474 Иблис — дьявол, сатана у мусульман.

16487 Два предшествующих бейта (2648 и 2649 на стр. 1414) опущены согласно Л.

16505 По варианту Л.

16517 Зов —владыка Ирана, царствовавший после Новзера (см. том I).

16531 Предыдущие четыре бейта (2672 и 2675 на стр. 1416) опущены согласно Л.

16542 По варианту Л.

16657 Предшествующий бейт (2738 на стр. 1419) опущен согласно Л.

16679 Предшествующий бейт (2750 на стр. 1420) опущен согласно Л.

16705 По варианту Л.

16712–16720 Порядок бейтов изменен.

16726 По варианту Л.

16729 По варианту Л.

16745 Предшествующий бейт (2784 на стр. 1421) опущен согласно Л.

16755–16756 По варианту Л.

16769 Предшествующие три бейта (2798 и 2800 на стр. 1423) опущены согласно Л.

16769–16770 По варианту Л.

16796 По варианту Л.

16807–16810 Перестановка бейтов. Предшествующий бейт (2820 на стр. 1424) опущен.

16813 Предшествующий бейт (2824 на стр. 1424) опущен согласно Л.

16883–16884 Введено из Л. «Бадаверд» (перс.) — дар ветра. «Арус» (перс.)— невеста.

16900 По варианту Л.

16949 Предшествующие четыре бейта (2893—2896 на стр. 1428) опущены согласно Л.

16953 Предшествующий бейт (2899 на стр. 1428) опущен согласно Л. Сохраб — см. том II.

16981 Предшествующий бейт (2914 на стр. 1429) опущен согласно Л.

16991 О событиях, упомянутых здесь, см. стр. 300 и далее в томе II.

17014 По варианту Л.

17026–17029 О событиях, упоминаемых здесь, см. в томе II.

17037 Предшествующие два бейта (2943 и 2944 на стр. 1431) опущены согласно Л.

17091 Снова неясность, связанная с именем Зереспа.

17110 По варианту Л.

17114 По варианту Л.

17117 По варианту Л., который более логичен, Пешин— один из сыновей Кей-Кобада (см. 10975 в томе I); Авзерд (так в Л. В «Авесте» Kai-Ogi, в одном из пехлевийских источников Avzav)—внук Кей-Кобада, отец Лохраспа, что является в глазах Кей-Хосрова и его слушателей достаточным доказательством легитимности нового

кандидата на престол. Вариант Л. дан с пропуском предшествующего бейта (2985 на стр. 1433).

17123 Предшествующий бейт (2989 на стр. 1433) опущен согласно Л.

17141 По варианту Л.

17157 Предшествующие два бейта (3008 и 3009 на стр. 1434) опущены согласно Л.

17194 Махаферид — имя наложницы (или жены) Иреджа (см. прим. 3508 в томе I).

17269–17272 Перестановка бейтов.

17289–17292 Перестановка бейтов.

17377–17780 Перестановка бейтов.

17429 Предшествующий бейт (3146 на стр. 1442) опущен согласно Л.

17433–17436 Перестановка бейтов.

17437 Предшествующий бейт (3151 на стр. 1442) опущен.

17467 Предшествующие четыре бейта (3167 и 3170 на стр. 1443) опущены согласно Л.

17469–17472 Перестановка бейтов.

17477–17479 Мехр — 7-й месяц солнечного персидского года; день Мехра — 16-й день каждого месяца.

17485 Предшествующий бейт (3180 на стр. 1444) опущен.

17486 Девять последующих заключительных (по В.— Н.) бейтов данного сказа при переводе отнесены к четвертому тому, как вступление к «Сказу о царствовании Лохраспа».

Дополнительное примечание к тому II

На стр. 200—201 в переводе заголовка и текста три раза дано название Канг; в оригинале иначе — в заголовке *гангдеж*, в тексте один раз *ганг-е сиавахш* и один раз *гангдеж* (о написаниях *канг* и *ганг* см. 5651 в томе II).

Исправление к тому II

Строку 17591 следует читать: «Стал яростно стрелы в Ростема метать».

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

При работе над данным томом мне пришлось столкнуться с некоторыми неясностями и противоречиями текста. Это особенно касается заключительного сказа и городов, упоминаемых в нем. По Фирдоуси, месть за Сиавуша, убитого в Туране, завершается на той же земле, где это убийство произошло. При завязке повествования (см. сказ о Сиавуше в томе II) действие происходило в трех городах: Канге (*гäнг*), Гангдеже и Сиавушгерде (см. дополнительное примечание к тому II на стр. 570). Первый—резиденция Афрасиаба, второй и последний возведены в Туране Сиавушем. В третьем же томе фигурирует еще четвертое название — Бехештканг, которое вряд ли может относиться к какому-то новому, ранее не упомянутому городу. Указания текста — с учетом возможности искажений и позднейших вставок — допускают, на мой взгляд, две версии. Первая версия: Бехештканг (нарицательное значение — «город-рай») — это другое название или просто эпитет Канга — города Афрасиаба (либо столица области того же названия). При этой версии оказались бы противоречивыми такие, например, места текста, как стихи 12840—12860 и далее 13156—13180, где дважды, как будто впервые, описывается вступление Афрасиаба в один и тот же город. Вторая версия: Бехештканг — это другое название или эпитет Гангдежа из сказа о Сиавуше (сравн. описания на стр. 200—202 тома II и на стр. 409 тома III). Город этот находился, по «Шахнаме», «за месяц пути от реки (озера?) Чин» (см. 6381 в томе II), следовательно вполне мог стать убежищем Афрасиаба, который, спасаясь от наступающих войск Кей-Хосрова, укрывается сначала в своем наследственном Канге, а затем, отойдя еще дальше по направлению к Чину,—в Бехештканге, т. е. в городе Сиавуша. В этом случае Гангдеж третьего тома, оказавшийся на расстоянии не месяца, а года пути от Чина, где-то за морем Зерех (своей отдаленностью и фантастичностью скорее напоминающий Гангдеж-гухт из тома I), лишь случайно совпадал бы названием с городом Сиавуша в Туране и, следовательно, позднейшей вставкой пришлось бы считать те строки, где говорится о возведении этого заморского Гангдежа Сиавушем (см. 15071—15074).

Ввиду отсутствия достоверного полного текста «Шахнаме» пока еще поне-

воле приходится оставлять подобные неясности и противоречия также в переводе. Быть может, для воссоздания такого текста в дальнейшем, кроме интуиции ученых, пригодятся новые (математические) способы исследования, с помощью которых вслед за творениями Гомера и Пушкина будет изучаться также творчество Фирдоуси.

Поскольку не существует точного соответствия между гласными звуками в русском и персидском языках, я в редких случаях позволяла себе отклоняться от общепринятого русского начертания некоторых имен или названий, выбирая наиболее благоприятное для звучания стиха. Приведу в пример двустишие:

В Исфенд-Хормоз месяц, в день пятый, день Орд
Вступил он с дружиною в Сиавушгорд

(обычная форма — Сиавушгерд).

Пользуюсь случаем почтить память замечательных ученых В. П. Волгина и А. А. Старикова, внесших — каждый по-своему — неоценимый вклад в настоящее издание. Горячую благодарность за неустанную помощь и участие выражаю академику Н. И. Конраду.

Кроме участников работы над вторым и третьим томами, немало помогли мне ценными консультациями Н. А. Кисляков, Л. Т. Гюзальян, В. А. Абаев, Б. М. Маршак и другие ученые и товарищи по перу, которым приношу свою глубокую признательность.

Ц. Бану-Лахути

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Азерабадган [II, 11534][2] 479, 557, 563

Аланов страна [1, 3974] 200, 255, 262, 529

Алмас-река 77

Аму (Амуй), по контексту — степь или пустыня на левом берегу Аму-Дарьи близ совр. города Чарджоу 195, 261, 363, 394, 395, 400, 421, 565

Ардебиль [II, 11109] 355, 400

Арманы [I, 8947] 113, 114—117, 121, 130

Афганистан 552

Багдад [I, 1890] 355, 476

Бадахшан, горная область в Припамирье 261

Балх [II, 4314] 7, 206, 261, 366, 475

Бамиан, долина в горах центрального Гиндукуша на древнейшем караванном пути, связывающем Балх с Кабулом. В известковых скалах Бамиана высечены две колоссальные фигуры Будды. Рядом со статуями — пещерный буддийский храм, основанный, вероятно, в I в. до н. э. В пещерах и гротах сохранились остатки раннесредневековой буддийской живописи 261

Барда (Партав), в древности — столица Кавказской Албании. Во времена Фирдоуси — большой и богатый город, один из самых значительных в Закавказье, центр торговых путей через Закавказье. В наст. время — развалины у сел. Евлах (Азербайджан) 261, 400, 479

Бейкенд (Пайкед), древний город в Средней Азии 359, 362

Берберия [I, 12996] 24, 356

Бехештканг (Канг-е Бехешт) 399, 402, 405, 434, 473, 474, 550, 565, 571

Бидад 68, 551

Бисотун [I, 8293] 403, 558

Бозгуш 24

Бост (Буст), город на реке Хильменд (в Сейстане), в X в.— главный перевалочный центр торгового пути из Герата в Индию 261

Бухара, город в Средней Азии

[1] Настоящий аннотированный указатель составлен кандидатом исторических наук В. Г. Лукониным.

[2] В квадратных скобках даны ссылки на комментарии предшествующих томов. Римская цифра означает номер тома, арабская — номер примечания. Жирным шрифтом выделены страницы комментариев к данному тому.

(УзбССР). По контексту поэмы Бухара и Бухарский оазис входили во владение Кушан (см. Кушан) 262, 362, 398, 475

Вавилон **554**

Вехр 49, 56

Висегерд (Вашгирд), город в Хуттале на берегу р. Иляк в совр. Файзабадском р-не Таджикской ССР 206, 262

Газна, город в ю.-вост. части Афганистана, в X веке — столица обширного государства Газневидов. Город был разрушен во времена нашествия Чингиз-хана 199

Гангдеж 448, 449, 466—470, 477, 484, **550**, **565**, **571**

Гангдеж-гухт **571**

Герат (ср. перс. hlyw), город в с.-з. части Афганистана в долине реки Хери-руд (др. перс. Havaiva, возможно, связано с санскр. śarat — «цветущая»). Один из древнейших городов Хорасана; согласно мусульманской традиции, его основателем был Александр Македонский. В X в.— один из главных городов государства Саманидов, а впоследствие Газневидов 42

Герче, вообще горная страна; совр. Грузия; область в верховьях Мургаба 200, 261, 356

Гехан 45, **549**

Гилянское (Каспийское) море [Гиляи I, 4513, 4520] 363

Гользериюн, река, по контексту поэмы — Сыр-Дарья, быть может,— одно из ее древних иранских названий (см. Канг), а также область у этой реки 399, 402, 403, 434, 435

Горган, область на ю.-в. побережьи Каспийского моря, в древности Вркана (авест.) — Гиркания, сатрапия, Ахеменидов, в 235 г. до н. э. включена в состав Парфянского государства, в дальнейшем—небольшое самостоятельное царство, подчиненное парфянским владыкам. Впоследствие Горган был прочно завоеван Сасанидами 256

Гуран, область на территории современного Курдистана 354

Гургендж (Ургенч) [II, 16479—16486] 255

Давер, предположительно вблизи Нехавенда (др. Мидия), поскольку там были основные владения рода Каренов 354

Дагуйские степи, области расселения арабских племен (см. Степь копьеносцев) 325, 326

Денбер 36, 511, 512

Дербенд, город в Дагестанской АССР на берегу Каспийского моря. Крепостные сооружения, перегораживающие узкий «дербендский проход»,— наиболее удобный путь из Северного Кавказа в Закавказье — возникли, видимо, еще в I в. н. э. Согласно исторической традиции, постройка знаменитых дербендских стен была осуществлена при сасанидских шахиншахах Каваде и Хосрове Ануширване. Общая протяженность стен, сохранившихся в настоящее время,— 6 км, наибольшая высота — 18—20 м. Название «Дербенд» (перс. дäрбäнд — «закрытый проход») впервые встречается (среди известных в настоя-

щее время источников) в VII в. в «Армянской географии» 262
Дехестан [I, 6292] 256, **257**, 270, 356, 366
Джейхун [I, 9951], средневековое название реки Аму-Дарья 195, 197, 206, 246, 250, 254, 255, 270, 317, 361, 362, 363, 365, 375, 595, 400, 468, 517, **565**

Забул [I, 5057] 17, 97, 151, 175, 188, 190, 354, 505, 506, 511
Зем [I, 13588] 261, 366
Земзем [I, 13588] 489, **568**
Зерех-море [I, 12991, 13060] 448, 449, 464, 467, **571**

Иемен 354
Индия см. Хинд
Иран 9, 13, 22, 30, 31, 48, 50, 54, 56, 58, 65, 67, 68, 71, 72, 74, 77, 78, 81, 88, 94, 97, 107, 115, 120, 123, 127, 132, 133, 138, 146, 155, 156, 159, 160, 166, 167, 169, 170—172, 175, 183, 184, 187—190, 194, 196—198, 200, 203, 205—207, 218, 221, 225, 227, 251, 254, 260, 261, 264, 267, 269, 275, 276, 278, 279, 281, 283, 285, 286, 292, 293, 298, 301, 306, 317, 341, 343, 349, 361, 368, 370, 374, 376, 382, 388, 389, 394, 395, 398, 400—402, 404, 415, 433, 438—440, 442, 443, 450, 453, 458, 462, 468, 479—495, 498, 503, 505, 506, 510, 512, 515—517, 520, 521, 523, 524, 526, 527, 529, 532, 533, 536, **546**, **547**, 548, 550, **551**, 555, 559, **560**, 568
Иранский Азербайджан 557
Исфаган, город в Иране, в древности — Габиена, центр гос-ва Элимаида. В X в.— столица гос-ва Буидов 340, 526

Кабул, современная столица Афганистана, расположена у южных отрогов Гиндукуша. Долина Кабула входила в состав ахеменидской сатрапии Саттаргидия (др. перс. Thatagu), ею владели греко-персидские и кушанские цари. В IV в. Кабул ненадолго был захвачен сасанидскими правителями, с этого времени в источниках впервые засвидетельствовано название Кабула, а затем Кабул попал под власть сначала эфталитских, а потом индийских царей. Прочное завоевание долины Кабула арабами относится лишь к IX в. 19, 505, 506, 511
Канг (Кангюй), крупное государственное образование (III в. до н. э.— IV в. н. э.) на севере Средней Азии, ядро которого составляли кочевники. Кангюй включал в период своего расцвета (конец II — начало I в. до н. э.) районы совр. Ташкент (Чач, Шаш), Хорезм, значительную часть Согда. Центр государства был расположен на средней Сыр-Дарье (в раннем средневековье река Канг, у Фирдоуси—Гользериюн). Впоследствие большая часть областей Кангюя была захвачена эфталитами [II, 5651—5652] 58, 79, 398, 422, 427, 436—438, 447—450, 456, 457, 478, **550**, 565, **570**, **571**
Кандагар [I, 6546] 122, 262
Каннудж [I, 414] 506, 512
Карх (Керха), город на западе Хузистана (Иран) на реке Керха (др. choaspes). В сасанидское время

Карх был крупным городом, и от того времени сохранились развалины сасанидской постройки (Айван-е Керха). В X в.— небольшое базарное селение 355
Касеруд (II, 11857] 293
Каф [I, 13026] 356
Каф-гора, в раннее средневековье — горы Кавказа 262
Кашгарский край 474
Кашмир [I, 421] 60, 76, 200, 255, 262
Кенабед 208—210, 227, 239, 249, 250, 275, 290, 319
Кергесарская земля (Кергесаран) [I, 5236] 147
Керманская земля, область на ю.-в. Ирана 354
Кимак, река, предположительно Иртыш 417
Китай см. Чин
Кользом, море, у мусульманских авторов — название Красного моря 438
Кондов 359, **557**
Кузканан (Гузганан), область в Афганистане на с.-з. от Балха. В X в.— один из важнейших районов Газневидского государства, особое наместничество 261, 364
Кум, древний город, расположенный на ю.-з. от Рея (Иран) 526
Кушан, крупное государственное образование, в начале н. э. включавшее в себя территории Бактрии, Западный и Южный Афганистан и Северную Индию. Во II—III вв. н. э. в состав Кушанской державы входили также и территории Средней Азии — южн. районы Таджикистана и Узбекистана. В Средней Азии находились три города, носившие название Кушания,— Кушан (Касан) в Ферганской долине, Кушания в районе Катта-Кургана на Зеравшане и Кеш (совр. Шахрисябз) на Кашка-Дарье. Источники свидетельствуют и о вхождении в Кушанскую державу Бухарского оазиса. Именно с этой областью и связан по контексту поэмы термин Кушан 7, 21, 60, 66, 401, 546, **548**

Ладен [II, 15289] 215, 218, 226, 292, 527, 559, **561**

Мазендеран [I, 5235] 24, 33, 54, 67, 83, 87, 154, **551**, **552**
Май [I, 5191] 36, 506, 512
Мачин [II] 79, 92, 418, 449, 452, 471
Мекран [I, 12990] 418, 449, 452, 456—464, 470, 471, 474
Мервруд [II, 4311] 475
Мерг [I, 5336] 35, 36, 506, 512

Нил 26, 30, 45, 49, 86, 336, 391, 462
Нимруз [I, 5207] 148, 262, 270, 401, 525, 540
Нишапур, город в северо-западной части Хорасана, его столица в Средневековье. В начале н. э.— столица одного из зависимых от парфянских правителей царств (Абаршахр). В III в. н. э., после завоевания Абаршахра сасанидским шаханшахом Шапуром I, город получил название Нишапур («Новый город» Шапура). В X в. Нишапур — ставка наместника Саманидов (сепахсалара), крупный торговый город, центр производства шелковых и хлопчатобумажных тканей. Во время Газне-

видов — резиденция военачальника 475
Парсийская земля (Парс) [I, 9959, 102776], 353, 476, 489, 490
Пехлевийцы, здесь предположительно парфяне **550**
Пешен (Пишин), древний город, центр Герджистана (верховья Мургаба) 215, 293, 421, **558**, **559**
Полуденный край см. Нимруз

Рей [I, 10926] 66, 354, 476
Рейбед 202, 209, 210, 239, 249, 275, 290, 318, 319
Рум [I, 413] 356, 409, 410, 423, 499, **560**

Саклаб [I, 9381—9382] 21, 37, 41, 61, 57, 81, **549**
Сегзиец 27, 40, 41, 45, **548**
Сегсар [I, 6253] 24
Семенган [II, 92] 357, 391
Сиавушгерд (в переводном тексте Сиавушгорд) 469, 471, **566**, **571**, **572**,
Синд [I, 414] 35, 60, 262, 270, **551**
Синд-река [I, 5191] 21, 76
Систан [I, 5211] 25, 150, 190, 199
Согд [II, 4371, 4400, 4199] 68, 262, 400, 401, 475
Средняя Азия **552**
Степь Копьеносцев [I, 13361] 199, 356
Сурийцы, *суриян*, по-видимому, Асурестан (в древности), в совр. понятии Месопотамия 354

Таджикская ССР **552**
Талкан [II, 4311] 261, 475
Тераз (Тараз) [I, 5395] 73, 364,430
Термез [I I, 4367] 262
Туран 14, 15, 22, 23, 30, 37, 40, 41 45, 48, 65, 66, 71, **75**, 82, 90, **94**, 104, 113—115, 120, 121, **126**, **127**, 130, 131, 133, 135, 138, 144, 146, 148, 150, **151**, **153**, **161**, 165—167, 172, 175, 186, 194, 195, 200, 202, 203, 205, 206, 210, 223, 227, 245, 248, 249, 254, **257**, 262, 264, **265**, 269, 270, 274, 275, 278, 279, **281**, 288, 292, 294, 299, 305, **313**, **318**, 320, 322—324, 326, 335, 340, **349**, 359—361, 363, 366, 369, **374**, **376**, 380, 387, 393, 398, 402, 409, 410, 417, 418, 426, 427, 431, 433, 435, 437, 438, 441, 443—446, 451, 454, 456, 468, 473, **481**, 487, 492, 495—497, 514, 517, 526, **546**, **547**, **551**, **553**, **563**, **571**
Тус 523

Урмия **557**

Фарьяб 261, 397

Хавер, восток 355
Хазарская земля (Хазария), крупное государственное образование на территории прикаспийских и причерноморских степей, созданное в середине VIII в. и объединившее ряд тюркских племен. Государство распалось в X в. 270
Халлох (карлуки), тюркские племена, образовавшие в VIII в. государство, занимавшее территории Семиречья, области Таласа и р. Чу 194, 364
Хамаверан [I, 13063] 527, **567**
Хемавен 527, **569**
Хетлан (Хутталян), область в среднем течении Аму-Дарьи 37, 50, 262
Хенджест 484
Хильменд (Хирменд) [I, 5211] 151

Хинд [I, 414] 21, 26, 37, 41, 56, 60, 61, 66, 199, 209, 255, 262, 349, 423, 499, **547**, **548**, **552**
Хорасан [I] 356, 418, 527
Хорезм [I, 2963—8470] 196, 200, 255, 257, 270, 366, 383, 398, 515
Хотен (Хотан) [I, 9953] 66, 72, 166, 167, 195, 435, 436, 447, 448, 459
Хузийский край (Хузистан), в древности — Сузиана (центр— г. Сузы), область на западе Ирана, в раннем средневековье — экономическое «сердце страны» 354, 475

Чаган, область, соседняя с Хутталем 49, **549**
Чач [I, 3580] 205, 400, 401, 475, **550**
Чин—Китай 7, 8, 24, 41, 45—49, 54, 60, 61, 66, 67, 79, 92, 123, 195, 243, 259, 278, 376, 380, 410, 411, 423, 435, 436, 438, 446—448, 458, 460, 464, 465, 471, 474, 480, 499, 546, **571**
Чин, море [I, 1219] 78, 92

Шавоpан 165, 211, 302, 311, 355, 558
Шехд, гора 60
Шехд, река [II, 15120, 16477] 51
Шиз (Ганзак) **557**
Ширван, область в Азербайджане (р-н Баку). В средние века — владения самостоятельной династии ширван-шахов 34
Шугн (Шугнан), горная область по верхнему течению р. Пяндж (Припамирье) 7, 21, 48, 50, 60, 61, 262

Эндераб, город в горах Гиндукуша 261
Эспepуз [I, 11340] 448

Яворан 302

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Абаев В. А. **572**
Абулькасим 347, **562**
Аве, предводитель из Семенгана в войске Кей-Хосрова 357
Авзерд 529, **569**
Авлад 524, 552
Агрирес, брат Афрасиаба 421, 482, **564, 567**
Агрирес, туранский витязь 365, **563**
Акван-див 97—99, 101—103, 105—108, 110, 136, 177, **552, 553**, 556
Арeш, иранский богатырь 353, 356
Афрасиаб в тексте всюду
Ахваст, туранский богатырь, сын Пешенга 302, 311
Ахриман 32, 49, 100, 111, 119, 126, 130, 142, 144, 145, 147, 164, 170, 210, 232, 234—237, 334, 338, 502, 516, **549**
Ашкбус 25, 82, 96, **548**

Барман 28, 302, 307, **548**
Белый Див 83, 142, 161, 524
Берте 302, 311, 357, **561**
Бехзад **556**
Бахрам 16, 32, 54, 488, 540, **547**, 567
Бид 83, 524
Бижен 29, 56, 68, 69, 71, 79, 84—86, 91, 110, 111, 114, 116—119, 121, 123—125, 127—130, 132, 133, 135, 136, 138—148, 150, 152—155, 161—164, 169, 171—179, 181, 183, 191, 192, 198, 214, 229, 232, 234—238, 241, 242—244, 247, 286, 289, 291, 294, 302, 308, 327—329, 334, 342—345, 354, 511, 520, 523, 528, 533, 535, 540, **549, 554—556, 559, 562**
Борджасп (нарицательное значение: «обладатель высоких коней»), туранский богатырь 213, **559**
Борзевейла, богатырь из рода Афрасиаба 394
Борзин 99, **553**
Буспас 15

Висе 13, 18, 167, 220, 221, 247, 249, 273, 299, 302, 320, 322, 331, 546, **547, 548**
Волгин В. П. **572**
Вуллерс-Нафиси 545

[1] В настоящий указатель внесены краткие справки о лицах, упоминаемых в данном томе впервые.

Геван см. Акван
Гersивез 13, 25, 127, 129, 131, 132, 136, 137, 186, 194, 365, 393—394, 403, 425, 426, 428, 451, 453, 454, 472, 485—487, 489, **547**
Герсиюн (Керсиюн), туранский богатырь 194
Герухан, потомок Кей-Кобада 356
Гершасп 87, 99, **552**, **560**
Гив 23, 29, 48, 52, 61, 73, 79, 83, 84, 86, 91, 95, 99, 116, 117, 120, 123, 128, 132, 134, 135. 139, 140, 142—146, 148—152, 154, 155, 157, 160, 161, 163, 169—171, 188, 189, 195, 198, 202, 206—209, 211, 214, 215, 229, 231, 233—235, 237, 244, 247, 250, 253, 267, 276, 283, 284—288, 291, 294, 305, 328, 329, 337, 354, 357, 361, 366, 404, 412, 440, 443, 445, 451—453, 455, 456, 466, 468—470, 472, 482, 505, 506, 519, 520, 523, 525, 526, 535, 537, 540, **548**, **549**, **556**
Гождехем 120, 198, 211, 357, **555**
Гольбад 13, 15, 22, 28, 42, 52, 78, 194, 213, 302, 304, **547**
Гомер **572**
Горазе 79, 165, 200, 211, 222, 285, 289, 302, 305, 306, **551**
Горгин 29, 95, 99, 114, 117—121, 126, 132, 138—140, 142—145, 152, 153, 162—165, 178, 179, 186, 198, 200, 207, 211, 284, 302, 310, 404, 436, 511, 520, **548**, **555**
Гордгир **564**
Горуй 13, 15, 60, 302, 305, 318, 336, 337, 339, 471, 472, **547**
Гостехем 29, 68, 71, 73, 79, 99, 114, 120, 151, 165, 184, 198, 200, 211, 222, 285, 289, 296, 318, 324, 325, 327, 329—331, 333, 334, 336, 342—345, 357, 366, 388, 401, 405, 407, 423, 457, 472, 474, 497—499, 511, 520, 523, 535, **549**, **562**
Гошвад 23, 114, 128, 139, 157, 171, 200, 207, 302, 355, 436, **547**, **555**
Гудерз 23, 29, 30, 32—34, 37, 40, 46, 48, 71, 73, 85, 91, 95, 96, 99, 102, 114, 132, 135, 145, 149, **150**, 152, 157, 160, 161, 169—171, 192, 214, 215, 218, 223, 224, 228, 230, 232—234, 246, 247, 249, 252, 253, 257—259, 265, 266, 272, 274—276, 279, 280, 283, 287, 290, 291, 295, 300, 301, 303, 305, 307, 309, 312—318, 322, 323, 327, 328, 336—338, 340, 354, 355, 366, 371, 381, 392, 404, 412, 423, 436, 443, 445, 482, 505, 506, 510, 519, 520, 522—527, 533, 535, 538, 540, **547—549**, **559**, 568
Гуран-шах (имя собственное или титул предводителя из Гурана в войске Кей-Хосрова) 354
Гюзальян Л. Т. **572**

Делафруз, иранский богатырь, потомок Кей-Кобада 354
Демур, туранский богатырь, сын Джерентджаса (см. 6953 в томе I) 364
Дестан см. Заль
Дешме см. Тохар
Джебраил 336, 347, **562**
Джемшид (Джем) 83, 344, 356, 417, 421, 477, 495, 501, 502, 518, 532, **552**, **556**
Джереджас (Хереджас), туранский богатырь 364
Джерире **548**, **560**
Джехен 364, 365, 372, 388, 389, 391, 394, 403, 414, 418, 422, 426, 428, 431, 451, 453, 454, 492—499, **563**

Задшем 356, 376, 389, 417, **563**
Заль 19, 41, 70, 96, 104, 109, 134, 151, 155, 180, 194, 354, 438, 471, 505, 506, 509—520, 523—525, 528—530, 533, 535, 538—540, 548, 549
Заль-Зер см. Заль
Захир, предводитель из Степи Копьеносцев в войске Кей-Хосрова 356
Зеваре 19, 155, 159, 211, 223, 284, 357, 392, 548
Зенге 165, 184, 198, 200, 211, 302, 306, 311, 312, 355, 558
Зенголе (Зендерай, Зенделан), брат Афрасиаба 213, 302, 306
Зердушт (Зердошт) 492, 568
Зересп, иранский витязь 392, 564
Зересп 354, 489, 490, 510, 529, 557, **562**, **563**, 568, 569
Зерех 556
Зов 511, **568**
Зохак 83, 292, 421, 495, 501, 502, 518, **551**, **552**, **568**

Иблис 510, **568**
Изед см. Йездан
Иредж 202, 263, 267, 417, 444, 487, 489, 495, **559**, **570**
Иредж, богатырь из Кабула в войске Кей-Хосрова 354
Истекейла (Остокейла), богатырь из рода Афрасиаба 394

Йездан 7, 19, 20, 29, 43, 58, 63, 72—74, 78, 85, 87, 104, 109, 113, 116, 120, 126, 128, 132, 136, 140, 147, 149, 155, 167, 175, 178, 201, 231, 233, 235, 241, 254, 260, 269, 270, 275, 298, 301, 303, 309, 313, 321, 332, 339, 342, 344, 356—348, 360, 379, 385—389, 397, 412, 415, 419, 420, 422, 433, 438, 439, 451, 452, 456, 465, 467, 478, 479, 481—484, 489—491, 495, 498, 500, 501, 505, 507, 510, 513, 515—518, 520, 526, 529, 530, 532, 534, 538, 539, 546, **563**

Каве 212, 223, 248, 253, 296, 353, 374, 388, 519, 527, **552**, **558**, **563**
Кавус см. Кей-Кавус
Какуле, поток Тура 400
Камус 7—10, 12, 17, 24, 27, 32, 35, 44, 50, 54, 58, 65, 66, 76, 78, 82, 546, **553**, **569**
Карахан, сын Афрасиаба 127, 194, 362, 406, **553**
Карен 354, 357, 374, 375, 380, 389, 362, **563**
Кафур 67—70, **551**
Кей-Кавус 60, 116, 134, 157, 198, 256, 267, 339, 371, 377—380, 392, 397—398, 413, 418, 434, 450, 451, 455—457, 468, 474, 476—478, 484, 489, 491, 500, 502, 511, 514, 517, 518, 523, 524, 527, 533, 535, 547, **550**—**552**
Кей-Кобад 224, 267, 354, 356, 378, 415, 511, 525, 527, **551**, **560**, **569**
Кей-Хосров — в тексте всюду
Керкуй 76, **549**
Кетмаре (Гётмаре), иранский богатырь, сын Карена 296
Кехар 54, 45, **549**
Кехейла (богатырь из рода Афрасиаба) 364, 392
Кешверсетан (нарицательное значение: завоеватель стран) предводитель берберийцев в войске Кей-Хосрова 356
Кеюмарс **562**
Кисляков Н. А. **572**
Кобад см. Кей-Кобад
Коборд, туранский богатырь 403

Кондор 34, 44, 76, 549
Конрад Н. И. **572**
Кохрем 302, 311, **561**
Кухкаш 15, **547**

Леххак 13, 213, 269, 282, 283, 287—289, 299, 323, 319, 320, 321, 324—326, 328, 330, 332, 335, 343, 360, 361, 369, **547**
Лохрасп 200, 251, 255, 262, 270, 352, 509, 528—530, 532, 539—541, **559**, 569, **570**

Маршак Б. М. **572**
Махаферид 532, **570**
Махмуд Газневидский 346, 347, 349, **562**
Мениже (Мäниджа, женская форма имени Мäнидж) дочь Афрасиаба III, 120, 121—124, 125, 127, 128, 169, 171, 175, 176, 182, 183
Менучехр 194, 261, 267, 495, 511, 512, 525, 555, **559**, **563**
Менучехр (в переводе также в форме Менучихр) сын Ареша, предводитель из Кабула в войске Кей-Хосрова 356, 393, 403
Менушан, предводитель из Кермана в войске Кей-Хосрова 353, 392, 404, 414, 420, **563**
Меншур 15, 23, 28, 32, 47, 52, 65, **547**
Милад 114, 117, 404, **548**, **555**
Могучий см. Ростем
Моль 558

Наср-бин-Ахмед 347, 348, **562**
Нестихен 13, 28, 52, 78, 246—250, 256, 274, 276, **547**
Нестух 356, 365, **563**
Новзер 120, 157, 198, 267, 377, 388, 421, 456, 457, 472, 482, 487, 505, **555**, 568

Пешенг, сын Афрасиаба см. Шиде
Пешенг 278, 359, 364—365, 367, 369, 379, 381, 384, 385, 421, 438, 515, 517, 518, **563**, **564**
Пешин (Кей-Пешин) 259, 529, **560**, 569
Пильсом 21, **548**
Пиран 7, 8, 15—19, 22—38, 42, 48, 52, 53, 56, 80, 86, 92, 132, 133, 135, 167—169, 183, 184, 192, 194—197, 201—203, 206—208, 212—214, 217—219, 225—227, 231, 248—250, 253—256, 259, 265, 266, 278, 280, 284—287, 290, 291, 293—295, 297, 300, 302—304, 308, 312—315, 317, 319—323, 338, 339, 358, 361, 368, 369, 371, 419—421, 436, **546**, **548**, **559**, **560**, **566**
Пулад 56, 83, **550**
Пуладвенд (Пулад) 80, 81, 83—92, 96, 97, **551—553**
Пушкин А. С. **572**

Рехш 10, 43, 44, 46, 50, 61, 84, 97, 100, 101, 103, 105, 108, 141, 154, 156, 166, 174, 175, 180, 181, 184, 186, **546**
Ривниз 54, **550**
Ростем 7, 9—12, 16—19, 22—24, 26, 29, 33, 35—38, 40—51, 53, 55, 56, 59, 61—72, 74—81, 84—96, 98—101, 103—110, 134, 148, 150—167, 169—173, 177—190, 194—199, 215, 218, 250, 352—354, 361, 366, 376, 381, 392, 401, 406—408, 411, 413, 423, 426, 438, 440, 441, 443, 445, 450, 471, 472, 505, 506, 509—512, 519, 520, 523, 524, 533, 535, 538, 540, **546—549**, **551**, **553**, **554**, **556**, **570**
Роххам 29, 48, 73, 84—86, 91, 95, 99, 151, 165, 184, 186, 198, 200, 207,

220—222, 226, 302, 307, 308, 317, 354, 381, 384—386, 404, **548**
Рушн 24, 56, 194, 213, 265, 266, 269, 273, 285, 294, 302, 308, 360, 361, **559**

Саве 43, 44, **550**
Сам 33, 87, 104, 109, 134, 151, 533, 539, **549**
Себбах, предводитель из Йемена в войске Кей-Хосрова 354
Сельм 263, 267, 489, 500, **560**
Сендже 524 (см. том I)
Сепехром 213, 302, 309, **559**
Сиавуш 13, 15—17, 19—21, 25, 26, 29, 33, 46, 60, 92, 113, 123, 134, 144, 154, 181, 203, 204, 223, 230, 231, 234, 236, 242, 268, 269, 271, 292, 300—302, 316, 318, 338, 340, 361, 367, 371, 372, 376, 377, 379, 382, 415, 419, 420, 431, 438, 440, 457, 467, 472, 477, 482, 487, 490, 491, 494, 511, 512, 517, 532, **547**, 548, **556**, **560**, **564**, 565, **571**
Симорг 141, 160, 556
Сиямек, туранский богатырь 302, 305
Соруш 103, 417, 485, 508, 531, 535, **554**
Сохраб 524, **546**, **569**
Стариков А. А. 5, 545, **572**

Тахмурес 117, 167, 344, 552, **555**
Тежав **547**
Техмасп, отец Зова 511
Товорг, туранский богатырь 391, 400
Тохар, потомок Дешме, предводитель из Дехестана в войске Кей-Хосрова 356, 461
Тур 13, 32, 70, 71, 185, 223, 239, 263, 267, 278, 376, 377, 400, 415, 417, 420, 475, 489, 495, 496, 500, 518, 532, **547**
Тус 23, 29, 33, 51, 53, 56, 57, 61, 71, 73, 79, 80, 83, 84, 86, 95, 99, 102, 114, 120, 134, 152, 157, 160, 191—198, 201, 256, 257, 279, 295, 357, 404, 441, 443, 445, 498, 505, 510, 519, 523, 524, 527, 534, 535, **548**, **556**

Ферамарз 19, 154, 155, 156, 159, **548**, **559**
Фергар, туранский богатырь 76, 79
Ференгис 20, 29, **548**, **566**
Фериборз 29, 32, 34, 59, 60, 62, 65, 67, 79, 85, 95, 114, 161, 198, 211, 223, 226, 295, 302, 304, 355, 393, 404, 412, 523, 533, 535, 536, **549**
Феридун 70, 83, 202, 263, 267, 295, 349, 356, 359, 417, 419, 437, 438, 475, 477, 482, 494—496, 514, 517, 527, 534, 540, **549**, **551**, **552**, **557**, **559**, **560**, **564**, **568**
Фертус 32, 52, **549**
Ферхад 95, 114, 141, 152, 157, 161, 165, 186, 198, 200, 207, 233, 283, 295, 355, 436, **553**
Фершидверд 13, 22, 78, 194, 213, 282—284, 287—289, 299, 319, 320, 321, 323, 324—326, 328, 330, 331, 335, 343, 360, 361, 369, 371, **547**
Фирдоуси **548**, **553**, **557**, **571**
Фируз (нарицательное значение «победоносный»), предводитель из Герче в войске Кей-Хосрова 356
Форуд 232, **546**, **560**
Форухель (Форудех), иранский богатырь 211, 222, 302, 306, 307

Харут 112, **554**
Хеджир 68, 211, 251, 252, 258, 283, 285, 289, 302, 308, 355, 404, **551**, **560**
Хомай 122, 319, **561**

Хоррад 29, 99, 114, 200, 520, **549**
Хосров см. Кей-Хосров
Хузан, предводитель хузийцев в войске Кей-Хосрова 353, 392, 404, **563**
Хум (Хом), в «Авесте» — гений волшебного напитка; здесь — иранец-отшельник, потомок Феридуна 479—484, 487
Хуман 7, 11—16, 22, 24, 28, 36, 53, 56, 78, 86, 102, 184, 194, 213, 217—224, 226—230, 232, 233, 235, 238, 239, 241, 242—245, 248, 250, 274, 275, 294, 360, 369, **546**, **547**, **559**
Хушенг 344, **562**

Ченгеш, богатырь из Чина 9—11

Шапур 114, 152, 161, **555**
Шахейла, богатырь из рода Афрасиаба 394
Шейдуш 73, 79, 198, 200, 212, 296, 355, 404, **551**
Шеммах, предводитель сурийцев в войске Кей-Хосрова 251, 354, 391
Шенголь 14, 23, 26, 28, 35, 36, 40, 41, 76, **547**
Шиде 76, 78, 90, 194, 196, 197, 255, 270, 364, 370, 372, 374—376, 378—382, 384—388, 438, **563**

Элак (Эйла), сын Афрасиаба 364
Эндериман 213, 289, 302, 310, 320, **559**
Эрджасп 213, **559**
Эрженг 136, **556**
Эшкеш 165, 180, 184, 186, 198, 200, 251, 255, 257, 262, 270, 352, 366, 463, 470, **558**

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абан 158, **557**
«Авеста» 359, 473, 479, 536, **557**, 563, **567**
Азер 158, **558**
Азергошесп 490, **557**, **568**
Акванов камень, утес 136, 177, 554, **556**
Аркан (кеменд) 568
«Арус» 523, **569**

«Бадаверд» 522, **569**
Бадахшанский рубин 405
Берберийская парча 96
Бехмен 282, **557**
Бехрам 111, 147, 158, 554, **558**
Брахман 83, **552**
Бычьеглавая булава 40, 549

Везир 114, 159, 165, 167, 502, 504
Венера см. Нахид

Гильский (Гилянский) щит 355, **567**
Гошвадов конь **556**

Дастан 96, **553**
Дебир 80, 252, 258, 260, 266, 273, 454, 496, 525, **552**
Дей 158, **557**
Дехкан 7, 99, **546**

Див 17, 69, 77, 82, 94, 96, 99, 100, 107, 117, 260, 289, 305, 308, 339, 371, 378, 387, 505, 506, 514, 516, 517, 518, 524, **547**, **554**
Динар 61, 165, 199, 204, 258, 274, 348, 350, 433, 447, 454, 470, 472, 474, 475, **551**

«Зенд-Авеста» см. «Авеста»
Зодиак 147

Йеменский рубин 114

Исфенд-Хормоз 158, 471, **557**, 567, **572**

Кабульский меч; булат 19, 71, 200, 262, 354, 505, 506, 511, 520
Кавеянский стяг (знамя) 84, 211, 212, 223, 249, 253, 296, 320, 353, 443, 462, 519, 527, **552**
Кангские утесы 371
Кафур 338, 348, 386, 492, **551**
Кейван 59, 111, 147, **550**, **554**
Кеяниды (кеи, кеянский венец) 134, 147, 149, 159, 202, 358, 455, 499, 514, 528, 529, **550**, **556**
Лал 159, 160, **550**
Ладенская битва 329

Марс см. Бехрам
Меркурий см. Тир
Мехр 540, 541, 549, 570
Миль 355, 549, 563
Мобед 26, 82, 155, 298, 475, 506, 548
Мордад 557
Моштери 550, 523, 561, 562

Нахид 147, 556
Новбехар 558
Новруз 144, 146, 211, 556

Овна созвездие 147, 211, 355, 366, 391
Огня храм 153, 475, 478, 484, 489, 503, 534, 557
Онагр 86, 99, 108, 117, 142, 145, 231, 325, 435, 465, 526, 550, 552
Орд 471, 567, 572
Ордебехешт 158, 557

Панцирь из шкуры тигра 16, 25, 82, 547
Плеяд созвездие см. Сорейя
Пери 120, 122, 124, 130, 247, 272, 411, 435, 555
Пехлеви, пехлевийский 96, 107, 113, 353, 553

Рака созвездие 389
Раш 355, 562, 563
Робаб 83, 128, 399, 552
Руд 74, 94, 96, 99, 122, 125, 126, 128, 156, 471, 475, 498, 551
Румийская кольчуга 177, 229
Румийская мантия, одеяние 122, 248
Румийская палица 383
Румийская парча 147, 191, 339
Румийские клинки, булат 204, 290
Румийские цепи 137
Румийские рабы 109
Румийские шлемы 342, 381
Рыба 147, 556

Саларбар 414, 506, 508, 565
Сатурн см. Кейван
Семь стран земли 115, 555
Сиавушева броня 233, 236, 243, 560
Сипехбед 18, 19, 21, 89, 525, 548
Сорейя 565

Тельца созвездие 388
Тигровая шкура см. Панцирь из шкуры тигра
Тир III, 147, 158, 554, 558
Туранское (тюркское) наречие, слова 89, 221, 552

Урочище празднеств 121

Фагфур 410, 435, 446, 447, 457, 458, 460, 471, 565
Фарсанг 60, 89, 110, 330, 402, 403, 408, 409, 412, 437, 438, 466, 550
Фервердин 146, 158, 557

Хакан 7—9, 11, 14, 16, 24, 26, 28, 35, 40, 47, 48, 50, 58, 65, 66, 76—78, 149, 435, 446, 457, 458, 459, 471, 546, 547, 550, 551, 553
Хиндский меч 42
Хордад 158, 557
Хормоз 146, 147, 153, 158, 397, 557, 565

Чачийский лук 48, 550
Чаша волшебная 146, 147, 556
Ченг 83, 112, 114, 125, 128, 259, 411, 552
Човган 332, 561, 562

Шенбелид 45, 91, 179, 464, 550
Шехрир (Шехривер) 158, 557
Шиз, дерево 54, 550

Эбен 290, 319, 404, 549

Юпитер см. Моштери

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

Кей-Хосров 7

Сказ о битве Ростема с хаканом Чина 7

Хакан узнает о гибели Камуса 7
Битва Ченгеша с Ростемом 9
Хакан посылает Хумана к Ростему 11
Пиран совещается с Хуманом и хаканом 16
Встреча Пирана с Ростемом 18
Туранцы держат военный совет 23
Ростем говорит со своим войском 29
Иранцы и туранцы строят свои войска 34
Ростем укоряет Пирана 36
Начало сражения 38
Битва Шенголя с Ростемом 40
Битва Ростема с Саве 43
Ростем повергает Кехара геханского 45
Гибель хакана 47
Поражение туранского войска 52
Ростем делит добычу 53
Послание Ростема Кей-Хосрову 59
Ответное послание Кей-Хосрова Ростему 62
Афрасиаб узнает о поражении своих войск 65
Битва Ростема с людоедом Кафуром 67
Афрасиаб узнает о приближении Ростема 74
Послание Афрасиаба Пуладвенду 80
Битва Пуладвенда с Гивом и Тусом 83

Битва Ростема с Пуладвендом 85
Ростем борется с Пуладвендом 89
Афрасиаб бежит от Ростема 92
Возвращение Ростема к Кей-Хосрову 94

Сказ о битве Ростема с Акван-дивом 98
Хосров призывает Ростема сразиться с Акван-дивом 99
Ростем преследует дива 100
Акван-див бросает Ростема в реку 101
Появление Афрасиаба и битва Ростема с Акван-дивом 105
Возвращение Ростема в Иран 107

Сказ о Бижене и Мениже 111
Арманы прибегают к защите Кей-Хосрова 113
Бижен отправляется биться с вепрями 117
Горгин искушает Бижена 119
Бижен направляется к Мениже 121
Бижен в шатре у Мениже 124
Мениже велит перенести Бижена в свой покой 125
Герсивез приводит Бижена к Афрасиабу 127
Пиран просит Афрасиаба помиловать Бижена 132
Афрасиаб заточает Бижена 136
Возвращение Горгина в Иран 138
Гив жалуется Кей-Хосрову на Горгина 143
Кей-Хосров видит Бижена в волшебной чаше 147
Послание Кей-Хосрова Ростему 148
Гив доставляет послание Кей-Хосрова Ростему 150
Ростем устраивает пир для Гива 154
Прибытие Ростема к Кей-Хосрову 156
Кей-Хосров пирует с богатырями 159
Ростем испрашивает Горгину царское прощение 162
Ростем готовится к походу 164
Поход Ростема в Хотен 166
Мениже приходит к Ростему 169
Бижен узнает о прибытии Ростема 172
Ростем освобождает Бижена 177
Ночное нападение Ростема на дворец Афрасиаба 180
Афрасиаб сражается против Ростема 182
Поражение Афрасиаба в битве с Ростемом 185
Возвращение Ростема к Кей-Хосрову 187
Кей-Хосров устраивает празднество 189

Сказ о двенадцати поединках 193
Афрасиаб созывает войска 194
Кей-Хосров посылает Гудерза воевать против туранцев 197
Гудерз посылает Гива к Пирану 202
Прибытие Гива в Висегерд к Пирану 206
Два войска строятся на поле сражения 208
Бижен просит у Гива дозволения сразиться 214
Хуман просит у Пирана дозволения сразиться 217
Хуман вызывает на бой Роххама 220
Хуман вызывает на бой Фериборза 223
Хуман вызывает на бой Гудерза 224
Бижен узнает о поступках Хумана 229
Гив вручает Бижену панцирь Сиавуша 234
Хуман выходит на битву с Биженом 238
Гибель Хумана от руки Бижена. 241
Ночное нападение Нестихена 246
Гудерз просит помощи у Кей-Хосрова 249
Ответ Кей-Хосрова на послание Гудерза 253
Поход Кей-Хосрова 257
Послание Пирана Гудерзу 259
Ответ Гудерза на послание Пирана 266
Пиран просит подкрепления у Афрасиаба 274
Ответ Афрасиаба Пирану 278
Сражение иранцев с туранцами 281
Бой Гива с Пираном 285
Пиран и Гудерз договариваются о поединках одиннадцати богатырей 290
Пиран говорит со своими витязями 297
Гудерз и Пиран выбирают богатырей для одиннадцати поединков 300
Битва Фериборза с Гольбадом 304
Битва Гива с Горуй-Зерехом 305
Битва Сиямека с Горазе 305
Битва Форухеля с Зенголе 306
Битва Роххама с Барманом 307
Битва Бижена с Руином 308
Битва Хеджира с Сепехромом 309
Битва Горгина с Эндериманом 310
Битва Берте с Кохремом 311
Битва Зенге с Ахвастом 311
Битва Гудерза с Пираном 312
Гудерз возвращается к иранскому войску 316

Леххак и Фершидверд оплакивают Пирана 319
Бегство Леххака и Фершидверда 323
Гостехем преследует Леххака и Фершидверда 325
Бижен догоняет Гостехема 328
Битва Гостехема с Леххаком и Фершидвердом 330
Бижен находит Гостехема 333
Кей-Хосров хоронит Пирана и туранских вождей и казнит Горуй-Зереха 336
Туранское войско сдается Кей-Хосрову 340
Бижен возвращается с Гостехемом 343
Великая война Кей-Хосрова с Афрасиабом 346
Восхваление султана Махмуда 346
Кей-Хосров и Афрасиаб собирают войска 352
Афрасиаб узнает о гибели Пирана и о походе Кей-Хосрова . . . 358
Кей-Хосров узнает о походе Афрасиаба 365
Пешенг приходит к отцу своему Афрасиабу 367
Послание Афрасиаба Кей-Хосрову 370
Ответ Кей-Хосрова Афрасиабу 375
Битва Кей-Хосрова с Шиде (Пешенгом) 380
Гибель Шиде от руки Кей-Хосрова 385
Сражение иранцев с туранцами 388
Бегство Афрасиаба 395
Кей-Хосров пишет Кей-Кавусу победное посланпе 397
Афрасиаб прибывает в Канг 398
Кей-Хосров переправляется через Джейхун 400
Вторая битва войска Кей-Хосрова с войском Афрасиаба 403
Афрасиаб укрывается в Бехештканге 405
Послание Афрасиаба фагфуру Чина 410
Кей-Хосров осаждает Бехештканг 411
Джехен прибывает к Кей-Хосрову с посланием от Афрасиаба . . . 414
Ответ Кей-Хосрова Джехену 418
Третья битва войска Кей-Хосрова с войском Афрасиаба и взятие Бехештканга 422
Бегство Афрасиаба из Канга 427
Кей-Хосров дарует помилование близким Афрасиаба 428
Кей-Хосров поучает иранцев 432
Победное послание Кей-Хосрова Кей-Кавусу 434
Кей-Хосров узнает о походе Афрасиаба с войском фагфура 435
Послание Афрасиаба Кей-Хосрову 438
Четвертая битва иранцев с туранцами 440
Ночное нападение войска Афрасиаба на стан Кей-Хосрова . . . 442

Посольство фагфура к Кей-Хосрову 446
Афрасиаб переправляется через Зерех-море 448
Кей-Хосров посылает пленников и добычу Кей-Кавусу 450
Ответ Кей-Кавуса на послание Кей-Хосрова 455
Посольства Кей-Хосрова к владыкам Чина и Мекрана 457
Битва Кей-Хосрова с владыкой Мекрана 460
Кей-Хосров переправляется через Зерех-море 464
Прибытие Кей-Хосрова в Гангдеж 467
Возвращение Кей-Хосрова из Гангдежа в Сиавушгерд 469
Возвращение Кей-Хосрова в Иран 474
Прибытие Кей-Хосрова к деду 476
Пленение Афрасиаба потомком Феридуна Хумом 479
Афрасиаб ускользает из рук Хума 481
Кей-Кавус и Кей-Хосров прибывают к Хуму 484
Второе пленение Афрасиаба и гибель его 487
Возвращение Кей-Кавуса и Кей-Хосрова в Парс 489
Смерть Кей-Кавуса 491
Кей-Хосров освобождает Джехена и передает ему туранское царство 492
Кей-Хосров охладевает к жизни 499
Витязи допытываются о причинах поступков Кей-Хосрова . . . 502
Иранцы призывают Заля и Ростема 505
Кей-Хосров видит во сне Соруша 508
Заль увещевает Кей-Хосрова 509
Ответ Кей-Хосрова Залю 512
Заль укоряет Кей-Хосрова 514
Ответ Кей-Хосрова и раскаяние Заля 516
Поучение Кей-Хосрова иранцам 519
Заветы Кей-Хосрова Гудерзу 522
Заль просит у Кей-Хосрова княжескую грамоту для Ростема . . 524
Кей-Хосров вручает княжескую грамоту Гиву 525
Кей-Хосров вручает княжескую грамоту Тусу 527
Кей-Хосров передает царствование Лохраспу 528
Кей-Хосров прощается с женами 531
Исчезновение Кей-Хосрова 533
Гибель богатырей в снегу 536
Лохрасп узнает об исчезновении Кей-Хосрова 539

ПРИЛОЖЕНИЯ

Комментарии 545
От переводчика 571
Аннотированный географический указатель 573
Именной указатель 579
Предметный указатель 585

А. Фирдоуси «Шахнаме», том III

Утверждено к печати Редколлегией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства *Д. П. Лбова*
Технический редактор *С. Г. Тихомирова*

Сдано в набор 19/III 1965 г. Подписано к печати 10/IV 1965 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Печ. л. 37+8 вкл. Усл. печ. л. 43,29. +8 вкл.
Уч.-изд. л. 29,9(29,4+0,5 вкл.). Изд. № 4718/65
Тираж 6200. Тип. зак. № 2191

Цена 1 р. 98 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
108	12 св.	венца	венцов
261	1 сн.	реками	градами
352	Подпись под вклейкой	(Начало сказа «Великая война Кей-Хосрова с Афрасиабом)	(Начало сказа о царствовании Кей-Хосрова)
484	1 сн.	Кангдеж	Гангдеж
495	9 сн.	встретишь	встретит
518	12 сн.	попался	попал я
531	10 сн.	горной	горней
569	5 сн.	логичен,	логичен.
592	6 сн.	Тип. зак. № 2191	Тип. зак. № 2191. Св. худ. темплан 1965 № 923

ФИРДОУСИ · ШАХНАМЕ

ФИРДОУСИ
ШАХНАМЕ

1 руб. 98 коп.